АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ им. Н. Я. МАРРА

В. Г. БОГОРАЗ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКУ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Подготовили к печати
Г. А. Меновщиков и *Е. С. Рубцова*
С приложением таблиц склонения имен и спряжения глаголов
в современном языке азиатских эскимосов, составленных
Г. А. Меновщиковым

Под редакцией
И. С. ВДОВИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1949

АННОТАЦИЯ

Очерк грамматики языка азиатских эскимосов, как и другие материалы по этому языку, вошедшие в настоящее издание, были собраны В. Г. Богоразом в 1901 г. С тех пор прошло почти 50 лет. Некоторые данные, характеризующие расселение, численность, занятия, положение азиатских эскимосов, о чем автор говорит во введении, хотя и устарели, но не потеряли историко-этнографического значения.

Помимо подробного описания морфологии языка азиатских эскимосов, В. Г. Богораз делает ряд экскурсов в область синтаксиса, пытаясь проникнуть в сущность строя речи азиатских эскимосов, что представляет большой научно-практический интерес.

Очерк грамматики языка азиатских эскимосов публикуется в том виде, в каком он был подготовлен автором. Внесены только самые необходимые мелкие поправки.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

I

Владимир Германович Богораз[1] (1865—1936) — основоположник изучения чукотского, корякского, ительменского и эскимосского языков. До него об этих языках были лишь отдельные отрывочные и неточные записи, в основном словарного характера.

Научная деятельность В. Г. Богораза как лингвиста и этнографа началась в 1890 г., когда он был сослан на десять лет в Колымский округ Якутской области за активное участие в деятельности партии „Народная воля". На Колыме В. Г. Богораз изучал быт и языки местных народностей: чукоч и эвэнов (ламутов), а также русского северного населения. Почти три года (1895—1897) В. Г. Богораз провел среди чукоч и эвэнов, будучи привлечен в качестве этнографа в Якутскую экспедицию 1894—1896 гг., снаряженную на средства И. М. Сибирякова. В этой экспедиции В. Г. Богораз проявил себя как очень тонкий, наблюдательный и осторожный в выводах исследователь. Не имея специальной лингвистической подготовки, почти никаких пособий по языкознанию, он очень быстро освоил чукотский и эвэнский языки, так что уже через восемь месяцев мог вести этнографическую работу без помощи переводчика. Вот что писал В. Г. Богораз в письме от 15 сентября 1895 г. в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества: „Вследствие неимения сколько-нибудь порядочного переводчика как для чукотского, так и для ламутского языка мне пришлось направить главное старание на то, чтобы выучиться хоть сколько-нибудь разговаривать с представителями этих племен без посредства других лиц. По-чукотски я до известной степени выучился, если не говорить, то, по крайней мере, понимать чужую речь и в настоящее время все-таки мог бы вести среди чукотского племени этнографические исследования, не очень затрудняясь способами выражения и не нуждаясь в пе-

[1] Более подробные биографические сведения о В. Г. Богоразе см. в Сб. статей памяти В. Г. Богораза. АН СССР, М.—Л., 1937.

реводчике, тем более, что русские переводчики на Колыме владеют чукотским языком не лучше меня".[1] Сообщая далее в этом же письме о том, что он составил „грамматику чукотского языка" и собрал около трех с половиной тысяч слов для словаря чукотского языка, В. Г. Богораз писал: „Словарь нуждается, однако, в окончательной поверке произношения и правописания. Кстати сказать, при установлении правописания мне встречались большие затруднения. Как чукотский, так и ламутский языки изобилуют такими гласными и согласными звуками, для которых оказались совершенно недостаточными знаки, установленные, например, Кастреном[2] для тунгусского или Бётлингом[3] для якутского языка. (Других работ по изучению азиатских языков у меня не имеется.) Мне пришлось ввести довольно значительное количество новых знаков, причем, стараясь упростить правописание, я несколько раз изменял систему, что приводило за собой много излишнего переписывания и поправок. То же самое должен сказать и о системе долгих, коротких и немых гласных". Отказавшись от переводчика, В. Г. Богораз всецело положился на свои силы. Записывая чукотский фольклор, он упорно и настойчиво изучал все встречающиеся новые формы, преодолевая морфологические, синтаксические и фонетические трудности, осложненные инкорпоративным строем чукотского языка. В. Г. Богораз в том же письме писал: „грамматическое изучение чукотского языка затрудняется еще и тем, что он в значительной степени принадлежит к числу языков синтезирующих и сливает вместе то подлежащее с сказуемым, то определение с определяемым словом, то глагол с дополнением к нему".

В то же время В. Г. Богораз записал от местного русского населения значительное количество русских народных песен, былин, сказок, пословиц, загадок, скороговорок. Уже в 1896 г. три записанные им былины были опубликованы в „Этнографическом обозрении" № 2—3 В. Ф. Миллером.[4]

В 1898 г. благодаря ходатайству Академии Наук В. Г. Богоразу было разрешено возвратиться из ссылки. В Петербурге он стал научным сотрудником Музея антропологии и этнографии Акаде-

---

[1] Иркутский областной музей. Библиотека ВСОРГО, Рукописный отдел, № (82) 8. В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз. Различная переписка 1894—1896 гг. Письмо № 1.

[2] М. А. Кастрен (1813—1852) — известный лингвист и этнограф. По поручению Российской Академии Наук путешествовал по Сибири с целью изучения языков народов Сибири. Он составил ряд грамматик и словарей, в том числе грамматику и словарь тунгусского языка.

[3] О. Н. Бётлинг (1815—1904) — академик, санскритолог, который, однако, занимался и якутским языком. Ему принадлежит трехтомная работа „Язык якутов" на немецком яз. СПб, 1849—1851.

[4] В. Ф. Миллер (1848—1913) — русский ученый, академик, языковед и этнограф-фольклорист, много занимавшийся русским языком и словесностью.

мии Наук. В 1899 г. В. Г. Богораз представил через академика К. Г. Залемана на рассмотрение историко-филологического отделения Академии Наук „Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора". Представленные им „Образцы" получили высокую оценку и были изданы на средства Академии. В 1901 г. Академией Наук были также изданы его „Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе". В предисловии к названным материалам акад. К. Г. Залеман, которому было поручено редактирование, писал: „Убедившись из представленных В. Г. Богоразом „Образцов" в высоких научных достоинствах его исследований среди чукчей, Историко-филологическое отделение в заседании 7/19 апреля 1899 г. постановило издать на средства Академии его „Материалы"... Остается надеяться, что В. Г. Богоразу удастся пополнить и расширить свои коллекции по возвращении из вторичной поездки, окончить столь удачно начатое дело изданием словаря и грамматики. Таким образом, слава первого научного исследователя чукотского языка навсегда будет связана с его именем". „Материалы по изучению чукотского языка и фольклора" В. Г. Богораза являются и по настоящее время образцом научного издания фольклорных текстов: рядом с записью национального текста, отличающегося исключительной точностью передачи грамматических форм и фонетики чукотского языка, дан подстрочный дословный перевод на русский язык. Кроме того, все тексты снабжены подробными и обстоятельными как лингвистическими, так и этнографическими примечаниями, значительно облегчающими понимание текстов.

Таким образом, В. Г. Богораз к этому времени зарекомендовал себя как лингвист и этнограф, и когда организатор Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа антрополог и лингвист Франц Боас обратился в Петербургскую Академию Наук к академику В. В. Радлову с просьбой указать лиц, которые могли бы заняться изучением племен северо-востока Сибири, то академик В. В. Радлов одним из первых назвал имя В. Г. Богораза, как знатока языков и этнографии племен северо-востока Азии. Так В. Г. Богораз стал руководителем Анадырского отряда Северо-Тихоокеанской экспедиции 1900—1901 гг.

В течение 1900—1901 гг. В. Г. Богораз путешествовал с целью изучения этнографии и языков населения полуострова Камчатки, Прианадырья и Чукотки. Во время этой экспедиции он изучал ительменов (камчадалов), коряков, чукоч и азиатских эскимосов. Результаты трудов В. Г. Богораза были опубликованы в разное время: в 1910 г. „Материалы для изучения языка азиатских эскимосов", в 1913 г. „Эскимосы Сибири", в 1917 г. „Фольклорные тексты и словарь корякского языка", в 1922 г. „Грамматика чукотского языка в сопоставлении с языками корякским и ительменским (камчадальским)." В данной ра-

боте впервые была научно доказана близость этих трех языков.[1]

В 1918 г. В. Г. Богораз возобновил свою работу в Музее антропологии и этнографии Академии Наук. Примерно с этого времени начинается его научная и общественная работа, связанная с советским Севером. С 1919 г. В. Г. Богораз — профессор этнографии сначала в Географическом институте, а после того, как Географический институт был слит с Ленинградским университетом, — в последнем.

В. Г. Богораз был одним из инициаторов создания Комитета содействия малым народностям северных окраин при президиуме ВЦИК СССР, деятельным членом которого он и состоял с момента организации (1924 г.).

В 1925 г. В. Г. Богораз состоял профессором этнографического отделения Географического факультета ЛГУ и несколько позже профессором Ленинградского историко-лингвистического института.

Как организатор и прекрасный знаток Севера, В. Г. Богораз сыграл важную роль в создании Института народов Севера — первого специального учебного заведения для народов Севера.

С 1930 г. В. Г. Богораз был действительным членом Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и профессором Северного отделения Педагогического института им. А. И. Герцена. С того же времени В. Г. Богораз принимал активное участие в деле создания письменности для ранее бесписьменных языков народов Севера. Им проделана значительная работа по развитию письменности на чукотском языке: составлен алфавит, первый букварь „Čelgь-kalekal" („Красная грамота") сделан также ряд переводов на чукотский язык политических брошюр.[2]

В. Г. Богораз был не только ученым, но и прекрасным педагогом, умевшим воспитать у своих многочисленных учеников любовь к изучению языков и этнографии народов Севера. В. Г. Богораз не был кабинетным ученым, он всегда стремился увязать свои научные занятия с практическими задачами советского и культурного строительства на Севере, он был патриотом культурного развития советского Севера.

В прошлом культурно отсталые народности Севера не имели письменности и поэтому не сохранили многих фак-

[1] Подробные библиографические указания см. в приложении (стр. 252) „Список лингвистических работ В. Г. Богораза". Довольно полная „Библиография этнографических и лингвистических работ В. Г. Богораза" дана в статье И. Н. Винникова („Советская этнография", 1935, № 4—5, стр. 225—241).

[2] Еще в 1927 г. В. Г. Богораз совместно с С. Н. Стебницким составил букварь для северных народностей на русском языке; букварь построен на материале из жизни народностей Севера и северной природы. „Букварь для северных народностей". Составили проф. В. Г. Богораз и С. Н. Стебницкий. М., 1927, Центросовнацмен Наркомпроса РСФСР и Комитет содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК.

тов своей древней истории. Одновременное и всестороннее изучение этнографии и языков народностей Севера, по справедливому замечанию В. Г. Богораза, может в известной степени восполнить этот большой пробел для воссоздания истории развития культуры этих народов. Поэтому В. Г. Богораз требовал глубокого и внимательного изучения языков народностей Севера, как источника для изучения их прошлой истории.

„Язык, — писал В. Г. Богораз, — является не только орудием для общения с туземцами без посредства переводчиков, часто небрежных и невежественных, он составляет лучшее средство для познания самой народности — средство безошибочное и точное, ибо из каждой фразы, даже из каждой отдельной формы, можно извлечь драгоценные подробности, относящиеся к производственным стадиям, социальным институтам и связанной с ними идеологии".[1]

Изучение языков народностей Севера не являлось для В. Г. Богораза главной целью. Он был прежде всего этнограф. Однако всестороннее этнографическое изучение требовало знания языка. Уже первые полевые исследования убедили его в том, что этнограф, изучающий малоизвестную народность, должен знать язык этой народности, он должен быть этнографом-лингвистом. Без знания языка невозможно было изучение фольклора как этнографического источника, также невозможно было изучить детали и специфические особенности общественного строя, норм брачных отношений, религиозных представлений, идеологии. Однако подчиненная роль языка этнографическому исследованию не дала возможности В. Г. Богоразу углубить и расширить изучение чукотского, эскимосского и других языков народностей Севера. Поэтому о синтаксисе как эскимосского, так и других языков народностей Севера В. Г. Богоразом были сделаны лишь общие замечания. Необходимо все же отметить, что ему удалось установить основные особенности строя этих языков, чем он значительно превзошел американских лингвистов-этнологов, изучавших языки племен северо-западной Америки и Аляски, которые дальше формального описания фонетики и морфологии не шли. В. Г. Богораз весьма отчетливо проследил инкорпорацию в чукотском языке, специфику конструкции предложения с переходным и непереходным глаголами, полисинтетизм в эскимосском языке, отметил и показал на языковом материале отсутствие четкой дифференциации между частями речи в этом языке: между именем и глаголом, между прилагательным и существительным, причастием и прилагательным.

Развивающееся языковое строительство на Севере требует все более углубленного изучения не только фонетики, морфо-

---

[1] В. Г. Богораз. Л. Я. Штернберг как фольклорист. Сборник памяти Л. Я. Штернберга, АН СССР, Л., 1930, стр. 85.

логии, лексики языков народностей Севера, но, в первую очередь, синтаксиса, что и делается сейчас научными сотрудниками Кабинета северных языков Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР и профессорско-преподавательским составом языковых кафедр Северного факультета Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова.

II

Российская Академия Наук уже через 8 лет после ее основания (в 1733 г.) приняла участие во второй камчатской экспедиции, в программу которой входило также всестороннее изучение Сибири. В результате этой экспедиции С. П. Крашенинниковым был написан монументальный труд „Описание земли Камчатки". В этом сочинении автор уделяет много внимания языковым особенностям описываемых им народностей: ительменов (камчадалов), коряков, айнов и др. С. П. Крашенинниковым создаются первые краткие словари языков этих народностей в соответствии с уровнем и требованиями науки той эпохи. Начиная с этого времени, Российская Академия Наук неустанно ведет работу по собиранию данных о языках народов, населяющих территорию Российского государства, уделяя значительное внимание народам Севера Сибири. Уже в „Сравнительном словаре всех языков и наречий" П. С. Палласа (1787 г.) приводятся слова чукотского, корякского, юкагирского, ительменского и других языков народов Сибири, но слов языка эскимосского в нем еще нет.

Вообще сведения об азиатских эскимосах во второй половине XVII и в первой половине XVIII вв. весьма неопределенны. Также не совсем ясны и границы их расселения. В исторических документах того времени все население чукотского полуострова называлось чукчами или „чухчами". При этом, однако, различались чукчи оленные, т. е. собственно чукчи, сидячие или пешие, под которыми понимали и чукоч и эскимосов, а также чукчи „зубатые", т. е. эскимосы. Название „зубатые чукчи" произошло от украшений из моржового клыка или камня, которые эскимосы носили в прорезах нижней губы и в щеках.[1] Название „сидячие" или „пешие" чукчи, как уже сказано выше, относилось и к чукчам и к эскимосам. Тем не менее, по материалам архивных документов, на основании характеристики хозяйственных занятий, указаний на расселение, можно определить, в известной степени более или менее точно, где речь идет о чукчах, где об эскимосах. Первое упоминание об эскимосах относится к 1655 г., когда Семен Дежнев сообщал якутскому воеводе о своем плавании из устья р. Колымы вокруг Чукотского полуострова, где писал: „а против того

[1] Подробнее об этом см. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 30—31.

носу есть два острова (Ратманова и Крузенштерна. *И. В.*), а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб...".[1] В 1711 г. казак П. Попов сообщал в Анадырском остроге, что „оленные чукчи в носу (имеется в виду Чукотский полуостров. *И. В.*) живут по каменям, ради оленных своих табунов, кочуют по разным местам. А пешие чукчи по обе стороны носу живут по коргам, подле моря, в земляных юртах, где коротает морж".[2] Аналогичных сведений много, но из них довольно трудно выделить сведения, относящиеся к эскимосам, тем более, что эскимосы при встречах с русскими объяснялись на чукотском языке, применяясь к переводчикам, сопровождавшим русских. Так, геодезисту М. Гвоздеву, побывавшему на острове Ратманова в 1732 г., „жители на расспросы отвечали, что они чухчи".[3] Это несомненно были эскимосы, так как чукчи никогда на островах пролива не жили. В свою очередь, жители „Чукотского носа", т. е. мыса Дежнева тому же Гвоздеву „про себя сказали, что (они. *И. В.*) чукчи зубатые". Это были также эскимосы, а не чукчи, поскольку они объяснялись через переводчика коряка, то и назвали себя так, как их называли чукчи, т. е. „йыкыргавылыт" — 'ротастые', что переводили тогда как 'зубатые'. Если учесть при этом, что материальная культура и быт оседлых чукоч во многом сходны с эскимосским, что чукотские оседлые поселения перемежались с эскимосскими, становится понятным такое смешение.

Впрочем в 60-х годах XVIII в. устанавливается разница между собственно чукчами и эскимосами уже на основе языкового различия. В „Известиях капитана Шмалева о бывших прежде в Сибирских отдаленных местах сухопутных и водных сообщениях",[4] где говорится о расселении народов восточного побережья Тихого океана, приводятся следующие любопытные сведения: „От реки Вайманты по берегу Хатырскому до сидячих чукчей людей зубатых имеется на четырех стах верстах расстояния по разным впадающим в море рекам жительств хатырцов[5] до шести или семи, у коих нравы и обычаи подобны вышеписанным (т. е. оседлых коряков, населявших побережье Тихого океана в устьях р.р. Похачи и Апуки. *И. В.*)... Затем лежит земля на NW до самого устья реки Анадыря немалое расстояние, а по тому расстоянию, по частым местам подле море жительствуют народы неподданные, называемые чукчи или пешие, подобны же они и тем народам, живущим на

---

[1] Дополнения к актам историческим, СПб, 1851, т. IV, стр. 25.

[2] Памятники Сибирской истории XVIII в. 1848. Кн. 1. стр. 459. СПб.

[3] Записки Гидрографического департамента, СПб., 1851, ч. IX, стр. 96.

[4] Центральный государственный архив древних актов, портфели Миллера, портфель № 539, т. I, тетр. 13, лл. 25 об. и 26.

[5] Название оседлых коряков, живших по реке Хатырке, впадающей в Тихий океан южнее м. Наварина.

великом море на морских островах завомых Алеутом... Оные народы (т. е. чукчи пешие. *И. В.*) многие имеют прорезанные сыздетства на губах своих скважины или диры, в коих вставляют зделанные из моржовой кости зубы и тем красы себе придают".

Таким образом, здесь впервые указывается, что „зубатые" чукчи говорят на особом языке, близком к языку алеутскому. Это наблюдение вполне соответствует действительности; общеизвестна близость языков алеутского и эскимосского.

В приведенном выше документе весьма интересны данные о том, что „зубатые чукчи", т. е. эскимосы, жили по южному побережью Анадырского лимана. Это первое известное нам указание на такое южное расселение эскимосов. Можно было бы сомневаться в правильности приведенных данных, поскольку других, аналогичных указаний нам неизвестно, однако изучение топонимики этого и более южных районов Тихоокеанского побережья Азии дает факты, подтверждающие правильность такого замечания.

Так, одна из бухт в Авачинской губе носит название *Тарья*, что вполне соответствует эскимосскому названию *тагъёк* — 'соль', 'морской рассол'. Название корякско-камчадальского селения *Ука* на берегу одноименной речки, а также Укинский мыс могут быть объяснены из эскимосского языка от *ук'а* — что значит 'треска', 'жир'. К северу от Укинского мыса залив и впадающая в него река носят название *Каюм*, что значит по-эскимосски 'бычок' (рыба). Корякские поселки к северу от Алюторского залива носят чисто эскимосские названия. Так, по-корякски *Чимитка*, по-эскимосски *симитка* — 'обмен', 'выменянная вещь'; *Апука*, по-эскимосски *упуткак* 'мясо без костей', 'мякоть'; *Кавачат*, по-эскимосски *кавасята* 'сон', 'когда они заснули' и др.

Название керекских поселков, расположенных к северу от р. Апуки: *Укилан* происходит от эскимосского *укихта* 'спуск', 'спускать'; *Мечивнон* — от эскимосского *мсек* 'топленый жир', аналогичное название селения есть и на Чукотском полуострове— *Мечигмен*; *Тыпан* от эскимосского *тыпа*, 'запах' 'нечто, выброшенное морем'; *Анана* — от эскимосского *анана* 'тетка'. Название населенных мест в районе мыса Наварин и к северо-западу от него также эскимосские. Так, с. *Ама* на одноименной речке, впадающей в бухту Ушакова, от эскимосского *ама* 'волк'; с. *Упанч* — от эскимосского *упа* 'ракушка' и др. Таким образом, следы более южного обитания эскимосов в прошлом на северо-востоке Азии не оставляют никаких сомнений, тем более, что все вышеприведенные названия не находят объяснения из корякского или ительменского языков.

В свете этих данных вполне допустимо, что еще в XVIII в. к западу от мыса Наварин на побережье Анадырского лимана могли жить эскимосы. В приведенном выше документе сообщает-

ся еще следующее: „К помянутым сидячим чукчам или назвать зубатым людям завсегда ездят чрез тундры и реку Анадырь из Чукотского носу... оленные чукчи... на оленях приезжают и в зимние походы на коряк подымают тех сидячих на своих оленях, а напротив того сидячие ж чукчи оленных носовых... летом возят на своих байдарах по морю и по рекам..."

Можно предположить, что эскимосские поселения в XVII—XVIII в., расположенные по южную сторону р. Анадырь, размещались также вперемежку с корякскими и керекскими поселками, как на севере с чукчами.[1] Были, вероятно, поселки и со смешанным эскимосско-корякским-керекским населением.

В статье „Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов" В. Г. Богораз, сопоставляя данные материальной и духовной культуры чукоч и эскимосов, приходит к убеждению, что „материальная и духовная культура чукоч и коряков, а также отчасти камчадалов, обнаруживает глубокие следы эскимосского влияния. Можно пойти и дальше, — говорит он несколько ниже, — можно говорить прямо об эскимосской этнической струе в самом составе чукотской группы".[2] Необходимо в этой связи указать также и на следующие факты, наблюдаемые в языке самого южного диалекта азиатских эскимосов — сиреникском (вутеенском). В этом диалекте эскимосского языка много слов, заимствованных непосредственно из языка корякского, так например:

Савка — морянка (утка) — *аалэка*; горбуша (рыба из породы лососевых)—*ачую*; дождь—*ипьих* и др. Очевидно, процесс ассимиляции эскимосов на севере чукчами, а на юге коряками происходил одновременно с вытеснением этими народами эскимосов с ранее занимаемых ими территорий.

Еще в XVIII в. ныне чисто чукотское в языковом отношении селение Уэлен (по-эскимосски *Улак* 'женский нож') было эскимосским или смешанным эскимосско-чукотским, на что указывал участник экспедиции Биллингса доктор Мерк (подробнее об этом будет сказано ниже).

В конце XVIII в. состоялась одна из крупнейших экспедиций на северо-восток Азии под руководством И. Биллингса, в которой также принимала активное участие Академия Наук. Хотя эта экспедиция имела астрономическо-географическое назначение, тем не менее, в числе основных поручений были и поручения по описанию народов, их нравов, быта и языка.

При отправлении названной экспедиции естествоиспытателю Мерку академиком П. С. Палласом была дана инструкция, в которой говорилось: „...по приложенному образцу получить списки слов не только по главным языкам, но и по наречиям их, причем следует как можно точнее означать произношение..."

[1] Ср. В. Г. Богораз-Тан. Чукчи. Ч. I, Л., 1934, стр. 6—10.

[2] Сборник, посвященный акад. Н. Я. Марру, АН СССР, XIV, М.—Л., 1935, стр. 356—357.

И. Биллингсу не удалось, вследствие тяжелых ледовых условий плавания, пройти на своем судне вдоль берегов Ледовитого побережья Чукотки на запад, как это намечалось планом экспедиции. Поэтому он и часть сопровождавших его сотрудников решили проехать по суше на оленях от Чукотского полуострова до р. Колымы, что и было ими осуществлено в зиму 1791/92 г.

Это путешествие и подготовка к нему дали возможность познакомиться очень близко с народами, населявшими Чукотский полуостров, были собраны ценные этнографические и лингвистические материалы, давшие возможность уже определенно отделить эскимосов от чукоч. „Кочующие чукчи — писал Биллингс, — образом жизни и наречием их языка весьма сходны с оленными коряками... сидячие же отличаются от них, как наружным видом, так и нравами, а более непременными своими жилищами, образом жизни и несходством языка, который у них совсем отличный и подходит близко к наречию кадьякских островитян..."[1]

Кроме этого общего замечания Биллингса, к его книге приложен „Краткий словарь двенадцати наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах" (стр. 91—129). Этот словарь был составлен штаблекарем экспедиции Робеком по схеме „Сравнительного словаря всех языков и наречий..." П. С. Палласа. Во втором отделении словаря (стр. 102—111) „Русско-сидячих чукчей, кочующих чукчей и оленных коряков" дано около 300 слов. При этом под заголовком: „Наречие сидячих чукчей" идут эскимосские слова.

Например:

отец	— атака	кровь	— аука
мать	— анак	молоко	— иттук
сын	— ирнака	кожа	— амик

---

[1] „Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога", СПб., 1811, стр. 67.

„Кадьякский язык, по числу говорящих им, есть самый обширнейший из всех наших американских, а может быть и всех северо-американских языков. Он с Кадьяка переходит на Аляксу, оттуда на берега Берингова и Ледовитого моря, до крайнего северного мыса Барров и даже далее к востоку; этим же языком говорят и чукчи, жители Азиатского берега. Он разделяется на шесть наречий: 1 — Кадьякское, 2 — Аглегмютское — говорят жители северной стороны Аляксы; 3 — Чугачи — жители южной стороны Аляксы, прямо Кадьяка; 4 — Чнагамютское — употребляется жителями около Михайловского редута, т. е. от мыса Стефенсон до Берингова пролива; 5 — Малегмютское — жители залива Нортон и Коцебу и далее к северу, а последним чукотским наречием говорят с и д я ч и е чукчи".

Так писал И. Вениаминов в „Записках об островах Уналакшкинского отдела", СПб, 1840, ч. II, стр. 141, говоря о языке кадьякских островитян, т. е. эскимосов.

человек	— юк	мясо	— камыка
лоб	— кивак	кость	— ныннука
рот	— каныk		

и т. д. Счет: 3 — пингаю, 4 — истема, 5 — тахлима и т. д. Эти примеры, как и все другие слова словаря, не оставляют сомнения в том, что под „сидячими чукчами" нужно понимать эскимосов.

Другой участник этой же экспедиции естествоиспытатель К. Мерк, четко отграничивая чукоч от эскимосов, первых называет оленными, вторых — оседлыми и устанавливает у последних наличие четырех наречий. „В отношении языка, — писал К. Мерк, — оседлые чукчи также отличаются от оленных. Язык последних сходен с корякским, за исключением отдельных различий. Оседлые чукчи, правда, все понимают этот язык, но говорят на своем собственном, совершенно отличном от этого языка, который, в свою очередь, распадается на четыре наречия. Одно из этих наречий распространено от Мыса Сердце-Камень или от маленького острова Манчеген до стойбища Айган, второе — от этого стойбища до стойбища Пуухта, расположенного немного к северу от залива Лаврентия, третье (панкуйское) — от стойбища Пуухта до северо-восточного мыса, называемого ими Менгихениткин, но чаще по двум расположенным там стойбищам: Нухин и южнее его Прекы. Четвертое наречие — уэленское — от только что названного мыса и до последнего стойбища Шелагского. Что касается языка вообще, то наречие племен, живущих на Северо-восточном мысу, как говорят, сходное с языком американцев, на котором говорят также жители островов, расположенных в проливе."[1] В других местах рукописи К. Мерк часто приводит чукотские слова параллельно со словами на уэленском наречии, т.. е. эскимосском. Так, например, wamek, uluun (уэленское) 'метательное копье на моржа'; jijginghi, niguchhach (уэленское) 'сетка, для ловли рыбы'; khoren, kuingit (уэленское) 'ручной олень'; loylu, tungtu (уэленское) 'дикий олень' и т. п. Приведенные Мерком слова, как слова уэленского наречия оседлых чукоч, являются эскимосскими. Эти данные К. Мерка интересны еще и тем, что он не только отграничил чукотский язык от эскимосского, но установил наличие эскимосского языка в с. Уэлен, ныне заселенного чукчами, говорящими на чукотском, а не на эскимосском языке, как то было в конце XVIII в.

Замечания К. Мерка о том, что четвертое — уэленское наречие распространено от с. Уэлен на востоке и далее на запад по побережью Ледовитого океана до м. Шелагского,

---

[1] K. Merk. Beschreibung der Tschucktschi. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, F. IV, № 173, л. 5.

подтверждается данными топонимики. Все чукотские поселки, за немногим исключением, по побережью Ледовитого океана носят в основе эскимосские названия.[1] Кроме того, собственно чукотские названия, например, Рыркайпыян — мыс Шмидта имеет и эскимосское название Айуаг'мин'укут, что значит 'мы северные'; река Кувет и озеро Куватгытгын — от эскимосского *кувут* — что значит 'дрова', 'топливо'; мыс Якан, от эскимосского *якун* — 'твое крыло'; мыс Шелагский, а отсюда и известное в литературе название шелаги, может быть объяснено опять-таки из эскимосского языка, от слова *силюк* 'птичье перо'.

Таковы первые данные о языке азиатских эскимосов в XVII—XVIII вв.

Аналогичные сведения об эскимосах Азиатского берега даются и в описании путешествия флота капитан-лейтенанта, члена Российской Академии Наук И. Ф. Крузенштерна,[2] где в части III опубликован словарь, составленный участником экспедиции поручиком Д. И. Кошелевым под названием: „Словарь наречий сидячих чукчей, живущих на Чукотском носу", где опять мы находим чисто эскимосские слова, например:

байдарка	— каяк	дочь	— паника
байдара	— агнияк	делать	— улималякук
бык (олений)	— куйнек	камень	— уйгак
волк	— амма	обувь	— камгыт
волосы	— нуяк	торбаза	— камгут
война	— пиллуак	язык	— ульлю и т. д.

Доктор Кибер, участник экспедиции Ф. Врангеля (1820—1824), отмечал, что чукчи разделяются на оленных и сидячих. „Сии последние (сидячие. *И. В.*) разделяются: 1. На не имевших никогда оленей и живущих на западных берегах океана и на берегах Ледовитого моря, которые питаются китами, тюленями, моржами и говорят кадьякским языком. 2. На имевших некогда оленей, коих они разными несчастными случаями лишились и принуждены искать себе пищи на берегах Ледовитого моря. Они говорят языком чукчей оленных."[3]

Азиатские эскимосы под названием „сидячих" или „оседлых чукоч" фигурировали в русской литературе вплоть до последней четверти XIX в.[4]

---

[1] Ср. введение, стр. 33.

[2] Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. по повелению Александра I на кораблях „Надежда" и „Нева". Под начальством флота капитан-лейтенанта... Крузенштерна. Три части, СПб, 1812, ч. III, стр. 381 и др.

[3] „Сибирский вестник", ч. II, СПб, 1824, стр. 88.

[4] Ср., например, журнал Министерства внутренних дел № 5, 1835. „Замечания о чукчах", стр. 337; „Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском Комитете". Гагемейстер, ч. II, СПб, 1854, стр. 6.

За все это время сведения о языке азиатских эскимосов „сидячих чукоч" не выходили за рамки отдельных записей слов, кратких словарей,[1] далеко не совершенных и служивших скорее этнографическим, а не лингвистическим целям. Все эти записи представляют в настоящее время больше историко-этнографический, нежели собственно лингвистический интерес.

Первая попытка научно разобраться в языке азиатских эскимосов была сделана В. Ф. Миллером на основании материалов, собранных Н. Л. Гондатти, опубликованных в „Живой старине" (вып. II, год 7-й, СПб, 1897, стр. 218—229), где дано около 360 эскимосских слов на трех установленных Н. Гондатти диалектах: вутеенском (от названия селения Вутеен, по-эскимосски — Сиренак), уныинском (от названия селения Ун'ыин — Чаплино) и нууканском (от названия селения Нукан).

В. Миллер, которому Н. Гондатти еще в 1895 г. прислал свои материалы „для определения наречий жителей некоторых инородческих поселков, расположенных на берегу Великого океана", проделал большую аналитическую работу по определению фонетического состава этих „наречий" языка азиатских эскимосов (там же, стр. 140—155), а также попытался дать их морфологическую характеристику. Рассматривая вопрос о взаимном отношении эскимосских наречий, он пришел к заключению, что Нууканское и Уныинское наречия находятся между собой ближе, „чем оба они с наречием Вутеенским, в лексике которого чувствуется очень сильное влияние чукотского языка".

В заключение (стр. 158—159) В. Миллер установил, что „говоры Вутеенский, Уныинский и Нууканский настолько различаются друг от друга в фонетическом, морфологическом и лексическом отношении, что могут быть названы наречиями".[2] Таким образом он подтвердил и обосновал положение Гондатти о трех наречиях-диалектах в языке азиатских эскимосов.

Нельзя, однако, принять полностью выводы В. Миллера относительно фонетического состава языка азиатских эскимосов, так как все его рассуждения в этом плане построены на очень неточных записях Н. Гондатти, не давшего даже описания особенностей произношения отдельных звуков эскимосского языка, изображаемых им графемами русской азбуки.

Так обстояло дело с изучением языка азиатских эскимосов к концу XIX в.

III

В. Г. Богораз, материалы которого публикуются в настоящей книге, был не только пионером в деле всестороннего

---

[1] Ср., например, Н. В. Слюнин. Среди чукчей. „Землеведение", кн. IV, 1895, гл. III, стр. 23—24.

[2] Под наречиями В. Миллер и В. Богораз понимали диалекты.

научного исследования языков чукотского, корякского и ительменского. Ему же принадлежит и первенство изучения языка азиатских эскимосов, среди которых он был в течение месяца с небольшим в 1901 г. Несмотря на краткость времени, посвященного им изучению этнографии азиатских эскимосов, В. Г. Богораз собрал значительный материал, охватывающий все особенности этого языка. Если учесть, что основная задача, стоявшая перед ним, как перед участником Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции, выходила далеко за рамки чисто лингвистических сборов, то мы должны признать огромную и весьма плодотворную работу, проделанную им с 2 мая по 7 июня 1901 г. К этому времени у В. Г. Богораза был уже большой опыт полевого изучения языков народностей северо-востока Азии, кроме того, им была предварительно изучена значительная литература по наречиям языка аляскинских, лабрадорских и гренландских эскимосов. Все эти обстоятельства в значительной степени способствовали такому быстрому и плодотворному изучению языка азиатских эскимосов.

Результатом его пребывания в с. Уназик на мысе Чаплина и являются те материалы, которые легли в основу всех его печатных высказываний, связанных с эскимосской проблемой. За это время им было собрано 14 тетрадей разных материалов по языку азиатских эскимосов. Занятый изданием своих основных трудов по чукчам, корякам, ительменам, Богораз не мог уделить времени для подготовки к изданию эскимосских материалов. Однако в 1918—1919 гг. В. Г. Богораз взялся за обработку этих материалов, в результате чего им была подготовлена рукопись под названием „Опыт грамматики наречия айванов, азиатских эскимосов, сравнительно с другими эскимосскими наречиями". Такое название работы и соответствующее названию содержание вытекали из того острого интереса, который возник еще в конце XIX в. к проблеме взаимоотношений и связей между населением Тихоокеанского побережья Азии и Америки. Поэтому в своем „опыте грамматики" В. Г. Богораз привлекает большой сравнительный материал по языку аляскинских, канадских и гренландских эскимосов, пытаясь определить в этой цепи место языка азиатских эскимосов и решить в известной степени вопрос о происхождении эскимосов на американском материке и в Гренландии (см. Введение). Точка зрения В. Г. Богораза по этому вопросу в значительной степени устарела в связи с новейшими достижениями науки, благодаря широким археологическим и антропологическим изысканиям советских, а также американских и датских ученых. Однако основное положение В. Г. Богораза, что переселение эскимосов происходило из Азии в Америку, а не наоборот, остается непоколебимым и подтверждается материалами археологических раскопок.

Лингвистические материалы В. Г. Богораза не потеряли своего значения до настоящего времени и представляют большой интерес как для практических целей языкового строительства на Севере, так и для научно-теоретических исследований.

По ряду обстоятельств окончательную доработку своих эскимосских материалов Богораз довести до конца не успел.

В свое время часть материалов, собранных Богоразом, была им опубликована как в историко-этнографическом, так и в лингвистическом плане. Таковы:

1. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов. „Живая старина", вып. II—III, кн. 70,71, Петербург, 1909. Отдельная брошюра под этим же названием вышла в 1910 г., СПб (стр. 1—13).

В этой работе В. Г. Богораз дает краткое описание численности и расселения азиатских эскимосов. Переходя к характеристике языка, он устанавливает в языке азиатских эскимосов наличие трех диалектов, очень близких между собой. В заключение он приходит к выводу, что „в общих соотношениях эскимосских наречий азиатская ветвь должна быть рассматриваема, как особое целое" (стр. 6). На стр. 10—13 дается „Сказка о вороне и волке" на трех диалектах языка азиатских эскимосов с подстрочником на чукотском языке, что было сделано „для наглядного определения взаимных влияний обоих языков" (стр. 7). Последней строкой текста дается перевод на русский язык. На стр. 8—9 дано описание звуков эскимосского и чукотского языков и их начертание.

2. W. Bogoras. The Eskimo of Siberia, Jesup North Pacific Expedition, vol. VIII, part 3, New York, 1913, pp. 419—453. Здесь в первом отделе помещено 16 переводов сказок на английский язык, во втором отделе — 23 песни, включая и шаманские напевы на эскимосском языке с подстрочником на английском. В третьем отделе приведен один текст на эскимосском языке, также с подстрочником на английском.

3. „О так называемом языке духов (шаманском) у разных ветвей эскимосского племени". Известия Академии Наук, 1919, стр. 489—495.

Приведя общую сводку шаманского языка эскимосских наречий, составленную Кребером, который включил в нее наречия эскимосов западной и восточной Гренландии, залива Смитта, Лабрадора, Центральных областей, дельты р. Мекензи и Аляски, В. Г. Богораз присоединяет к этой сводке данные из языка азиатских эскимосов. Поместив соответствующие примеры из текстов шаманских напевов, он переходит к анализу заместительных слов, существовавших в шаманском языке азиатских эскимосов. В результате проделанного

анализа, В. Г. Богораз устанавливает, что „исследуя язык азиатских шаманских заклинаний, мы находим в нем элементы, исчезнувшие в других наречиях, например, форму обращения (звательный падеж) единственного и множественного числа, с окончаниями -mi и -ni: yuwmi! 'о человек!' arnarni! 'о женщины!' В связи с этим, — говорит В. Г. Богораз далее,— можно сказать следующее: подробное изучение азиатского эскимосского наречия заставляет признать его наиболее древним из всех эскимосских наречий, в некоторых отношениях даже первичной формой эскимосского языка, хотя отчасти и разрушенной" (стр. 494). Таким образом, в этой работе В. Г. Богораз приходит к выводам, подтверждающим его основное положение об азиатском происхождении эскимосов американского материка. Во всех перечисленных работах В. Г. Богораза эскимосский язык выступает как источник историко-этнографических построений, связанных с проблемой этнических и культурных взаимоотношений на азиатском и американском берегах северной части Тихого океана.

4. В таком же плане был сделан В. Г. Богоразом и доклад на 21-м конгрессе американистов в 1924 г., но с привлечением большего числа языковых материалов опять-таки как источника для решения этнографических проблем. Этот доклад опубликован в 1925 г. под названием: „Early migrations of the Eskimo between Asia and America." Congress International des Americanistes. Göteborg — Museum, 1925, pp. 216—235.

Лингвистическая часть аргументации этого доклада изложена во „Введении" к настоящим „материалам", написанным Богоразом еще в 1919 г.

5. Статья в сборнике „АН СССР академику Н. Я. Марру" „Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов" (Л., 1935, стр. 353—366) является небольшой сводкой, отображающей в суммарной форме все то, что было сказано в предыдущих работах.

IV

Великая Октябрьская социалистическая революция, принесшая освобождение от гнета и бесправия всем народам бывшей царской России, сделала народы Крайнего Севера активными строителями социалистического общества.

Ленинско-сталинская национальная политика, предусматривающая всестороннее развитие культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, выдвинула необходимость развития письменности на родном языке у ранее бесписьменных народов. В 1930 г. начали создаваться первые учебники и литература на языках народностей Севера. Сразу же возникла необходимость в научном освещении основ фонетики, морфологии и синтаксиса этих языков. В 1934 г.

в издании Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР вышел сборник „Языки и письменность народов Севера", т. III, где напечатана статья В. Г. Богораза „Юитский (азиатско-эскимосский) язык" (стр. 105—128). Названная статья является первым грамматическим очерком языка азиатских эскимосов. Составлена она на основе материалов, публикуемых ниже. По задачам сборника „Языки и письменность" и его профилю В. Г. Богораз в своей статье мог использовать лишь часть тех материалов, которые были подготовлены им в 1918—1919 гг. Естественно, что „материалы" во многом полнее и шире статьи „Юитский (азиатско-эскимосский) язык", особенно в части сравнений и сопоставлений с другими наречиями эскимосского языка. В материалах значительно полнее дается морфологическая характеристика языка, а также больше отражены наблюдения над синтаксисом эскимосского языка. С другой стороны, к моменту написания статьи (1934 г.) В. Г. Богораз уточнил свои взгляды на некоторые частные вопросы морфологии языка азиатских эскимосов, что можно видеть при сравнении этих двух работ.

Очерк грамматики языка азиатских эскимосов дан В. Г. Богоразом в сравнительном плане с диалектами эскимосского языка Америки и Гренландии; в очерке показаны черты сходства и различия этих диалектов с диалектами языка азиатских эскимосов, вскрыты особенности фонетики, морфологии и лексики последних. Привлекаемый сравнительный материал В. Г. Богораз сопровождает критическими замечаниями.

Не ставя перед собой задачи всестороннего и углубленного изучения языка азиатских эскимосов, В. Г. Богораз все же отметил некоторые стороны специфики строя эскимосской речи. Эти ценные замечания не собраны им в одном месте, а разбросаны в разных частях рукописи, в связи с чем необходимо сделать несколько замечаний, которые помогут читателям скорее отыскать эти весьма интересные высказывания В. Г. Богораза.

Традиции лингвистической науки конца XIX и начала XX вв. требовали от исследователя четкого формального разграничения всех составных частей языка. Бесписьменные языки, каким тогда был эскимосский, изучались лишь в плане собирательно-описательном. Главное внимание обращалось на звуки, на историю звуков для познания истории языка: грамматика была подчинена фонетике, а о синтаксисе говорилось очень немного, да и то без учета стадиального развития языков, без учета особенностей структуры. Значительное большинство исследователей искало в языках культурно-отсталых народов, не имевших письменности, те же категории речи и те же закономерности отношений между категориями речи, какие были в индоевропейских языках. При таком формально-метафизическом подходе всегда ускользали от исследователя основные

черты строя языка, особенности его внутренней логики, своеобразие мышления носителей данного языка. В. Г. Богораз в этом отношении значительно опередил свое время, быть может, потому, что он не был лингвистом по специальности, а подходил к языкам как к этнографическому источнику, как к средству для понимания фактов истории и культуры северных народностей. Поэтому его замечания по строю речи языка азиатских эскимосов более объективны. В его высказываниях чувствуется непосредственность тонкого наблюдателя, не связанного традициями школы, над ним не довлеет формально-метафизический метод, распространенный в лингвистике конца XIX и начала XX вв., что особенно характерно для американских лингвистов-этнологов, занимавшихся изучением языка эскимосов Америки и Гренландии.

Для нас особенно интересны и ценны высказывания В. Г. Богораза о частях речи и их функциях в предложении, о строе эскимосского языка. Давая общую характеристику частям речи, Богораз пишет (см. стр. 47): „В азиатско-эскимосском наречии, как и вообще в эскимосском языке, довольно трудно провести разделительную линию между различными частями речи". Устанавливая, что и в эскимосском языке речь распадается на несколько категорий слов, таких как имя, глагол, местоимения и т. п., он тут же подчеркивает, что „это разделение не достигло определенностей и формы именные и формы глагольные остались в значительной степени гомологичными и сохранили способность переходить друг в друга. Каждое имя может быть превращено в глагол. Каждый глагол может рассматриваться как имя". Под углом зрения этого положения и рассматриваются далее все части речи эскимосского языка. (См. стр. 75 „Причастие"; стр. 77 „Глагольная основа, как существительное"; стр. 86 „Прилагательные"; стр. 88 „Наречия"). В разделе „Глагольная форма имен" (стр. 97) Богораз как бы обобщает анализ частей речи, проделанный им на предыдущих страницах, и говорит: „Эскимосский язык, собственно говоря, имеет только две части речи: имя существительное и глагол. Имя прилагательное является собственно существительно-прилагательным. Наречие часто является одним из местных падежей именной основы... все формы имен существительных, прилагательных и наречий могут принимать глагольную форму, и тогда они употребляются наравне с другими глаголами".

Вслед за описанием и рассмотрением функций в предложении некоторых падежей (абсолютного, модального и др.) на стр. 60 Богораз переходит к характеристике полисинтетизма в эскимосском языке вообще, сопоставляя его с инкорпорацией в чукотско-корякской группе языков. Если языкам этой группы свойственно слияние дополнения с глаголом, определения с определяемым словом в одно новое сложное слово, то „эскимосскому языку такое соединение двух реальных понятий

не свойственно; его характерная особенность состоит в соединении одного реального понятия с различными формами окончаний путем их непрерывного наращивания". Установив такое различие между чукотско-корякской группой языков и эскимосским, В. Г. Богораз далее останавливается на особенности полисинтетизма языка азиатских эскимосов, в котором это явление прослеживается в значительно видоизмененной форме, нежели в языке эскимосов Гренландии. Это происходит потому, что в азиатско-эскимосском наречии наличествует большое количество союзов, частью заимствованных из чукотского языка. Кроме того, некоторые глагольные суффиксы обнаруживают способность самостоятельного существования в виде вспомогательных глаголов, вследствие чего „построение азиатско-эскимосской речи мало отличается от обычного предложения с подлежащим и сказуемым, определением и дополнением и соподчинением в предложении". В этом месте В. Г. Богораз значительно преувеличивает возможности эскимосского языка, отождествляя построение предложения в азиатско-эскимосском языке с построением предложения „обычного" (очевидно, под „обычным" предложением он понимал предложение русского языка). В статье „Юитский (азиатско-эскимосский) язык", он уже не делает такого отождествления и говорит более осторожно: „в азиатских диалектах приклеивание цепи суффиксов не получило такого чрезвычайного развития (как в гренландском. *И. В.*), и предложение обыкновенно состоит из сочетания двух-трех многосоставных комплексов" (стр. 107).

Под полисинтетизмом Богораз понимал агглютинацию, и поэтому, естественно, вслед за общей характеристикой полисинтетизма эскимосского языка рассматривает „суффиксы" (стр. 61) как аппарат языка, служащий для выражения грамматических отношений. „Большая часть грамматических и синтаксических идей, — пишет В. Г. Богораз, — выражается при помощи суффиксов, и их совокупность сгруппирована и разработана в разнообразную и стройную систему"... „целое предложение может быть выражено в виде одного слова, состоящего из реальной основы с цепью присоединенных суффиксов". Здесь он опять подчеркивает то обстоятельство, что в азиатско-эскимосском наречии нанизывание суффиксов обыкновенно не заходит очень далеко, как это имеет место в гренландском.

К суффиксам и рассмотрению их словообразовательных и словоизменительных функций В. Г. Богораз возвращается снова в конце очерка (см. стр. 102). Все суффиксы эскимосского языка он разделяет на две большие группы: 1) суффиксы, развивающие грамматическую форму основы, и 2) суффиксы, преобразующие ее. Он иллюстрирует это примерами и показывает, как „суффиксы первой группы, присоединяясь к существительному, дают новое существительное, а присо-

единяясь к глаголу, дают глагол. Суффиксы второй группы преобразуют существительное в глагол, а глагол наоборот в существительное". Этими примерами и заключениями В. Г. Богораз как бы подтверждает свое положение о подвижности и условности границ между отдельными частями речи в азиатско-эскимосском языке: между именем и глаголом, прилагательным и существительным и т. п., высказанное им в разделе „Части речи".

V

В настоящий сборник по языку азиатских эскимосов вошли материалы, хранящиеся в архиве АН СССР в фонде В. Г. Богораза (№ 250), которые составились из полевых записей В. Г. Богораза, сделанных им в 1901 г. (со 2 мая по 7 июня), и затем дальнейших обработок этих записей. К своим полевым записям В. Г. Богораз возвращался неоднократно: в 1909 г., в связи с подготовкой работы „Материалы для изучения языка азиатских эскимосов", затем в 1918—1919 г., когда им были написаны две работы: 1) „О так называемом языке духов (шаманском) у разных ветвей эскимосского племени" и 2) „Опыт грамматики наречия айванов, азиатских эскимосов, сравнительно с другими эскимосскими наречиями" (эта работа теперь составляет первую часть сборника) и, наконец, в 1934 г. в связи с подготовкой статьи „Юитский (азиатско-эскимосский) язык".

Полевые материалы по языку азиатских эскимосов состоят из 14 тетрадей (фонд 250, опись I, № 135). В своем дневнике (фонд 250, опись I, № 116) В. Г. Богораз пишет, что у него был переводчик эскимос Аканкау, хорошо владевший чукотским и отчасти русским языком, кроме того, у него было несколько человек дикторов, которых он называет „мои ближайшие помощники, через которых можно все записать и все узнать", а именно: Укихтак, Челга и др. Все основные записи текстов и другие материалы были произведены в с. Ун'азик (мыс Чаплина). Небезинтересно проследить приемы и методы работы В. Г. Богораза по ознакомлению с языком. Вот например, тетрадь 1-я (на 69 листах). В ней были произведены первые записи на эскимосском языке. Первоначально составлялся русский фразник с учетом различных структур предложений, обусловленных сказуемыми, выраженными переходными или непереходными глаголами. Фразник этот переводился на эскимосский язык. Таким образом составлялось первое представление о фонетическом составе, о формах спряжения. Уже в этой тетради записан текст одной сказки с последующим морфологическим разбором каждого слова. Так начинает накапливаться словарный материал, суффиксы и т. п. В результате такой кропотливой работы в этой тетради даны

основные формы спряжения глаголов переходящих и непереходящих, местоимения, наречия и ряд замечаний о существительных.

Во второй тетради уже нет фразника, здесь работа начинается прямо с текста, опять-таки с подробным разбором и выделением словарного материала. Особо разрабатываются вопросительные и отрицательные формы глаголов, деепричастия или причастия. И так во всех тетрадях: текст, затем детальный его разбор, всякая новая форма получает то или иное объяснение, расшифровку, приводятся примеры, уточняются формы спряжения, определяются наклонения, времена и т. п. Кроме того, в первых тетрадях повсюду разбросаны разные примечания, заметки, особенно много исправлений транскрибирования отдельных сочетаний звуков как гласных, так и согласных. Первые 8 тетрадей содержат в себе основные материалы по чаплинскому (ун'азикскому) диалекту. В тетради 9-й (45 листов) — нууканское наречие, где даны числительные, системы родства, перевод на нууканское наречие текста с чаплинского диалекта, шаманский напев, песни. В этой же тетради даны тексты на вутеенском (сиреникovском) диалекте, а также образцы текстов на наречии аляскинских эскимосов (ыкыргаулском). Тетрадь 10-я (24 листа) — этнографические и языковые записи, сделанные В. Г. Богоразом во время его краткого пребывания на острове Лаврентия. В этой тетради записан один текст и затем разбор этого текста. Тетради 11-я (5 листов) и 13-я (2 листа) — материалы по вутеенскому диалекту. В первой имеется спряжение и склонение, во второй — мелкие добавления к вутеенскому диалекту. Тетрадь 12-я (на 11 листах) содержит пересказы трех эскимосских сказок на русском языке. Тетрадь 14-я — отдельные записи. Под № 116 фонда Богораза хранится большая общая тетрадь — дневник, который он вел систематически в течение пути из поста Мариинского на р. Анадыре до мыса Чаплина и обратно, а также за время пребывания в с. Ун'азик. Кроме того, имеется незаконченный перевод на английский язык очерка грамматики языка азиатских эскимосов (фонд 250, опись I, № 52, на 97 листах), который также учтен нами при подготовке к изданию настоящей рукописи.

Предлагаемые материалы по языку азиатских эскимосов состоят из четырех разделов: 1. Очерк грамматики языка азиатских эскимосов. 2. Эскимосские тексты с чукотским подстрочником и переводом на русский язык. 3. Словарные материалы и список суффиксов языка азиатских эскимосов. 4. Приложения: 1) таблицы склонения имен и спряжения глаголов в современном языке азиатских эскимосов (Г. А. Меновщикова); 2) список лингвистических работ В. Г. Богораза; 3) список литературы на эскимосском языке.

Очерк грамматики был полностью подготовлен В. Г. Бого-

разом и печатается так, как он им написан, без изменения принятой им транскрипции. Некоторая перестановка сделана только в расположении таблиц спряжения глаголов и повсюду даются переводы, что в рукописи не везде было доведено автором до конца.

Выборка из тетрадей, переписка и перевод эскимосских текстов на русский язык сделаны младшим научным сотрудником Кабинета северных языков Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР Е. С. Рубцовой. Переводы текстов на русский язык были сделаны при участии эскимосов — студентов Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова тт. Аяутка и Уйгахпак.

В тетрадях В. Г. Богораза имеются потекстовые словари, которые составлялись им в результате морфологического и лексического изучения каждого текста, тут же выписывались и суффиксы, встречающиеся в данном тексте. Расположение в алфавитном порядке всех слов, имеющихся в тетрадях, а также составление списка суффиксов, списка литературы, вышедшей на эскимосском языке, подготовка к печати примеров, таблиц, имеющихся в очерке грамматики — все это было осуществлено аспирантом Института языка и мышления АН СССР Г. А. Меновщиковым.

Подготовка к печати чукотского подстрочника к эскимосским текстам сделана пишущим эти строки.

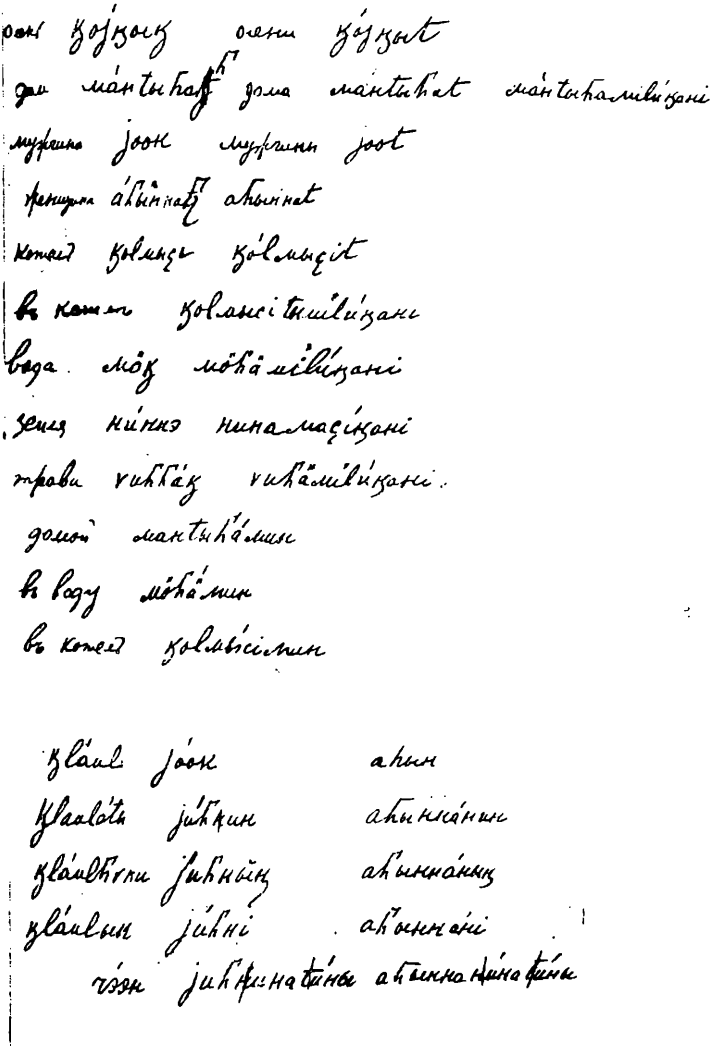
Ссылки на сочинения разных авторов даны В. Г. Богоразом сокращенно, прямо в тексте очерка. Например: Барнум, Ал., Петитот, М. и др. Полные названия сочинений и принятые сокращения для цитирования даются в прилагаемом ниже списке источников, использованных В. Г. Богоразом для очерка грамматики (см. стр. 105—106).

Издавая настоящие материалы по языку азиатских эскимосов, мы полагаем, что они привлекут внимание специалистов-лингвистов, интересующихся вопросами строя эскимосского языка, совершенно недостаточно освещенными в литературе. Вместе с тем, материалы принесут большую пользу работникам эскимосских школ, учащимся педагогических училищ и студентам Северного факультета Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова, Хабаровского пединститута и др.

И. Вдовин.

В. Г. БОГОРАЗ

ОЧЕРК ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ



Образец морфологического разбора текста.

ВВЕДЕНИЕ

Азиатская ветвь эскимосского племени занимает восемь поселков по берегу Берингова моря. Семь поселков тянутся непрерывной цепью, а один расположен отдельно у мыса Дежнева. В двух поселках население смешанное, наполовину чукотское. Эскимосские поселки расположены на мысах, выступающих в море или на прибрежных островах, притом на их наружной стороне, обращенной к морю. Это соответствует тому, что эскимосы существуют исключительно охотой на морского зверя. Напротив того, камчадалы, обитающие на прибрежных островах, селятся на их внутренней стороне, обращенной к берегу. Камчадалы существуют по преимуществу рыбной ловлей, и хотя рыба также приходит с моря, но лов рыбы и легче и обильнее во внутренних водах, огражденных от бурь.

Имена эскимосских поселков следующие, начиная с юга:

Serínak	(по-чукотски	Wuteén)	8 домов	58 жителей
Imtuk	(„ „	Imtun)	12 „	65 „
Ríŗak	(„ „	Ien)	2 „	24 „
Avak	(„ „	Eunmún)	12 „	88 „
Tésik	(„ „	Čéčin)	25 „	142 „
Uŋísak или Uŋázik	(„ „	Uŋíin)	61 „	442 „
Napákutak	(„ „	Nepékuten)	4 „	37 „

И далее к западу по берегу Ледовитого океана.

У мыса Дежнева:

Nivúkak	(по-чукотски	Nəəkan)	50 домов	299 жителей

Русских имен эти поселки не имеют. Только для некоторых более известных признаны чукотские названия, слегка руссифицированные: Уныин, Нуукан.

Что касается численности населения, то приведенные данные основаны на переписи, произведенной мною в апреле—мае 1901 г. во всех поселках, кроме последнего. Данные об этом поселке заимствованы из официального „Списка на-

селенных мест Приморской области", изданного за несколько лет перед этим и основанного на исчислениях Н. Л. Гондатти.[1]

К той же азиатской группе эскимосов должны быть причислены и жители острова Лаврентия (Sivúkak). Хотя этот остров и принадлежит Американским Соединенным Штатам, но и географически и этнографически он относится к Азии. Население его и по языку, и по весьма определенным преданиям происходит с близлежащего азиатского берега, из поселков (Uŋázik, Imtuk и Avak). Напротив того, утверждение Н. Л. Гондатти, будто бы азиатские эскимосы пришли на материк с острова Лаврентия, представляется, конечно, неосновательным. Переселение с материка на остров продолжается и теперь. Мне рассказывали на острове потомки переселенцев: „Нас всех здесь 14 семей. Túsak у нас самый лучший из всех, язык у него острый, а слово убедительнее звука. В случае чего встанем, как один человек. До сих пор боятся нас. Потому что Uŋázik земля большая, а здешняя земля маленькая. Можно их бояться".

По другим рассказам число переселенцев постепенно увеличивается, а число местных коренных жителей уменьшается.

Население острова вообще непрерывно уменьшается от голода и от туберкулеза. Можно указать целый ряд обезлюденных поселков, каковы: Kukúlik, Kaŋixcik, Kiyáliŗak. Жители остались только в двух поселках: Sivúkak и Puŗuŗùlik. В первом 30 домов и 244 человека. Во втором 4 дома и 19 человек. Всего на острове 263 человека. Жители островов, лежащих в Беринговом проливе (острова Диомида: по-эскимосски ближайший к Азии остров Ратманова Imaqlik,[2] ближайший к Америке остров Крузенштерна Uŋalik или Unélik), напротив того, принадлежат к особой ветви эскимосов как по языку, так и по собственному сознанию и по заключению соседей.

Общая численность всей азиатской группы эскимосского племени немногим превышает 1000 человек. С того времени, к которому относятся приведенные мною данные, численность эта, сколько мне известно, не претерпела никаких заметных изменений, за исключением некоторого естественного прироста. Впрочем, этот прирост, постепенно накопляясь, в конце концов уносится периодическими эпидемиями. Население таким образом остается на неизменном уровне или в неблагоприятных условиях уменьшается.

---

[1] Н. Л. Гондатти. Описание поездки из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения в Беринговом проливе. Записки Приам. отд. ИРГО, т. IV, вып. I, 1897. *Прим. ред.*

[2] Imaqlik — эскимосское название острова Ратманова. Это слово состоит из двух элементов: imaq — море и суффикс владения — lik, что буквально означает „владеющий морем". *Прим. Г. А. Меновщикова.*

Эта небольшая группа эскимосов, в отношении материального быта, верований и фольклора совершенно однородная, по языку распадается на три диалекта. Центральный диалект обнимает около $^3/_4$ племени с большим поселком Uŋázik во главе и также с островом Лаврентия. Поселок у мыса Дежнева Nivúkak имеет особый диалект. И крайний поселок к юго-западу, Seŗínak, также имеет особый диалект.

Существование особого диалекта у мыса Дежнева, в стороне от других азиатских поселков и в непосредственной близости к поселениям американских эскимосов на островах и на противоположном берегу пролива, представляется довольно естественным. Наречие поселка Nivúkak составляет во многом естественный переход от главного азиатского наречия к наречиям Аляски. Например, главное азиатское наречие: avayíťuŋa nayáriťuŋa, наречие мыса Дежнева nayaríťua píťua 'сестры не имею я не имею', т. е. никакой сестры я не имею.

Это выпадение ŋ в 1-м лице ед. ч. непереходящего глагола весьма характерно также для наречий Аляски. Например: ĕkâmŗîêtôâ — 'я не имею саней' (Барнум, § 451).

Трудно объяснить существование особого диалекта в Seŗínak, тем более, что и самый диалект отклоняется в сторону от всех прочих эскимосских наречий. Так, в этом диалекте характерное окончание множественного числа *t*, общее всем эскимосским наречиям и чукотскому языку, изменилось в *i*. Например: náxciŗ-i — женщины; yúw-i — мужчины.

Н. Л. Гондатти утверждает, что азиатские эскимосы различных ветвей не могут понимать друг друга и принуждены говорить по-чукотски.[1] Конечно, чукотский язык в этой стране является общераспространенным, главным образом, благодаря численному преобладанию чукоч, их крупным оленьим стадам, а также их упорному нежеланию учиться чужим языкам.

По-чукотски говорят эскимосы, чуванцы, эвенки (тунгусы), тундренные одулы (юкагиры) и русские казаки.

Однако эскимосские диалекты азиатского берега близки между собой, не исключая и третьего южного, и люди разных ветвей племени хорошо понимают друг друга, говоря каждый на своем диалекте, что неоднократно имело место в моем присутствии. В этой близости, впрочем, легко убедиться из сравнения параллельных текстов.[2]

Есть все основания полагать, что численность и распространение азиатских эскимосов в более древнее время, еще до прихода русских, и по полярному и по Тихоокеанскому прибрежью были значительнее, чем теперь.

---

[1] Состав населения Анадырской округи. Записки Прикам. отд. ИРГО. 1897, т. III, вып. I, стр. 167–168.

[2] См. разд. II, текст № 13, записанный В. Г. Богоразом на чаплинском, нуканском и сиреникском диалектах.

Врангель[1] и вслед за ним Норденшельд[2] высказывали мнение, что не далее, как 200 лет тому назад, весь берег Полярного моря от Шелагского мыса до Берингова пролива был занят эскимосским племенем, которое после того, сталобыть в самое недавнее время, было вытеснено чукчами. В виде доказательства они указывают на остатки подземных жилищ в развалинах покинутых поселков, разбросанных по северному берегу. Приморские чукчи вообще в землянках не живут, по крайней мере в настоящее время, а заменяют их наземными жилищами из шкур, с внутренним спальным помещением. Этот тип жилища, одинаково свойственный оленным и приморским чукчам, так и называется у них lée-ran 'настоящее жилище'. Соответственно этому сами себя они называют lée-oráwetlat 'настоящие люди', а речь свою lin-jilil 'настоящий язык'. Впрочем азиатские эскимосы сами себя тоже называют ju-pi(g)it[3] 'настоящие люди'.

Землянка, полуподземное жилище, действительно является типичным коренным жилищем эскимосского племени. Но, с другой стороны, на азиатском берегу подземное жилище вышло из употребления также и у эскимосов и заменилось жилищем из шкур того же чукотского типа.

Подземные жилища вообще отличаются большими неудобствами. Не говоря уже об их антигигиеничности, тягостной даже для туземцев, они требуют слишком большого расхода тюленьего жира для освещения и отопления. Приморские жители, как чукчи, так и эскимосы, предпочитают выменивать этот жир у оленеводов на шкуры, пригодные на покрышку наружного шатра в придачу к моржовым и тюленьим кожам и еще более необходимые для внутреннего спального помещения.

Máŋṭak 'летнее жилье' на наречии эскимосов Аляски (см. Барнум, стр. 351) у азиатских эскимосов обозначает вообще 'жилье' и летнее, и зимнее.

Чукотское оленеводство сильно развилось именно в новейшее время, в те 200 лет, о которых говорят Врангель и Норденшельд. Раньше того, напротив, приморские чукчи, как и эскимосы, могли одинаково обитать в подземных жилищах. Приморским чукчам вообще подземное жилище вполне знакомо. Они называют его walqar 'челюстный дом', подразумевая челюсти кита, которые вместе с китовыми ребрами служат балками и внутренними подпорами для подземного жилья.

Далее, довольно смутные рассказы, записанные Врангелем

---

[1] Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг., СПб. 1844.

[2] Плавание на „Веге". Изд. Главсевморпути, Л., 1936, т. II. *Прим. ред.*

[3] Также jupigьt. См. В. Г. Богораз. „Юитский (азиатско-эскимосский) язык". Языки и письменность народов Севера, М. — Л., 1934, ч. III, стр. 105. *Прим. ред.*

и отчасти Майделем[1] о каком-то ином племени, которое два века тому назад обитало у Шелагского мыса, относятся, повидимому, не к эскимосам, а скорее к чуванцам, которых чукотские предания называют Сáачет 'чаунцы', жители реки Чауна, по-чукотски Саап.

Более подробный разбор этого вопроса о чуванцах, чаунцах, шелагах, юкагирах и пр. см. Богораз, Чукчи, стр. 6—7.[2]

Однако в дополнение к соображениям Врангеля и Норденшельда я могу привести другие обстоятельства и факты. Таковы, например, чукотские предания о борьбе с айванами. Ajwan, мн. ч. ajwánat есть то имя, которое чукчи дают азиатским эскимосам. Слово это, повидимому, эскимосского происхождения: ajwák у эскимосов обозначает подветренную сторону. Так, в эскимосском жилье придверная сторона это oxkak 'заветерье', 'защищенная от ветра сторона'. Противоположная ей тыльная подветренная сторона есть ajwák.

У чукоч, напротив того, именно придверная сторона есть ajwalon, тыльная сторона ajgɪsqa-ɪon. Вообще, при заимствовании перестановка терминов нередко имеет место.

Далее, в чукотском языке ajwač есть 'загородка от ветра', наветренная сторона, у чукоч, живущих близ Полярного моря, ajwač 'восток'.

На северной тундре самые сильные ветры приходят с запада. Ajwal notánot 'восточная сторона', ajwáɾ-ɾamkɪn[3] 'восточные жители'. Соответственно этому ajwánat означает 'восточные жители'. Для чукоч вообще эскимосы являются восточными соседями.

В эскимосском жилье у Тихого океана тыльная подветренная сторона жилища обращена к северу. Ajwák таким образом указывает на север.

Самые сильные ветры приходят с севера. Из сочетания этих двух направлений чукотского ajwač 'восток' и эскимосского ajwák 'север', ajwanat должно обозначать 'живущие к северо-востоку'. Мало того, так как чукотский ájwalon и эскимосский ajwák при очевидной перестановке заимствованного термина обращены в противоположные стороны, то следует заключить, что чукотское имя ajwánat, которому в эскимосском языке соответствует нарицательное ajvaɾmi 'живут под ветром', будет означать одновременно для чукоч восточные, а для самих эскимосов, напротив, западные. Для чукоч и для всего азиатского материка эскимосы являются самыми восточными соседями. Для самого эскимосского племени азиатская ветвь является, напротив, самой западной ветвью.

---

[1] Путешествие в северо-восточную часть Якутской области, М., 1894, т. I.
[2] В. Г. Богораз-Тан. Чукчи. Л., 1934. ч. I, стр. 6—7.
[3] Там же. Стр. 10.

Перестановка терминов является таким образом возможной и понятной.

В соответствии с этим я избрал для азиатской ветви эскимосов именно это чукотско-эскимосское определение ajwánat „айваны" самые восточные для одних и самые западные для других. [1]

Безотносительно к направлению и ветру ajwán на чукотском языке стало обозначать приморского жителя по преимуществу. Чукотский оленевод, кочующий по тундре, называет даже родственника своего, живущего в приморском поселке, ajwančimčáken 'приморский родственник'. Мало того, береговые эскимосы, говоря о жителях острова Лаврентия, называют их тоже айванами, правда, по-чукотски. Этим они хотят выразить, что жители острова еще более отрезаны от оленеводов и оленьи шкуры, необходимые для них, могут получать лишь через посредство береговых эскимосов.

Чукотские предания и сказки полны указаниями на упорную борьбу чукоч с приморскими айванами. Чукчи изображены оленеводами, правда, не чуждыми и морского промысла. Но их морская охота не простирается дальше тюленей. Айваны, напротив, по преимуществу морские промышленники, добыватели китов. Между прочим, из-за этих китов, убитых или прибитых к берегу, чаще всего начинается борьба. Описание различных эпизодов этой борьбы местами поднимается до эпоса, как в прекрасном рассказе об Elendi и его сыновьях. [2] Все эти рассказы подчеркивают различное племенное происхождение чукоч и айванов. Чукчи неизменно побеждают, вытесняют или истребляют айванов, завладевают их богатствами, кожами, пищей, жилищами, женщинами, даже обращают пленных подростков в рабов, что плохо умещается в рамках полярной первобытности.[3]

Если судить по названиям, то многие поселки на берегах обоих океанов Ледовитого и Тихого, ныне чукотские, были когда-то эскимосскими. Их чукотские имена или объясняются прямо из эскимосского или даже соответствуют именам эски-

---

[1] Название „айваны", установленное В. Г. Богоразом для „азиатской ветви эскимосов", нами всюду заменено принятым в литературе последних лет названием „азиатские эскимосы". *Прим. ред.*

[2] См. В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Изд. Академии Наук, СПб, 1900. стр. 338—353. *Прим. ред.*

[3] В этом замечании В. Г. Богораза сказывается его старая точка зрения на общественный строй чукоч, когда он утверждал, что чукчи в своем общественном развитии еще не достигли стадии родового строя. В своих поздних работах, в частности в статье: „Чукотский общественный строй по данным фольклора", Советский Север, № 6. 1930, В. Г. Богораз сказание об Elendi трактует уже более правильно, прослеживая на этом материале черты классового расслоения у чукоч, что, конечно, никак не может вязаться с „полярной первобытностью". При этих условиях рабство и захват имущества вполне закономерны. *Прим. ред.*

мосских поселков на американском берегу — совпадение весьма многозначительное.[1]

Таковы:

По берегу Ледовитого океана:

Nésqan, по-эскимосски этот поселок называется Nás'kok 'голова'.

Kulučі, по-эскимосски Kulúsik 'старая ледяная гора'.

Iqälurun, по-эскимосски Eqáluwak 'рыба породы вахня', Elaginus Nawaga.

По берегу Тихого океана:

Nigčien, по-эскимосски Nixsiɣak 'тюленчик'.

Nunámun, по-эскимосски Nunáma 'предел нашей земли'.

Čewin, по-эскимосски Savík 'нож'.

Čečin, по-эскимосски Tésik. Точно такое же эскимосское имя носит большой поселок на американском берегу, известный на картах под именем форт Святого Михаила. На языке центральной ветви американских эскимосов Tésik означает 'озеро'.

Mečiwmin, по-эскимосски Mésik. Житель этого поселка по-эскимосски Mesiwmi.

Kigini по-эскимосски Kigi. Точно так же называется поселок на американском берегу у мыса Принца Валлийского. Отсюда жители всего американского берега называются у азиатских эскимосов kixmi, мн. ч. kixmit. Самый берег по-чукотски называется kimin, жители Америки kimilin, мн. ч. kimilit.

Также и следующие имена, по всей вероятности, эскимосского происхождения.

Kúkun по-чукотски и по-эскимосски. На острове Лаврентия вымерочный поселок Kukúlik 'владелец Кукуна'.

Činin по-эскимосски Sinik.
Puóien по-эскимосски Puwúxiak.
Uwélen по-эскимосски Ulak 'женский нож'.
Uten по-эскимосски Utak.
Ičan по-эскимосски Išak.
Ceitun по-эскимосски Sáxtuk.

Основными, вероятно, являются эскимосские имена, а чукотские заимствованы. Nuteрinmin 'земляная коса' рядом с Nunáma. Это имя, вероятно, составляет перевод с эскимосского, ибо оно однозначуще эскимосскому имени соседнего Nunáma.

Другая такая 'земляная коса' Nuteрinmin есть и на берегу

---

[1] См. Bogoras. The Chukchee. Part I. стр. 21; также В. Г. Богораз-Тан. Чукчи. Ч. I, Л., 1934, стр. 10.

Ледовитого океана. Мне представляется возможным, что и другие имена поселков, хотя и объясняющиеся из чукотского языка, все-таки могли быть переведены с эскимосского. Таким образом, многие приморские поселки по обоим океанам, заселенные ныне чукчами, если судить по их именам, были эскимосскими поселками.

Трудно определить, когда именно произошло это вытеснение азиатских эскимосов чукчами. Я полагаю, что это произошло во всяком случае более чем два века тому назад, много раньше прихода русских. Однако нельзя также отодвигать эту борьбу слишком далеко в прошлое.

Предания чукоч о борьбе с айванами слишком свежи, слишком историчны. Они еще нисколько не успели напитаться сказочным мифическим элементом. И по всей обстановке их можно сопоставить с такими же чукотскими преданиями о борьбе с коряками. Борьба чукоч с коряками тоже началась ранее прихода русских и дотянулась до XVIII в., до Павлуцкого и Шестакова.[1] Рассказы о борьбе с коряками поэтому свежее. Они приводят названия селений, имена вождей чукотских и неприятельских. В рассказах о борьбе с айванами собственные имена редки и не имеют особого значения.

С другой стороны, рассказы о борьбе приморских чукоч с эскимосами можно сопоставить с другими рассказами, уже эскимосскими, о заселении Гренландии и о борьбе с гренландскими норманнами.

Талбицер, который занимался этим вопросом, пришел к выводу на основании довольно бесспорных исторических данных, что движение эскимосов с американского материка в Гренландию началось не раньше XIII века. В XIII, XIV, XV веках произошло заселение Гренландии эскимосами, вытеснившими постепенно более древних норманских насельников. Несмотря на медленность этого процесса, можно предполагать, что в широко раскинутых пределах эскимосского племени все же происходило в то время известное движение. Народ, весьма немногочисленный, занимавший на западе новые большие территории, естественно, должен был отхлынуть от востока и уступить натиску ближайших соседей и соперников, какими для эскимосов являлись приморские чукчи. Таким образом, борьба эскимосов с чукчами по времени могла бы совпадать с заселением Гренландии.[2] Азиатские поселки, очищенные

---

[1] Борьба чукоч с коряками продолжалась вплоть до последней четверти XVIII в.

А. Шестаков был назначен Сенатом командиром Анадырской партии, но, не дойдя до Анадырска, в 1730 г. был убит чукчами. Его сменил Д. И. Павлуцкий, совершивший несколько походов против чукоч в 30—40-х годах XVIII в. *Прим. ред.*

[2] В свете новейших данных, основанных на результатах археологических изысканий, произведенных за последние годы на территории расселения

в пользу чукоч, были возмещены гренландскими поселками и местами тюленьего промысла, отвоеванными у норманнов.

Как бы то ни было, азиатские эскимосы, хотя и оттесненные к Берингову проливу, являются в этой области старинными насельниками.

Даже существование в такой небольшой этнографической группе трех различных диалектов указывает на остатки чего-то старинного, многовекового.

Много раз поднимался вопрос, являются ли эскимосы коренными обитателями Азии или же их нужно рассматривать как переселенцев из Америки, хотя бы и сравнительно старинных.

Из вышеприведенных фактов и соображений можно заключить, что в среде азиатских эскимосов существовало два встречных движения: с одной стороны, движение с севера на юг, которое и теперь проявляется, например, в колонизации острова Лаврентия, с другой стороны, обратное движение с юга на север и с запада на восток под напором чукотских соседей.

Можно считать установленным почти с несомненностью, что на обоих берегах Берингова моря и в Азии, и в Америке эскимосы являются клином, который вошел с севера и разъединил непрерывную цепь близко родственных племен.[1] В Азии чукотская группа [чукчи, коряки (ительмены), камчадалы], также юкагиры, чуванцы и, быть может, гиляки во многих отношениях родственны американским индейцам, живущим по северным берегам Тихого океана (тлинкиты, алгонкины, атабаски, квакиутль, гайда, цимшиан и др.). Возникает, однако, вопрос, откуда был загнан этот клин: с востока или с запада? Исследователи Боас, Ринк,[2] Талбицер склоняются к тому, чтобы принять расселение эскимосов идущим из Америки, причем азиатская ветвь является побочною отраслью, хотя быть может и весьма старинной. К тому же склоняется и В. И. Иохельсон

эскимосов Америки, Гренландии, островах Тихого океана (о-ве Лаврентия, Пунукских), а также на Чукотском полуострове, установлено, что эскимосы начали заселять Гренландию в конце I тысячелетия н. э., а не в XIII в. Столкновение чукоч с эскимосами на северо-востоке Азии должно быть отнесено к более раннему времени, чем то предполагал В. Г. Богораз. (См. С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л. 1947. стр. 112; А. М. Золотарев Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Изв. Воронежского государственного педагогического института, т. IV, 1938.) *Прим. ред.*

[1] В настоящее время установлено, что эта гипотеза „эскимосского клина" не имеет под собой достаточных оснований. Вполне убедительные факты дают материалы советских археологов, добытые на Чукотском полуострове, которые с неоспоримой убедительностью показывают связь древней Берингоморской культуры с югом, возможно даже с Океанией. Наиболее древние элементы эскимосской культуры обнаружены на Тихоокеанском побережье Чукотского полуострова. На американском же побережье уже встречается наиболее позднее развитие эскимосской культуры. Таким образом, азиатское происхождение эскимосов Америки и Гренландии можно считать вполне доказанным. (См. названную работу проф. С. И. Руденко.) *Прим. ред.*

[2] Rink. Eskimo tribes. Стр. 5.

в своей работе о коряках.[1] Я не считаю возможным принять это мнение без всяких оговорок. На той же странице В. И. Иохельсон говорит, что эскимосское влияние на корякскую культуру не легко объяснимо, и высказывает предположение, что между коряками и эскимосами в какой-то минувший период существовало прямое соприкосновение. Где и когда оно имело место, — заканчивает он, — этот вопрос остается до сих пор открытым.

Можно пойти еще дальше и говорить не только о влиянии эскимосской культуры на чукоч и коряков, а прямо об эскимосской этнической струе в самом составе чукотской группы или, по крайней мере, в составе двух указанных выше племен, оставляя камчадалов в стороне. Мне приходилось высказываться по этому вопросу печатно. Я указывал, что и до сих пор сравнительно с приморскими чукчами эскимосы являются лучшими мореходами и охотниками на морского зверя. Благодаря своему более восточному положению на крайних мысах Азии они явились также торговцами, торговыми посредниками. Именно они и ведут торговлю с американскими китоловами,[2] и через их посредство американские товары (ружья, патроны, ножи, котлы, крупчатка, керосин, жевательный табак, патока, сахар, спирт) распространяются далеко на запад до пределов реки Колымы. С другой стороны, приморские чукчи, живущие тут же по берегу, сохранили связь более или менее тесную с своими оленными единоплеменниками, живущими дальше в глуби материка. Таким образом, взаимное влияние определилось так: чукотские оленьи шкуры и весь связанный с ними обиход — одежда, жилище из шкур, проникли от приморских чукоч к азиатским эскимосам и далее на Аляску. Напротив того, эскимосские орудия для морских промыслов, начиная от кожаной лодки и кончая метательными шарами для ловли птиц на лету, перешли от эскимосов к чукчам и в меньших размерах к корякам.

Это взаимное влияние, между прочим, отразилось и в языке обоих народов. Так, целый ряд слов, относящихся к сухопутным животным и промыслам и вообще к разным предметам и явлениям, приходившим из Азии, перешел из чукотского языка в наречие азиатских эскимосов и даже проник в Аляску.

Чукотские слова	Азиатско-эскимосские слова
qoraŋi — домашний олень	koyŋík, южный диалект — koŗ-
čúmŋi — домашний олень, самец	ník sumna
kejŋin — бурый медведь	kaíŋa, ср. Ринк, З. С. — 'kaingu'

[1] Jochelson. Koryak. Стр. 359.

[2] Необходимо иметь в виду, что эти сведения автора относятся к 1901 г. *Прим. ред.*

tu¦ketuj — щука	tuíkak
qetaqet — кета	kítaqa
kelikel — бумага, письмо	kaligak (первоначальное значение — 'пестрина', 'резьба') Шульц, Ал. — gáligak .
čivaro — серый	sívaro
ajmalqāl — маслак, масталыга	aimálqa
kérgičin — окно (буквально, отверстие для света)	kérgisa
ináalek — торговый знакомец (из чужого племени)	inirla
jilgi-túmgin — двоюродный брат	ilóq. Впрочем, азиатско-эскимосское ila 'товарищ', 'спутник'; Барнум, Ал. — illa 'сосед', 'товарищ'; íla 'товарищ', Ринк, Лабр., Центр. обл., Мек., Гр.
ejvel — сирота	éywali
mičūpeŋ — гребень (буквально, вошеловка)	misunak
tikil означает одновременно 'тополь' и 'белую сову'	aniра (с таким же двойным значением)

Список слов, заимствованных чукчами у эскимосов, однако, длиннее. Он обнимает, по преимуществу, термины морской фауны и морского промысла.

Азиатско-эскимосские слова	Чукотские слова
táryuk — морской рассол, морская вода	tэju (tej) 'соль'; Боас, Кумберланд, Шульц, Ал. — tarriuk (в том же значении)
tigak — самец-тюлень, порода Phoca vitulina largha	tíke (tík), Боас, Кумберланд — tigang, Лабр. tiggak, Гр. tiggak.
uiraq — сивуч	uiiq, Ринк, Мек. uiaruaq 'кашалот'
avláqaxtak — метательные шарики для ловли птиц на лету	épläqät
púttu — дыра	poltinâlgin 'дыра', Петитот, М. — putu; Ринк — puto, Лабр., Центр. обл., Мек., З. С.
nekáryak NNw — направление ветра	nikeejen, Барнум, Ал. neguk 'север'
kayu, kayúŋixak (уменьшит.) бык — рыба, порода gadus scorpius	kanajolgin, Ринк — kanaioq; Клейншмидт — kanaiok. Слово это представляет интересный факт совпадения якутской формы с американскими формами, минуя азиатско-эскимосскую форму

Азиатско-эскимосские слова	Чукотские слова
sálŋak, sálŋaŗak (уменьшит.) — ящик	čeŋil, Келли Ал. Sooloogowrook (маленький ящик); Петитот teñuluçatçiaçk
putúŗakuk — он пляшет	puturérkin
kánŗak — салазки	kéŋer

Будет любопытно указать, что другой член чукотской группы языков, корякский язык, в значительной степени свободен от этих позаимствованных слов. Так, в корякском 'рассол' — jam-jam; 'белый дельфин' — jjiŋi и т. д.

Азиатско-эскимосские названия созвездий совершенно совпадают с чукотскими, заключая в себе характерные чукотские рассказы о кривоспинном Орионе (Roltaŋik), который сватался к Плеядам (группа женщин)[1] и пр.

Напротив того, названия этих созвездий в других эскимосских наречиях, даже в ближайшем аляскинском, совершенно отличны.

Азиатско-эскимосская система месяцев также во многом совпадает с чукотской, отмечая, например, осенью месяц течки домашних оленей, и в другом варианте на уединенном острове Лаврентия месяц убоя тонкошерстных пыжиков, т. е. месяц больших осенних праздников, связанных у чукотских оленеводов с таким убоем. У эскимосов Аляски, в отличие от этого, четыре названия месяцев связаны с дикими гусями. Еще любопытнее взаимные заимствования чукотского и эскимосского языков в области союзов (см. ниже, стр. 98).

С одной стороны, чрезвычайно богатая и разветвленная система чукотских союзов почти целиком позаимствована азиатскими эскимосами. При сжатости эскимосской конструкции речи и при наличии собственных союзов эскимосского происхождения это чужое богатство порой представляет излишнюю роскошь. Иные из чукотских союзов даже фонетически не вполне ассимилированы, а так и употребляются в их странной, чуждо звучащей форме.

С другой стороны, можно отметить весьма любопытное употребление в чукотском и даже в корякском языке союзов коренного эскимосского происхождения, общих азиатско-эскимосскому наречию с наречиями Аляски и даже Гренландии. Например: азиатско-эскимосское — atak, аляскинское — âtâkâ, гренландское — taok, чукотское — átau, корякское — átau 'все же', 'все-таки'.

В основных элементах чукотского и корякского языков заключаются явные следы эскимосского влияния или, точнее говоря, эскимосская струя вплетается в самую основу, в ткань чукотско-корякского языка.

---

[1] Ср. Bogoras. Chukchee Стр. 308; В. Г. Богораз-Тан. Чукчи. Ч. II, Л., 1939, стр. 24.

Так, эскимосское окончание множественного числа глаголов и имен, общее для всех диалектов *t* (часто с предшествующей соединительной гласной), перешло и в чукотский язык для того же множественного числа, а в корякский уже для двойственного числа.

Напротив, эскимосское окончание tik 2-го лица двойственного числа глаголов непереходящих перешло в чукотский для множественного числа того же лица и тех же непереходящих глаголов. Причем, например, в азиатско-эскимосском наречии в повелительном наклонении это окончание свойственно и множественному числу.[1]

2-е лицо мн. ч. 'будьте'

Чукотский язык qätva-tik.
Азиатско-эскимосское наречие pi-tik.
Аляскинское наречие pē-tuk.

Чукотская группа языков, по основным своим свойствам отличная от языков Азии,[2] имеет сходные черты с некоторыми американскими языками.

С одной стороны, особенностями инкорпорации объектов и определений она уподобляется индейским языкам.

Например: Pawnee ta-t-i tka'wit 'я рою грязь'; ta, изъявит. накл.; -t—1-е лицо ед. числа; itkār^{u} 'грязь'; pit 'рыть'; *rp*- сливаясь образует w.[3]

Чукотское t-ı-vala-mná-rkın 'я точу нож'; t—1-е лицо ед. числа; ı—соединительный гласный; vala-—(основа) 'нож'; pne-—(основа) 'точить' (*p* в середине слова или группы слов изменяется в *m*; *e* переходит в *a* согласно правилам о гармонии гласных); rkın—глагольный суффикс настоящего времени. Параллелизм полный.

С другой стороны, весь строй суффиксов в общем и даже в подробностях, система указательных местоимений и числительных и разные другие особенности чукотской группы языков, сближают ее именно с эскимосским языком. Например, эскимосский формально-вспомогательный существительно-глагольный корень pe, pivok, как бы заключающий реальные идеи формальными образованиями, имеет в чукотско-корякском такой же точно параллельный корень nike. Значение этого формального корня так велико, что он оказал влияние на местную русскую речь и вызвал появление русского формально-заместительного

---

[1] Это утверждение автора сомнительно, так как анализ материала дает основание предполагать самостоятельные пути образования показателей числа в указанных языках. *Прим ред.*

[2] В данном случае автор не учитывал гиляцкого (нивхского) языка, по строю близкого чукотской группе языков. *Прим ред.*

[3] Пример позаимствован из Handbook of American Indian Languages. Boas. Introduction, стр. 75.

глагола: 'то-делать', 'то-доспеть'. 'Пришел к има, а они то-делают ужинают-да'.[1]

Если говорить об эскимоидах в лингвистике, то чукотско-корякская группа языков одновременно должна быть признана и индео-подобной и эскимоидной группой. Еще интереснее анализ самого наречия азиатских эскимосов. Наречие азиатских эскимосов, самое западное из эскимосских наречий, несмотря на некоторое влияние соседнего чукотского языка, должно быть признано и по словарному материалу и по грамматической конструкции и по построению фраз исконным и истым эскимосским наречием. Ближе всего оно примыкает к наречию западной Аляски, как то представлено у Барнума, Шульца и Нельсона, и можно даже сказать, что в некоторых отношениях оно составляет с этим наречием отдельную подгруппу эскимосских наречий. Особенно схожи суффиксы имен, вся система спряжения глагола переходящего, причастие, прилагательное, степени сравнения, наречие, числительное, местоимения личные и указательные, притяжательные формы имен.

Однако в склонении имен, в глагольных суффиксах замечается существенная разница, о которой будет сказано ниже. Также и в словарном материале рядом с словами, сходными с наречием Аляски, есть другие, которые совпадают с наречиями центральных областей и даже Лабрадора и Гренландии, минуя промежуточные звенья. Так, в центральном азиатском диалекте amak 'волк', на Аляске (Шульц, Ал.) kuglúnuk, в азиатском диалекте мыса Дежнева kilŭnak; у Петитот, М.—amaŗoŗke, Петитот—amaŗak (явно увеличенное); Боас, Кумберланд—āmaroq; Ринк, Гр.—amaroq — одно из сказочных чудовищ (волки в Гренландии не водятся). Чересполосность словарных совпадений ярко выступает на указанном примере.

В этом отношении весьма поучительна сравнительная таблица шаманского языка,[2] который свойственен наречию азиатских эскимосов наравне с другими эскимосскими наречиями. Слова этого языка, конечно, должны быть признаны самыми старинными, коренными для каждого наречия. Чересполосность совпадений и в данном случае проявляется достаточно заметно.

В общем наречие азиатских эскимосов составляет особое своеобразное наречие эскимосского языка. Мало того, внимательно анализируя его свойства, находим ряд особенностей, которые не могут быть признаны иначе, как архаичными. Так, в склонении имен находим в азиатско-эскимосском наречии среди местных падежей модальный падеж с окончанием mĭ(ŋ), nĭ(ŋ). Употребление этого модального падежа весьма разнообразно.

---

[1] Богораз. Областной словарь. Стр. 14.

[2] Ср. В. Г. Богораз. „О так называемом языке духов (шаманском) у разных ветвей эскимосского племени". Известия Академии Наук. VI серия. т. XIII, 1919.

Во-первых, он служит для обозначения объекта действия при непереходящей форме глагола или косвенного дополнения при переходящей форме глагола: túnumi[ŋ] ŗáŗomat 'жирное (мясо) они варили'.

Здесь túnumi[ŋ] поставлено в модальном падеже, так как ŗaŗomat—непереходящая форма глагола: tunumi[ŋ] ŗáŗaki 'жирное мясо она варила для них'. Здесь глагол в переходящей форме. Tunumi[ŋ], модальный падеж, составляет косвенное дополнение.

Во-вторых, модальный падеж служит для обозначения орудия или средства, при помощи которого произведено действие. Ṣámi[ŋ] akilâkin, 'Чем я отвечу тебе'. Tárxaŗmi[ŋ] uyáuŗuku 'Пока она привязывала ее ремнем'.

И, наконец, в-третьих, модальный падеж употребляется в значении творительного на вопрос: 'откуда'?'от чего'? Yúwiak-ka alikáxtuk-ka táarxami[ŋ]. 'Маленькие люди показались на яру'.

В аляскинском наречии модальный падеж употребляется точно так же во всех трех значениях. Окончаниями его являются -mik, -nik. У Барнума указаны первые два рода употребления. Но у Шульца указан также и ablativus (творительный). Mech-a-muk 'из воды'.[1] (Шульц, Ал. стр. 41.) Однако дальше на восток эти столь различные способы употребления, соединенные в одном падеже, начинают расщепляться. Так, у Петитот, М. указано вместо одного три падежа: 1) Accusativus (винительный), 2) Causativus (каузативный, причинный) и 3) Ablativus (творительный). Окончания первых двух настолько сходны между собой, что можно считать это разделение некоторым недоразумением.

Винительный: -mik, -nmik, -mnik, -gmik.
Каузативный: -nik, -minik, -nmik.

Для творительного падежа, однако, указан определенно особый суффикс -min, -nin, -gnin, -minin, -mingnin. Суффикс этот, очевидно, развился из того же общего суффикса модального падежа -mi[ŋ] -ni[ŋ] с некоторым усилением назализации.

Далее на восток в гренландском наречии расщепление закрепилось. Получилось два падежа: собственно модальный с окончанием -mik и творительный с окончанием -mit, -nit, которое морфологически соответствует окончанию творительного падежа у Петитот -min, -nin, а стало быть и тому же общему окончанию модального азиатско-эскимосского наречия.

Азиатско-эскимосская форма модального с ее окончанием -mi[ŋ],-ni[ŋ], слабой назализацией и разнообразным значением явно представляется первичной, более древней формой падежа.

Далее, в азиатско-эскимосском наречии находим форму звательного падежа, исчезнувшую в других наречиях. Любопытно, что и в азиатско-эскимосском она сохранилась только в архаическом, так называемом шаманском языке.

В обыкновенной речи употребляются две формы обращения: 1) сложная с yuk 'человек' и 2) тождественная формам обращения других наречий —iŋ-youk! 'эй ты там!'

То же у Барнума, Ал. § 351 iŋuōk 'вы сверху там'.

kăm-yōk 'вы внутри там'.
kăkum-yōk 'вы наружные там'.

В наречии азиатских эскимосов существует и другая форма обращения, сходная с чукотской. Ее окончание -*у*:

kamay! 'эй ты внутри!'
kakmaŷ! 'наружный, эй ты снаружи!'
aŋaŋaŷ! 'о женщина!'

Форма обращения в виде звательного падежа существует в языке азиатских эскимосов. Окончание ее — -*у* полугласный. Быть может, это подражание чукотскому.[1]

Tankokoŋay! (имя собственное), у чукоч Tenkukuŋej!
Однако kamay! звательный от kámna 'эй ты сидящий внутри!'

У чукоч просто—relqulon!
У эскимосов же—
aŋaŋay! о женщина!'
kakmay! 'наружный!'

В шаманских песнопениях существует другая форма звательного падежа с суффиксом, типичным для эскимосского склонения, впрочем, различного для единственного и множественного числа.
Ед. число -*mi*, мн. число -*ni*.

táŋumi! 'о человек!'
táŋuni! 'о люди!'

Другая форма обращения составляется из существительного yuk 'человек' с предшествующей основой указательного местоимения iŋ-yuk! Saŋávuk Is'xaŋanixsin? 'Эй ты там, почему ты не смотришь на меня?'
Тождественная форма у Барнума § 351 iŋuō 'вы сверху там'. Также формы Барнума:

kăm̆yōk 'вы внутри там'.
kăkŭmyōk 'вы наружные там' и т. д. могут существовать рядом с вышеприведенными формами: kámaý и kakmaý.

В чукотском языке: Araroj! Upenkáj! звательный падеж собственных имен Aráro и Upénka. Qlej! звательный падеж от

---

[1] О других падежах и склонении имен см. стр. 51 и др.

Qliq 'человек'. То же и в корякском Jultej! звательный падеж от имени Julti. Трудно, впрочем, определить, действительно ли азиатско-эскимосское наречие заимствовало эту форму звательного падежа у чукотско-корякской группы или, быть может, обе эти формы, азиатско-эскимосская и чукотско-корякская, возводятся к общему источнику.

Между прочим, во всех эскимосских диалектах падежные окончания единственного числа имеют начальный *m*, а падежные окончания множественного числа начальный *n*.

В азиатско-эскимосском наречии такое различие исчезло и сохранилось только в шаманском звательном. Но из этого видно, что это и есть настоящая форма первичного звательного падежа.

Далее, при анализе глагольных суффиксов, столь многозначущих и разнообразных во всех эскимосских наречиях, мы, к нашему удивлению, находим, что в азиатско-эскимосском наречии суффиксы не окончательно окостенели и некоторые из них все еще способны к самостоятельной жизни в виде особых глаголов, имеющих значение, форму и употребление глагола вспомогательного.

Так, глагольный суффикс -li, в азиатско-эскимосском наречии -lixtuk (непереходный), -lira (переходный); в гренландском является как -iárpok; -liarpok; -iorpok; -liorpok; -êrpâ -lĕrpá.

Морфологически азиатско-эскимосские суффиксы -lixtuk равны гренландскому -liorpok; азиатско-эскимосское -lira равно гренландскому -lerpa. Значение этого суффикса для глаголов непереходящих 'он обращается в', 'его принимают за'; для глаголов переходящих 'он снабжает чем', 'он обращает во что'; 'он делает кого чем'.

Так, в азиатско-эскимосском наречии: irne-li-tá-mkin 'я делаю тебя моим сыном', 'я усыновляю тебя'; irne — основа имени 'сын'; -li — глагольный суффикс; -ta — суффикс изъявительного наклонения неопределенного времени; -mkin — личное окончание, выражающее отношение 'я — тебя'.

uwi-li-nak-a-pi-ŋa 'ты имеешь меня мужем'.

Рядом с этим суффикс -li является в виде особого вспомогательного глагола -lixtuk; -lirá:

uwiŋuluŋa l rumaka 'она имела меня мужем'.
akitŋúłuku łima 'сделала это изголовьем'.

Другие примеры глагольных суффиксов, сохранивших самостоятельную жизнь, будут указаны далее.

Эти замечательные свойства азиатско-эскимосского наречия заставляют поставить вопрос, не является ли оно более первичной формой эскимосского языка, сохранившейся далеко в стороне на азиатском востоке, с меньшими изменениями, чем другие наречия.

Указанные свойства азиатско-эскимосского наречия, разумеется, отнюдь не решают вопроса об азиатской прародине эскимосов.[1] В истории расселения народов, первобытных и более культурных, чаще всего уцелевшие обломки старины являются не на предполагаемой прародине, а в каком-нибудь глухом и уединенном углу территории, куда данный народ был оттеснен давлением соседей. Так южная оконечность Африки едва ли является прародиной бушменов и Огненная Земля прародиной огнеземельцев. Филологические сближения и различия вообще не признаются достаточно надежным научным материалом, ибо язык часто и легко переходит от одного племени к другому, помимо племенного единства и способами, еще не вполне исследованными. Ведды на Цейлоне говорят испорченным сингалезским наречием, хотя их сношения с сингалезцами довольно незначительны. Система арийских языков так и не могла превратиться в этнологии в систему арийских народов, объединенных единством расы. Бесконечные войны и переселения народов действуют как вулканические силы. Они перемещают народные пласты, разрывают опорные связи и создают иные, совершенно новые. В этом отношении, однако, на крайнем севере племенные отношения проще, чем на юге. Население слишком редко и слишком поглощено добыванием пищи насущной. Переселение на севере не есть завоевание, а скорее просачивание, медленное проникновение нового племени на территорию, наполовину пустую, кое-где усеянную поселками туземцев. Несмотря на боевые столкновения разных групп, можно сказать, что на севере у полярного круга племенные пласты в общем сохранили свое первоначальное положение и, во всяком случае, не претерпели таких смещений, как племенные пласты на юге. Замечательная изоляция эскимосского племени с его законченной, замкнутой в себе культурой служит тому лучшим доказательством.

Поэтому в определении племенных отношений на севере филологические сближения более верны и доказательны, чем на юге.

Возвращаясь к вопросу об азиатско-эскимосском наречии и племени, я хочу подчеркнуть, что одновременно с многими указаниями на более древние формы азиатско-эскимосского наречия Талбицер по отношению к гренландскому наречию указывает, напротив, что оно является более поздним образованием и формы его сравнительно нового происхождения. Это согласуется с другими указаниями Талбицера, что западные наречия вообще консервативнее восточных. Указания Талбицера относятся к фонетике или к грамматике. Рядом с этим нужно

---

[1] Здесь сказывается свойственная В. Г. Богоразу некоторая неустойчивость его взглядов. Ср. выше, стр. 34–35, где он совершенно правильно ставит вопрос об азиатском происхождении эскимосов. *Прим. ред.*

поставить указания Ринка, что материальная культура эскимосского племени вообще прогрессирует по направлению от востока к западу, так что приспособления и орудия восточных эскимосов являются наиболее усовершенствованными, а следовательно, позднейшими.[1]

Напротив, социальная организация, по указаниям Ринка, на западе более совершенна, а на востоке как бы распалась на отдельные частицы.

Именно на этом противоположении эскимосского запада эскимосскому востоку Ринк основал свои предположения о том, что Аляска является, если не первоначальной родиной, то ранним центром расселения эскимосских племен.

Азиатские поселки в социальном отношении не могут похвастаться высокой организацией. Азиатские эскимосы не имеют даже общественных домов, столь типичных для Аляски. Я сказал бы впрочем, что в социальном отношении поселки азиатских эскимосов слишком малочисленны и как-то недостаточно типичны. Сходство культуры материальной, социальной и духовной с культурой более многочисленных чукоч не позволяет говорить о социальной организации азиатских эскимосов, как о чем-то особом.

Единственным материалом для исследования, имеющим особый характер, все-таки остаются материалы филологические.

СИСТЕМА ЗВУКОВ

Для начертания эскимосских звуков я воспользовался шкалой, составленной применительно к латинскому алфавиту.

Приняты во внимание также указания Талбицера[2] в его работах по эскимосской фонетике.

Эта система эскимосских звуков, между прочим, употреблена и в моей работе об эскимосах, напечатанной по-английски.[3]

В азиатско-эскимосском наречии имеются следующие звуки, указанные в соответственных начертаниях.

Согласные звуки

		Губные	Зубные	Велярные	Увулярные
Смычные	немые	p	t	k	q
	плавные	m	n	ŋ	
Открытые	плавные	b v w	l y j z	g	ɣ
	немые	f	c č j s	x h	

[1] Rink. Eskimo tribes. Стр. 25.

[2] Thalbitzer W. A Phonetic Study of the Eskimo Language, reprint from Meddelelser of Grenland. Vol. XXXI. Copenhagen, 1904.

[3] Bogoras W. The Eskimo of Siberia, Jesup North Pacific Expedition. Vol. VIII, part. III.

Гласные звуки

ï	ë	ä		
i	e	a	o	u
ı	a(ä)			u(U)

~ над буквой означает назализацию, более или менее заметный носовой оттенок звука: $\tilde{i}$ $\tilde{w}$.

^{w}j означает лабиализацию, губной оттенок звука ^{w}r.

^{c} означает придыхательный звук. Придыхательный оттенок звука часто встречается в наречии азиатских эскимосов: l^{c}, v^{c}, p^{c}, w^{c}, m^{c}, d^{c}, t^{c}, k^{c}, s^{c}, s^{c}.

$^{\cdot}$ означает смягчение, нёбный оттенок звука, почти как русский „ь“; $n^{\cdot}$, $t^{\cdot}$, $s^{\cdot}$; $j^{\cdot}$ $c^{\cdot}$.

ï — долгий звук, почти двугласный, соединяющий в себе *i* и *e*.
ë — как французский *e* в слове coupé.
i — глухой звук, почти как русский *ы* [ɪj].
ä — глухой звук, средний между *a* и *e* [ä].
u — глухой звук, почти как английский короткий u в слове hut.

в, *v*, *w* — все три звука билабиальны (двугубные); каждый последующий слабее предыдущего.

Талбицер дает только *w* с указанием, что он соответствует *v* международной фонетической ассоциации.

В азиатско-эскимосском наречии различие между *v* и *w* вполне определенное.

Относительно *в* я не вполне уверен, тем не менее, не нашел возможности исключить и его.

y — полугласный, как русский *й* или немецкий *j*.
j — как французский или русский *ж*.

Z, *z*. Талбицер подвергает сомнению существование звонкого *z* в каких бы то ни было эскимосских наречиях; я должен сказать, что действительно звук этот не вполне определенен. Так, в одном и том же слове слышатся то atásik, то ataz.k.

Впрочем, такую же точно неустойчивость Талбицер указывает и в гренландском наречии по отношению к звонкому *z*. Именно из-за этой неустойчивости Талбицер не счел возможным включить его в свою систему звуков. Я же не нашел возможным исключить его.

Точно такую же неустойчивость проявляют звуки *š* (русский *ш*), *č* (русский *ч*), *s*˙ (русский *сь*) особенно в глагольных окончаниях. Во 2-м лице мн. числа слышится то *si*, то *ši*, то *s*˙*i*, между тем, как в сущности это один и тот же колеблющийся звук. Такое же колебание замечается и в аляскинском наречии (см. Барнум) и даже в гренландском.

ǰ — английский j (дж).
ǰ и č — очень мягкие звуки, подобные таким же чукотским.
ŋ — носовой звук.
g — глубокий велярный звук.
x — мягкий звук, как русский мягкий х.
h — легкое придыхание. Талбицер опять-таки отрицает существование легкого придыхательного звука в эскимосских наречиях.

Я же, напротив, считаю возможным сопоставить его с придыхательным оттенком согласных, как указано выше.

q — увулярный k.
r — очень глубокий, увулярный картавый г.

Для начертания чукотских звуков, кроме того, прибавлены следующие знаки, установленные мной раньше:

Гласные	Согласные
e, ê, ᵋi, ө, ŭ	ḷ, ḹ, ṙ, ḋ, š

ê, *ᵋi*, *ө* — долгие звуки; *e*, *ŭ* — короткие звуки.
ê — открытый звук, как русское *э*.
ʻi — двугласный с ударением на *i*. Этот звук всегда сопровождается гортанным усилением *ʻiᵋ*. Гортанное усиление ᵋ, впрочем часто сопутствует и другим гласным.
ө — средний между *i* (латинским) *u* и *o*.
e — короткий глухой звук.
ŭ — полость рта как для звука *i*, губы как для звука *u* (латинского).
ḷ — кончик языка прижать к корням верхних передних зубов, середина языка касается твердого нёба. Глухой звук.
ḹ — то же самое, звук плавный.
ḋ — смягченный *d*, как русский *дь*.
š — как русский *ц*.

ЧАСТИ РЕЧИ[1]

В азиатско-эскимосском наречии, как и вообще в эскимосском языке, довольно трудно провести разделительную линию между различными частями речи.

[1] Отдельные замечания общего и частного характера, относящиеся к частям речи эскимосского языка, см. также в разделе: „Причастие“, стр. 75, „Глагольная основа, как существительное“, стр. 77, „Прилагательные“ стр. 86, „Наречия“, стр. 88, „Глагольная форма имен“, стр. 97. *Прим. ред.*

Значительная часть окончаний и суффиксов обща, например таким различным частям речи, как существительное и глагол. Конечно, и в эскимосском языке речь распадается на несколько категорий слов, более или менее различных между собой. Таковы имя, глагол, местоимение личное, местоимение указательное, союз, междометие. Но это разделение не достигло определенностей, и формы именные и формы глагольные остались в значительной степени гомологичными и сохранили способность переходить друг в друга. Каждое имя может быть превращено в глагол. Каждый глагол может рассматриваться как имя. Таким образом, нам предстоит рассмотреть изменение слов, общее различным частям речи и другие изменения, свойственные каждой из частей речи особо.

Двойственное и множественное число

Образование двойственного и множественного числа свойственно всем изменяемым частям речи и производится оно одним и тем же способом.

Окончание двойственного числа *-k*. Окончание множественного числа *-t*.

Ед. число	Дв. число	Мн. число
человек — yúk	yuúk	yuút[1]
нога — íɣú	iɣuk	iɣut
глаз — íyá	iyık	iyıt
сын — iɣnıq	iɣnıɣık	iɣnıɣıt
он пришел — taqiq	taqık	taqít
tokóta 'он убил его'	tokótık 'они двое, убили его'	to'kó'at 'они (многие) убили его'

Имена существительные

Единственное число

Единственное число имен существительных состоит из основы чистой или измененной.

Основы, оканчивающиеся на гласные: *a, e, i, ı, ī, o, ŭ, u* [ŋ] и на согласные: *k, q, n,* большей частью остаются без измене-

[1] yuut от слова yuk 'человек'. Во множественном числе *k* основы в положении между гласными переходит в *g*. Правильнее будет не yuut, а yugit. *Прим. Г. Меновщикова.*

ния: áma 'волк', kī 'рана', yeivali 'сирота', niŋlu 'зимнее жилище', aŋlo 'отверстие во льду, проделанное тюленем для дыхания'; łóo 'праща', tuntu[ŋ] 'олень (дикий)'. В других случаях к основе прибавляется *q* или *k*: úksuq 'зима', s·avik 'нож'.

Основы, оканчивающиеся на *t*, изменяют его в *n*:

mana-n 'удочка'	основа manat
naxpi-n 'аркан'	„ naxpit
aŋligu-n 'брат'	„ aŋligut

Множественное число

Множественное число образуется путем прибавления к основам окончания множественного числа *t*.

Там, где единственное число представляет чистую основу, окончание *t* прибавляется просто к основе.

Ед. число	Мн. число
áma — волк	ámat — волки
náŋa — мать	náŋat — матери
pána — копье	pánat — копья
kī — рана	kīt — раны
snáɾmi — прибрежный житель	snáɾmit — прибрежные жители

Там, где чистая основа оканчивается на гласный, подобно предыдущим основам, но единственное число образовано при помощи окончания *q*, *k*, множественное число образуется из единственного путем замещения этого окончания *q*, *k* окончаниями множественного числа *t*.

Ед. число	Мн. число
aɾnaq — женщина	aɾnat — женщины
núyaq — человеческий волос	núyat — человеческие волосы
kikmiq — собака	kikmit — собаки
ámiq — дверь	ámit — двери
aŋyaq — лодка	áŋyat — лодки
unáxsiq — дерево	unáxsit — деревья

В том случае, когда чистая основа имеет в конце гортанный согласный *x*, *h*, *g* окончание прибавляется к основе, причем вставляется соединительный гласный *i* (ı).

Ед. число	Мн. число
s'avik — нож	s'avigit — ножи
ùŋak — ус	uŋágit — усы
kútik — штаны (мужские)	kutigit — штаны (мужские)
náxq^{w}ak — кость	náxq^{w}agit — кости
kávik — лисица	kavigit — лисицы
yuk — человек	yúut и yúit — люди
но:	
núna — земля, страна	núnat — земли, страны
núnak — жительство, поселок	núnágit — жительства, поселки
iya — глаз	iyit — глаза
ixa — ладонь	ixit — ладони

К основам с окончанием на *t*, измененным для абсолютного падежа единственного числа в *n*, во множественном числе *t* основы восстанавливается и между *t* основы и *t* окончанием вставляется соединительный гласный *i* [ɪ].

Ед. число	Мн. число
mánan — удочка	mánat-ɪ-t — удочки
náxpin — аркан	naxpit-ɪ-t — арканы
siun — ухо	siut-ɪ-t — уши

Двойственное число

Правила образования двойственного числа в общем те же, что и множественного, с соответственным различием окончаний *-(ɪ)k*, *-(ɪ)t*.

Впрочем надо сказать, что в азиатско-эскимосском наречии, как и в гренландском, двойственное число употребляется сравнительно реже, чем множественное. Бóльшая часть существительных совсем не употребляется в двойственном числе. То же самое можно сказать и о глаголах.

Азиатско-эскимосское наречие в своем отказе от двойственного числа пошло дальше гренландского. Так, даже в тех случаях, когда определенно указана пара предметов или лиц, естественно или искусственно составленная, все-таки вместо двойственного нередко употребляется множественное число.

nulixkulŗit tokókuŗi ‘он убил их обоих вместе с его женой’.

uwikulŗit xiŋit povóxlaxtut ‘лица их обоих вместе с мужем сильно вспухли’.

Впрочем примеры употребления двойственного числа встречаются и в текстах и в примерах из фразеологии.

Ед. число	Дв. число	Мн. число
рука — táłik	tałikık	táłit
мужчина — ʏuk	yúuk	yuıt
женщина — áɾnak [q]	aɾnık [arnak]	áɾnat
лодка — áŋyaq	aŋyák	aŋyat
жена — nulik	nulixık	nulixıt

iyıxka aknıɾakuk 'мои (два) глаза болят'.
yúuw málɾuk tagık 'два человека пришло'.
ıs'ka aknıɾakuq 'мой глаз болит'.
yuk tahiq 'человек пришел'.
málɾuk ıɾnıɾıxka tagimalɾit 'два мои сына пришли'.
tokótak 'он убил их обоих'. (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 455.)

Здесь существительное в двойственном, а глагол во множественном числе.

kamgıni túumi'свои сапоги он взял'. (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 453.) Здесь и существительное и глагол во множественном числе.

Абсолютный и относительный падеж

Абсолютный падеж до известной степени соответствует именительному падежу европейских языков. С непереходящими глаголами абсолютный падеж выражает подлежащее, а с переходящими глаголами — прямое дополнение, причем подлежащее ставится в относительном падеже, например kavixak s'naɾnıɾakuq 'лисичка ходила по морскому берегу'. Aɾnam áɾnaɾaxat túumi 'женщина маленьких девочек взяла их'.

Впрочем конструкция переходящего глагола с подлежащим в относительном падеже и прямым дополнением в абсолютном падеже часто замещается конструкцией непереходящего глагола с подлежащим в абсолютном падеже и прямым дополнением в модальном падеже.

úkumıŋ nɾúmak 'жиром она поела', т. е. жиру поела.
amimıŋ apsúwakuk nulixa 'шкурами она вытрясла его жена', т. е. его жена вытрясла шкуры.

Такая конструкция встречается, с одной стороны, в других эскимосских наречиях, например на Аляске и на р. Мекензи, а, с другой стороны, в чукотско-корякской группе языков.

chikēr̃ânkâ chīyumuk 'я дал им чего' (Барнум. Аляска).

chīyumuk — это модальный падеж, соответствующий amimıŋ предшествующей фразы.

tuktub — neçkeçemik-lu uvamnun aytutin 'дай мне оленьего мяса'. (Петитот, Мекензи, стр. XLII), neçeçemik-lu — есть модальный падеж в виде прямого дополнения.

Тоже и в чукотском: éčä qänálpınrıge[ᵉ] 'дай мне жиру' (жиром дай) éčä — модальный падеж.

Относительный падеж, так называемый pastcase, в старинной гренландской грамматике служит для определения действующего лица при переходящем глаголе (casus auctoris), также для определения владеющего лица в соединении с притяжательной формой имен существительных. В этом употреблении он отчасти соответствует родительному падежу европейских языков.

Окончание относительного падежа в азиатско-эскимосском наречии -m, так же как в наречиях Аляски, на Кадьяке и в алеутском языке. В наречии реки Мекензи окончание *m* уже чередуется с *p*. Дальше к востоку повсюду *p*.

Абсолютн. пад.	Относит. пад.
человек — yuk	yúum
собака — kikmik	kikmim
река — kiuk	kium
вода — muk	muŗım
земля — púna	púnam
поселок — púnak	punágım

sikulŗutım kołxkaka 'Чикульрутово, назначенное для его штанов', т. е. предназначенное для штанов Чикульрута.

mītıxługım ıŗnini pima 'вороном свой сын он ему сказал', т. е. ворон своему сыну (он) сказал.

nayvam iluŋanıŋ 'озера из его нутра', т. е. из озера.

túntum unıtaka 'оленем он оставил его позади', т. е. олень обогнал его позади, т. е. олень обогнал его.

Косвенные падежи

Местные падежи эскимосских наречий должны считаться настоящими косвенными падежами уже потому, что они образуются при помощи простейших вариаций одного и того же суффикса.

Азиатско-эскимосское наречие		Гренландское наречие
Местный	-mi, -ni	-me, -ne
Дательный	-mun, -nun	-mut, -nut
Модальный	-mı(ŋ), -nı(ŋ)	-mik, -nik

Однако прежде всего нужно указать на одно существенное различие между азиатско-эскимосским и другими наречиями. Между тем как в гренландском и других наречиях окончания,

начинающиеся с *m*, служат для единственного числа, а окончания, начинающиеся с *n*, для двойственного и множественного числа, азиатско-эскимосский диалект не различает падежей по числам, а вместо того употребляет окончания с *m* после основы, оканчивающейся на гласный и окончания с *n* после основы, оканчивающейся на согласный.[1] Но если судить по звательному падежу шаманского языка, различие это прежде существовало и ныне утрачено.

Два последующие падежа, встречающиеся в различных грамматических работах по эскимосскому языку вплоть до Талбицера, а именно просекутивный (продольный) и сравнительный не могут быть поставлены на одном уровне с указанными выше падежами уже потому, что окончания их другого происхождения и корня.

	Аляскинское наречие	Гренландское наречие
Продольный	-kun	-kut
Сравнительный	-tun	-tut

Было бы, может быть, правильнее признать эти окончания просто послелогами. Поэтому я не включил их в систему окончаний, хотя и азиатско-эскимосское наречие имеет тоже окончания и формы тождественные с аляскинскими.

Местные падежи

Местный падеж в собственном смысле локативный падеж соответствует такому же местному падежу других эскимосских наречий и означает пребывание на таком-то месте: Núna 'земля'

Азиатско-эскимосское	nuná-mi	'на земле'
Аляска (Барнум)	nūnâ-mē	
Мекензи (Петитот)	nuna-me	
Северо-западная Гренландия (Талбицер)	nuna-me	

Дательный означает движение к предмету. У Барнума это Terminales, у Петитот — Dativus, у Талбицера — Allativus.

Азиатско-эскимосское nună̂-mūn.
Аляскинское nūnâ-mūn.
Мекензи nuna-mun.
Северо-западная Гренландия nuna-mut.

[1] Здесь В. Г. Богораз, очевидно, допускает ошибку, ибо в современном языке азиатских эскимосов, так же как и в других эскимосских диалектах, наличествует стройная система числовых падежных показателей. Ср. Приложение, стр. 223. *Прим. Г. Меновщикова.*

Модальный падеж: у Барнума тоже Modalis; у Петитот он расщепляется на два падежа: Accusativus (винительный) и Causativus (каузативный, причинный), у Талбицера — Instrumentalis (творительный).

Модальный падеж азиатско-эскимосского наречия, как было указано выше, служит в некоторых случаях для указания объекта действия, а в других случаях—для указания орудия действия. Он вполне охватывает указания, сделанные для соответствующих ему падежей в других наречиях, указанных выше автором.

Точно так же и окончания этих падежей, как видно из представленной таблицы, вполне соответствуют друг другу и в общем соответствуют и азиатско-эскимосскому окончанию.

	Аляска	Мекензи	Северо-западная Гренландия
Модальный	-mŭk -nŭk	-mik, -mnik	
Винительный		-nmik, -gmik	
Каузативный		-nik, -minik	
Творительный		-nmik	-mik, -nik

Творительный падеж (Ablativus), обозначающий удаление от предмета в азиатско-эскимосском наречии, а также и в аляскинском, как было указано выше, отсутствует в виде особой формы и заменяется все тем же модальным падежом.

Формы окончания творительного падежа:

Мекензи	Гренландия
-min, -nin, -gnin, -minun, -ningnun.	-mit, -nit.

вполне соответствуют друг другу, так как и вообще в падежных окончаниях гренландское *-t* соответствует более западному *-n*. Точно так же это окончание с зубным носовым звуком -min, -nin соответствует азиатско-эскимосскому окончанию модального падежа с его слабой назализацией последнего гласного звука -mi(ŋ), -ni(ŋ). Новое свидетельство того, что этот падеж отщепился от модального падежа.

Продольный падеж или послелог азиатско-эскимосского наречия соответствует у Барнума аляскинскому — Vialis, у Талбицера гренландскому — Prosecutive (продольный). Он указывает движение ‘вдоль чего’, ‘сквозь или через что’, ‘навстречу чему’ и даже ‘от чего-либо’. Окончание его, как указано:

Азиатско-эскимосское -kun.
Аляскинское -ku.
Гренландское -kut.

siutaŋákun uuknálŗimi kaĭmakaŋa ‘сквозь его ухо горячей водой она полила его’, т. е. она налила горячей воды в ухо.

ukfixkun tuwákuk ‘он хватается за деревья (лес)’.
nás'kukun katyáxkaka ‘он ударил его по голове’.
kovrakun ayákituk ‘под сетью он был придавлен’.

Сравнительный падеж или послелог обозначает ‘равенство’, ‘сходство’. Окончание его, как указано:

Азиатско-эскимосское	Аляскинское	Гренландское
-tun	-tun	-tut
núna-tun	nūnâ-tun	nuna-tut

aŋuá-s-tun ‘величиной с лодку’; yuí-s-tun ‘по-человечески’; xwaŋáni-tun ‘моего роста’; alnúsitun ‘по-старому’.

У Барнума muqtun ‘как вода’. У Талбицера qaqqatut ‘с гору’, sawittut ‘в виде ножа’.

(Относительно звательного падежа см. стр. 42).

СКЛОНЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ФОРМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Основа maŋŗa ‘дом’.

		Ед. число предмета	Мн. число предмета
		Абсолютный падеж	
Ед. число	1-е лицо	maŋŗáka — мой дом	maŋŗakan'ka,[1] — мои дома или maŋŗánka
	2-е „	maŋŗán - твой дом	maŋŗakaxtin, — твои дома maŋŗaxtin
	3-е „	maŋŗá - его дом	maŋŗaki, maŋŗi — его дома
Мн. число	1-е лицо	maŋŗakáxput[1] / maŋŗaxput — наш дом	maŋŗáput — наши дома
	2-е „	maŋŗakaxsi / maŋŗáxsi — ваш дом	maŋŗasi — ваши дома
	3-е „	maŋŗakát / maŋŗat — их дом	maŋŗit — их дома
		Относительный падеж	
Ед. число	1-е лицо	maŋŗáma — моего дома	maŋŗáma — моих домов
	2-е „	maŋŗávuk — твоего дома	maŋŗávuk — твоих домов
	3-е „	maŋŗán — его дома	maŋŗin — его домов
Мн. число	1-е лицо	maŋŗámta — нашего дома	maŋŗámta — наших домов
	2-е „	maŋŗaxpisi — вашего дома	maŋŗaxpisi — ваших домов
	3-е „	maŋŗáta - их дома	mantita — их домов

[1] В современном языке азиатских эскимосов формы с суффиксом -ka, -ki в данном случае не употребляются. Ср. Приложение, стр. 230. *Прим. Г. Меновщикова.*

Основы: ata — отец; nuliхka — жена; koуŋik — олень

Абсолютный падеж

atá-ka — мой отец	nuliхka — моя жена	koуŋika — мой олень
atán — твой отец	nuliхin — твоя жена	koуŋin — твой олень
atáŋa — его отец	nuliхă — его жена	koуŋá, koуŋikă — его олень
atávut — наш отец	nuliхkaхput — наша жена	koуŋikaхput, koуŋiхput — наш олень
atási — ваш отец	nuliхkaхsi — ваша жена	koуŋiхasi, koуŋiхsi — ваш олень
atáŋat — их отец	nuliхkat — их жена	koуŋikat, koуŋit — их олень

Относительный падеж

atáma — моего отца	nuliгma — моей жены	koуŋima — моего оленя
atávuk — твоего отца	nuliхpik — твоей жены	koуŋivuk — твоего оленя
atáŋan — его отца	nuliхan — его жены	koуŋin — его оленя
atamta — нашего отца	nulimta — нашей жены	koуŋimta — нашего оленя
atávsi — вашего отца	nuliхpisi — вашей жены	koуŋiхpisi — вашего оленя
atáŋata — их отца	nuliхata — его жены	koуŋita — их оленя
atámta — моих отцов	nuliгma — моих жен	koуŋima — моих оленей
atávuk — твоих отцов	nuliрik — твоих жен	koуŋivuk — твоих оленей
atáŋin — его отцов	nuliхin — его жен	koуŋiin — его оленей
atámta — наших отцов	nulimta — наших жен	koуŋimta — наших оленей
atási — ваших отцов	nuliхpisi — ваших жен	koуŋiхpisi — ваших оленей
atáŋita — их отцов	nuliхita — их жен	koуŋiita, koуŋita — их оленей

Местные падежи

Основа maŋtra — дом

Падежи	Ед. число предмета	Мн. число предмета
	1-е лицо ед. числа	
Дательный	maŋtrá-m-nun — к моему дому	[maŋtra-m-nun — к моим домам
Местный	maŋtrá-m-ni — у моего дома	maŋtrá-m-ni — у моих домов
Модальный	maŋtrá-m-ni[ŋ] — моим домом	maŋtrá-m-ni[ŋ] — моими домами[1]
	1-е лицо мн. числа	
Дательный	maŋtrá-m-nun — к нашему дому	[maŋtrá-m-nun — к нашим домам
Местный	maŋtrá-m-ni — у нашего дома	maŋtrá-m-ni — у нашего дома
Модальный	maŋtrá-m-ni[ŋ] — нашим домом	maŋtrá-m-ni[ŋ] — нашими домами]

[1] В квадратных скобках дается склонение притяжательных форм имен существительных, не развернутое полностью в рукописи В. Г. Богораза „Множественное число предмета". Эти формы взяты нами из его же статьи „Юитский (азиатско-эскимосский) язык". Языки и письменность народов Севера. ч. III, Л., 1934, стр. 113—114. *Прим. ред.*

2-е лицо ед. числа

Дательный	maŋtŗá-xpi-nun — к твоему дому	[maŋtŗá-xpi-nun — к твоим домам
Местный	maŋtŗá-xpi-ni — у твоего дома	maŋtŗá-xpi-ni — у твоих домов
Модальный	maŋtŗá-xpi-ni[ŋ] — твоим домом	maŋtŗá-xpi-ni[ŋ] — твоими домами]

2-е лицо мн. числа

Дательный	maŋtŗá-xpisi-nun — к вашему дому	[mantŗá-xpisi-nun — к вашим домам
Местный	maŋtŗá-xpisi-ni — у вашего дома	mantŗa-xpisi-ni — у ваших домов
Модальный	maŋtŗá-xpisi-ni[ŋ] — вашим домом	mantŗa-xpisi-ni[ŋ] — вашими домами]

3-е лицо ед. числа

Дательный	maŋtŗá-nun — к его дому	maŋtri — к его домам
Местный	maŋtŗá-ni — у его дома	maŋtri — у его домов
Модальный	maŋtŗá-ni[ŋ] — его домом	maŋtri-ni[ŋ] — его домами

3-е лицо мн. числа

Дательный	maŋtri-t-nun — к их дому	maŋtri-t-nun — к их домам
Местный	maŋtri-t-mi — у их дома	maŋtri-t-ni — у их домов
Модальный	maŋtri-t-ni[ŋ] — их домами	maŋtri-t-ni[ŋ] — их домами

Основа ata 'отец'

Дательный
atá-m-nun — к моему отцу, к моим отцам
atá-xpi-nun, atá-v-nun — к твоему отцу, к твоим отцам
atá-ŋa-nun — к его отцу, ata-ŋ-i-nun — к его отцам
atá-m[t]-nun — к нашему отцу, к нашим отцам
atá-xpisi-nun — к вашему отцу, к вашим отцам
atá-ŋa-t-nun — к их отцу, atá-ŋi-t-nun — к их отцам

Местный
atá-m-ni — у моего отца, у моих, у твоих отцов
atá-xpi-ni, ata-v-ni — у твоего отца, у твоих отцов
atá-ŋa-ni — у его отца, atá-ŋi-ni — у его отцов
atá-m[t]-ni — у нашего отца, у наших отцов
atá-xpisi-ni — у вашего отца, у ваших отцов
atá-ŋa-t-ni — у их отца, áta-ŋi-t-ni — у их отцов

Модальный
ata-m[ŋ]-ni[ŋ] — моим отцом, моими отцами
atá-xpi-ni[ŋ], atá-v-ni[ŋ] — твоим отцом, твоими отцами
atá-ŋa-ni[ŋ] — его отцом, atá-ŋi-ni[ŋ] — его отцами
atá-m[t]-ni[ŋ] — нашим отцом, нашими отцами
atá-xpisi-ni[ŋ] — вашим отцом, вашими отцами
atá-ŋa-t-ni[ŋ] — их отцом, atá-ŋi-t-ni[ŋ] — их отцами.

Таблица притяжательных суффиксов

Число и лицо		Абсолютный падеж		Относительный падеж	
		ед. число предмета	мн. число предмета	ед. число предмета	мн. число предмета
Ед. число	1-е лицо	-ka	-n·ka	-ma	-ma
	2-е лицо	-n	-ti[ŋ]	-xpik, -vuk	-xpik, -vuk
	3-е лицо	-ka, -a, -ŋa	-i, -ŋi	-an, -n, -ŋan	-in, -n, -ŋin

Число и лицо		Абсолютный падеж		Относительный падеж	
		ед. число предмета	мн. число предмета	ед. число предмета	мн. число предмета
Мн. число	1-е лицо	-kaxput, -xput, -vut	-put	-mta	-mta
	2-е лицо	-kaxsi, -xsi, -si	-si	-xpisi, -vsi	-xpisi, -si
	3-е лицо	-kat, -t, -ŋat	-it, -ŋit	-ata, -ta, -ŋata	-ita, -ta, -ŋita

Местные падежи[1]

Число	Лицо	Дательный	Местный	Модальный
Ед. число	1-е лицо	-m-nun	-m-ni	-m[t]ni[ŋ]
	2-е лицо	-xpi-nun	-xpi-ni	-xpi-ni[ŋ]
	3-е лицо	-nun	-ni	-ni[ŋ]
Мн. число	1-е лицо	-m[t]-nun	-m[t]i-ni	-m[t]ni[ŋ]
	2-е лицо	-xpisi-nun	-xpisi-ni	-xpisi-ni[ŋ]
	3-е лицо	-nun	-ni	-ni[ŋ]

Возвратная форма

Падежи	Ед. число лица и предмета	
Абсолютный	maŋtrá-ni- — свой дом	nuli-ni — своя жена
Относительный	maŋtrá-ɾ-mi — свой дом	nuli-ɾ-mi — своя жена
Дательный	maŋtrá-mi-nun — к своему дому	nuli-ɾ-mi-nun — к своей жене
Местный	maŋtrá-mi-ni — у своего дома	nuli-ɾ-mi-ni — у своей жены
Модальный	maŋtrá-mi-ni[ŋ]—своим домом	nuli-ɾ-mi-ni[ŋ] — своей женой
Абсолютный	koyŋi-ni — свой олень	atá-ni — свой отец
Относительный	koyŋi-mi — свой олень	atá-mi — свой отец
Дательный	koyŋi-mi-nun — к своему оленю	atá-mi-nun — к своему отцу
Местный	koyŋi-mi-ni — у своего оленя	atá-mi-ni — у своего отца
Модальный	koyŋi-mi-ni[ŋ] — своим оленем	atá-mi-ni[ŋ] — своим отцом

[1] См. приложения „Таблицы склонения имен и спряжения глаголов в современном языке азиатских эскимосов" Г. А. Меновщикова. *Прим. ред.*

	Мн. число лица и ед. число предмета	
Абсолютный	maŋtŕá-in, maŋtŕá-xtin — свой (их) дом	nuli-xtin — своя (их) жена
Относительный	maŋtŕá-nin — свой (их) дом	nuli-r-nin — своя (их) жена
Дательный	maŋtŕá-r-mi-x-nun — к своему (их) дому	nuli-x-mi-x-nun — к своей (их) жене
Местный	maŋtŕá-r-mi-x-ni — у своего (их) дома	nuli-r-mi-x-ni — у своей (их) жены
Модальный	maŋtŕá-r-mi-x-ni[ŋ] — своим (их) домом	nuli-r-mi-x-ni[ŋ] — своим (их) женам
Абсолютный	koyŋi-xtiŋ — свой (их) олень	aiá-iŋ — свой (их) отец
Относительный	koyŋi-miŋ — свой (их) олень	aiá-miŋ — свой (их) отец
Дательный	koyŋi-mi-x-nun — к своему (их) оленю	atá-mi-x-nun — к своему (их) отцу
Местный	koyŋi-mi-x-ni — у своего (их) оленя	atá-mi-x-ni — у своего (их) отца
Модальный	koyŋ-mi-x-ni[ŋ] — своим (их) оленем	atá-mi-x-ni[ŋ] — своим (их) отцом

Множественное число предмета (возвратная форма)

Абсолютный[1] пад. Ед. ч. лица	maŋtŕá-ni — свои (его) дома koyŋi-ni — свои (его) олени	nulini — свои (его) жены atáni — свои (его) отцы
Абсолютный пад. Мн. ч. лица	maŋtŕá-tiŋ — свои (их) дома koyŋi-tiŋ — свои (их) олени	nuli-tiŋ — свои (их) жены aiá-tiŋ — свои (их) отцы

Таблица суффиксов возвратной формы склонения

Падежи	Ед. число предмета		Мн. число предмета	
	ед. число лица	мн. число лица	ед. число лица	мн. число лица
Абсолютный	-ni	-xtin, -in	-ni(-un)	-tin
Относительный	-mi	-min		
Дательный	-mi-nun	-mi-x-nun		
Местный	-mi-ni	-mi-x-ni		
Модальный	-mi-ni[ŋ]	-mi-x-ni[ŋ]		

[1] В парадигмах возвратной формы склонения и в сводной таблице суффиксов возвратной формы В. Г. Богораз не отмечает наличия в эскимосском языке форм двойственного и множественного числа предмета, указывая лишь на наличие этих форм только в абсолютном падеже. При этом формы множественного числа в парадигмах склонения часто выражены формами двойственного числа. Между тем, материалы современного языка азиатских эскимосов указывают на совпадение в некоторых случаях единственного и множественного числа предмета и на абсолютную самостоятельность и обособленность форм двойственного числа. *Прим. Г. Меновщикова.*

Эскимосский язык в сущности не может быть причислен к языкам инкорпорирующим, как многие американские языки, а также, между прочим, и азиатские языки, — чукото-корякская группа языков. Эту инкорпорирующую цепь языков характеризует то, что дополнение входит в глагол, сливаясь с ним, образует новое сложное слово, определение входит в пределы слова.

Пример из чукотского языка:

ti-vala-nto-a$^{\varepsilon}$k 'я вытащил нож', где ti — префикс 1-го лица ед. числа; vala — основа слова 'нож'; nto — основа глагола 'вынимать'; -a$^{\varepsilon}$k — суффикс, выражающий прошедшее время и 1-е лицо ед. числа.

Эскимосскому языку такое соединение двух реальных понятий несвойственно; его характерная особенность состоит в соединении одного реального понятия с различными формами окончаний путем их непрерывного наращивания.

Наращивание суффиксов тоже явление синтеза, хотя и отличное от инкорпорации. И вместе с языками инкорпорирующими эскимосский язык должен быть признан членом полисинтетической группы. Тоже и в эскимосском, как в индейских языках, слово поглощает предложение.

Конечно, было бы преувеличением сказать, что эскимосская речь состоит из слов-предложений. Процесс поглощения предложения словами остановился на полдороге, и в эскимосском языке рядом со сложными формами мы встречаем раздельные формы слов, имя и глагол, изменяющиеся по лицам и числам, по падежам и наклонениям. В эскимосском языке существуют склонение и спряжение, есть также союзы, при помощи которых правильно сочетаются отдельные предложения в общую связную речь.

Еще дальше от этого полисинтетического идеала отстоит язык азиатских эскимосов, богатый союзами не только эскимосскими, но также заимствованными из чукотского. Если принять во внимание, что некоторые из суффиксов глагольных обнаруживают способность самостоятельного существования в виде вспомогательного глагола, то можно придти к выводу, что в сущности построение азиатско-эскимосской речи мало отличается от обычного предложения с подлежащим и сказуемым, определением и дополнением, с подчинением и сочинением в предложении.

Тем не менее образцы характерно-эскимосского синтеза с последовательным наслоением суффиксов обычно встречаются в азиатско-эскимосском наречии.

Примеры:

maŋṭṛák 'дом', maŋṭṛáx-pi-k 'место, назначенное для дома', 'усадьба'. maŋṭṛáx-pi-xpa-k 'большая усадьба'. -maŋṭṛax-pi-xpa-lik 'человек, имеющий большое место, назначенное для жилья'.

maŋŀŗax-pi-xpá-lg-u-ŋa ‘я имею большое место, назначенное для жилья’.

nasapiŗa-lıŗuk ‘имеющий плохую шапку’.

nasapiŗá-káxtak ‘имеющий хорошую шапку’.

nasapiŗa-xpá-lik ‘имеющий большую шапку’.

Iglä-xiulŗi ‘имеющий плохой голос’.

Iglá-kaxtok ‘имеющий хороший голос’.

xólŗuta-k ‘вместилище для стрел, патронов’ [патронташ]

ulima-si-lŗu-ta-k ‘рабочий мешок’ [мешок или ящик для инструментов]

míkılŗi-xpa-xax-tuk ‘мальчиком стал’.

míkılŗi-ŗu-xtu-k ‘отроком стал’.

Суффиксы[1]

Эскимосский язык, как известно, характеризуется обширным употреблением суффиксов. Большая часть грамматических и синтаксических идей выражается при помощи суффиксов; их совокупность сгруппирована и разработана в разнообразную и стройную систему. Почти шестая часть эскимосских корней состоит из различнейших суффиксов.

Суффикс может присоединяться к суффиксу и таким образом основная идея слова, реальная идея его будет получать все более подробную и полную разработку. В конце концов целое предложение может быть выражено в виде одного слова, состоящего из реальной основы с цепью присоединенных суффиксов. Есть, впрочем, ряд основ, относящихся к прилагательным и наречиям, которые не вступают в соединение с суффиксами. Когда такое прилагательное или наречие попадается в речи, оно по необходимости рассекает предложение, по крайней мере, на две части.

Впрочем, даже и в гренландском наречии речь все-таки состоит из отдельных предложений, а каждое предложение из своих основных частей, хотя и усложненных суффиксами. Еще дальше от вышеизложенного теоретического образца эскимосской речи отстоит азиатско-эскимосское наречие. Нанизывание суффиксов в азиатско-эскимосском наречии обыкновенно не заходит очень далеко.

Притяжательные формы имен существительных встречаются в различных языках, но в эскимосском они достигли полнейшего развития. Система этих форм существительного развивается параллельно системе спряжения непереходящих глаголов, как будет указано ниже.

Между прочим, возвратные формы употребляются, когда подлежащее (в абсолютном и относительном падеже) является

[1] Подробнее о суффиксах, их роли в словоизменении и словообразовании, а также о способах словообразования в эскимосском языке см. стр. 102. *Прим. ред.*

одновременно владеющим лицом: torṇaṛam nuliini pī 'злой дух сказал своей жене'.

Талбицер обозначает возвратную форму, как 4-е лицо, Барнум как вторую форму 3-го лица, что, в сущности, правильно. Притяжательные суффиксы имен существительных азиатско-эскимосского наречия почти совпадают с наречием Аляски, кроме двойственного числа, которое в азиатско-эскимосском наречии мало употребительно. Впрочем в текстах встречаются такие примеры двойственного числа.

ḳámixka kumlàxkumak 'сапоги мои промерзли'.

aléxtixka nivusimalṛit itṛámnuk 'чулки м. и прилипли к ступням'.

siútixka tusákuk 'мои уши слышали'. (Богораз, Эскимосы Сибири, 440, 3.)

Во всех этих примерах конструкция чисел смешанная. Подлежащее имеет форму двойственного числа, а глагольное сказуемое в двух случаях форму единственного числа, а в одном — форму множественного числа.

Между прочим, приведенная форма двойственного числа совпадает опять-таки с формами аляскинского диалекта. С другой стороны, рассматривая таблицы притяжательных форм наречия Аляски, видим, что и там большая часть окончаний и форм двойственного числа совпадает с окончаниями и формами множественного числа. Стало быть, и в этом случае различие обоих наречий не так резко и решительно, как кажется.

Формы местных падежей по общему правилу одинаковы для единственного и множественного числа предмета. Однако нужно отметить в виде отступления особые образования для местных падежей 3-го лица множественного числа при множественном числе предмета. Например: maŋṭṛit-nun 'их домам'.

Точно так же и относительный падеж имеет различные формы притяжательного для единственного и множественного числа предмета.

Относительно звуковых сочетаний можно указать следующее. Основы с окончанием на согласный вставляют перед окончанием еще дополнительно *-ка*[1] в абсолютном падеже в трех лицах множественного числа при единственном предмета. Напротив того, в 3-м лице ед. числа при единственном числе предмета *-ка-* опускается после согласного и порою вставляется после гласного. Основа с окончанием на *-а-* часто вставляется перед окончанием *-ŋ-*. После гласного звука основы суффикс окончания 2-го лица единственного и множественного числа изменяет наличие *-хр-* на *-ᵕ-*.

Примеры притяжательных форм

atáŋan kásimakaŋa 'ее отцом он навестил ее'; т. е. отец навестил ее. Относительный падеж.

[1] См. примечание на стр. 55.

kátut miŋtŕárṃixnun ‘они пришли к своему дому’. Возвратная форма, дательный падеж.

panini vóxta ‘его дочь он привел ее обратно’, т. е. свою дочь он привел обратно. Возвратная форма, абсолютный падеж.

ú́ŋli apˁsiŋak - ‘его следующий — мышь’, т. е. ближайшая к нему — мышь. 3-е лицо ед. числа, абсолютный падеж.

naŗyáxkamnun — naŗ-y-axka-m-nun ‘к моей еде’, naŗ — корень, -yaxka — суффикс назначения, -*m*- корень притяжательного местоимения 1-го лица ед. числа, -nun — падежное окончание.

áŋíŋaṛmi iṛniŗá nunalgutkaka — ‘своего старшего брата его сын он имел его соседом по жилищу’, т. е. сына старшего брата он имел соседом по жилищу, aŋíŋaṛmi — относительный падеж возвратной формы, iṛniŗá — притяжательная форма 3-го лица ед. числа, абсолютный падеж.

áṛnaṛam aŋliutaŋ — ‘женщины ее братья’, т. е. братья женщины. Относительный падеж 3-го лица ед. числа.

panli malŗuk — ‘его дочери две’. Множественное вместо двойственного.

mitaxłúum iṛnini piṃa ‘вороном свой сын он сказал ему’, т. е. сын ворона сказал ему.

nuliха tukiuŗa uwiŋan ‘его жена он окликнул ее, ее мужем’, т. е. жену свою окликнул муж.

kilárṃ-yúwan nayára aṛnaŋlára ‘небо его человеком, его сестры он сватался к ней’, т. е. небесный человек сватал его сестру.

iŋuŗárma kírpisiŋani — ‘моего двоюродного брата его собственным кирпичным чаем...’, т. е. двоюродного брата кирпичным чаем...

Личные местоимения

Падеж	Ед. число			Мн. число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Абсолютный Относительный	xwaŋa — я	ŀpik — ты	ŀŋá ŀŋá-n — он	xwaŋku-ta — мы	ŀpisi — вы	ŀŋit ŀŋita — они
Дательный	xwaŋa-m-nun — мне	ŀpi-nun — тебе	ŀŋá-nun — ему	xwáŋkug-nun — нам	ŀpisi-nun — вам	ŀŋit-nun — им
Местный	xwaŋa-m-ni — у меня	ŀpi-ni — у тебя	ŀŋá-ni — у него	xwáŋkug-ni — у нас	ŀpisi-ni — у вас	ŀŋit-ni — у них
Модальный	xwaŋa-m-ni[ŋ] — мною	ŀpi-ni[ŋ] — тобою	ŀŋá-ni[ŋ] — им	xwaŋkug-ni[ŋ] — нами	ŀpisi-ni[ŋ] — вами	ŀŋit-ni[ŋ] — ими

Формы личных местоимений опять-таки почти тождественны с формами наречия Аляски, с некоторыми фонетическими отклонениями, которые являются скорее разночтениями, чем действительными отклонениями. Так, например, указанные у Барнума формы (§ 257) łê, łin 'он' и łit łātā 'они', очевидно тождественны с азиатско-эскимосскими формами, указанными выше.

Рассматривая составные элементы указанных форм, находим 1-е лицо ед. числа xwa-ŋa; xwa указательно-местоименный корень, от которого, между прочим, образуются xwavuk 'здесь', xwátın-mak 'сюда'. -ŋa—глагольный суффикс 1-го лица ед. числа непереходящего глагола (см. ниже). Таким образом xwá-ŋa буквально означает: 'вот я есть'. Истинным корнем местоимения 1-го лица ед. числа является: *m*, который действительно служит для образования местных падежей соответственной притяжательной формы 1-го лица мн. числа.

xwa-ŋ-kuta—'мы' в абсолютном падеже притяжательной формы сокращается в -xput, отсекая первый слог основы, а в относительном падеже сокращается в -m-ta, отсекая и второй слог основы. Следовало бы ожидать -m~ta, ибо в местных падежах притяжательной формы появляется этот местоименный корень *-m-*, который, таким образом, служит истинным корнем местоимения 1-го лица мн. числа.

-łpık, -łpısi — суффиксы 2-го лица в притяжательной форме обращаются в -xpık, xpı, -xpısi.

·łŋa, -łŋita; суффиксы 3-го лица в притяжательной форме обращаются в -ŋa, -ŋita.

Особой формы притяжательного местоимения в эскимосском языке не существует. Для большей выразительности иногда перед притяжательной формой имени существительного ставится в абсолютном падеже личное местоимение соответствующего лица и числа.

Глагол

Спряжение эскимосского глагола в его более простой непереходящей форме является, в сущности, рядом притяжательных форм от некоего корня, выражающего глагольное действие, но в сущности мало отличающегося от корней имен существительных. При этом 3-е лицо ед. и мн. числа соответствует начальной форме имен существительных в абсолютном падеже и без притяжательных суффиксов:

aŗólakuk- 'он уезжает', собственно говоря '(есть) уезжающий'.
aŗólakut 'они уезжают', '(есть) уезжающие'.

Другие лица в сущности обозначают:

aŗólaku-ŋa — мой отъезд.
aŗólaku-tın — твой отъезд.

aṛolakú-kut — наш отъезд.
aṛólakusi — ваш отъезд.

Впрочем надо указать на отсутствие относительного падежа с окончанием *-t*.

Местные падежи и возвратная форма имеют соответствие в супине и в одновременном наклонении (деепричастие).

Формы спряжения азиатско-эскимосского диалекта в общем соответствуют формам спряжения других эскимосских диалектов. Таким образом, глагольная форма содержит в себе, кроме корня, указание наклонения, далее указаны лица и числа, относящиеся к подлежащему и наконец для глаголов переходящих — еще указание лица, числа, относящееся к прямому дополнению.

Относительно времен возникают некоторые сомнения. В восточных эскимосских наречиях нормальное указание времени действия считается отсутствующим и замененным употреблением некоторых суффиксов: для прошедшего времени *-ma, -si-ma-*, для будущего времени *-ssa*.

Кроме того, Талбицер указывает, что в системе его наклонений (modes) № 10 имеет значение прошедшего времени, а № 11 — будущего времени.

Барнум и Петитот указывают на существование глагольных времен в грамматике соответственных наречий Аляски и реки Мекензи, но их указания являются чрезвычайно неверными и недостаточно надежными.

Я склоняюсь, однако, к тому, чтобы признать глагольные времена существующими в азиатско-эскимосском наречии, ибо суффиксы, образующие их, представляют систему простейших окончаний, правильно заменяющих друг друга.

Настоящее время — суффикс -n-ak-u- [наступающее будущее]
Прошедшее время
неопределенное „ -ak-u-, -ku [настоящее время]
Будущее „ -ɬ-ik-u, -ɬk-u

Что касается наклонений № 10 и № 11, указанных у Талбицера, то, помимо значения времен, первое определяет причинную связь предложений, второе — условную связь. В азиатско-эскимосском наречии имеются формы условного наклонения (Conditional), совершенно соответствующие этим наклонениям у Талбицера. Что касается суффикса *-ma, -si-ma-*, то и в азиатско-эскимосском наречии этот суффикс служит для образования прошедшего времени, причем это прошедшее является более определенным, чем прошедшее неопределенное, отмеченное мной выше. Так как *-si-* есть особый суффикс, обозначающий действенность, то и сложный суффикс прошедшего определенного *-si-ma-* в непереходящих глаголах часто (но не всегда) получает характер действенного суффикса (effectivus), tuusimámkĭn ‘я заставил тебя взять’, tuumámkĭn ‘я взял тебя’.

В неопределенных глаголах такой же суффикс *-si-ma-* имеет часто значение страдательного залога, kaiuṛmak 'он пил', kaiúx-simak 'он был напоен'.

Таким образом, указанные выше азиатско-эскимосские суффиксы для трех времен — настоящего, прошедшего и будущего, повидимому, не имеют близко соответствующих форм в восточных наречиях. Возможно, что и эти образования азиатско-эскимосских времен принадлежат к той же категории более древних элементов эскимосского языка, о которой говорилось раньше.

Таким образом, в азиатско-эскимосском наречии можно признать существующими четыре формы времен: настоящее, прошедшее неопределенное, которое можно назвать прошедшим несовершенным (imperfectum), будущее и прошедшее определенное или совершенное (perfectum). Все эти формы времен принадлежат к изъявительному наклонению и спрягаются по одной и той же схеме, с изменением указанных суффиксов.

Основной формой изъявительного наклонения является пятая форма, не заключающая в себе указаний времени и соответствующая такой же неопределенной форме изъявительного наклонения в гренландском наречии. Она образуется при помощи особого, свойственного ей суффикса. Я сохранил для нее название „изъявительное наклонение".

Если считать эту форму основной, то можно, пожалуй, остальные четыре формы рассматривать как форму изъявительного с прибавкой суффикса, указывающего время, как принимают Талбицер, Клейншмидт и Ринк для гренландского наречия. Надо прибавить, между прочим, что есть и другие формы, принимающие те же суффиксы времени, например, причастие непереходящего глагола.

Так toko-ma-lṛi 'тот, который умер', 'покойник'—с суффиксом прошедшего совершенного.

aminan moṛotákalṛi 'тот, который ушел пешком по морскому льду на поиски зверя' — с суффиксом прошедшего несовершенного и т. д.

За основную форму глагола я принимаю, соответственно с грамматикой гренландского наречия для глаголов непереходящих 3-е лицо ед. числа изъявительного неопределенного, а для глаголов переходящих то же 3-е лицо ед. числа подлежащего (объекта) при 3-м лице ед. числа дополнения (объекта). Окончание указанной формы для глаголов непереходящих: *-tuk, -uk, -k,* а для глаголов переходящих: *-ta, -a,* чистая основа. Окончания других лиц и чисел образуются соответственно указанным.

Таким образом составляются три класса глаголов или три глагольных спряжения.

Для глаголов непереходящих:

1) Окончание *-t-uk*—с основами, оканчивающимися на *p, r, x, a, o*:

ka-vax-tuk 'он спит'[1], основа *kavar*;
nap-tuk 'он застрял', основа *nap*;
aliyá-tuk 'он хочет', основа *aliya*;
tokó-tuk 'он умер', основа *toko*.

2) -uk — с основами, оканчивающимися на *k, ŋ, n, v*:

arólak-uk 'он отправляется', основа *arolak*;
tiŋ-uk 'он взлетел', основа *tiŋ*;
án-uk 'он выходит', основа *an*;
pov-uk 'он опух', основа *pov*.

3) -k — с основами, оканчивающимися на *i, ï, e, a, u*:

pik 'он говорит', основа *pi*;
iflāk 'он заблудился', основа *iflā*;
ikuk 'он упал', основа *iku*.

Для глаголов переходящих:

1) *-ta* — с основами, оканчивающимися на *o, u, x, q*. Последние два согласные выпадают перед начальным *t* окончания:

tokó-ta 'он убил его', основа *toko*;
uni-ta 'он заставил его остаться', основа *unix*.

2) -a—с основами, оканчивающимися на различные согласные:

òsaŗa 'он позвал его', основа *osaŗ*;
tuwá 'он взял его', основа *tuw*;
tuná 'он дал его', основа *tun*.

3) Чистая основа появляется у очень немногих глаголов:

pi 'он сказал ему', основа *pi*;

pī 'он сделал по отношению к нему' (вспомогательно-заместительный глагол, см. стр. 84), основа *pī*.

Классы азиатско-эскимосского спряжения соответствуют гренландским спряжениям, хотя фонетически соответствие это не полное. Первое азиатско-эскимосское спряжение соответствует третьему гренландскому у Тальбицера, причем азиатско-эскимосское окончание *-tuk, -xtuk* морфологически совпадает с гренландским окончанием -poq, -rpoq. Третье азиатско-эскимосское спряжение соответствует первому и второму гренландскому; окончание *-k* — гренландскому окончанию *-woq*. Второе азиатско-эскимосское спряжение соответствует отчасти второму гренландскому, и окончание *-uk* — гренландскому окончанию *-ok*.

---

[1] По-русски, за неимением точно соответствующих форм, поставлено то настоящее, то прошедшее время изъявительного наклонения, в зависимости от оборота фразы. *Прим. автора.*

Из наклонений, кроме изъявительного, азиатско-эскимосское увещевательное наклонение совершенно соответствует желательному наклонению (Optativus). У Клейншмидта и Талбицера почему-то выделились из этого желательного наклонения особо формы повелительного, притом только 2-е лицо ед. и мн. числа. Барнум называет это наклонение вообще повелительным. Я счел за лучшее назвать его именно увещевательным (Adhortativa). Одновременное наклонение или деепричастие соответствует одновременному наклонению у Талбицера и изменяемому неопределенному у Клейншмидта. Условное соответствует условному (Conditional) у Талбицера и сослагательному (Subjunctivum) у Клейншмидта. Барнум называет его просто наклонением с окончанием *-kuma* (Adjutant-kuma).

Супин азиатско-эскимосского спряжения до известной степени соответствует сослагательному (Conjunctivum) и наклонению причастности (Causal proposition) Талбицера. Барнум, как и в предшествующем случае, говорит о наклонении с окончанием *-ama* (Adjutant-ama). Впрочем и в азиатско-эскимосском спряжении есть другая форма супина, ближе подходящая к „наклонению с окончанием" аляскинского наречия. Я же включил ее в таблицу спряжения, ибо она употребляется сравнительно редко. Формы ее, известные мне, таковы:

Основа tagi 'приходить'.

Ед. число

1. tagiyama — когда я пришел.
2. tagiyavik — когда ты пришел.
3. tagiyan — когда он пришел.

[tagiyama, yúgit qavàmalrit. 'В то время, когда я пришел, люди спали'.][1]

Мн. число

1. tagigámta — в то время, когда мы пришли.
2. tagiyápsi — в то время, когда вы пришли.
3. tagiyáta — в то время, когда они пришли.

Форма переходящего глагола близко соответствует наречиям Аляски, в чем легко убедиться, сравнив соответствующие таблицы.

Не говоря об окончаниях, относящихся к действующему лицу и к предмету, которые совпадают во всех вариациях, например, в одновременном наклонении переходящего глагола, имеем в этих наречиях только общую форму, изменяющуюся по числам, с окончанием *-łuku* для единственного числа, и *-łuki* для множественного числа. Имеем также совпадения желательно-увещевательного наклонения и условного наклонения.

[1] Этот пример вставлен редакцией из материалов Г. А. Меновщикова.

ФОРМЫ АЗИАТСКО-ЭСКИМОССКОГО СПРЯЖЕНИЯ

Непереходящие глаголы

Основа kayúŗ[1] 'пить'; aŗólak 'отправляться'; pi 'говорить'

Основная неопределенная форма

Ед. число	1-е лицо: kayúx-tu-ŋa — я пью[2]	aŗólak-u-ŋa — я отправляюсь	pi-ŋa я говорю
	2-е лицо: kayúx-tu-tın ты пьешь	aŗólak-u-tın — ты отправляешься	pi-tın — ты говоришь
	3-е лицо: kayúx-tu-q — он пьет	aŗólak-u-q — он отправляется	pi-q — он говорит
Мн. число	1-е лицо: kayúx-tu-kut — мы пьем	aŗòlak-u-kut — мы отправляемся	pi-kut — мы говорим
	2-е лицо: kayúx-tu-si — вы пьете	aŗólak-u-si — вы отправляетесь	pi-si — вы говорите
	3-е лицо: kayúx-tu-t — они пьют	aŗólak-u-t — они отправляются	pi-t — они говорят

Настоящее [наступающее будущее]

Ед. число	1-е лицо: kayúŗ-naku-ŋa — я пью	aŗólak-naku-ŋa — я отправляюсь	pi-ŋa — я говорю
	2-е лицо: kayúŗ-naku-tın — ты пьешь	aŗólak-naku-tın — ты отправляешься	pi-tın — ты говоришь
	3-е лицо: kayúŗ-naku-q — он пьет	aŗólak-naku-q — он отправляется	pi-q — он говорит
Мн. число	1-е лицо: kayúŗ-naku-kut — мы пьем	aŗólak-naku-kut — мы отправляемся	pi-kut — мы говорим
	2-е лицо: kayuŗ-naku-si — вы пьете	aŗólak-naku-si — вы отправляетесь	pi-si — вы говорите
	3-е лицо: kayúŗ-naku-t — они пьют	aŗólak-naku-t — они отправляются	pi-t — они говорят

Прошедшее несовершенное

Ед. число	1-е лицо: kayúŗ-aku-ŋa я пил	aŗóla-ku-ŋa — я передвигался	pi-ku-ŋa — я говорил
	2-е лицо: kayúŗ-aku-tın — ты пил	aŗóla-ku-tın — ты передвигался	pi-ku-tın — ты говорил
	3-е лицо: kayúŗ-aku-q — он пил	aŗóla-ku-q — он передвигался	pi-ku-q — он говорил
Мн. число	1-е лицо: kayúŗ-aku-kut мы пили	aŗóla-ku-kut — мы передвигались	pi-ku-kut — мы говорили
	2-е лицо: kayúŗ-aku-si — вы пили	aŗóla-ku-si — вы передвигались	pi-ku-si — вы говорили
	3-е лицо: kayúŗ-aku-t — они пили	aŗóla-ku-t — они передвигались	pi-ku-t — они говорили

[1] В русском переводе поставлено неопределенное наклонение, хотя, разумеется, оно совсем не соответствует глагольной основе.

[2] Было бы точнее перевести: 'я есть тот, который пьет', 'я пьющий'. *Прим. автора.*

Прошедшее совершенное

Ед. число	1-е лицо	kauý-ma-ŋa — я попил	aɾola-ma-ŋa — я отправился	pi-ma-ŋa — я сказал
	2-е лицо	kauý-ma-tin — ты попил	aɾola-ma-tin — ты отправился	pi-ma-tin — ты сказал
	3-е лицо	kauý-ma-q — он попил	aɾola-ma-q — он отправился	pi-ma-q — он сказал
Мн. число	1-е лицо	kauý-ma-kut — мы попили	aɾola-ma-kut — мы отправились	pi-ma-kut — мы сказали
	2-е лицо	kauý-ma-si — вы попили	aɾola-ma-si — вы отправились	pi-ma-si — вы сказали
	3-е лицо	kauý-ma-t — они попили	aɾola-ma-t — они отправились	pi-ma-t — они сказали

Будущее

Ед. число	1-е лицо	kauýx-łku-ŋa — я буду пить	aɾóla-łku-ŋa — я отправлюсь	pi-łku-ŋa — я буду говорить
	2-е лицо	kauýx-łku-tin — ты будешь пить	aɾóla-łku-tin — ты отправишься	pi-łku-tin — ты будешь говорить
	3-е лицо	kauýx -łku-q — он будет пить	aɾóla-łku-q — он отправится	pi-łku-q — он будет говорить
Мн. число	1-е лицо	kauýx-łku- kat — мы будем пить	aɾóla-łku-kut — мы отправимся	pi-łku-kut — мы будем говорить
	2-е лицо	kauýx - łku- si — вы будете пить	aɾóla-łku-si — вы отправитесь	pi-łku-si—вы будете говорить
	3-е лицо	kauýx-łku-t— они будут пить	aɾóla-łku-t — они отправятся	pi-łku-t—они будут говорить

Увещевательное наклонение 1-е

Ед. число	1-е лицо	kauûr-ła-ŋa—пусть я выпью	aɾóla-ła-ŋa — пусть я отправлюсь	pi-ła-ŋa — пусть я скажу
	2-е лицо	kau-á — пей	aɾóla-i — отправляйся	pi — скажи
	3-е лицо	kauýr-łi — пусть он пьет	aɾóla-łi — пусть он отправится	pi-łi — пусть он скажет
Мн. число	1-е лицо	kauýx-łu-ta—пусть мы выпьем	aɾóla-łu-ta — пусть мы отправимся	pi-łu-tă — пусть мы скажем
	2-е лицо	kauýx-tik — пейте	aɾóla-tik — отправляйтесь	pi-tik — скажите
	3-е лицо	kauýx-łi-t — пусть они пьют	aɾóla-łi-t — пусть они отправятся	pi-łi-t — пусть они скажут

Увещевательное наклонение 2-е

Ед. число	1-е лицо	kayûx-xă-ŋa — пусть я буду пить	aɾólak-u-xă-ŋa — пусть я буду отправляться	pi-xă-ŋa — пусть я буду говорить
	2-е лицо	kayûx-xă-tĭn — пусть ты будешь пить	aɾólak-u-xă-tin — пусть ты будешь отправляться	pi-xă-tin — пусть ты будешь говорить
	3-е лицо	kayûx-xă-q — пусть он будет пить	aɾólak-u-xă-q — пусть он будет отправляться	pi-xă-q — пусть он будет говорить
Мн. число	1-е лицо	kayûx-xă-kut — пусть мы попьем	aɾólak-u-xă-kut — пусть мы будем отправляться	pi-xă-kut — пусть мы будем говорить
	2-е лицо	kayûx-xă-si — пусть вы попьете	aɾólak-u-xă-si — пусть вы будете отправляться	pi-xă-si — пусть вы будете говорить
	3-е лицо	kayûx-xă-t — пусть они попьют	aɾólak-u-xă-t — пусть они будут отправляться	pi-xă-t — пусть они будут говорить

Одновременное наклонение или деепричастие

Ед. число	1-е лицо	kayûɾ-lu-ŋa — когда я пил	aɾólak-lu-ŋa — в то время как я отправляюсь	pi-lu-ŋa — в то время как я говорил
	2-е лицо	kayûɾ-lu-tin — когда ты пил	aɾólak-lu-tin — отправляясь ты и т. д.	pi-lu-tin — говоря ты
	3-е лицо	kayûɾ-lu-ni — когда он пил	aɾólak-lu-ni — когда он отправлялся	pi-lu-ni — когда он говорил
Мн. число	1-е лицо	kayûɾ-lu-tă — когда мы пили	aɾólak-lu-tă — когда мы отправлялись	pi-lu-tă — когда мы говорили
	2-е лицо	kayûɾ-lu-si — когда вы пили	aɾólak-lu-si — когда вы отправлялись	pi-lu-si — когда вы говорили
	3-е лицо	kayûɾ-lu-tin — когда они пили	aɾólak-lu-tin — когда они отправлялись	pi-lu-tin — когда они говорили

Супин

I. Неопределенная форма

kayûɾ-na-ɾ-miŋ — при моем чаепитии	aɾólak-na-ɾ-miŋ — при моем отправлении	pi-na-ɾ-miŋ — при моем говорении

II. Изменяемая форма

Ед. число	1-е лицо	kayúɾ-na-ɾma — при моем чаепитии	aɾólak-na-ɾma — при моем хождении и т. д.	pi-na-ɾma — при моем говорении и т. д.
	2-е лицо	kayúɾ-na-xpik — при твоем чаепитии		
	3-е лицо	kayú-n-ɾa-n — при его чаепитии		
	4-е лицо	kayú-n-ɾa-m, kayúɾ-na-ɾmi-ni — при своем (его) чаепитии		
Мн. число	1-е лицо	kayuɾ-ná-mta — при нашем чаепитии		
	2-е лицо	kayuɾ-ná-xpi-si — при вашем чаепитии		
	3-е лицо	kayú-n-ɾa-ta — при их чаепитии		
	4-е лицо	kayuɾ-na-ɾmi-x-ni — при их (своем) чаепитии		

Условное[1]

Ед. число	1-е лицо	kayú-ku-ma — если я пью	aɾólak-ix-ku-ma — если я отправляюсь и т. д.	pi-ku-ma — если я говорю и т. д.
	2-е лицо	kayú-ku-vuk — если ты пьешь		
	3-е лицо	kayú-ku-n — если он пьет		
	4-е лицо	kayú-ku-ni — на случай своего питья		
Мн. число	1-е лицо	kayú-ku-mta — если мы пьем		
	2-е лицо	kayú-ku-p-si — если вы пьете		
	3-е лицо	kayu-ku-ta — если они пьют		
	4-е лицо	kayu-ku-tin — на случай их питья		

Переходящие глаголы

1-е спряжение

Основа tugù (переходящий) — брать

Изъявительное наклонение. Основная неопределенная форма

Я	МЫ
tugù-támkin — я тебя беру	tugù-tá-mkin — мы тебя берем
tugù-tákn — я его беру	tugù-tá-xput — мы его берем
tugù-tá-msi — я вас беру	tugù-tá-msi — мы вас берем
tugù-ta-n'ka — я их беру	tugù-tá-put — мы их берем

[1] Во всех формах условного наклонения автором пропущен формант *-ya* — показатель условного наклонения. Полностью суффикс условного наклонения будет *-ya*: qayuɾ-ya-ku-ma 'если я пью' и т. д. *Прим. Г. Меновщикова.*

ТЫ	ВЫ
tugú-tá-xpi-ŋa — ты меня берешь	tugú-ta-xpi-si-ŋa — вы меня берете
tugù-tá-n — ты его берешь	tugú-tá-xsi — вы его берете
tugù-tá-xpikut — ты нас берешь	tugù-tá-xpikut — вы нас берете
tugù tá-tin — ты их берешь	tugú-tá-xsi — вы их берете

ОН	ОНИ
tugù-tá-ŋa — он меня берет	tugú-tá-t-ŋa — они меня берут
tugù-tą-tin — он тебя берет	tugù-tá-tin — они тебя берут
tugù-tá — он его берет	tugù-ta-t — они его берут
tugù-t-inkut — он нас берет	tugù-t- n'kut — они нас берут
tugù-t-isi — он вас берет	tugù-t-isi — они вас берут
tugù-ti — он их берет	tugù-t-i-t — они их берут

Настоящее

tugù-na-ká-mkin — я тебя беру
tugù-na-ká-ka — я его беру
и т. д. по образцу предыдущего.

Прошедшее несовершенное

tugù-ta-ká-mkin — я тебя брал
tugù-ta-ká-ka — я его брал
и т. д. по образцу предыдущего.

Прошедшее совершенное

tugù-sima-mkin — я тебя взял
tugù-sima-ka — я его взял
и т. д по образцу предыдущего.

Однако:

он взял его — tugù-sima и tugù-sima-káŋa
он взял их — tugù-simi и tugù-sima-káŋi
они взяли его — tugù-sima-t и tugù-sima-káŋa-t
они взяли их — tugù-simit и tugù sima-káŋi-t.

Будущее

tugù-ł-ka-mkin — я тебя возьму
tugù-ł-ká-ka — я его возьму
и т. д. по вышеприведенным образцам.

Увещевательное наклонение

Я	Мы
tugù-ła-kin — пусть я тебя возьму	tugù-łamtikin — пусть мы тебя возьмем
tugù-łakun — пусть я его возьму	tugù-łut'xu — пусть мы его возьмем
tugù-łamsi — пусть я вас возьму	tugù-łamsi — пусть мы вас возьмем
tugù-łaŋa — пусть я их возьму	tugù-łuiki — пусть мы их возьмем

ТЫ

tugù-t-iŋa — возьми меня
tugù-t-igu — возьми его
tugù-t-ikut — возьми нас
tugù-t-iki — возьми их

ВЫ

tugù-t-iŋa — возьмите меня
tugù-t-ixu — возьмите его
tugù-t-ikut — возьмите нас
tugù-t-iki — возьмите их

ОН

tugù-łiŋa — пусть он меня возьмет
tugù-łitin — пусть он тебя возьмет
tugù-łin — пусть он его возьмет
tugù-łin-kut — пусть он нас возьмет
tugù-łisi — пусть он вас возьмет
tugù-łiki — пусть он их возьмет

ОНИ

tugù-łitŋa — пусть они меня возьмут
tugù-łitŋa — пусть они тебя возьмут
tugù-łitgu — пусть они его возьмут
tugù-łin'kut — пусть они нас возьмут
tugù-łisi — пусть они вас возьмут
tugù-łiki — пусть они их возьмут

Одновременное наклонение или деепричастие

Общая форма

Ед. число tugù-łuku — беря его
Мн. число tugù-łuki — беря их

Прошедшее время

Ед. число **tugù-sima-łuku** — взяв его
Мн. число tokó-simá-łuki — взяв их

Условное наклонение

Я

tugù-kú-mkin — если я тебя взял бы
tugù-kú-mkun — если я его взял бы
tugù-ku-msi — если я вас взял бы
tugù-ku-nki — если я их взял бы

МЫ

tugù-kù-mtikin — если мы тебя взяли бы
tugù-kú-mtixu — если мы его взяли бы
tugù-ku-psi — если мы вас взяли бы
tugù-ku-mtiki — если мы их взяли бы

ТЫ

tugù-kuvŋa — если ты меня взял бы
tugù-ku-vgu — если ты его взял бы
tugù-ku-pkut — если ты нас взял бы
tugù-ku-pki — если ты их взял бы

ВЫ

tugù-kú-psiŋa — если вы меня взяли бы
tugù-kú-psigu — если вы его взяли бы
tugù-kú-psikut — если вы нас взяли бы
tugù-kù-psiki — если вы их взяли бы

ОН

tugù-ka ŋáŋa — если он меня взял бы
tugù-ka-ŋátin — если он тебя взял бы
tugù-ka-gu, tokó-kaŋa — если он его взял бы
tugù-ka-ŋin'kut — если он нас взял бы
tugù-ka-ŋisi — если он вас взял бы
tugù-ka-ki, tugù-kani — если он их взял бы

ОНИ

tugù-ka-ŋatŋa — если они меня взяли бы
tugù-ka-ŋátin — если они тебя взяли бы
tugù-ka-tku, tokó-kaŋat — если они его взяли бы
tugù-ka-ŋin'kut — если они нас взяли бы
tugù-ka-ŋisi — если они вас взяли бы
tugù-ka-tki, tugù-kaŋit — если они их взяли бы

Общая форма

Употребление изменяемой формы супина часто соответствует деепричастию или условному наклонению, например: ɪs'taɾá-nɪmta kayalkakɪxkumkin 'в нашем катании с горы, если я хочу дать тебе победу'; tɪxtónaɾma aɾólakli 'при моем пробуждении пусть он уезжает'.

4-е лицо по примеру Талбицера и Барнума обозначено возвратной формой: nałaninármini osaɾaka 'поровнявшись с ним, он окликнул его'.

Причастие

Непереходящие глаголы

-lɾi представляет окончание причастия непереходящих глаголов и также имени прилагательного, так что форма, образованная при помощи этого окончания, вполне соответствует по смыслу глагольному прилагательно-существительному (verbal adjectivus noun) Талбицера или причастию-существительному (nominal participl) Клейншмидта.

Причастие образуется путем прибавления окончания *-lɾi* к основе, причем в основах с окончанием на согласный этот согласный выпадает.

Основа ka 'приходит', kálɾi 'приходящий' (собственно приближаться, приближающийся).

Основа kavár 'спать', kavá-lɾi 'спящий'.

Основа tagi 'приходит', tagi-lɾi 'прибывающий'.

Впрочем в таком же самом значении причастия употребляется, как сказано, 3-е лицо изъявительного неопределенного: kaváxtuk 'спящий', kátuk 'приходящий'.

Обе формы могут изменяться по падежам в виде имен существительных или превратиться в глагол и спрягаться на общих основаниях.

kálɾi-ŋa 'я есть приходящий' и также katkáuŋa от kátuk

tagi-lɾi-ŋa 'я есть прибывающий' и также tagikáuŋa от tagik

tagilɾim kámgi — 'пришедшего его сапоги', т. е. сапоги того, кто пришел, и также tagikám kámgi 'пришедшего его сапоги', т. е. сапоги того, кто пришел.

pinilɾimiŋ atúɾyuɾnalɾimiŋ 'с красивой (девицей), хорошо умеющей'.

Формы причастия с окончанием -lɾi принимают тоже суффиксы, указывающие время: toko-ma-lɾi 'уже умерший', 'покойник', -ma —суффикс прошедшего совершенного, moɾotákalɾi 'ушедший на промысел', -táka — суффикс прошедшего несовершенного.

Причастие с окончанием -lŗi часто замещает изъявительное неопределенное, которому оно, как указано выше, родственно.

áminam moŗotákalŗi 'он ушел на промысел'.
nīxsaxak piyúmalŗi 'маленький тюленчик ушел пешком'.
nánumīŋ nulixtulŗiŋa 'из белых медведей жену имею я'.

Клейншмидт указывает в гренландском наречии такое же употребление причастия, причем называет эту конструкцию [возвратным] причастием (Клейншмидт, стр. 78). Причастие, о котором он говорит, есть особая форма непереходящего глагола. Впрочем, в его таблицах глагольных окончаний это причастие не указано и встречается только в примерах его фразеологии.

Талбицер пополняет этот пробел, указывая для причастия непереходящих глаголов две формы: одну с окончаниями -sse, другую с окончанием -s·oq. Окончание -sse может соответствовать фонетически азиатско-эскимосскому окончанию причастия -lŗi. У Барнума (§§ 164—166) это же самое окончание -lrââ указано как служащее для образования прилагательных и причастий непереходящего глагола, что совпадает с азиатско-эскимосским диалектом. Впрочем, он называет прилагательные существительно-прилагательными (adjective nouns), а причастия отглагольными существительно-прилагательными непереходящего глагола, что в точности соответствует эскимосским оттенкам значений. Во всяком случае, его формы отглагольных существительно-прилагательных совершенно совпадают с азиатско-эскимосскими. Например:

Барнум (аляскинское наречие) âtu͡lrââ 'тот, кто поет', т. е. 'поющий', азиатско-эскимосское наречие âtúlŗi 'тот, кто поет', т. е. 'поющий'. У Барнума даже встречается tōkōmâlrââ 'покойник' (словарь стр. 369) — с суффиксом -ma азиатско-эскимосского прошедшего совершенного.

Причастие со значением страдательного образуется путем прибавления к глагольной основе окончания -(*t*)*kak*, -*t* вставляется после основ с окончанием на гласный.

tokó-t-kak 'убитый'.
tún-kak 'данный'.
uni-t-kak 'покинутый'.
aŋli-t-kak 'воспитанный'.

Эта форма причастия точно так же может изменяться по падежам, принимает притяжательные формы или образуется в глагол на общих основаниях:

tugùtkáuŋa 'я тот, который взят'.
anlitkáuŋa или anlitkákaŋa 'я тот, который воспитан'.
xwáŋa anlitkoma maŋtŗā 'моего воспитанника дом'.
nusúumakáŋa 'он вырыл то, что было зарыто в земле'.

Эта форма причастия соответствует причастию страдательному Талбицера (Mode VIII, § 40)

assassaq 'тот, кто любим'.	katattaŗa 'уроненное мною'.
assassara 'мое любимое'.	katattaŗput 'уроненное нами'.
assassua 'его любимое'.	и т. д.

Причастие переходящих глаголов (transitiva participle) Талбицера или глагольное причастие (verbal participle) Клейншмидта, играющее важную роль в конструкции гренландских предложений и заменяющее придаточное дополнительное предложение, в азиатско-эскимосском наречии совершенно отсутствует. В этом отношении азиатско-эскимосское наречие совпадает с лабрадорским, которое тоже не имеет причастия переходящих глаголов и заменяет их условным наклонением (Клейншмидт, как указано выше, называет его не Conditional, а Conjunctive).

Азиатско-эскимосское наречие замещает причастие переходящего глагола тоже большей частью условным наклонением, но часто также одновременным наклонением (супином) или даже просто изъявительным наклонением.

uwikıxkuvŋa puinuziŋa 'что я твой муж, ты забыла меня'.

Здесь uwikıxkuvŋa условное наклонение.

yakáiŋan naĺúkaxpısiŋa napú nıŋ nulixtulŗiŋa 'разве вы не знаете меня, что из белых медведей жену имею я'. Здесь придаточное дополнительное предложение выражено причастием непереходящего глагола, которое, как указано выше, замещает изъявительное наклонение.

nulixkíxkaŋa kayuxĺák 'так как она его жена, то вот так (и поступила)'.

Конструкция придаточного предложения времени в значении „как только" может быть выражена при помощи модального падежа причастия непереходящего глагола, которое при этом вставляет еще суффикс *-ya*. Is·xayáĺŗi-mıŋ inliŗmiluŋani (pit) 'как только взглянули, внутри спального помещения (очутились)'.

Согласно Клейншмидту, гренландское наречие допускает такие же формы замещений для причастия переходящих глаголов.

ГЛАГОЛЬНАЯ ОСНОВА КАК СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Глагольная основа также может являться именем существительным.

aliya-k 'желание'	aliya-**xtuk** 'он желает'
kávak 'сон'	kavá-xtuk 'он спит'
mıksuk 'жажда'	mıksu-xtuk 'он чувствует жажду'
nıka 'еда'	na-xtuk 'он ест'
kayu-k 'питье'	kayú-xtuk 'он пьет'
wáŋi-k 'работа'	waŋituk 'он работает'

Из приведенных примеров видно, что глагольная основа превращается в имя существительное обычным путем, прибавляя в абсолютном падеже *-k* и отсекая последний согласный основы.

В виде существительного глагольная основа может изменяться по падежам, также образовывать притяжательные формы: kavá-m-ni 'в моем сне'— местный падеж притяжательной формы, kavá-xpi-ni 'в твоем сне'— местный падеж притяжательной формы. В гренландском наречии существует подобная же форма, которую Талбицер называл abstract noun, абстрактное имя существительное, подразумевая при этом „verbal" отглагольное (Mode XII, § 44).

Впрочем, суффикс *-ne*, указанный в его примерах, в азиатско-эскимосском наречии отсутствует. Гренландское наречие: isér-ne-q 'вхождение', kapi-ne-q 'укол'.

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Вопросительная форма соответствует изъявительному наклонению и подобно ему образует настоящее, прошедшее несовершенное и будущее времена с характеризующими их суффиксами.

Специальный суффикс вопросительной формы есть *-si*, который вставляется перед окончанием. Окончания лиц подобны отчасти формам изъявительного наклонения, отчасти формам увещевательного наклонения.

Тот же самый суффикс *-si*, или с легким изменением *-ši*, характеризует вопросительную форму и в аляскинском наречии, насколько можно судить по указаниям Барнума (Interrogative Aspect, § 461). Барнум не дает таблички спряжения этих форм, а только ряд разрозненных примеров. Сопоставляя их и формы азиатско-эскимосского наречия, находим:

Аляскинское наречие		Азиатско-эскимосское наречие
nâtmun jâqchēt?	— куда ты идешь?	návik pisin?
nânechēâ?	— где я?	nánsiŋa?
kânvâk ĭyâktâ?	— когда он упал?	kávnak ałákta?
kēâ tāunâ iyâûtān?	— кто это взял?	kina tána ałatagu?
châmûk pēchâqsēt?	— о чем вы просите?	

Морфологически те и другие формы совершенно совпадают. В гренландском наречии (ср. Талбицер) суффикс *-si* тоже служит для образования различных форм вопросительного, хотя личные окончания этих форм не вполне соответствуют азиатско-эскимосским, насколько можно судить по указанной табличке. Впрочем табличка эта, повидимому, включает не все формы вопросительного.

Глагол непереходящий
Изъявительное наклонение

Вопросительная форма

	Общее	Прошедшее несовершенное[1]	Прошедшее совершенное	Будущее
Ед. ч.	1) kaváx-si-ŋa — спал ли я 2) kaváx-si-in — спал ли ты 3) kaváx-ta — спал ли он	kavár-ak-si-ŋa — спал ли я kavár-ak-si-n — спал ли ты kavár-a-ka — спал ли он	kavá-ma-si-ŋa — поспал ли я kavá-ma-si-in — поспал ли ты kavá-ma — поспал ли он	kaváx-łax-si-ŋa — усну ли я kaváx-łax-si-n — уснешь ли ты kaváx-łax-ma — уснет ли он
Мн. ч.	1) kavár-i-sta — спали ли мы 2) kavár-i-tsi — спали ли вы 3) kaváxtat — спали ли они	kavar-ak-asta — спали ли мы kavár-ak-atsi — спали ли вы kavár-ak-a-t — спали ли они	kavá-ma-sta — поспали ли мы kavá-ma-tsi — поспали ли вы kavá-ma-at — поспали ли они	kaváx-łak-a-sta — уснем ли мы kaváx-łak-a-tsi — уснете ли вы kaváx-łat-at — уснут ли они

Глагол переходящий
Изъявительное наклонение

Неопределенная форма

Я		МЫ	
tugù-si-kan	— взял ли я тебя	tugù-tá-mti-kin	— взяли ли мы тебя
tugù-si-kun	— взял ли я его	tugù-tá-xput	— взяли ли мы его
tugù-sima-si	— взял ли я вас	tugù-tá-msit	— взяли ли мы вас
tugù-si-maziŋi	— взял ли я их	tugù-tà-put	— взяли ли мы их
ТЫ		**ВЫ**	
tugù-si-ŋa	— взял ли ты меня	tugù-s-ti-ŋa	— взяли ли вы меня
tugù-si-n	— взял ли ты его	tugù-s-ti-xu	— взяли ли вы его
tugù-si-kut	— взял ли ты нас	tugù-s-ti-kut	— взяли ли вы нас
tugù-si-ki	— взял ли ты их	tugù-s-ti-ki	— взяли ли вы их
ОН		**ОНИ**	
tugù-ta-ŋa	— взял ли он меня	tugù-tat-ŋa	— взяли ли они меня
tugù-a-tan	— взял ли он тебя	tugù-ta-tan	— взяли ли они тебя
tokù-ta-gu	— взял ли он его	tugù-tat-xu	— взяли ли они его
tokù-t-in-kut	— взял ли он нас	tugù-t-in-kut	— взяли ли они нас
tokù-ti-si	— взял ли он вас	tugù-ti-si	— взяли ли они вас
tokù-ta-ki	— взял ли он их	tugù-ta-ki	— взяли ли они их

[1] В школьной грамматике языка азиатских эскимосов прошедшее несовершенное В. Г. Богораза принято называть настоящим временем. См. стр. 237 настоящей книги. *Прим. ред.*

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Отрицательная форма глаголов как переходящих, так и непереходящих образуется при помощи специального суффикса *-ŋŗi*, вставляемого между основой и окончанием. Тот же суффикс и в вопросительной форме аляскинского наречия.

Непереходящий глагол

kavá-ŋŗi-tuŋa 'я не сплю'.
kavá-ŋŗi-tuq 'он не спит'.

Переходящий глагол

tugù-ŋŗi-tá-mkin 'я не брал тебя'.
tugù-ŋŗi-ta-ka 'я не брал его'.

Ср. у Барнума tinrĕtôâ 'я не приду' (непереходящий глагол); kĕputŋrātâkâ 'я не куплю этого' (переходящий глагол). Все глагольные формы принимают отрицание правильно и единообразно. Суффикс *-ŋŗi* может вставляться или немедленно после основы перед суффиксом, характеризующим время или наклонение, или после этого суффикса. Но в этом последнем случае прибавляется окончание изъявительного неопределенного.

Прошедшее совершенное

tokó-ŋŗi-sima-ŋa или tokó-sima-ŋŗi-tu-ŋa 'я не умирал'.

Увещевательное

tokó-ŋŗi-ł-ŋa или tokó-ł-ŋŗi-tu-ŋa 'я не умру' и т. д.

Отсутствие лица или предмета выражается при помощи отрицательных глаголов.

avituk 'лицо отсутствует'.
avàŋituk 'у данного лица такой-то предмет отсутствует'.
avituŋa 'я отсутствую'.

Все времена и наклонения образуются правильно.

Изъявительное наклонение

Настоящее время avinakuŋa 'я отсутствую' [сейчас буду отсутствовать].

Прошедшее несовершенное avitakuŋa 'я отсутствовал' [я уже отсутствую].

Будущее время aviłłkuŋa 'я буду отсутствовать'.

Увещевательное наклонение

aviłaŋa 'пусть я отсутствую'.

Отрицательный глагол avàŋituk, относящийся к предмету, сопровождается глагольной формой этого существительного со вставленным отрицательным суффиксом *-i*. Этот отрицательный суффикс *-i* слышится в обоих отрицательных глаголах:

avituk ‘он отсутствует’, avaŋituk ‘у него что-то отсутствует’, avaŋituŋa koyŋiituŋa ‘я не имею оленей’, nulixituŋa ‘я не имею жены’. Здесь отрицательный суффикс *-i* заменил собой целый отрицательный глагол. Такая отрицательная конструкция без отрицательного глагола тоже чрезвычайно распространена.

kálуni tánım lákutuk ‘по его приходе туда опять он не имел — не нашел проруби’ (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 453, l, 8), laxlạ́ituk ‘он не нашел диких гусей’ (там же, стр. 454, l,8) ok, ukitukut ‘о, мы стали без жиру’, nani̯ukii̯utuk ‘лампа стала без жиру’.

Точно такая же конструкция с отрицательным суффиксом *-i*, выражающая отсутствие предмета, существует в аляскинском наречии.

la-gûkh-tai-tuk равняется — lakituq азиатско-эскимосского наречия, где отрицательная форма, вероятно, lá-gu-xta-i-tuk ‘он не нашел проруби’. tiŋ-u-mi-ukh-tai-tuk, вероятно, tiŋumi-u-xta--i-tuk ‘он не нашел диких гусей’.

Также у Барнума nupīčtok ‘нет шума’, ēkâmrіēlōâ ‘я не имею салазок’ (§ 451); nuyitōa ‘у меня нет волос’; pēlugwētōa ‘у меня нет сапог’ (§ 554).

В виде отрицательного суффикса указано *-i* и *-ē*, хотя по системе правописания Барнума оба эти звука ничем не отличаются друг от друга.

-i-lŋu для большой выразительности, к отрицательному суффиксу *-i* прибавляется *-lŋu.*

nulīx-i-lŋuk ‘не имеющий жены’, ‘вдовец’.

uwiŋ-i-lŋu-k ‘не имеющая мужа’, ‘вдова’.

ulú-ŋ-i-lŋu-k не имеющий языка’, ‘немой’ и т. д.

То же и в аляскинском наречии:

pi-chú-i-lin-uk ‘ничего не находит’.

У Барнума окончание -ēlgnok ‘не имеющий (того-то)’ (§ 133).

Суффикс *-ŋona* в сочетании с именами существительными означает: ‘без того-то’.

При этом существительное принимает глагольную форму и ставится в одновременном наклонении с вспомогательным глаголом.

nuli-ŋoná-ŋa pīŋa — я без жены есть.
nuli-ŋoná-n pītin — ты без жены есть.
nuli-ŋoná-n pīt — он без жены есть.
nuli-ŋoná-mta pīkut — мы без жены (жен) есть.
nuli-ŋoná-tsi pīsi — вы без жены (жен) есть.
nuli-ŋoná-tīn pīt — они без жены (жен) есть.

ВОЗВРАТНАЯ ФОРМА:

ед. число nuli-ŋoná-ni — без своей жены.
мн. число nuli-ŋoná-tin — без своих жен.

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

Отрицательный суффикс *-nṛi* может сочетаться с вопросительным суффиксом *-si* во всех формах времен и наклонений глагола.

kavá-nṛi-si-n 'не сплю ли я?'

Настоящее время

kavaṛ-ná-nṛi-si-ŋa 'не сплю ли я сейчас?' [наступающее будущее]

Прошедшее совершенное

kava-má-nṛi-si-ŋa 'не спал ли я?'

Такое же сочетание может быть образовано из отрицательного суффикса *-(s)iya* и вопросительного суффикса *-si*:

tugù-siya-si-ŋa 'не берешь ли ты меня?' Saŋan tugù-siyásiki 'почему ты их не берешь?'

Условное наклонение образует отрицательную форму при помощи того же суффикса *-nṛi*, который выступает в сочетании с суффиксом собственно условного наклонения *saku* (*saka*).

Непереходящий глагол

(Условное наклонение)

Ед. число

1. kavá-nṛi-saku-ma — если я не спал
2. kavá-nṛi-saku-vuk — если ты не спал
3. kavá-nṛi-saka-n — если он не спал

Мн. число

1. kavá-nṛi-saku-mta — если мы не спали
2. kavá-nṛi-saku-fsi — если вы не спали
3. kavá-nṛi-saka-ta — если они не спали

Переходящий глагол

Я

tugù-t-i-jaku-mkın — если я тебя не взял бы
tugù-t-i-jaku-mkun — если я его не взял бы
tugù-t-i-jaku-msi — если я вас не взял бы
tugù-t-i-jaku-mki — если я их не взял бы

ТЫ

tugù-t-i-jaku-vŋa — если ты меня не взял бы
tugù-t-i-jaku-vṛu — если ты его не взял бы
tugù-t-i-jaku-fkut — если ты нас не взял бы
tugù-t-i-jaku-fki — если ты их не взял бы

Кроме отрицательных суффиксов, употребляются еще отрицательные частицы, которые ставятся впереди глагольной формы.

В повелительном наклонении *ɪkiˈ* 'не':

ikí nɪŗ-i-xpiŋá 'не ешь',
iki nɪŗ-i-xpiŋá-si 'не ешьте'.

В изъявительном наклонении для большой выразительности *kaŋ*.

kaŋ anŗitútɪn 'ты не придешь' (ср. частицу *-kang* у Барнума Index, стр. 379).

Возражение выражается частицей *néqän*, которая употребляется также в независимой конструкции с значением 'нет', 'не так'. Ср. Ринк, nagga 'петь', Центр. обл., з., с.

vánivan заимствован с чукотского (vánevan), означает 'нисколько', 'ничуть'.

Утверждение посредством отрицания

Отрицательные формы часто употребляются в смысле утвердительном, причем утверждение относится к свойству, противоположному тому, которое отрицается:

ákluɬŗi 'бедный', akɬùŋiɬŋuk 'не бедный — богатый',
akluŋilxa притяжательная форма. 3-е лицо ед. числа в смысле сравнительной степени 'его богатый', 'богаче, чем он'.

То же у Барнума (§ 182) ningliātōk 'теплый', буквально — 'лищенный холода'.

БЕЗЛИЧНЫЙ ГЛАГОЛ

Безличный глагол имеет форму глагола переходящего, хотя значение его соответствует глаголу непереходящему.

katɪxlù̇ŗnaka 'буря утихает' (изъявительное наклонение).
anokliŗnaka 'ветер дует' (изъявительное наклонение).
unû̇wa unánuxta 'настал вечер и настало утро'.
unâmi axtá 'утром рассвело'.

В аляскинском наречии, напротив того, безличный глагол имеет форму непереходящего глагола: *kāâgtôk* 'лето стоит' (Барнум, § 664). Азиатско-эскимосское наречие: uksúkagu 'когда зима настала'. Условное наклонение 3-го л. ед. числа, переходная форма. Аляскинское наречие (Барнум): Ukshūkŏn 'когда зима настала'. Условное наклонение 3-е лицо ед. числа, переходная форма. Это различие тем более замечательно, что, помимо отмеченного расхождения, все остальное совершенно совпадает.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Азиатско-эскимосское наречие в отличие от других диалектов эскимосского языка имеет вспомогательные глаголы.

1) *pīk* 'он есть', *pī* 'он имеет тем-то', основа *pī*.

2) *ɬīxtuk* 'он становится тем-то', *liŗā* 'он делает тем-то', основа *liŗ*.

3) *ayukuk* 'он есть (такого качества)', основа *ayuk*.

Надо отличать вспомогательный глагол *pīk, pī* 'он есть' от другого глагола, сходного по звукам — *pïk, pï* 'он говорит', впрочем основной гласный этого второго глагола *ï* имеет в себе *е* и по своей долготе является почти двугласным. Глагол *pīk, pī* имеет в азиатско-эскимосском наречии троякое употребление:

1. В прямом и тесном значении глагола 'быть'. оро́ро, xwáŋa sankot taxámnun pīɬakuŋa 'пусть я с своей собственной кладью буду';

kayuxɬá-ŋan pīnakista 'как же мы будем?'

2. В виде вспомогательного глагола в значении: 'я буду тем-то'.

Глагол pīk, pī сочетается при этом с именами существительными и прилагательными и глаголами, причем имена также принимают глагольную форму и ставятся наравне с настоящими глаголами в одновременном наклонении. Yúuɬuŋa 'я человек'; utakiɬuŋa pīɬakuŋa 'ждущим я буду'.

3. Глагол pīk, pī употребляется в виде своеобразного вспомогательно-заместительного глагола, который замещает любой глагол, значение которого предполагается известным говорящим, особенно, если этот глагол был раньше упомянут. В этом употреблении глагол pīk, pī до известной степени соответствует английскому to do 'делать', который также нередко является заместительным глаголом. Например в разговорной форме (slang) J am done вместо J am cheated 'я обманут'. Другая более точная параллель есть глагольная основа nike, nika чукотско-корякской группы языков, тоже вспомогательно-заместительного значения.

Это употребление вспомогательно-заместительных глаголов отразилось даже на местном русском наречии Колымы и Анадыря, в котором противно духу русского языка появился вспомогательно-заместительный глагол 'то-делать, то-делается'.[1]

Глаголы ɬixtuk, ɬiŗa и ayukuk тоже употребляются в сочетании с одновременным наклонением глаголов или глагольной формы имен.

Примеры:

navïk nizïn? 'куда ты есть (идущий)?'.

taŗávuk pīŋa 'туда-то я есть (идущий)'.

[1] Ср. В. Г. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия. Стр. 14.

guk, kóyŋun sam(ıŋ) pīkatīn oto? ‘действительно, чего ты есть (желающий)?’

Чукотско-корякская группа языков имеет вообще очень развитую систему вспомогательных глаголов, которые представляют некоторые дальнейшие пункты совпадения с вспомогательными глаголами азиатско-эскимосского наречия.

Так в чукотском языке основа вспомогательного глагола ‘быть’ it фонетически переплетается с основой глагола говорить iu, так же точно, как в азиатско-эскимосском наречии pī и pī.

Далее чукотская основа вспомогательного глагола lŋı ‘иметь кого чем’, почти тождественна с основой азиатско-эскимосского вспомогательного глагола ɬi ‘делать кого чем’, ‘иметь кого чем’.

Так как с другой стороны основа ɬi появляется и в других эскимосских наречиях, вплоть до гренландского, то мы имеем в этом случае (вероятное) совпадение чукотско-корякской группы языков с эскимосским языком вообще (ср. ниже, стр. 101).

Сравнивая вспомогательные глаголы азиатско-эскимосского наречия с соответственной конструкцией эскимосских наречий, находим, прежде всего, в аляскинском наречии глагол pīk, pī (в правописании Барнума pē) тоже в виде вспомогательно-заместительного глагола.

Это вытекает из всех многочисленных параграфов, таблиц и примеров, относящихся к этому глаголу в грамматике Барнума. Например, ım pēkâ ‘этот имеет его’, pēok ‘он сказал’, ‘он увидел’, pēwik ‘место действия’. Все это, очевидно, примеры заместительного употребления глагола pē.

В восточных диалектах, особенно в гренландском, вспомогательные глаголы вошли в комбинацию суффиксов и слились с ними. Так глагол pīk, pī в гренландском наречии превратился в pe, pivok, причем pe является основой именной и означает: ‘вещь’, а pivok является глагольной формой и означает: ‘он делает’.

По определению Ринка эта основа в своих разнообразных формах является как бы выразителем идеи суффиксов, так как все многообразные суффиксы могут вступать в сочетание с этой основой, не изменяя особенно заметно своего основного значения.

pia ‘его собственность’, pĕrpâ ‘он уносит это’ (суффикс *-erpâ*— ‘он лишает кого, чего’).

nátın-ŋam táwa pīnakaŋa? ‘как же это он сделает со мной?’

itaŋnatum pīka ‘хорошо он поступил со мной’.

kayuxɬakxun pīɬaŋa ‘как же я буду (действовать)?’

kayuxɬa-ŋan pīnakista ‘как же мы будем (действовать)?’

akitŋúɬuku ɬima ‘изголовьем она сделала его (свое платье)’.

yúuɬuni ɬixtuk ‘человеком он становится’.
piwóɽlun(i) ayúkalɽi ‘в изломанном состоянии будучи’.
nátɪn ayukut? ‘каково они суть (поживают)?’

В азиатско-эскимосском наречии, как указано, основа *pi* образует самостоятельные глагольные формы, которые, вместо того, чтобы сливаться с суффиксами, употребляются особо от них, как вспомогательно-заместительный глагол.

Впрочем, по существу, основа *pī* и в гренландском наречии является, очевидно, заместительной. Другой вспомогательный глагол ɬixtuk, ɬiɽa, основа *ɬi*, замещается в гренландском наречии сплетением соответствующих суффиксов, родственных друг другу.

Непереходящий: -iarpoq, -liarpoq, -liorpoq, -êrpa, -lêrpa (основа *i*, *li*). Эти суффиксы в общем и морфологически и фонетически совпадают с азиатско-эскимосскими вспомогательными глаголами: -liorpoq соответствует -ɬixtuk; -lêrpa соответствует -liɽa.

С другой стороны, и в азиатско-эскимосском наречии основа *ɬi*, вместо вспомогательного глагола, может также явиться суффиксом: īɽne-ɬi-támkɪn ‘я делаю тебя моим сыном’, uwi-li-támkɪn ‘супруг делать теперь ты меня’, т. е. ты имеешь меня супругом, и рядом с этим: uwiŋuluŋa ɬiɽumaŋa ‘супруг я будучи сделала она меня’, т. е. она имела меня супругом.

Прилагательные

Прилагательное в эскимосском языке является скорее прилагательно-существительным (adjective noun): pinilɽi ‘тот, который хорош’.

В азиатско-эскимосском наречии прилагательное образуется, подобно причастию непереходящего глагола, при помощи окончания -lɽi: iknákɪlɽi ‘сильный’; pinilɽi ‘хороший’.

Если угодно, эту форму прилагательного можно рассматривать, как настоящее причастие от глагольной формы piniɪxtuŋa ‘я хорош’; iknakuŋa ‘я силен’. Есть, впрочем, прилагательные, которые вместо -lɽi принимают окончание -uk, -k: sáɽlaɽuk ‘худой’, kavilŋuk ‘красный’, áŋuk ‘большой’, tɽigyuk ‘удачливый’, aɽinkak ‘правосторонний’, saɽumik ‘левосторонний’ (ср. Петитот M. tçawmik), nútaɽak ‘молодой’.

Эти прилагательные совпадают с 3-м лицом ед. числа неопределенного изъявительного глагольной формы:

sáɽlaɽuŋa ‘я плох’, aŋuŋa ‘я велик’, и т. д. Основное окончание прилагательного -lɽi может изменяться в *-ɬxi*, *-liɽi*, *-lɪxi*: tɽikáxliɽi ‘счастливый’, utáxɬixi ‘ждущий’ и т. д.

Прилагательное в сочетании с существительным имеет характер более определенного указания, чем в европейских язы-

как: ipılṛi savik 'тот нож, который остер', yuk os·kalṛi 'тот человек, который высок'.

Встречаются, впрочем, прилагательные с другими окончаниями, кроме указанных.

mátaṛmi 'нагой'. Ср. Барнум mâtârmittoâ 'я раздет', Ринк (Лабр., Центр. обл., Мек., с., з.) mataṛa 'он раздевает его'.

Быть может mátaṛmi есть только местный падеж глагольной основы.

Прилагательное, подобно причастию, может изменяться по падежам.

Ед. число

Абсолютный	pinilṛi	— хороший
Относительный	pinilṛi-m	— хорошего
Дательный	pinilṛi-mun	— хорошему, к хорошему
Местный	pinilṛi-mi	— у хорошего
Модальный	pinilṛi-miŋ	— хорошим

Мн. число

Абсолютный pinilṛi-t — хорошие

В виде сравнительной степени употребляются обычные глагольные формы с местным падежом предмета, служащего объектом для сравнения: aŋliutimni 'я сильнее моего брата', tṛigyuŋa 'я удачливее (на охоте) тебя'. Для сравнительной степени 3-го лица употребляется притяжательная форма: pinilxa, буквально: 'его хороший', т. е. в сравнении с ним наилучший. Существует и другая притяжательная форма, употребляемая как сравнительная степень и тождественная с такой же формой аляскинского наречия: pini-nṛa 'лучший'. Ср. Барнум pēninṛâ 'сильнейший', aŋilxa, aŋinṛa 'больший'. Ср. Барнум pēninṛâ 'больший', ipılṛi 'тот, который остер', сравнительная степень ipılxa, ipınṛa; sáṛlaṛuk 'тот, который плох', сравнительная степень saṛlilxa, saṛlinṛa и т. д.

Эта притяжательно-сравнительная форма тоже может принимать падежные окончания.

Ед. число

Абсолютный	pininṛa	— лучший
Относительный	pininṛa-n	— лучшего
Дательный	pininṛa-nun	— лучшему
Местный	pininṛa-ni	— у лучшего
Модальный	pininṛa-miŋ	— лучшим

Мн. число

Абсолютный	pininṛ-i	— лучшие

Превосходная степень выражается при помощи суффикса -pıya-k, обозначающего усиление качества. Ср. Барнум pēâ (§ 182), то же в притяжательной форме pinilaxpıga или pininax-

piga ‘его (их) сильно хороший’, т. е. лучший; iknakäläxpiga ‘сильнейший, чем все’; tuŋläxpiga ‘непосредственно ближайший (к нему)’ от tuŋlik ‘ближайший к’. Ср. Барнум (§ 665) tunglika ‘мой ближний’, tuŋläxpigam ‘ближайший к нему (сказал)’.

Форма превосходной степени тоже может принимать падежные окончания.

Ед. число

Абсолютный	pinilaxpiga	— самый лучший
Относительный	pinilaxpiga-n	— самого лучшего
Дательный	pinilaxpiga-nun	— самому лучшему
Местный	pinilaxpiga-ni	— у самого лучшего
Модальный	pinilaxpiga-niŋ	— самым лучшим

Мн. число

Абсолютный падеж pinilaxpig-i — самые лучшие

Наречия

Наречия, выражающие качество, обыкновенно образуются как одновременное наклонение глагольной формы основы соответственного прилагательного; при этом чаще употребляется одновременное наклонение формы переходящего глагола, реже одновременное наклонение формы глагола непереходящего.

áŋilŗi ‘большой’, áŋluku ‘очень, значительно’.
pinilŗi ‘хороший’, piniŗluku ‘хорошо’.
iknákilŗi ‘сильный’, iknáxluku ‘сильно’.
unáŋuluku ‘рано’, от unáŋu ‘завтра утром’, únak ‘утро’, обыкновенно употребляется глагольная форма unáŋuxta ‘утро пришло’.
uglágluku ‘в большом количестве’ от ugláxtut ‘они многочисленны’.

3-е лицо ед. числа sukałuni ‘скоро (он)’.
3-е лицо мн. числа sukálutiŋ ‘скоро (они)’.

Некоторые наречия качественные образуются при помощи окончания -tun: itáŗna-tun ‘хорошо’, sáŗla-tun ‘плохо’.

Наречия времени и места имеют более разнообразные формы:

mátxak ‘скоро’;
iŗivŗak ‘вечер’, также, ‘вчера вечером’.[1] Ср. русское ‘вечор’;
unámi ‘завтра утром’;
akúwa ‘вчера’. Ср. Барнум âkwâwâk ‘вчера и послезавтра’.

Любопытно, что в южном азиатском наречии akúwak ‘позавчера’.

---

[1] ‘Вчера вечером’ будет форма iŗivŗaŗ-mi, где существительное iŗivŗa ‘вечер’, оформлено местным падежом (показатель местного падежа **-mi** в дв. числе **gni**, во мн. числе **ni**). *Прим. Г. Меновщикова.*

unámi awákaṛani ‘послезавтра’, буквально: ‘завтра дальше того’.

awókaṛáni или awótaṛáni местный падеж от основы awót, употребляется для указания времени и места.

miŋtṛán awókaṛánun ‘подальше его дома’.

piṛnim ‘едва, еле-еле’.

iláŋakun ‘после того’ от основы *ila*.

páṛyuk ‘близко’.

áqs·an ‘очень’, aqs·an pinixtuk ‘очень хорош’.

áqs·an sáṛlaṛuk ‘очень плох’. Ср. Клейншмидт aqsut ‘очень’.

átunum ‘одинаково’. Ср. Барнум âtūnum ‘друг друга’.

xwaŋkūta âtūnūm chūchūktūkūt ‘мы любим друг друга’ (§ 268), ‘быть может, мы любим друг друга одинаково’.

ałámi ‘в другом месте’. Ср. Петитот. M. állami ‘это другой(?)’.

kiṛŋaṛmi ‘вместе’.

ałákaṛmi ‘порознь’.

paláxak ‘немного’, ‘немногие’; paláxaṛmi ‘немножко’.

Быть может все эти формы на *ṛmi* являются только формами местного падежа от чистой основы.

С другой стороны, именно эти странные образования могут со своей стороны принимать общую глагольную форму.

kiṛnaṛmitúkut ‘мы находимся вместе’.

palaxaṛmitukut или palaxáukut ‘нас немного’ и т. д.

Указательные местоимения

Среди местоимений самое видное место занимают местоимения указательные. Как и другие эскимосские наречия, азиатско-эскимосское обладает широко разветвленной системой указательных местоимений, хотя сравнительно с системой гренландских указательных местоимений, приведенных у Клейншмидта, в моих записях замечаются пробелы.

una ‘этот близкий к говорящему’, приближающийся к говорящему (ср. Барнум, Ал. ukīŋá ‘приближаются’. Intraduction, стр. XXIII).

tána ‘тот’ (более далекий от говорящего, удаляющийся от говорящего); эти два местоимения заключают в себе элемент движения.

mána ‘вот этот’ (совсем близко к говорящему).

igna ‘вот тот’ (не очень далекий от говорящего). Ср. Клейншмидт, Гр. ivna и Талбицер inne с тем же значением.

tazigna, tezigna ‘вот тот’ (находящийся в стороне лица, к которому обращается говорящий).

pámna ‘вон тот’ (находящийся позади говорящего).

kámna ‘вот этот’ (находящийся внутри). Ср. Барнум, Ал. (стр. 351). kâm-yŏk! ‘ты тот внутри!’

kakimna ‘вон тот’ (находящийся снаружи). Ср. Барнум, Ал. (стр. 351) kākumyōk! ‘ты там снаружи!’

pakúmna ‘вон тот’ (находящийся вверху). Ср. Барнум, Ал. (стр. 351) pâkum-yōk! ‘ты там вверху!’

págna ‘вон тот’ (находящийся внутри страны). Ср. Клейншмидт pav ‘внутри страны’.

kána ‘вон тот’ (внизу у морского берега).

samna ‘вон тот’(на открытом месте, внизу). Ср. Барнум (стр. 329) chânuna.

unigna ‘вон там’ (в стороне моря).

Указательные местоимения изменяются по падежам более или менее одинаково.

Ед. число

Абсолютный	úna — этот (под рукой)	tána — этот (близко)	mána — тот
Относительный	óom — этого	tám — этого	mátum — того
Дательный	ómun — этому	támun — этому	mátumun — тому
Местный	ómi — у этого	támi — у этого	mátuni — у того
Модальный	ómiŋ — этим	tamiŋ — этим	mátumiŋ — тем

Мн. число

úkut — эти, tákut — эти, mákut — те

ùkuw̄ut, tákuw̄ut (ukuŋʷut, takuŋʷut)

Ед. число kámna — вон этот, мн. число kámkut

Ед. число kákima — вон тот, мн. число kakimkut; sáŋaw̄at ukut? ‘что это такое?’

По тому же образцу склоняется kina ‘кто?’ sáŋwa ‘что?’ nákuŋa ‘откуда?’ (пришедший), kapsina ‘сколько?’

Ед. число

Абсолютный	kina — кто	sama — что	kápsina — сколько
Относительный	kitum — кого	sam — чего	kapsinam — сколько
Дательный	kitumun — к кому	sámum — чему	kapsinánun - скольким
Местный	kitumi — у кого	sámi — у чего	kapsinani — у скольких
Модальный	kitumiŋ — кем	sámiŋ — чем	kapsinániŋ — сколькими

Мн. число kinkut — кто? sáŋwat — что? kapsin-wat — сколько?

В аляскинском наречии те же формы kinâ ‘кто?’ châ, châhwâ ‘что?’ kâfchin ‘сколько?’

Местоимения указательные и вопросительные не образуют притяжательных форм, но глагольные формы от них составляются на общих основаниях.

Точно так же náŋsiŋa ‘где я нахожусь?’ является глагольной вопросительной формой от корня *na*, обозначающего вопрос о месте.

Ед. число	Мн. число
náŋsiŋa — где я?	nánista — где мы?
naŋsin — где ты?	nánitsi — где вы?
nágu — где он?	náki — где они?

Вместе с указательными местоимениями следует привести и другие слова, указывающие место и положение предмета. Эти слова можно ближе всего сопоставить с такими же словами, указанными Клейншмидтом, а также Барнумом и Талбицером.

akóla 'промежуток'. Ср. Барнум (стр. 322), ákūlĕt 'щель' 'расщелина'.

kólâ 'верхнее место'. Ср. Клейншмидт kulâ, отсюда kółik 'верхняя часть тела', kólva-ni 'вверху', отсюда kólvak 'верхнее место', 'верхушка'.

ási 'внизу', ásik 'нижняя часть тела', ásiŋa 'его низ', т. е. под ним, ásikik 'нижняя часть тела', 'задняя часть'.

ilu 'внутри', iluk 'внутренность'. Ср. Клейншмидт, iluk. aksáŋan-ilú-ŋa-ni 'в его брюхе'.

sivu 'впереди'.

kiŋu 'сзади'.

túnuta 'сзади'. Ср. Клейншмидт, tunna túnuta-ŋa-ni 'сзади его'; túnuti-xpi-ni 'позади тебя'.

tunuti-m-ni 'позади меня'.

káik 'место на чем-нибудь'.

tánpoxim kay-ŋa-ni 'на моржовой шкуре'.

ûzi 'вокруг'.

iŋlu 'односторонность', iŋlu-ŋa 'его односторонность' (внутренность, его внутренность), iŋlu-piyak 'односторонний', iŋlu-piyak tałik 'односторонняя рука', 'однорукий'. Ср. Барнум § 636 inglū 'один из пары', 'непарный'; inglu pêânkâtōk 'одноглазый'.

s'ła 'наружное место'. Ср. Клейншмидт, silat.

tuŋa 'направление', 'сторона'. Ср. Клейншмидт § 47, стр. 41 tungé; tuŋá-ŋa 'на этой стороне', 'на его стороне', akólim-túŋlin-tuŋá-ŋa-ni 'среднего — ближайшего к нему — на его стороне', т. е. к следующему после среднего (затем).

Основа *sa* 'непосредственная близость', 'возле': sámni 'возле меня', saxpini 'возле тебя', sáwani 'возле него', также sawanun, sáwani, sáwaniŋ, sáṛwani 'вдоль', pauṛam saṛwani 'вдоль горы', sáṛitvuk 'вдоль этого места'.

Вышеуказанные основы, обозначающие местоположение относительно какого-либо предмета, принимают притяжательную форму одного из местных падежей в сочетании с относительной формой указательного предмета. Такая конструкция соответствует употреблению предлогов в европейских языках.

При помощи суффикса *-li* от этих основ образуется ряд существительно-прилагательных форм.

kiŋulik 'задний'.
ukálik 'ближе к говорящему'.
asilik 'находящийся позади'.
kółik 'находящийся вверху'.

akólik 'промежуточный'.
túŋlik 'ближайший к ...'.
awólik 'дальнейший', 'следующий'.
sivulik 'находящийся впереди'.

Указательные наречия

В связи с указательными местоимениями стоят указательные наречия, которые являются местными падежами, отвечающими на вопросы где? куда? откуда?

táwani 'там', tawávuk 'туда', táxkin 'оттуда'.
xwáni 'здесь', xwávuk 'сюда', xwákin 'отсюда'.
máni 'здесь', mávuk 'сюда', mágun 'в этом направлении, по этой дороге'.
pámani 'там', pamávuk, pamákin (позади говорящего).
agáni 'там (вдали)', agavuk, áxkin, áxun.
awotaráni 'там (дальше впереди)', awótaŋa 'дальше его'. Ср. Клейншмидт, avat.
ukóvuk 'отсюда' (ближе к говорящему), ukágun.
tázinani 'там', taziŋavuk, tazinkin (позади лица, к которому обращаются).
iŋéni 'там' (в стороне), iŋévuk, inkin.
págani 'там' (внутри страны), pagavuk, páxkin.
ungáni 'там' (у моря).
samani 'там' (в открытом месте), samávuk, samákin.
kámani 'там' (внутри спального помещения), kamávuk, kamókin.
kákmani 'там' (вне спального помещения) kákmavúk, kákmakin.
nani 'где', navuk 'куда', nakin 'откуда', nágun 'в каком направлении', nágun axláksin? 'в каком направлении пойдешь?' Ср. Барнум (§ 712), nohutĭyēt? 'по какой дороге ты пришел?'

У Клейншмидта указана лабрадорская форма nákit 'откуда'. Он называет ее неправильной формой, но она является, напротив, совершенно правильной, хотя и устарелой формой.

Точно так же лабрадорское námut 'куда' соответствует аляскинскому natmun, азиатско-эскимосскому návuk. kit—морское направление, противоположное суше. Ср. Клейншмидт, kit, kut — континентальное направление, противоположное морю.

В связи с этими наречиями стоят наречия:
kayuxlak 'как'.
natin 'каким образом', natin ulaxkákalŗi 'сколь многие'.
tawátin 'так'.
xwátin 'вот так'.
mátin 'теперь'.
máatin 'недавно'.
saŋávuk 'почему'.

Указательные частицы

xwa ‘вот там’.
ma ‘вот здесь’.
táziŋa ‘вот здесь, в стороне’.
kámna ‘вот здесь’ (внутри спального помещения).
kákma ‘вот там’ (вне спального помещения).

Общие местоимения

Из общих местоимений можно указать: tamaxan ‘весь’, ‘все’. Ср. Клейншмидт, tamak. Это местоимение не принимает падежных окончаний, но имеет только глагольные формы.

Мн. число

tamaxámta — мы все
tamaxáxpisi — вы все
tamáxita — они все
tamáxaɾmiŋ — они все (возвратная форма)

tamáxita kikminka ‘все мои собаки’, tamaxaɾmiŋ yuut ‘все люди’.
tamáxaɾmiŋ ukut ‘все эти’, буквально: ‘эти будучи все вместе’.

Есть, впрочем, форма, образованная от основы támak, так у Клейншмидта tamáɾmi naɣuáxkak ‘вся еда’.

tamáɾmi, как выше tamáxaɾmi, есть возвратная форма ед. числа.

Помимо того, в том же значении употребляется глагол непереходящей формы kamáxtuk ‘все это есть’.
Переходящая форма — kamáxta ‘он имеет все это’.
Глагол этот употребляется, по преимуществу, в одновременном наклонении kamáxɬuki túuki ‘возьми их все’ (переходящая форма). kamáxɬuni taɬámalɾi ‘все стадо (пришло к берегу)’, непереходящая форма.
tamáŋa ‘кто бы ни’, ‘что бы ни’ [каждый]. Это местоимение, в противоположность предыдущему, принимает падежные окончания, но не образует глагольных форм.

Абсолютный tamáŋa — кто бы ни (каждый)
Относительный tamáŋan — чей бы ни (каждого)
Дательный tamáŋanun — куда бы ни (всюду)
Местный tamaŋani — где бы ни (везде)
Модальный tamaŋánin — откуда бы ни (отовсюду)
tamáŋan — чей бы ни

С таким же значением: ‘что бы ни’ употребляется и tamaxán saŋwa ‘что бы ни’; также tamáɾmi saŋwa; tamaxán sáŋwa ɪs·xayita

'тот, кто ничего не находит' (название одной эскимосской сказки).

Идея целостности выражается (преимущественно) глагольными формами от основы *iŋu* 'будучи целым'. Ср. Талбицер (стр. 1047, iloo.)

iŋunán olraxsimalŗi 'вся она упала вниз', 'она грохнулась вниз'. iŋunán есть 3-е лицо ед. число супина,

iŋunáŗmiŋ tamáxan 'все целиком' (тоже супин),

iŋunaŗmiluku 'будучи все целиком' (одновременное наклонение).

ála 'другой'. Ср. А. Шульц, Ал. (стр. 48) asła 'другой', Петитот, М. állami 'это другой'.

kayúxła-kun ałáni yuxtáxlakuk 'как же это над другим он совершил злодеяние'.

ą̄łáxluwa 'совсем другой'; *-xlu* суффикс притяжательный 3-го лица ед. числа, суффикс нарицания ср. ниже; ila(q) 'другой'. Ср. Барнум (§ 639) illē 'его друг', 'спутник' и т. д.; iláŋi makláxtakut 'его другие' (товарищи) добыли крупных тюленей-лахтаков', iláŋita yúum maklagit túwukit 'другими его людьми крупных тюленей они взяли', т. е. другие люди крупных тюленей взяли. iláŋi — притяжательная форма абсолютный падеж, iláŋita — притяжательная форма относительный падеж.

álik 'другой', 'товарищ', 'спутник'; притяжательная форма 3-го лица ед. числа; álxa 'его другой', 'второй'; соответствует аляскинскому aipa, у Барнума (§ 648) iēpâ.

pitka 'совсем другой', вероятно заимствовано из чукотского.

pitka 'парный'; ánun (amin) am pitka aŗolakákaliŗi 'и совсем другой отправился'.

'Сам', 'я сам', 'ты сам' выражается просто модальным падежом личных местоимений: xwaŋámnī[ŋ] aŗláłaŋa 'я увезу их сам'.

Числительные

1. atazik, atásiq
2. málŗuk
3. piŋayút
4. stámat
5. tałimat
6. aŗvinlik
7. maŗ-aŗvinlik [maŗŗarvinlik]
8. piŋaýunin-iŋlúlik
9. stamaniŋ-iŋlúlik
10. kolá
11. kolá atázik sipnakłuku
12. kolám malŗuk sipnaŗa [sipnakłuku]
13. kolám piŋayút sipnaŗa [sipnakłuku]
14. kolam stámat sipnaŗa [sipnakłuku]

15. akimiyak
16. atázik akimiyŋam sipnaŗa [sipnakłuku]
20. yuwiynak, yuinak [yuginak]
21. iuinam atázik sipnakłuku
30. iuinam kolá sipnakłuku
40. yuw malŗuk [yuk malŗuk]
50. yuw malŗuk kolá sipnakłuku
60. yuw piŋayú
70. yuw piŋayú kolá sipnakłuku
80. yúu stáma
100. yuw tałima
200. yuw kolá
400. yuw yuwiynak [yuk yuginak]

siptuk 'лишний', 'прибавочный' (глагольная форма), sipnakłuku одновременное наклонение с суффиксом *-na*, характеризующее настоящее время.

В аляскинском наречии встречаем sippluku тоже одновременное наклонение, но без суффикса настоящего времени: *-na*; sipnaŗa — притяжательная форма 3-го лица ед. числа отглагольного прилагательного. sipmak 'прибавочный'.

1. atáziq	ед. число
2. málŗuk	дв. число
3. piŋayut	мн. число
4 stámat	мн. число
5. tałimat	мн. число

Три последние сходны в этом отношении с наречиями р. Мекензи и гренландским. В аляскинском наречии, напротив того, эти три числительные представляют единственное число pinggŋiyūn, stâmĕn, tâtlēmen, tałimat происходит от tálik 'рука', и означает собственно пальцы одной руки.

Шесть — aŗvinlik от aŗvixtuŋa 'переезжаю на другой берег' (например, моря, реки). Таким образом, aŗvi-nlik означает перескочивший через пространство на другую руку.

Семь — maŗ-aŗvinlik 'второй перескочивший'.

Восемь — piŋayúnŋ iŋlùlik 'третий на другой стороне'.

iŋlúlik 'односторонний', от iŋlu 'одна сторона.' Имеется в виду собственно 'другая сторона', 'другая рука', после пяти пальцев, перечисленных на первой руке.

Девять — stámanŋ iŋlulik 'четвертый на другой стороне'.

Десять — kolá (руки) 'вверх'.

Пятнадцать — akimiyak встречается в различных эскимосских наречиях. Происхождение этого слова мне неизвестно.

Двадцать — yuinak или yuwiynak — означает 'целый человек', точно так же как в гренландском наречии inuk paa^{w}loŋo 'человек доведенный до конца' означает 20.

Все количественные числительные могут принимать падежные и глагольные окончания.

Относительный	malr̥úm yúum — двух человек	piŋayum koyŋim — двух оленей
Дательный	malr̥ûwnun yuwnun—двум людям	piŋayunun koyŋimun — двум оленям
Местный	malr̥ûwni yúwni — у двух людей	piŋayuni koyŋimi —у двух оленей
Модальный	malr̥úwniŋ yúwniŋ —двумя людьми	piŋayuniŋ koyŋimiŋ—двумя оленями

Обращаясь в глагол, числительные количественные принимают форму изъявительного неопределенного или еще чаще форму одновременного наклонения.

Изъявительное неопределенное	Одновременное наклонение	Одновременное наклонение
malr̥ûwkut — двое мы	malr̥ûwluta — нас двое	piŋayuúluta — нас трое
malr̥uusi — двое вы	malr̥uwlusi — вас двое	stamagúluta — нас четверо
malr̥ûut — двое они	malr̥ûwlutiŋ — их двое	talimaúluta — нас пятеро
		ar̥vinluúluta — нас шестеро
		kolŋúkut или kolŋûluta — нас десятеро

Порядковые числительные образуются из модального падежа количественного числительного с прибавлением обычных глагольных окончаний.

atasimiŋ-xtuŋa — я первый
malr̥uwniŋ-xtuŋa — я второй
pinayuniŋ-xtuŋa — я третий и т. д.
atásimíŋ is·kalr̥i — одноглазый.

Повторительные числительные

atásiŋa — однажды
áłxa — дважды — притяжательная форма 3-го лица ед. числа от álik 'товарищ', 'второй из пары'.
piŋaya — трижды
stáma — четырежды
talima — пять раз
ár̥vinłiŋa — шесть раз
mar-árvinliŋa — семь раз
piŋayunr̥iŋlulŋa — восемь раз
staman-r-inlúlŋa — девять раз
kolŋurutaŋa — десять раз.

Все эти формы суть притяжательные 3-го лица ед. числа. Их можно рассматривать не только как повторительные, но и как порядковые склонения 3-го лица. Именно такими они являются в гренландском наречии (ср. Талбицер, стр. 1048).

Кроме áłxa 'его другой', 'дважды' употребляется в том же значении *aypa*, но об этом последнем слове есть указание, что оно заимствовано из аляскинского наречия. Ср. Барнум iёpa.

kolnuŗutaŋa форма, близкая к указанной у Барнума kolnūnrätârâ с значением: 'девять'. Но в этой аляскинской форме, повидимому, заключено отрицание *-nra*. Таким образом она должна собственно означать 'еще не десятый'.

Глагольная форма имен

Эскимосский язык, собственно говоря, имеет только две части речи — имя существительное и глагол. Имя прилагательное является собственно существительно-прилагательным: pinilŗi 'тот, который добр'. Наречие часто является одним из местных падежей именной основы.

Далее все формы имен существительных, прилагательных и наречий могут принимать глагольную форму, и тогда они употребляются наравне с другими глаголами.[1] Это может совершаться двумя способами:

1. Именная основа просто присоединяет к себе глагольные окончания и правильно спрягается по лицам, временам и наклонениям. Например, основы:

yuk 'человек', aŋilŗi, áŋuk 'большой', áxtuk 'высокий'

Ед. число

1-е лицо yúuŋa — я есть человек	áŋuŋa — я велик	áxtuŋa — я высок
2-е лицо yúutin — ты есть человек	áŋutin — ты велик	áxtutin — ты высок
3-е лицо yuk — он есть человек	áŋuk — он велик	áxtuk — он высок

Мн. число

1-е лицо yúukut — мы люди	áŋukut — мы велики	áxtukut — мы высоки
2-е лицо yúusi — вы люди	áŋusi — вы велики	áxtusi — вы высоки
3-е лицо yúut — они люди	áŋut · они велики	áxtut — они высоки

1-е лицо xwaŋa-ŋuŋa	'вот я есть',	ср. Барнум	xwângūgna 'вот я есть'
2-е лицо ipī-ŋu-tin	'вот ты есть'		
3-е лицо iŋá-ŋu-k	'вот он есть'		

úna-ŋu-ŋa 'вот я здесь'.

inána-ŋu-ŋa 'вот я там'.

sáŋa 'я хочу чего-нибудь', также вопросительная форма saŋuŋa 'я есмь что-то'. sásiŋa? 'чего я хочу?' saŋúsiŋa? 'что я также есть?' kinaŋuŋa? 'кто я такой?', но чаще вопросительная форма kinaŋusiŋa?

[1] Ср раздел „Части речи", стр. 47. *Прим. ред.*

Указательные глагольные формы имен и местоимений совершенно правильно образуют наклонения и времена.

sáŋa — изъявительное неопределенное;
sánakuŋa — изъявительное настоящее;
sámaŋa — изъявительное прошедшее совершенное;
sáłakuŋa — изъявительное будущее;
sáłaŋa — увещевательное наклонение;
salŗi — причастие;
sáłuŋa — одновременное наклонение;
sákuma — условное наклонение;
sánıŗmi — супин.

Примеры:

qáyŋun sázin? 'чего же тебе нужно?'
qáyŋun saŋúsin? 'что же ты такое?'
sáksin? 'чего тебе нужно?' (прошедшее несовершенное).

Даже местные падежи именных форм могут превращаться в особую глагольную форму.

nátik 'передняя часть жилья', основа natiŗ, местный падеж nátiŗmi 'в передней части жилья'. Отсюда глагол natiŗmiŋúŋa 'я нахожусь в передней части жилья'.
xwáni 'здесь'.
xwá-ŋa-kuŋa 'я нахожусь здесь', настоящее время.
xwántokuŋa — прошедшее несовершенное.
xwánsimaŋa — прошедшее совершенное и т. д.
nakúmi-uŋa? 'из какого места я происхожу?'
makúmi-uŋa 'из этого места я происхожу'.
taxkúmi-uŋa 'из того места я происхожу'.
kitúmi-siŋa? 'из чьей семьи я происхожу?' и т. д.

2. Именная основа, превращаясь в глагольную форму, принимает окончание одновременного наклонения, причем присоединяется (или подразумевается) вспомогательный глагол *pīk, pī* или даже вспомогательный глагол заменяется в свою очередь другим глаголом подходящего значения.

yúuluŋa pīŋa 'человек я есть'.
xwáŋa pīŋa 'это я есть'. Ср. Барнум (§ 259) ḥwēgna pēūgna.
yúuluŋa saŗláŗuŋa 'я человеком будучи я есть худой', т. е. я худой человек.
ŗıkaxluŋa pīŋa 'я есть удачлив', 'со зверями я есть'.
unáŋułuŋa pīŋa 'вот такой я есть' и т. д.

Частицы и союзы

Азиатско-эскимосское наречие имеет две группы союзов. Первая группа состоит из союзов настоящего эскимосского происхождения. Вторая группа состоит из союзов, заимствованных из чукотского языка.

Есть также союзы смешанного происхождения, причем, например, эскимосский союз соединяется с чукотской частицей и обратно.

Помимо того, в группе союзов, общих с чукотским языком, можно указать и такие, которые встречаются в наречии аляскинском и даже в гренландском. Поэтому вместо того, чтобы считать их заимствованными из чукотского, будет правильнее считать их, напротив, эскимосским элементом в чукотском языке.

Группа первая

Из союзов эскимосского происхождения нужно указать следующие:

ɬu -u, a. Ср. Барнум, Ал. thlu, Клейншмидт, Гр. lo.

suɬɬúwamun-ɬu tuuɬákalŗi 'и вот он берется за ружье' álxa-ɬu 'а другой'.

ka 'все-таки, ведь, и, вот'. Ср. Барнум, Ал. (§ 695).

náɬkutuŋa alútmiŋ-ka 'и я знаю себе песню'. (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 438, № 2.)

yúwfak-ka, alĭkaxtuk-ka, taarxámiŋ-ka 'люди вон там, появились вон там, на холмах вон там'.

nakaŗnáŗmiŋka nŗátumiŋ-ka 'мясом краба вот этим вот (мы будем кормить тебя)'. (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 438, № 1.)

mi у Барнума, Ал. mē, у Клейншмидта, Гр. mi 'конечно', 'разумеется', прибавляется для большей выразительности.

náki-mi xwáŋa is·tún·ka? 'а что ж в самом деле вот эти мне когти?' sakásta-mi? 'так что ж нам делать?'

gok, guk, ŋuk 'же', также употребляется как междометие 'о! ах!' Ср. Барнум, Ал. hok (§ 706). Клейншмидт ga, gâk, но также и в чукотском языке guq союз и междометие 'о! ах!' gok, wúne, ɪsxáxtɪxu 'ах, право, взгляните на него'.

imná-ŋuk 'иногда'.

ima 'и так', 'и вот'. Ср. Клейншмидт, Гр. ima (§ 65, 8); ima avituk 'и вот ее не было там'.

táwa 'и вот', 'как вдруг'. Ср. Клейншмидт, Гр. tauva (§ 21), Барнум (§ 701) tōâtlu, т. е. táwa-ɬu; tawa iváŗluni manaxpináni itaxtuk 'и вот поискавши и не наловивши рыбы он вернулся'. (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 454); súna, Ср. Клейншмидт (§ 25), súna 'как вдруг'; súna mùŗmɪn aŗĭva kayúŋĭxam 'как вдруг из воды окликнул его бычок (рыба)'.

tánɪm 'опять'. Ср. Барнум, Ал. tanum 'действительно' sikúlŗutak tanɪm tagimalŗi 'Чикульрутак опять пришел'.

aɬámun 'опять', от áɬa 'другой'.

kayuxɬak 'то же', kayuxlĭ 'как', 'и вот как'. Ср. Барнум, Ал. kâyūhwâmē 'и таким образом'. Клейншмидт, Гр. kanok kayuxɬuk umitaŗáŗmiŋ kanaŗákalŗi 'и таким образом сквозь тонкий лед

я провалился'; kayuxłak tokómalŗi 'и таким образом она была мертва'.

sámi местный падеж от sáŋwa 'что'. Употребляется в значении: 'неизвестно', 'я не знаю'. То же у Барнума kīyūnĕ 'я не знаю'. Вероятно это местный падеж от kēnâ (kina) 'кто'.

átok 'что ж, ну'! Ср. Барнум âtâkâ âm 'что ж', âtâkĕ-o (Vocabulari, стр. 325), Клейншмидт (§ 63) taok.

Однако и в чукотском языке весьма употребительно átak 'что ж', 'ну что ж'.

Последние два союза táwa и súna замечательны своими совпадениями с гренландскими союзами, которые повидимому в азиатско-эскимосском наречии должны бы звучать несколько иначе.

Так гренландское tauva есть ta-uva с префиксом ta-, который в азиатско-эскимосском наречии не встречается. súna по-гренландски собственно есть 'что', по азиатско-эскимосски šáŋwa.

áma 'также'. Ср. Клейншмидт, Гр. (§ 65) ama, Барнум, Ал. am 'опять'.

nunalgutáŋa áma alignalŗi 'сосед его тоже шаман'.

imna, kiimani 'так что'. Ср. Клейншмидт imanak, taimanak.

Здесь в азиатско-эскимосском наречии даже повторился в измененном виде гренландский префикс *ta-*

kiimani nanīlŗaxtuk 'так что он стал стариком' (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 456).

um, am 'же'. Ср. Барнум, Ал. hum (§ 627). Однако и в чукотском языке um 'же'. Азиатско-эскимосское ómiŋam 'однако', 'ведь' соответствуют чукотскому ámen-ûm.

Amin-am tawa úksukagu kimúxsimiŋ tagyagúskukut 'зимой ведь приедут на собаках'.

Нижеследующие союзы, хотя по своей видимости чисто эскимосского происхождения, не имеют соответственных форм в других наречиях.

ŋam 'же' для очень большой выразительности; tóki-ŋam 'ну перестань же!' aŗólaki-ŋam! 'ну, уезжай!'

kayu-ŋam, kaýu-ŗam 'и вот как'.

áno-kun-áni 'я говорю тебе', 'ну-ка, посмотрим!'

inta, inta-kun соответствуют чукотскому inta.

intakun īnta ptnamun piyáŗi 'я говорю тебе: уходи в горы!'

łáran, łaŋaka 'действительно'. īnta łáran arnálkwaxam atkúwa atiu 'и пусть он действительно наденет старухино платье'.

łáŋitak соответствует чукотскому léŋitaq 'действительно'. Но я склонен чукотскую форму считать заимствованной с эскимосского. łáŋitak pilúnakusi 'и так действительно вы должны бороться с ним'.

Значительное количество союзов заимствовано прямо из чукотского, более часто с соответствующими фонетическими изменениями, но порой без всяких изменений.

Главнейшие из этих союзов суть:

siŋin-łu 'если', 'с тех пор как'. Ср. чукотское čeŋet-um, siŋinłu tokoyáxtuxtuŋa 'но если же я готов умереть'.

itīr-ŋam 'в таком случае'. Ср. чукотское itik-um; itir-ŋam taɬátiŋa 'в таком случае отвези меня к берегу'.

iwun-łu 'как только'. Ср. чукотское éur-um; iwun-łu tagikuŋa unúwaka 'как только я пришел туда, настала ночь'.

en·ŋátaɬ 'после того'. Ср. чукотское en·ŋátal; en·ŋátaɬ sikum 'после того сурок' (позвал его).

орóро 'пусть'. Ср. чукотское орóро; орóро łpik tokotigu 'пусть ты его убьешь'.

wáṛan-ŋam 'хотя,' 'хотя по крайней мере'. Ср. чукотское veler-ŋan; wáṛan-ŋan aksama sixilxa xivákalṛi aɬiṛanun 'хотя моей спины разрез сочился (жиром) на постель'.

kanvét 'тогда', 'так что'. Ср. чукотское qänvér; kanvét tokómalṛi 'тогда он умер'.

káyŋun 'как кажется'. Ср. чукотское qáyŋun; morótfimun kasaxtúxtukut káyŋun 'к морскому поселку мы подходим, как кажется'.

itiṛmisa 'если так', Ср. чукотское i$^{\varepsilon}$tik-um.

másisu 'кроме того'. Ср. чукотское mečiču; masisu úúknaxtut 'кроме того, они были горячи'.

kónirm 'так что'. Ср. чукотское qónirm; kónirm konliŋiṛa 'так что он приблизился к нему'.

wúne 'право'. Ср. чукотское gùne и мн. др.

Междометия и восклицания

Некоторые из азиатско-эскимосских междометий соответствуют междометиям других эскимосских наречий.

áwa-łu 'о диво!' Ср. Барнум, Ал. awáklu (Vocabulari, стр. 327); áwa-łu! tokólṛi! sakazin? — 'о диво! Мертвец (пришел)! Что тебе нужно?'

amáfa 'тогда только', впрочем, соответствует соединению гренландских частиц ama-uvfa. Ср. междометия suna-uvfa и usi-uvfa, Клейншмидт, Гр. (§ 67). amáfa unami moṛótuk 'тогда только на следующее утро он отправился на промысел'.

aa! 'да!'
kan! naka! 'нет!'

Другие междометия совпадают с чукотскими: gim — выражение гнева.

agám — выражение нетерпения.
aga! aga! — выраженне ликования.
get, get! — выражение одобрения.
gik — выражение сделанного усилия.
guk, ınáṅken-am — вроде 'о, боже мой'. Ср. чукотское guq ınáṅken-um и т. д.

Конструкция предложения в общем не столь контактна, как в гренландском или даже как в аляскинском наречии. Это можно видеть, например, из сравнения образцов азиатско-эскимосской речи, приведенных в моих эскимосских текстах с текстами Барнума и Талбицера.

Однако и азиатско-эскимосское наречие насчитывает многие сотни суффиксов,[1] которые разделяются в общем на те же группы, что и в других наречиях. Мало того, приблизительно около половины отмеченных мною суффиксов азиатско-эскимосского наречия тождественны с суффиксами других диалектов или, по крайней мере, фонетически соответствуют им.

Суффиксы азиатско-эскимосского наречия, как и вообще эскимосские суффиксы, могут быть разделены на две большие группы:

1. Суффиксы, развивающие грамматическую форму основы и
2. Суффиксы, преобразующие ее.

Суффиксы первой группы, присоединяясь к существительному, дают новое существительное, а присоединяясь к глаголу, дают опять-таки глагол.

Суффиксы второй группы преобразуют существительное в глагол, а глагол, наоборот, в существительное.

Первая группа

а) N + n = N имя существительное с присоединением именного существительного или прилагательного суффикса дает новое существительное. s·na 'берег' + mi 'житель'[2] = s·naxmi 'прибрежный житель'.

б) V + v = V глагол с присоединением глагольного суффикса дает новый глагол. kiga основа 'плакать' + mik суффикс эффективности действия 'заставлять', kiyámika 'он заставил его плакать'.

Вторая группа

а) N + v = V имя существительное с присоединением глагольного суффикса дает новый глагол. nixsaq 'тюлень' + yaṛ — глагольный суффикс 'искать' nixsaṛuyáxtuŋa 'я ищу тюленей'.

---

[1] Общие замечания о роли суффиксов в эскимосском языке см. стр. 61. *Прим. ред.*

[2] -mi — суффикс местного падежа. Sna-mi 'на берегу', а sna-ṛ-mi 'береговой житель'. *Прим. Г. Меновщикова.*

б) V + n = N глагол с присоединением именного суффикса дает новое имя существительное. ulima основа 'работать' + si суффикс орудия. ulimasik 'рабочее орудие'.

Разумеется, процесс этот может продолжаться и дальше. Имя или глагол с присоединением дальнейших суффиксов могут оставаться чем были или опять превратиться из имени в глагол и обратно.

ulimasik 'рабочее орудие' + суффикс -lŗu, обозначающий собрание. ulimasi-lŗun 'набор рабочих орудий'.

mikiłŗi малый + *хра* увеличительный суффикс, mikiłŗi-храк 'отрок' + глагольный суффикс *-ах* становится mikiłŗi-хра́х-ахtuk 'отроком стал'.

ПРИМЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОГО И УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЙ И СУПИНА

káłutiŋ iúsimun kákłuku puuimita 'когда они пришли к расселине (во льду), взяв его на свое тело, она заставила его сидеть на нем верхом'.

aŗtánaŗmiŋ táka 'свежевать (тюленя) она окончила'.

ninaŗmiŋ táklutiŋ 'когда она окончила есть'.

kimákuvuk uwixłakátiŋ 'если ты побежишь, они укусят тебя'.

avanis·kuvuk tokołakátiŋ 'если не будет у тебя (камня), они тебя убьют'.

itig-ŋam pilùus·kumta 'итак, если мы уж будем бороться'.

uwinaŗmiŋ ixsátaliŗi 'именно мужа отказывающаяся (иметь)'.

tagavuk ałanaŗma uxsaŗa 'там во время своего пути он почувствовал холод'.

tagávuk ałáłuni uxsuŗa itimkánitmiŋ tákłuku 'там развязывать это, когда он окончил'.

Возвратная форма ед. числа kavaxpináni 'не засыпая он' мн. число kavaxpinatin 'не засыпая они'.

Оба отрицательные суффикса -nŗi и -xpina иногда употребляются рядом без различия в значении.

ixaxnŗiłùni ùtaxtuk. Kùuk ixaxpináni ùtaxtuk 'ничего не видя, он вернулся. Дров не видя, он вернулся' (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 453).

Барнум не указывает суффикса -xpina для аляскинского наречия. Однако у Нельсона в сказке о „Человеке, который (ничего) не находит", которую я, между прочим, перевел на азиатско-эскимосское наречие в моих эскимосских текстах, изданных на английском языке, находим:

tûnkh-pû-kin-ă-i 'не видя ничего'; mûkh-pû-kin-an-i 'не пивши'.

Повидимому в этих формах есть отрицательный суффикс -xpukina, равнозначный азиатско-эскимосскому -xpina.

Третий отрицательный суффикс, употребляемый менее часто, есть -iya, -siya; -iya становится после согласного, -siya после гласного.

tamáxan sáŋwa ɪs·xiyata 'что бы ни было, он не видит'.
ɪs·xiyatuk 'он не видит' (Богораз, Эскимосы Сибири, стр. 453).
tugusiyanakámkɪn 'я не возьму сейчас тебя'.

В гренландском наречии как соответствующий суффикс глагольного отрицания указан у Клейншмидта *-ngi, -ngit*, а у Талбицера *-ŋɣi*. Талбицер, впрочем, приводит только два примера отрицательных глагольных форм в конце желательного наклонения (Optative Mode), § 37.

Тот же суффикс *-nri* употребляется для образования отрицательной формы прилагательных и существительных в их глагольной конструкции (см. стр. 80) pinixtuk 'он красив', pininri-tuk 'он не красив', ana-nri-tuk 'он не велик', yún-nri-tuk 'это не человек' и т. д.

Второй отрицательный суффикс, имеющий то же значение и употребляемый часто, есть -xpɪna; toko-t-i-xpiná-mkɪn 'я не убивал тебя' (переходный глагол), tun-i-xpiná-mkɪn 'я не давал тебе' (изъявительное неопределенное).

Этот отрицательный суффикс употребляется, кроме того, в специальной конструкции, причем отрицательная форма глагола принимает одновременное наклонение и сочетается с вспомогательным глаголом.

Ед. число.

1-е лицо kava-xpɪna-ŋa pɪŋa — я не спал, я не был спящим
2-е лицо kava-xpɪná-n pɪtɪn — ты не спал, ты не был спящим
3-е лицо kava-xpɪná-q pɪk — он не спал, он не был спящим

Мн. число.

1-е лицо kava-xpɪna-mta pɪkut — мы не спали, мы не были спящими
2-е лицо kava-xpɪna-si pɪsi — вы не спали, вы не были спящими
3-е лицо kava-xpɪna-tɪn pɪt — они не спали, они не были спящими.

СПИСОК РАБОТ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В. Г. БОГОРАЗОМ

Barnum Francis Reverevd. Grammatical fundamentals of the Innuit languages. Boston, U. S. A., 1901. Цитировано: Барнум; также специально для словарного материала: Барнум, Ал. (Аляска).

Boas Franz. Der Eskimo Dialect des Cumberland Lundes Leparitabdruck aus Band XXIV (der neuen Folge Band XIV) der Mittheilungen der Anthropologischen Gesellchaft in Wien. Wien, 1894. Цитировано: Боас, Кумберланд.

Boas Franz. Handbook of American Indian Languages. Burcou of American Ethnology. Bulleten 40, Part I, Introduction. Цитировано: Боас, Введение.

Bogoras Waldemar. The Chukchee, Jesup North Pacific Expedition. Vol. VII, Parts I, II, III. Цитировано: Богораз, Чукчи.

Bogoras Waldemar. The Eskimo of Siberia, Jesup North Pacific Expedition. Vol. VIII, Part III, New-York, 1913. Цитировано: Богораз, Эскимосы Сибири.

Богораз Владимир. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов. „Живая старина", год XVIII, вып. II—III, 1909, стр. 178 – 190.

Богораз Владимир. Областной словарь колымского русского наречия. Сборник отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук, т. LXVIII, 1901. Цитировано: Богораз, Областной словарь.

Вениаминов Иван. Замечания о колошенском и кадьянском языках. Санкт-Петербург, 1846.

Rink Henry. The Eskimo tribes, their distribution and characteristics, especially in regard to language (Vol. XI of the „Meddelelser am Grünland. Edited by the Commission for directing the Geological and geographical explorations in Greenland"). London, 1887. Цитировано: Ринк, Эскимосские племена, также специально для словарного материала: Ринк, Гр., Вост. Гр., Лаб., Центр. Обл., Мек., з., с., ю., а, что обозначает вместе или порознь: Гренландия, Восточная Гренландия, Лабрадор, Центральные области, Мекензи, западные (северные, южные, азиатские).

Schultze Augustus. Grammar and vocabulary of the Eskimo language of North-Western Alaska. Kuskokwim district, Bethlehem, Pa, USA. 1894. Цитировано: Шульц; также специально для словарного материала: Шульц, Ал. (Аляска.).

Thalbitzer William. A Phonetical Study of the Eskimo language, reprint from Meddelelser of Gronland, vol. XXXI. Copenhagen, 1904.

Thalbitzer William. Eskimo. Handbook of American Indian languages, Bureou American Ethnology, Bulleten 40, part 1, pp. 906—1069. Цитировано: Талбицер, также специально для словарного материала: Талбицер, Гр. (Гренландия).

Egede Paul. Grammatica Grönlandica damco-latina, Havniae 1760. Цитировано: Егеде.

Eskimo vocabularies, compiled by Ensign Roger Wells, jr., USA, and Interpreter John W. Kelly. Washington, 1898. Цитировано: Келли, Ал. (Аляска).

Иохельсон В. И. Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка. Изв. Императорской Академии Наук. 1912. С.-Петербург. 1912.

Jochelson Waldemar. The Aleut language and its relation to the Eskimo dialects. Reprinted from the Proceedings of the XVIII International Congrees of Americanists.

Jochelson Waldemar. The Koryak. Jesup North Pacific Expedition. Vol. VI. Part I. II. Цитировано: Иохельсон, Коряки.

Kleinschmidt S. Grammatik der grönländischen Sprache mit theilwasem Einschluss des Labrador dialects. Berlin, 1851. Цитировано: Клейншмидт; специально для словарного материала: Клейншмидт, Гр.

Kroeber A. The Eskimo of Smith Sound, Appendix, comparative Vocabulary or Angakoq Language. Bulleten of the American Museum of Natural History. Vol. XII, Article 21, New-York, USA, 1900. Цитировано: Кребер.

Nelson S. W. The Eskimo about Bering Strait. Eighteenth Annual Report of the American Bureou of Ethnology. Washington, USA, 1896—1899. Цитировано: Нельсон.

Petitot E.R.P. Vocabulaire Français-Esquimau, dialect des Tchiglit, des bouches du Mackenzie et de l'Anderson. Bibliotheque de linguistiqwe et d'ethnographie americaines, pabliée par A. L. Pinart, Paris, 1876. Цитировано: Петитот; специально для словарного материала: Петитот, М., устье реки Мекензи, Петитот. К., озеро Карибу на западном берегу Гудзонова залива.

В. Г. БОГОРАЗ

ТЕКСТЫ

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ
Е. С. РУБЦОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помещаемые ниже тексты сказок составляют часть материалов по языку азиатских эскимосов, записанных в свое время В. Г. Богоразом. Записи текстов не были обработаны автором, как не было к ним и перевода на русский язык. В настоящем сборнике помещены 13 текстов на ун'азикском (чаплинском) диалекте, положенном в основу современного эскимосского литературного языка, которому и посвящен очерк грамматики.

Кроме того, последний, 13-й текст был переведен Богоразом на нууканский и сирениковский (вутеенский) диалекты; эти переводы нами включены также в сборник. Не вошли в настоящий сборник эскимосские песни и сказки, опубликованные ранее в трудах Богораза: „Материалы для изучения языка азиатских эскимосов" и „The Eskimo of Siberia".

Все эскимосские тексты в записях Богораза имеют подстрочники на чукотском языке, которые мы также сохранили.

Эскимосские сказки обычно не имеют названий, нет названий сказок и в записях Богораза, поэтому мы сочли необходимым дать публикуемые ниже тексты сказок под №№ от 1 до 13.

В настоящий сборник вошли сказки, взятые из тетради № 1 один текст (наш № 3); из тетради № 3 два текста (наши №№ 8 и 11); из тетради № 4 три текста (наши №№ 9, 10 и 13); из тетради № 5 два текста (наши №№ 4 и 12); из тетради № 6 четыре текста (наши №№ 2, 5, 6, 7); из тетради № 8 один текст (наш № 1); из тетради № 9 переводы на нууканский и сирениковский диалекты текста сказки № 13 из тетради № 4.

Перевод на русский язык сделан с эскимосского варианта текстов и поэтому не всегда точно соответствует подстрочнику на чукотском языке.

В целях более точной передачи содержания текстов, перевод на русский язык сделан дословным с незначительными отступлениями в сторону русского литературного языка, преимущественно в тех случаях, когда, благодаря дословному переводу, затруднено понимание содержания.

Как в эскимосских текстах, так и в русском переводе все предложения пронумерованы; в скобках поставлены порядковые номера предложений, причем номера предложений эскимосских текстов строго соответствуют номерам предложений перевода на русский язык. Подстрочник на чукотском языке не имеет номеров предложений; номера предложений эскимос-

ского варианта текстов соответствуют предложениям чукотского подстрочника.

В квадратных скобках как в эскимосском, так и в чукотском вариантах текстов даны пропущенные буквы или целые слова и даже предложения, что имело особенно большое место в подстрочниках на чукотском языке. Впрочем, эти пропуски были сделаны Богоразом, видимо, из экономии времени; в основном это междометия или слова и предложения, уже ранее встречавшиеся в данном тексте.

В полевых тетрадях Богораза тексты сказок на эскимосском и чукотском языках были записаны смешанной русско-латинской транскрипцией с рядом дополнительных диакритических значков, однако, в очерке грамматики Богораз пользовался уже только латинской транскрипцией с добавлением некоторых дополнительных знаков (см. Очерк грамматики, раздел „Система звуков", стр. 45). В соответствии с выработанной Богоразом для грамматического очерка системой знаков для обозначения звуков эскимосского языка, тексты сказок нами были перетранскрибированы применительно к принятой в грамматическом очерке и использованной в свое время Богоразом в его публикациях эскимосских текстов транскрипции.

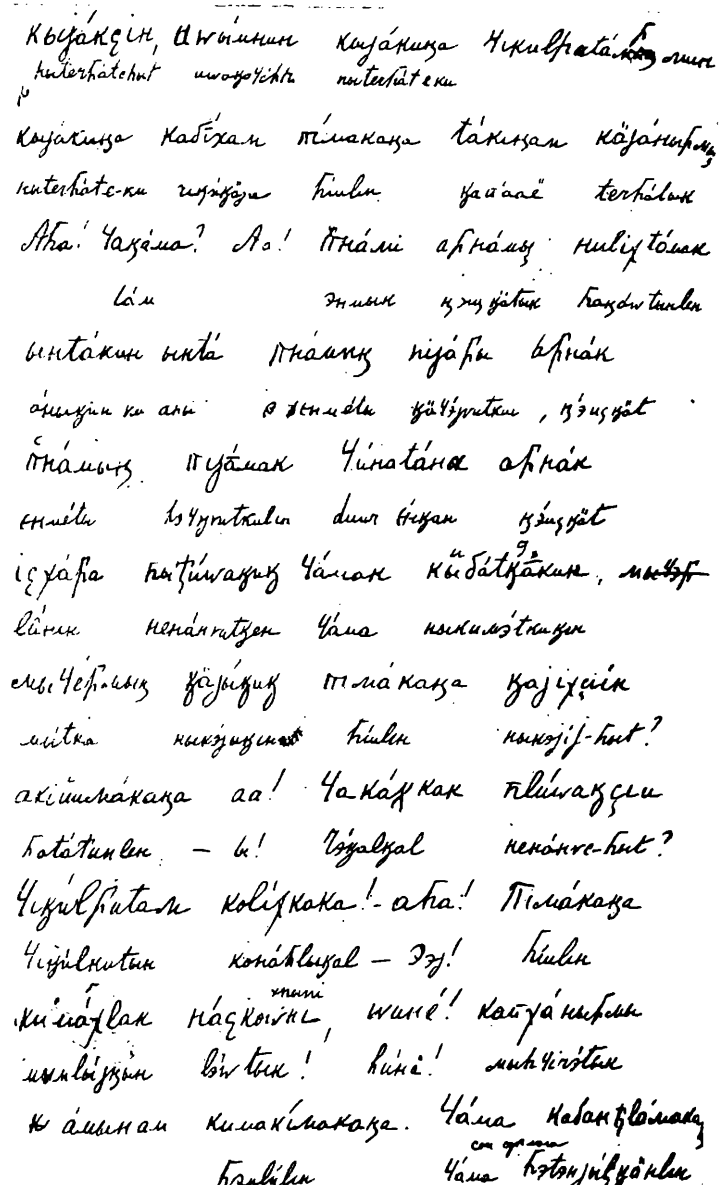
Перевод на русский язык с эскимосского выполнен младшим научным сотрудником ИЯМ АН СССР Е. С. Рубцовой.

И. С. Вдовин

ЗНАКИ АЛФАВИТА, ПРИНЯТЫЕ В. Г. БОГОРАЗОМ,[1] И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Знаки, принятые В. Г. Богоразом	Эскимосский алфавит	Знаки, принятые В. Г. Богоразом	Эскимосский алфавит
A a, ä, â	А а	Ŋ ŋ	Н' н'
—	Б б	O o	О о
V v, W w	В в	P p	П п
G g	Г г	R r	Р р
Ŗ ŗ	Г' г'	S s, s·	С с
—	Д д	T t	Т т
E e, ê, ē	Е е	U u	У у
Ź ź	Ж ж	F f	Ф ф
Z z	З з	X x	Х х
I i, ī, ɪ	И и	—	Х' х'
K k	К л	—	Ц ц
Q q	К' к'	C č	Ч ч
L l	Л л	—	Ш ш
Ł ł	Лъ лъ	—	Щ щ
M m	М м	E e	Э э
N n	Н н	yu	Ю ю
ɪn	Нъ нъ (глухой)	ya	Я я

[1] См. стр. 45 „Система звуков".



Образец записи В. Г. Богоразом текста эскимосской сказки с подстрочником на чукотском языке.

№ 1

(1) Imnaŋuk. (2) Qoyiłiq kaŋıyaxani nunalgutkaka.
Enmen. Čawču etluwgoqäj nımtumgu ninélgäqin.

(3) Aniŋaṛmi iṛnıṛá ałákaṛmiŋ mantṛálguk. (4) Yaywalınıxak koy-
Ineelin ekık jánra garálen. Jejvelqäj ŋel-

ŋimitakuk. (5) Rıṛlaŋıxaṛmı[ŋ] atkúwluni ratamiṛäŋîxa
vılekı nıtváqen. Nıglóqaa gerepılin, wutıčgın

piowṛlun[i] aẏúkolṛi. (6) Atátaŋan nıṛıs'iyálkaŋa.
čemičatetı válın. Endiwä enanqamıtvawkelen.

(7) Nıṛufkámiŋ nıklixtuwákäxkaŋa. (8) Anókaxlaṛmi koyŋimitá-
Rilqä nenanqamıtvawqen. Jojójŋık ŋelvılekı

kalṛi. (9) Táxkın, aglanıṛmini, ilumiṛákalṛi nṛáf-
nıtvaqen. Enko, rágtık, nıpontasqewqátqen rilqä,

kamı, táxkın aṛolakákalṛi koyŋimun. (10) Táxkın unuw-
ɛnqo newqétqin ŋalvıletı. Enqo neme wulqä-

látaṛa. (11) Koyŋi uŋlaxtuk. (12) Eiŋału akömuk. (13) Wo-
tvii[ɛ]. ŋélvıl rılgálge[ɛ]. Imı etlón vakoe[ɛ]. Em-

ṛoluni kawáŋxamalṛi. (14) (Wṛoluni) s'una yúum taksáṛa,
páku getiretkulin. (Empáku) luur qláula ıggéwnin,

xíátın pï: „Sāks'in? Tokotiṛnakúkut! Aṛa!“ (15) Lian
ɛnŋot giunin: „Rekigıt? Mıtqaanmátırkın! [Aga!“ Lien

---

(1) Давнишнее это. (2) Чукча-оленевод с племянником (сыном брата) — односельчане. (3) Старшего брата сын отдельную имеет ярангу. (4) Сиротка находится при стаде. (5) Весело, одевшись в кухлянку из стриженой шкуры, ходил. (6) Дядя не дает ему есть. (7) Содержимым оленьего желудка кормит его. (8) Во время сильного ветра находится в стаде. (9) Потом, когда приходит домой, ест содержимое оленьего желудка, а затем отправляется к стаду. (10) Затем опять настала ночь. (11) Олени его опять легли. (12) Он тоже сел. (13) Понурившись, стал дремать. (14) Вдруг человек разбудил его, вот так сказал: „Что ты делаешь? Будем убивать (оленей)! Иди“. (15) Вот так сказавши, ушел.

tawátın piłuni, aṛólakuk. (16) Táxkın koyŋi nıkıfkaxtuk,
ɛnŋin iwqi^{ɛ}-m, ewqétji^{ɛ}. Enqo ŋélvul qutısqičetji^{ɛ},

paŋálixtuk, nakám ayókaxpınani aṛólixtuk. (17) Yaywálıŋıxam
rıléi^{ɛ}, nakam uretilekä ulwéwqi^{ɛ}. Jejvélqää

tákwa koyŋini. (18) Taxkın akömlátäxtuk. (19) Anóka
jo^{ɛ}nen ɛnin ŋélvul. Enko wákoe^{ɛ} neme. Jojo.

(20) Koyŋi atázik avītuk, es'qáku tunúxtukak. (21) Suna tákut
Ennen qoraŋı itkelin [āsqäku] ečılın. Luur ɛnqan

nuqálpigat tagilátaxtut. (22) „Guk! Aṛla! Xwaŋkúnun aṛlá-
aáčekıt neme jétja^{ɛ}t. „Guk! Qra$_{ɛ}$tie^{ɛ}! Murıkı qrág-

guk!“ — (23) „Alıŋuŋa“. — (24) „Saŋaquk?“ — (25) „Tunu-
tie^{ɛ}!“ — „Tajılgaurkın“. — „Iam?“ — „Géčılın

xtukak es'qáku avītuk, atatama ayuxlıkaŋa“. — (26) „Ayu-
äsqāku itkelın, enjiwä rinéjŋelet“. — „Qa-

ṛanṛitátın. Áxtıkagu, ałámı[ŋ] tagikan atatan, xwa-
rém anejŋelét-gıt. Irgıroki lumŋa reeıjä enjiw gmin, ɛn-

tın pikan“: „Gok! koyŋiq sáma?“ — „Atak xwáŋa nux-
ŋot rıwkä“: „Guk [ŋelvul] gere^{ɛ}lin?“ — „Ataw gımnan gan-

s'umaka nıxkatkıxtámuɹ. Gınmis' ušúkāłikātın. Wuni aṛlá
jalgıtawlen taŋraŋjanveti. Gınmıč naraŋja-gıt. Wúnä mu-

xwánkunun näryáxta. Ráṛakut.“ — (27) „Iwurŋa-
rıkı qrágtie^{ɛ}, qaqamıtvásqeu. Nuwiqinet“. „Ewqur-

kun koyŋiq?“ — (28) „Inán isxanaxlıkaxput xwa, kantarán-
ga qun ŋélvul?“ „Inan mırrégitegın, ɛnkı čım-

tutut. Aygoxluwınarmun aṛolakalrātın“. — (29) „Ga!“
če mıtıtvárkin. Kıtájgepu qäwqätji^{ɛ}“. — „Ga!“

---

(16) Затем стадо повскакало, побежало; но, недалеко отбежав, остановилось. (17) Сиротка пошел к своим оленям. (18) Потом опять сел. (19) Ветер. (20) Олень один исчез, яловая важенка жирная. (21) Вдруг эти юноши опять пришли. (22) „Ой, иди домой. К нам иди!“ — (23) „Боюсь я“ — (24) „Почему“? — (25) „Жирной яловой важенки нет, дядя будет ругать“. — (26) „Не будет ругать тебя. Когда настанет день, еще когда придет твой дядя, так скажет: „Ой, что со стадом?“ — „Да просто я переменил место, где много корма“. Да он даже тебя похвалит. Иди же к нам есть. Варят“. — (27) „А как же стадо?“ — (28) „Мы будем следить сейчас, близко мы тут находимся. Прямо на север пойдешь“. — (29) „Хорошо“.

(30) Aŕólakuk aywamun. (31) Pixtúgruk suna. (32) Kā́tuk.
Ewqātji[ɛ] ájgepu. Wıjalwıjal luur. Pukirgi[ɛ].

(33) Aŕnák natıŕmi ŕaŕakuk. (34) Aŕnak ilutmun piq:
ŋeusqāt čottagnı[k] nuwiqin. ŋeusqāt ralkowtı iwqi[ɛ]:
„Xwa! tagiq". — (35) „Aga! wúne itıŕli!" (36) Itıxtuk.
„vaj-ım jeti". — „Aga! wunä nréa[ɛ]n!" Reskíwki[ɛ].

(37) Amınam uxkıt itxótıt. (38) Tunumıŋ ŕáŕomat.
Amen-ım erét nanátwunat. Eče guwilinet.

(39) Wuni tunúxtumak nŕómak. (40) Iwúrŋa táka.
Wunä gečılin gaqametvalen. Ewkurgam (pá-

(41) Nınīvŕam pī: „Guk! naŋłiklútıŋ łpık,
ata itgi). Enpınáčga iunin: „Guk! jejvečuut lıŋa,

tokoıŕis'qán'ka, ełpık näŕis'kalutıŋ, kayuxlak atátavık
qaanmatıjvut tıntınet, gıt qametvajgıt, minkrı enjiwā

nıŕis'iyalkaŋátın. (42) Iwun axtıkagu, tagikan, koyŋi
anqametvawkelegıt. Eur ırgırók reéti, ŋélvul

ałákıxkagu, xwátın pikak: „Koyŋiq sáma?" — (43) „Nax-
giu regınin, enŋot riwqä: „ŋelvul gerélin" „Taŋr-

kútkaxtamun nafsimáka. (44) Ayuŕnáŕıtatım".
aŋjánveti ganjálgıtatlen. Qarem anejŋeléigıt".

(45) Eun xwátın pikáŋatın: „Xwáŋa koyŋilitisinka ałoxkık".
Eur enŋot neriwqut: „Gumnin gakaŋılatqaat jáagnenat".

(46) Xwátın piłákan': „Xwáŋa káyvo koyŋixán'ka koyŋilixtı-
Enŋot riunin: „Gımninet qajvo qaaqagte gakaŋılat-

sixán'ka atoŕlaŋa". — (47) Enkam pamánliŋok koyiłxım
qaáqagte mıjáanat". — Enqam emnúŋku walın čawču-

paniya, uwinıŕmıŋ ixšátalŕi, tuuyaxtúrnakın'". — (48) „Gini-
wen ŋéekık klikétık nènqäqin, qāmatasqewqun". — „Gını-

---

(30) Пошел на север. (31) Поземка началась вдруг. (32) Прибыл. (33) Женщина в передней части яранги варит. (34) Женщина внутрь (в полог) сказала: „Вот пришел". — (35) „А! Пусть войдет". (36) Вошел. (37) И вот куски мяса внесли. (38) Сало сварили. (39) Вот сало стал есть. (40) И вот кончил. (41) Старик сказал: „Вот, жалея тебя, заставил убить оленя, чтоб ты поел, потому что твой дядя не дает тебе есть. (42) Когда рассветает, когда придет (дядя) и стадо не узнает, когда так скажет: „Со стадом что?" — (43) „На место, где много корма, я перегнал." — (41) Не будет ругать тебя". (45) Когда же так скажет тебе: „Моих ездовых оленей используй". (46) Вот так скажешь: „(Ничего) я своих оленей ездовых использую". — (47) „Затем находящегося внутри страны чукчи-оленевода дочь, которая отказывается идти замуж, (иди) посватай ее". — (48) „За меня и подавно не пойдет".

wan' ŋám xwaŋámnun aŋıxłıká". — (49) „Káyvo tuułakan.
wän-ım gımıkagtı raalomı". — „Qajvo ramatagın.

Aga, ăniŋam. Koyŋimun aṛlá". (50) Ánuk. (51) Úxkınıŋ
Tagam qantóeˢ. ŋalvulétı qälqätjiˢ". Ŋıtóe. Ečetă

komixtıstat. (52) Aŋyátıxtūṛat. (53) Koyŋimun áṛlaxtuk.
nanrarrorawkaˢn. Nantákawqan. Ŋalvulétı qäti.

(54) Kătuk koyŋimun. (55) Nukałpiyat pīt: „Tagizin?" —
Pukirgiˢ ŋelvulekı. Aačekıt iwkaˢt: „Ieti?"

(56) „A!" — (57) „Kayugam, näxsin?" — (58) „Aa, nıxtúŋa!" —
„I!" — „Amto qametvaj?" — „I, tıqametvaak!" —

(59) „Amén pagánliŋ'uk koyiłxım paniya, uwínarmıŋ
„Amen emnuŋku válin čawčuwen ŋéekık naqlikänkaqen

íxšátalṛi, tuuyaxtúṛnakın". — (60) „Sámam giníwan áŋáxla-
[qälqätgiˢ], qämatasqéwqan". — „Čámam ginewän gımık

ka". — (61) „Káyvo tuułakan". — (62) „Agám! Arolakałta
raálomga". — „Qajvo ramátagın". — „Tagam! múrı

xwankúta". (63) Aṛolakut. (64) Es'xapayálṛimi, sunáŋuk áx-
mnéwqenmık". Ewqätjäˢt. Enıkıt lilèpıtkuj luuṛŋaan ga-

kut amáxlagıt. (65) Tawáni kıyáxtuk. (66) Äxta. (67) Atàtaŋa
ánqanat eˢgıčgıt. Enku váeˢ. Irgıroj. Enjiw

tagiq, (koyŋixkwáxtuk). (68) Sunáŋuk łáran pī: „Gok!
jetjiˢ, (qaantáe). Luur qajılgınángıt iunin: „Guk!

koyŋiq sáma?" — (69) „Átak núxs'ímaka naxkotkıxtámun". —
ŋélvul gereˢlin?" — „Ataw ganjalgıtatlen taŋraŋjanvetı". —

(70) „Aa! Guk! varáŋŋan koyŋiq kătan. Aṛláŋam, xwáŋa koy-
„Aa! Guk! velerım ŋelvul jóaˢn. Qragtieˢ, gumnin ga-

---

(49) „Все равно возьмешь. Иди, выходи. К оленям иди". (50) Вышел. (51) Куски мяса положили ему за пазуху. (52) На дорогу дали мяса. (53) К оленям пошел. (54) Пришел к стаду. (55) Юноши сказали: „Пришел?" — (56) „Да" — (57) „Ну как, поел?" — (58) „Да, поел!" — (59) „Находящегося внутри страны чукчи-оленевода дочь, которая не хочет идти замуж, пойди к ней, посватайся". — (60) „Вряд ли за меня согласится". — (61) „Все равно возьмешь". — (62) „Довольно, пойдемте мы". (63) Пошли. (64) Когда посмотрел он, вдруг (там) волки. (65) Здесь стал находиться. (66) Настало утро. (67) Дядя его пришел (к оленям). (68) Вдруг действительно сказал: „Ой, со стадом что?" — (69) „Просто перегнал на хорошее пастбище". (70) „Да, хорошо, что оленей догнал (ты). Иди

ŋilixtıs'in'ka atúx'käk". — (71) „Káyvo, xwaŋa koyŋilixtıs'ixán'ka
kaŋılatqaat qıjaagınat". — „Qajvo gumnin gakaŋılatqaaqágte
atúrlagŋa". (72) Tūwi koyŋilixtıs'ini. (73) Tūwi,
mıjaagınat". Ejminninet gakaŋılátqaat. Ejminninet,
aṛólakuk. (74) Liankun kāmimun taluxtuk, šúna tákut yúwut
ewqétji[ɛ]. Lien qun innuk amèčatje[ɛ], luur ɛnkan qlaulte
málruk is'xáṛi taṛnäkoxtámıŋ pilúukalṛit. (75) Tākwi. (76) Ápŋiräk
lu[ɛ]ninet teŋnuuqinetä evirılıt. Jónenat. Na-
tat: „Awálu tagizin?" — (77) „Aa!" — (78) „Amınam uwinaṛ-
mŋılo[ɛ]an: „Kaka jeti?" — „I!" — „Amen-ım naqli-
mıŋ ixšátalṛi, ŋıniwanŋam xwáŋa tuułaks'ikun". (79) Aṛó-
känqaqen, (gıniwän-ım) gumnan tramátagın". Ew-
lakuk. (80) Kātuk (81) Lián koyŋini kamiiṛnikun pituwluki,
qétji[ɛ]. Pukirgi[ɛ]. Lien goraŋı orguk wúnninet,
nátıṛmun itıxtuk. (82) Mıŋłáxtuk: „Mīxs'ixtıŋa". (83) Mī-
čottagnetı resqiwki[ɛ]. Memluwánlae: „Qānımčemétık". Ne-
xs'it. (84) Anluni, tāxkın aṛólakuk aywamun. (85) Anókataṛak
mčémeat. Ŋıtóe[ɛ], ɛnqo ewqāıji[ɛ] ajgepu. Nıjolgatqen,
pixtuk. (86) Amınam iṛláxtakuk. (87) Suna tákut koyŋi-
nuwgálatqen. Amen-ım nıleqin. Luur ɛnqan geke-
lixtit is'xáṛi, siṛunıṛmıŋ us'ilṛit. (88) Yuum pī: „Guk, säṛ-
ŋılıt lu[ɛ]ninet, ajválqala inéŋelıt. Qlaula iunin: „Guk, ına-
läxálik. Návuk pizin?" — (89) „Ataṛ taṛavuk pīŋı". —
nken-ım minkrı qätji[ɛ]?" — „Ataw ŋóonre tılqätjak".
(90) „Guk! xołıkātın, tokołakútın". — (91) „Tunmáuymáŋa, xō-
—Guk! rekituwie[ɛ], revie[ɛ]." — „Gatınmáweum, qa-

домой, моих ездовых оленей используй". — (71) „Ничего, я своих ездовых оленей использую". (72) Взял (поймал) своих ездовых оленей. (73) Взял (поймал), поехал. (74) Как только за холм скрылся, вдруг вот мужчин двоих увидел в черных одеждах. (75) Пошел к ним. (76) Спросили: „Уже пришел?" — (77) „Да!" — (78) „Да вот, замуж идти которая не хочет, вряд ли возьму ее". (79) Пошел. (80) Пришел. (81) Едва своих оленей привязал к нарте, в переднюю часть яранги вошел. (82) Пить попросил. „Напойте меня", (83) Напоили. (84) Выйдя, затем уехал на север. (85) Ветер, поземка. (86) Вот едет. (87) И вот, вдруг едущих на оленях увидел, рогами нагруженных. (88) Человек (один из едущих) сказал: „Ох, как бы плохо не было. Куда едешь?" — (89) „Просто туда еду". — (90) „Ох, замерзнешь, умрешь". — (91) „Привык я, не замерзну". —

nanṛituŋa". — (92) „Káyvo tinmáwikuvuk, tokołakūtın: pirem mıqituwieᵉk".— „Kajvo ratenmáwqa, reviiᵉ: evi-

lúuxtık särlïṛut! Antá. aṛólakıłta!" (93) Ṭumáŋixun rıt etqiŋıt! „Amen-ım amen mnewqenmık!" Retjewqu

aṛólakuk. (94) Suná mantṛánun qātuk. (9) łāran aṛnáxlak ewqetjiᵉ. Luur jaraw pukirgıᵉ. Qajılgınangıt ŋausqát-

ısłami käpxaṛakuk. (96) Ilútmun piq: „Guk! Saŋús'-čiŋın ŋargın nımigčiretqin. Ralkowtiŋ iwkiᵉ: „Guk! räᵉnut-

xak xómalṛi, pilúuwi särlïṛıt!" — (97) „O, wuni särlixat qāj ŋot kiwgelıqāj, evirıt etkıŋıt!" „O, wunä etkiŋqägti

upuṛakaqit". (98) Takwá aṛnam, xw̄atın pī: „Itxi! vejménu gélgā". Joᵉnen néusqätä Enŋót iunin: „Qrésqiwqıᵉ!

Lian tákut koyŋixtın kamiïṛnun pitûxki". (99) Itäxtuk, Lien Enqan gınin qaat orvetı néwqutınet". Resqiwqiᵉ.

äpsuxtuk, ilutmun itıxtuk. (100) Amınam ṛáṛuta aṛnaṛam. tìwqiᵉ, ralkowtı resqiwqiᵉ. Amen ım uwinin ŋéusqätä.

(101) Liánkun tunumiŋ ṛaṛuta. (102) Náxtuk. (103) Nınäṛmiŋ Lien-ım eče uwinin. Qametvaeᵉ. Kemiplıt-

tákluni, koyŋik apta: „Natum tuŋaŋanita koyŋixs'i?" — kuk ŋélvul piŋlonen: „Maŋeŋqač várkın ŋelvul turgin?"

(104) „Taṛṛantuk. Wune koyŋin'ka aṛlálaŋi".— „Enŋenqac várkın. Wune gımnin qaat mınlägtétınet".

(105) „Inan tagikota, aṛlálakit". — (106) „Kayvo, xwámniŋ „Inan jétık änınlägtétınet".— „Kajvo gımnan činit

aṛlálaŋi".— (107) Anuk, aṛólakuk koyŋimun, koyŋini aṛláti. mınlägtétınet".— ŋıtóeᵉ, ewqetiᵉ qaagtı, qaat rıläg-

---

(92) „Хотя и привык ты, умрешь: одежда твоя плохая. А ну-ка поедем!" (93) Следом за ними поехал. (94) Неожиданно к ярангам приехал. (95) Действительно, женщина на улице работает. (96) Внутрь сказала: „Ой! Кто-то мерзнущий, одежда его плохая".— (97) „Да ведь и плохоньких гостеприимно принимают". (98) Подошла женщина, так сказала: „Войди! А этих своих оленей к нарте привяжи". (99) Вошел, обил снег (с ног), внутрь вошел. (100) И вот стала ему варить девушка. (101) И вот сало стала варить. (102) Стал есть. (103) Есть кончив, о стаде спросил: „В какой стороне стадо ваше?" — (104) „Там. А ну-ка, своих оленей отведу (в стадо)". — (105) „Да когда придут, отведут". — (106) „Ничего, я сам поведу". (107) Вышел, отправился к стаду, оленей своих повел.

(108) Kātuk. (109) Koyŋimi tákut piŋáyut nukál-
ténninet. Pukirgiᵉ. ŋelvuleki nıtváqenat nıróq aače-

piyat, aṛnaṛam aŋliutaŋi, pīt: „Nakumiŋus'in?“ —
kıt neusqäten jičämıttumgın, iwkäᵉt: „Meŋkokenajgıt?“

(110) „Axkumiŋuna [ŋa]“. — (111) „Aga!“ — (112) „Aṛláxtık ginmis“. —
„ŋoonkoken“. — „Aga!“ — „Qrágtıtık [enmeč]“. —

(113) „Iwurŋakun koyŋiq?“ — (114) „Inán xwaŋá is'xápaxlıka-
„Ewkurga qun ŋélvul?“ — „Enan gumnan tregitegın“.

ka“. — (115) „Iwurŋa akälkálṛıtın“. — (116) „Akälkánṛitu-
„Ewkurga qun remkılégıt“. — „Qaremenaj-

ŋa“. — (117) „Aga! Saŋuzin mi?“ — (118) „Nıŋakax-
gım remkılegım“. — „Amen! Reqigıt-ım?“ — „Turgin

pis'iŋa“. — (119) „Aga!“ (120) Nıŋłáxtut. „Guk! Samam!“ —
ıntuulpırejgım“. — „Aga!“ Tenŋewqät. „Guk! čaman!“ —

(121) „Wune káyvo nıŋákaxpıs'iŋa. Ginmis aṛláxtık“. (122) Anıŋan
„Wune kájvo ıntuulpırejgım. Enmeč qragtıtık“. Ineele

pï: „lian, aṛlakáłta nikim piluuput simiṛyaxtultıki“.
iuninet: „lien mınamrágtı, neqem evirıt mınınrımesqiunet“.

(123) Aṛláxtut. (124) Kātut. (125) Nayáxlaŋa aptı: „Nagu
Ragtıaᵉt. Pukirgaᵉt. Čakettıjŋa pınlónenat: „Emi

akälkaxak?“ — (126) „Koyŋimituk“. — (127) „Xōmalṛi saŋans'i
remkıleqāj?“ — „ŋelvileki várkın“. — „Kiwgeläqaj iam

unis'tixu?“ — (128) „Ełŋan liglaṛinkut“. — (129) „Samıŋ pī?“ —
pelátkı?“ — „Enán nenŋiumık“. — „Reqan iwqiᵉ?“ —

(130) „Nıŋákaxpıs'iŋa, aṛláxtık“. — (131) „Ga! Takutıxu! Taku-
„Intuulpırejgım, qälqätjitık“. — „Ga! Qäjóutkı! Qājo-

---

(108) Пришел. (109) В стаде эти три юноши, девушкины братья, сказали: „Откуда ты?“ — (110) „Я оттуда“. — (111) „Вон как!“ — (112) „Ну, идите домой“ — (113) „А как же стадо?“ — (114) „Я послежу за ним“. — (115) „Но ведь ты гость!“ — (116) „Я не гость“. — (117) „Вон как! Кто же ты?“ — (118) „Зять ваш я“. — (119) „Так!“ (120) Засмеялись: „Ой! Едва ли!“ — (121) „Нет, всё равно я ваш зять. Ну, идите же домой“. (122) Старший брат сказал: „А пойдемте-ка домой, нашу одежду сменить“. (123) Пошли домой. (124) Пришли. (125) Сестра спросила их: „Где гостечек?“ — (126) „В стаде“. (127) „Мерзнущего зачем оставили?“ — (128) „Он отправил нас“. — (129) „Что сказал?“ (130) „Я ваш зять, идите домой“. — (131) „Гм! Идите к нему! Идите

tıxu! Sukáłus'i aṛláxtık! Kiyaṛis'nitıpīxlaxi! Yarluŋun eł-
ukti! „Äqalpe qälqätjitık! Atımŋetvakılen! Je^{ɛ}lii ɛnmen
ŋan tuułakaŋa? (132) Sukałus'i wuni tak'utıxu. Uwiknánṛitaka:
ɛnan renamátaa^{ɛ}? Äqälpe wune qäjoutkı. Qarem uwäqucu mı-
sáṛluṛuk". (133) Lian ałánı piluuxtut. (134) ilumaṛlutıŋ,
lgın: etqıŋ". Lien neme kergıpga^{ɛ}t. Pontasqewk-
näṛlutıŋ, aṛólakut. (135) Koyŋimıxnun kātut.
wátja^{ɛ}t, kametvata, ewqetja^{ɛ}t. ŋelvulekı pukirga^{ɛ}t.
(136) Pī: „Satsi?" — (137) „Tagikut!" — (138) „Sanáns'i?" —
Iuninet: „Rä^{ɛ}tık? — „Mıtjenmık!" — „Iam?" —
(139) „Xwátın pīk[ut] nayámta: „Tagiłi!" (140) Aṛlaxtuk. (141) Kā-
Enŋot iwqi^{ɛ} čakètta: „Nıjetjen!" Rágtıe^{ɛ}. Pu-
tuk. (142) Äpsuxtuk. (143) Itıxtuk, aṛnaram iŋliṛakun
kirgi^{ɛ}. Tiwqi^{ɛ}. Resqiwqi^{ɛ}, ŋeusqät-ım jorójpu
itıxtuk. (144) Aṛnaṛam tuŋáŋakun kiłutaŋakun akómuk. (145) Aṛ-
resqiwqi^{ɛ}. ŋeusqätınqat kınme^{ɛ}k vákoe^{ɛ}. ŋe-
naṛám katṛıṛá: „Agá, ipa xwaŋa tuŋumkun akomuk". (146) Tu-
usqätä pénrınen: „Aga, ipe gumıkqač vakoe^{ɛ}!" Ej-
wá nátıṛmun miluta. (147) Nıkıvluni, taxkın inläṛmın pi-
minnin čottagnetı rintınin. Lien qutji^{ɛ}, ɛnko jorowtı ne-
yu[g]látaxtuk. (148) Tánım milolátaṛa. (149) Tánım, nıkıvluni, itıṛ-
me čejwui^{ɛ}. Neme rintınin. Neme lien, qutji^{ɛ} neme
látaxtuk. (150) Aṛnáṛm tuulátaṛa. (151) Taṛnäṛita kás'ima.
resqiwqi^{ɛ} ŋeusqätä neme ejminnin. Kelétä gajo^{ɛ}len.
(152) Aṛnáṛak tuuláṛat: káyŋım, ámam, mıtäxłuum, yaumráw[i]
ŋeusqät nepiričitın: kejŋä, i^{ɛ}gä, velvä, reumrea —

к нему! Скорее идите! Не быть этому! Да он, что б меня взял?! (132) Скорее же идите к нему. За него замуж не пойду: он плохой". (133) В другое оделись. (134) Утолили голод. Поевши, отправились. (135) К своему стаду пришли. (136) Сказал им: „Что?" — (137) „Мы пришли". — (138) „Зачем?" — (139) „Так сказала наша сестра: „Пусть идет". (140) Пошел. (141) Пришел. (142) Обил (снег с ног). (143) Вошел (внутрь полога), в полог девушки вошел. (144) На девушкину сторону в полог у задней стены сел. (145) Девушка бросилась к нему: „Да еще около меня сел!" (146) Взяла его в переднюю часть яранги выбросила. (147) Поднявшись, потом в полог опять зашагал. (148) Снова выбросила. (149) Снова поднявшись, опять вошел. (150) Девушка опять взяла его. (151) Его духи пришли. (152) Девушку взяли (все сразу):

sánwa tamáxan. (153) Amınam aṛnáṛxlak mıtäxkat
ıme räˢnut. Amen-ım ŋausqätčıŋın naketṭuwaan nekwu-
nıvóxtat, yuxtıŋ ilaŋita mataxkakat, aṛnaṛám káyŋanun...
rrıntetın, ɛtın qutérık nıkéttuwaqen...

154) Táxkın unıqaṛatat, unitat. (155) Amīnam avituk.
Enqo napečasqewqan, napélaan. Amen-ım alvantılej.

(156) Kilutaŋakun atkuxaṛmınıŋ vlıluni, pakṛıxaṛmi, iŋaxtuk.
Kinmek ɛnık ireqää inirgıpgétji, kımek, arıčgátjeᵉ.

(157) Guk, aṛnáxlak lıituk. (158) „Egegey!“ (159) Inkın
Guk ŋausqätčıŋın čiqeewqiᵉ. „Egegej!“ ŋoonko
ōxkaṛmınıŋ atátaŋan pï, tukłuṛa: „Aṛnaṛáy! Guk! akälkaxák
ajvatlojpu enjiwä iunin, ejŋéwnin: „ŋeusqāt! Guk! rémkıleqäj
itaṛnatun káyvo wune?“ (160) Akómuk. (161) Tunīni kiłutaŋa
nımélew kajvo wune?“ Vakóeᵉ. Enıkkatkın kınmek,
ałiṛiṛa, ulixkamıŋ itxótuk, ānuk. (162) Piluułuni, kiłiṛyi[t]
ajkolánnen, inirgıŋlıqäl rátvunen, ŋitoeᵉ. Kergıpa eléggi
káwluku, itxóta. (163) Kolmisitŋwak itxóta. (164) Nıkmıŋ
talata, ratvunen. Kukeqäj ratvunen. Tırgıtır
ávṛoluku, kanáxfika, ṛáṛa. (165) Iluŋanun matáxkałuni, itäxtuk
čuwitkutä, enatıónen, ıpannen. Ralkojpu kettuwáeᵉ, kettu-
kałuvágıgni, mataxti ákiŋuluku. (166) Łi. (167) Tána
wáeᵉ, kérker jinninet čotčotu. [Rıtrilnin].
uwikaxkani tuwa, iŋáṛuta. 8) Amınam iŋáxtaxtut, lian
Uwäkučılqäl ejminnin, ratčáwnen. Amen-ım arıčgıtváat, lien
kolmis'in kıplāxtaka. (169) Iŋaxtáṛakut. (170) Ima tuwa.
kukeŋı nineniluqin. Narıčgıtváqenat. Ranut-ım má-

медведь, волк, ворон, куропатка — все что есть. (153) И вот девушку раздели, положили вверх лицом, своего человека другие раздели... (154) Затем все оставили его, покинули. (155) И вот отсутствуют. (156) У задней стены своей кухлянкой укрывшись, свернувшись, лег. (157) И вот девушка очнулась. (158) „Ух!“ (159) Оттуда с южной стороны дядя ее сказал, позвал: „Девушка, как с гостечком, хорошо ли?“ (160) Села. (161) В своей стороне, у задней стены, постлала, одеяло внесла, вышла. (162) Одевшись, кишки размельчив (растолкла), внесла. (163) Котелок внесла. (164) Мясо разрезав, положила туда, стала варить. (165) Внутрь полога, раздевшись, вошла, комбинезон сняла, чтоб положить в качестве подушки. (166) Положила. (167) Этого своего жениха взяла, легла с ним. (168) И вот стали лежать, одновременно в котле мешает. (169) Они лежат. (170) И вот взял (женился).

(171) Táxʻın kolmısin átäxluku, saṛnaṛig'nikun ková. tanen. [Inko kukeŋı] ruwiriwnin, ukkämık taᵉgnen.

(172) Ałkotaxuk. (173) Lian ïkıxkın atataŋ[an] pïiqa: „Akälka- Worwatkueᵉ. Lien ráenko enjiwä niniuqin: „Remkı-

xak itáṛnatun kayvo?" — (174) „Wune itáṛnatun píqa". leqāj nımélew [kajvo]?" — „Wune [nımélew] inentium".

(175) Táklutın, arnaṛak piluuxtuk. (176) Anuk. (177) Amınam Plitkuk, ŋéusqät qeıgupga. ŋıtoeᵉ. Amen-ım

kálŋak aṛluwa, piluulṛutak, nušuwṛaṛa. (178) Atkuwmıŋ tejučgın rırıtlewnin, averoóčgın, jıtolánnen. Irıt

nušuuta, kołiṛnıŋłu kołiṛmıŋ ylıpxá kołiṛnı[ŋ] kašfitnal- jıtonenat, qanajo ımı[ŋ], qanajo gekemera qonáa čuutatetu

ṛimun, atkuwału ilulixtuman, kamgit katilṛit nušuwi vála, ırın ımı[ŋ] geučan-eréma, plekıt nilgāqinet jıtónenat

alıxtıkulṛit nazikaq ratamiraq, nasáṛału, našáprak, ariłuwi, gapamjálenat načewutıčgın ennuqun, qéli, lilit,

manuŋitak itxuti. (179) Pī: „Koyŋimun aṛlárlaŋa". — anowqun rátvunenat. Iwkiᵉ: „ŋalvuletı mılqātjäᵉk". —

(180) „Amen, sáŋan: ınán koyŋimiłikut. — (181) „Wune, „Amen, iam: [ınan] ŋelvuleki rátvarkıneŋıt". — „Wune,

qáyvo takułaŋa". (182) Piluxtuk. (183) Anuk, koyŋimun áglax- kajvo mıjoᵉnat". [Kergıpgeᵉ. ŋıtoeᵉ, ŋalvuletı ekwe-

tuk. (184) Kątuk. (185) Sakiṛita ałákot. (186) „Awa- tjiᵉ. Pıkirgiᵉ]. Aačewmatala gemo nélgın. „Kako

łu tagizin?" — (187) „Aa, tagiŋa". — (188) „Napizin?" — jetjiᵉ?" „I, tıjétjeᵉk". — „Raŋŋıtaj?" —

---

(171) Затем, котел снявши, в таз вылила. (172) Стали есть (хлебать). (173) И вот оттуда (с противоположной стороны) дядя говорит: „Гостю хорошо ли?" — (174) „Да хорошо обхожусь с ним". (175) Кончив (есть), девушка оделась. (176) Вышла. (177) И вот в мешке стала копаться, в мешке с одеждой, стала вынимать (постепенно). (178) Кухлянку вынула ему и штаны, нижние штаны на штаны надетые, кухлянка тоже с нижней, торбаза белые вынула (их) с чижами из шкуры оленьей без шерсти, капюшон, шапку, рукавицы, нагрудник внесла. (179) Сказал: „К оленям пойду я". — (180) „Нет, не надо: они сами (братья) будут у стада". — (181) „Нет, все равно пойду к ним". (182) Оделся. (183) Вышел, к оленям пошел. (184) Пришел. (185) Шурья его не узнали его. (186) „Уже пришел!" — (187) „Да, я пришел". (188) „Зачем при-

(189) „Aŗláxtık".—(190) „Aga ınta aŗlálta!" (191) Kātut. „Qrágtıtık" — „[Nıreken-ım mınragtımık!" Pukirge^{ɛ}t.]

(192) Nayaxlagitá opóŗaki. (193) „Nŗitık. Nagu Čakıttıjŋa vejmenu lıgninet. „Qäqametvatık. Emi yuwfak?" — (194) „Koyŋimituk". — (195) „Sukálus'i nıŗitık, qlaulqaj?"— „ŋelvulékı". — „Aqälpe qäqametvatık ałánıŋ piluułus'i, takutaxu táxkın". (196) Itıxtut. elvelinetä qakérgupatık, kıjóutkı". Resqiwqä^{ɛ}t.

(197) Gáŗoti. (198) Nakłixtuŗi. (199) Ałánıŋ piluumıŋ Uwininet. Rıqametvawnenat. Elvelin eviıä

unkuŗi, tuni. (200) Piluxtut. (201) Piluunıŗmıŋ tákłutıŋ, pınreunenat, pınrınenat. Kerguqga^{ɛ}t. Kergıpıplıtku,

anut, koyŋimun aŗolakłátaxtut. (202) Katut. (203) Pī nıtóa^{ɛ}t [ŋalvuleıı ekwetge^{ɛ}t. Pukirge^{ɛ}t]. Iuninet

nıŋaŋita: „Apału tágiłui?" — (204) „A!" — (205) „Saŋáns'i ınıuulpıretä: [„Enmeč jettık?" — „I!" — „Iam

tagiŗaxkıŗłui?" — (206) „Iwurŋa tagiskin'kut nayámta". petle jettık?" — „Ataw], jetıjva nentımık čakétta".

(207) Aŗláxtuk. Kātuk. (208) Aŗnam pī: „Itäxıŋam". Ragtie^{ɛ}. ŋeusqäta iwkī^{ɛ}: „Qrésqiwqi^{ɛ}.

(209) Itäxtuk. (210) Kavaxtut. (211) Unámi tıxtoxtut. (212) Aŗ- [Resqiwqi^{ɛ}] [Jilqätget. Irgatık qıjewket]. Im-

nālkus'ik iŋáxtaxtut. (213) Unuwlátaŗa. (214) Kaváxtut. ɛlóŋet narıcgıtváat. [Neme vulqätvii^{ɛ}. Jilqátget.

(215) Súna kakımkut atáŋi kātut. (216) Tuklúxtuk náŋa: Luur] ŋótı ɛtlıgıt pukirgät. Ejŋéutkui ɛtlá:

шёл!" — (189) „Идите домой" — (190) „Ну ладно, пойдемте тогда". (191) Пришли. (192) Их сестра приветливо встретила их. (193) „Ешьте. А где же человечек?" — (194) „У стада находится". — (195) „Скорее ешьте, в другую оденьтесь (переменитe) одежду, пойдите к нему потом". (196) Вошли. (197) Стала варить для них. (198) Стала кормить их. (199) Другую одежду выдала им, дала. (200) Оделись. (201) Одеваться кончив, вышли, к оленям опять пошли. (202) Пришли. (203) Сказал им зять: „Уже пришли?"— (204) „Да"— (205) „Почему так скоро пришли?" — (206) „Так заставила идти нас наша сестра". (207) Пошел домой. Пришел. (208) Женщина сказала: „Войди". (209) Вошел. (210) Легли спать. (211) Наутро проснулись. (212) Целый день лежали (стали лежать). (213) Опять настала ночь. (214) Заснули. (215) Неожиданно на улице родители (отцы) прибыли. (216) Позвала мать.

„Nágu áṛnaṛak?“ — (217) „Xwa!“ — (218) „Ani, akalkaq „Emi ŋéusqät?“ — [„ŋutku!“] — „Qäntoeᵉ, remkılın äpsuwyaxtúxu... Kayúxlaxkun samázin?“ — (219) „Iwúrŋa ānṛiqätiusqiwqun... Minkri qun gereqigit?“ — „Ewkurga ɐttuŋa“. — (220) „Wúne āni!“ — (221) „Anánṛituŋa. qayuxle á.ntoqa“. — „Wune qantoeᵉ!“ — „Qurem mıntoaᵉk, minlaxkun piłáŋa“. — (222) „Saŋavuk āŋırmıŋ exsázin?“ (223) Ikıxkri qun mıtjaᵉk“. „Iam ŋıtók ɐnkätırkın?“ Tıtta iŋlaq. (224) „Isxáxukun tana! Eget, eget! lómnen joroŋı. „Qıgitegın qun vaenqan! [Enŋin-ım] Paniglaxput“. (225) Uwiyŋa pï: „Káma akuwaṛ yúwfak ŋaakkajŋın“. Uwäquč iwkiᵉ. „Wotın rélku ajveken qláulqaj ısxákaiut iŋaxtaṛutáka. (226) Tawátınłäka ayúkalṛimun mıtloᵉäᵉn nenanarıčgıtvawqen. Qätlii ewın ɐnŋin valéti sagikakuk“. (227) Itıxtut. (228) Kavaxtut. (229) Únámi nıtéggeŋqin“. Resqiwqät. Jılqätjäᵉt. Irgátık tıxtóxtut. (230) Sakiyŋa pīq: „Guk, mankinam, áqälqaq nṛixpiqıjéwqät. Matalın iwkiᵉ: „Guk mankenım remkılın aqametnáni. Koyŋik kitum akfagu?“ (231) Tam yayvaliŋixam nulini vaka. ŋelvul mikinä nıgtınen?“ Enko jéjvelqäjā ŋewän pï: „Kułixka nákık?“ (232) Atıxtak nulixan. (233) Nulixan: iunin: „Konagtı emı?“ Ruwiriwnin ŋewänä. ŋewänä „Sanäks'in? — (234) „Koyŋiq akfánakaka. Kámrıxka atäxtiiunin: „reqārkın?“ — „ŋélvul tıgtırkın. Plékıt qänvikık“. (235) Atäxták, (236) Panini atáŋan pï: „Sanákriwqunet“. Ruwiriwninet. ŋeekık ɐtliga iunin: „Reqär-

---

„Где девушка?“ — (217) „Здесь“. — (218) „Выйди, с гостя стряхни... Что же с тобой?“ — (219) „Все равно не выйду“. — (220) „Да выйди же!“ — (221) „Не выйду, потому что так нужно“. — (222) „Почему выйти не хочешь?“ (223) Приподнял полог (отец). (224) „Вон оно что! Так, так! Наша дочь. (Вот так наша дочь)“. — (225) Муж ее сказал: „Внутри позавчера человечек виденный нами лежит с ним. (226) Такого, оказывается, стремилась (выбрать)“. (227) Вошли. (228) Уснули. (229) Наутро проснулись. (230) Тесть сказал: „Вот как, гость не евши. Стадо кто пригонит?“ (231) Этот сирота жене своей сказал: „Штаны мои где?“ (232) Сняла (с шеста штаны) жена его. (233) Жена его сказала: „Что будешь делать?“ — (234) „Стадо пригоню. Торбаза мои сними (с шеста)“. (235) Сняла. (236) Дочери своей отец сказал: „Что хочет де-

sin?" —(237) „Koyŋixak akfánaka". —(238) „Kitum?"—(239) „Um!"—
kin?" — „ŋelvul jitirkinen". — „Mikinä?" — „Wot-

(240) „Masin'kaŋam tagiłakan? Akiwan uglałuku
qaena!" „Mečenku-um rerenŋinin? Ekéwan ŋinimläŋu

pignim kapr[š]áxtakat" (241) Aminam yaywálŋixaŗ ánuk.
met kitkit ninewqéwqin". Amenim jejvélqāj ŋitóeᵋ.

(242) Koyŋimun aŗólakuk. (243) Koyŋimun katuk. (244) Saki-
ŋalvulétı qäti. [ŋalvuletı] pukirgiᵋ. Aačew-

ŗita pit: — „Awátu tagizin?" — (245) „A!" — (246) „Napi-
matála niwqän: — „Káqo jetji?" — „I!" — „Raŋŋi-

zin?" — (247) „Kāsimat sıŗúnıŗmiŋ aŗolakútilŗit. (248) Kās'i-
taj?" — „Gepkitlinet tinimlálit. Gepkit-

mat. (249) Arlás'kīsi aŗláxtiŗuk. (250) „Aga!"
linet. Ragtijvun nentitik, qrágtitik enmen. „Aga!"

(251) Agláxtut (252) Kiŋóŋitniŋ toŗnáŗaŗminun tukluŗaxtuk.
Ragtiaᵋt. Erig jaačı enik kalágtı ejŋéutkuj.

(253) Aminam tóŗnāŗi tagilaŗatut: amát, mitaxlúut (254) Ami-
Amen-im kelet jatčaat: iᵋgit, velvut. Amen-

nam koyŋiq mantŗámun malixkaŗat. (255) Alirra koyŋixlak
im ŋelvul jarágtı nerkileletjen. Arála ŋalvulijŋin

aŗolakuk mantŗánun. (256) Kātut nukálpiyat. (257) Atáŋan
ewqétjiᵋ jaragtı. Pukirgāt aačekit. Etligä

áni [apti]: „Nágu koyŋiq?" —(258) „Unitaxput!" —(259) „Sa-
pinlonenat: — „Emi ŋélvul?" — „Mitpelaán!"— „Iam

nan taginŗistiki? Nān-mi tána vuwfak?" (260) „Koyŋimi!"
erétkä nititkı? Emi-m enqan qlaulqaj?" „ŋelvuléki!"

лать?" — (237) „За маленьким стадом пойдет." — (238) „Кто?" — (239) „Он". — (240) „Сможет ли пригнать? Все вместе и то с трудом передвигают (перегоняют)". (241) И вот сиротка вышел. (242) К оленям пошел. (243) К оленям пришел. (244) Шурья его сказали: „Уже пришел?"— (245) „Да". — (246) „Куда пошел?" — (247) „Приехали рога отвозившие. (248) Прибыли. (249) Сказали, чтоб вы пошли домой; пусть идут, говорят, домой. (250) „Вон как!" (251) Отправились. (252) После них к своим духам стал взывать. (253) И вот духи его пришли: волки, вороны. (254) И вот стадо к яранге погнали. (255) Вот очень большое стадо двинулось к яранге. (256) Прибыли юноши. (257) Отец (их) спросил их: „Где стадо?" — (258) „Оставили мы". — (259) „Почему не пригнали? Где же тот человечек?" — (260) „У стада". —

(261) „Awálu samiŋ pima?“ —(262) „Aɾláxtik“.— (263) „Wune „Kaka, réqãngiulin?“— „Qráglɪtɪk“.— „Wune koyŋimun akfákalɾi sinixlu!“ (264) Koyŋiq mantɾámun kãtuk. ŋalvulentálɪn čeŋet-ɪm!“ ŋelvul jaraw pukirgiᵉ.

(265) Paniyan pï: „Koyŋiq katuk!“ — (266) „Mas'in'ka ŋeekkétã iunin: „ŋelvul pukirgiᵉ!“ — „Méčenku ŋam kãtułqam?“ — (267) „Wune kákma kãtus'ima“.— ŋan renɪpkirenŋɪnin?“ — „Wune raj genɪpkirétlin“.—

(268) „Inta, ɪsxaɾyaxtúxtɪxu! (269) Intákun natɪn u[g] láxkakavɾi „Kɪtá, qãluᵉsqiwkutkɪ! Etɪm minkémil mukéläqäi paláxaɾ[q] tagita“. (270) „Aga, ga! Uxmaɾaŋa. Inta ãŋlaŋa, terkineqãj rennin“. „Aga, ga! Tečɪŋŋoaᵉk. Katam mɪntóaᵉk uxsaxtúɾlaŋa“. (271) Anuk. (272) Iún qoyŋi isxáɾa, itɪxtuk mečesqiwqäk“. ŋɪtoj. Lien ŋelvul luᵉnin reqsiwqɪᵉ uxuxpɪnáni. (273) „Łãɾan, łãɾan! Kãs'imak iŋúnɪrmiŋ tamáxan.— luŋ ečétä. „Qajɪlgɪnangɪt gépkitlin ɪmɪlétɪ ɪmɪló.—

(274) „Anłta, tokótiła!“ (275) Anut, tokótixtut. —„Mɪnɪnto, mɪnqáanmat!“ ŋɪtóaᵉt, qaánmatjat.

(276) Kałixtuk, pík xwátɪn: „Guk, qãŋunamta“. (277) Tánɪm Aŋɪntóeᵉ, iwkiᵉ ɛnŋót: „Guk, uttɪkä“. Neme yúwfam yaywáliŋixam nulini pï: „Inta káɾlut málɾuk nu-qlaulqaa jéljvelqãjã ŋéwän iunin: „Kɪta rarkat ŋɪrek qäg-šúwki!“ (278) Nulixan ápta: „Sanaxs'ɪn?“— (279) „Kow-tógɪnat!“ ŋéwänä pɪnlonen: „Réqärkɪn?“ — „Tuŋe-šaxtuɾnakuŋa“. (280) Ilútmun: „Kamay! Kaɾlut nántat?“ lɪrkɪn“. Ralkówtɪ: „Relkulot! Rarkat minku war-

---

(261) „Что же он сказал?“ — (262) „Идите“. — (263) „Да он же за стадом пошел ведь!“ (264) Стадо прибыло к яранге. (265) Дочь сказала· „Стадо прибыло“. — (266) „Пригнал ли?“— (267) „Да уже на улице (у яранги), пригнал их“. — (268) „А нуте-ка, идите посмотрите! (269) Наверное сколько-нибудь, мало пригнал.“ (270) „Ох! ох! Хочу оправиться. А ну-ка выйду, оправлюсь“. (271) Вышел. (272) Когда оленей увидал, вошел не оправившись. (273) „Правда, правда! Прибыло (стадо) целиком все. (274) Выйдем, убивать будем“. (275) Вышли, стали убивать. (276) Промолвил, сказал так: „Ой, мы без дров“ (277) Затем человечек-сиротка жене своей сказал: „А ну-ка, две лямки оленьей упряжи вынь!“ (278) Жена его спросила: „Что будешь делать?“ — (279) „Поеду за дровами“. (280) Внутрь (в полог): „Эй вы, находящиеся в пологе! Лямки оленьи где?“—

(281) „Saŋán?“ (282) „Kowšaxtúṛnakot[q] — (283) Mas'in'kakıt“?— „Iam?“ „Uŋélırkıt“. —„Méŋam kałäkan? Uyatuxlálṛi kowšaxtuṛvik“. (284) Yaywaliŋıxam činku-m repkirä? Čekıjaam válın oŋálın“. Jejvélqäjä malṛuk kamiyvagik kamóṛi. (285) Aṛolakuk. (286) Liankun ŋirāk majŋorgut emènninet. Ewqétji[ɛ]. Lien qun kamiymıŋ táłuxtuk toṛnaṛan kałátara. (287) Amám tánım lian innuk amečatje[ɛ] kelétä neme najo[ɛ]n. I[ɛ]gä neme lien paŋálgutat. (288) Lián kamúrnıkun akomṛakuk. (289) Kownenrelemjéun. Lien orgútkınık wákoe[ɛ]. Oŋasaxtuṛliwmun kātut ukfimun. (290) Amınam kofsimat. Iınveti pıkırga[ɛ]t omkéti. Amen-ım guurkılinet. (291) Amat kayús'iṛakut, kayŋıt. (292) Sukałuku kóftakut. I[ɛ]gıt nuwinrétqinet, kejŋıt. Äqälpe nuurkıkinet (293) Palimastaxīnaṛmıŋ us'iliṛit kamiyvagıt. (294) Yaywalıem emuttılä tinéŋeŋgā[ɛ]t maju órgut. Jéjvelqäj ŋıxa[q] liánkoon káyŋakun akómuk. (295) Toṛnaṛi kamuṛlátaṛat, lien utıtkınık vákoe[ɛ]. Keletä neme kemétjä[ɛ]n, paŋalṛulataṛat. (296) Kātutat. (297) Amınam kamiyım nenrilemjewqān. Nenıpkirétjä[ɛ]n. Amen-ım órguken ilaŋa itımka, kowk atıxkuṛa, itxókoti. (298) Amınam qol rınıtkunin uttıgut ruwiriunin ratvéunenat. Amen-ım panixlaṛa kówmıŋ ayúmkuxtuk. (299) Atáŋan kamákın ilúŋan[ıŋ] ŋaakkačgın uttımčetkue[ɛ]. Etlıgä ralqočıkojpı pi: „Guk, naťúŋa kamiyik kagimsikık?“ — (300) „Kofšaxtuiunin: „Guk, emi orgoor rıčiméwqān?“ — „Uŋetlen

---

(281) „Зачем?“ — (282) „За дровами поедет.“ — (283) „А привезет ли? Далеко очень место, где дрова (находятся)“. (284) Сиротка две большие нарты потянул. (285) Отправился. (286) Как только за горы скрылся, духи догнали опять его. (287) Волки вот понесли его. (288) Только на нарте сидит. (289) К месту дров прибыли в лес. (290) И вот стали собирать дрова. (291) Волки помогают, медведи. (292) Быстро собирают дрова. (293) Сами духи стали грузить на нарты. (294) Сиротка только на (готовые) дрова сел. (295) Духи опять потянули его, опять понесли его. (296) Привезли его. (297) И вот нарту одну развязал, дрова стал сбрасывать, стал вносить их. (298) И вот дочь дрова колоть стала. (299) Отец её оттуда, изнутри, сказал: „Ой, которую нарту ломаешь? (думает, что дочь ломает нарту на дрова)“ — (300) „За дровами

lŗi kásimak". (301) „Oyátuxlalŗi kofšaxtuŗvik. Qašaxkıx-
gépkıtlin". „Noraqenačgın oŋalın, petle nıp-
łıká". — (302) „Wune kasimak". (303) „Inta, anaxlaŋa".
kirga^{ɛ}n".— „Wune gépkitlin". „Anı, mıntóak".
(304) Anuk. (305) Lian kówut as'xáŗluki, itıxtuk. (306) Amınam
ŋitoe^{ɛ}. Lien uïtuut lu^{ɛ}ninet, resqiwqi^{ɛ}. Amen-ın
paniya ŗaxtuk. (307) Uxkıt uwúti. (308) Hıxtut. (309) Nınáŗ-
ŋeékık uwii^{ɛ}. Eret ilitje^{ɛ}t. Qameïvaat. [Qemi-
mıŋ-táklutıŋ. (310) „Guk! kina iláŗaŗli?" (311) Yaywálım
plıtkuät]. „Guk! méŋin nilutkuã^{ɛ}n?" Jejvelä
nulini pī: „Saŗùyak ātıxtıkīk". (312) Nulixan átaxtak.
ŋewān iunin: „Jarar qänviriwqun". ŋéwānä ruwiriwnin.
(313) Ataŋa ŋuk panini pī: — „Tamıŋłäka alignaŗimak!"
Etligä ŋeékık iunin:— „Čemet lii geŋéŋıtvilin!"
(314) Amınam yaywálıŋıxak iláraxtuk, nulini ináŗmikun akó-
Amen-ım [jejvelqäj] ilutkui, ŋéwān arelıku ruwá-
mıs'ta. (315) Saŗuyak kavlixtak. (316) Wúni anuklıxlágu-
kuwnen. Jarar rıpırgırgéwnin. Wune gajojoráčgat-
mak. (317) Sápıxnaxlak. (318) Amınam sakini xóyáxtumat.
len. Čačaŋıčgın. Amen-ım matálıt gakewgangılenat.
(319) „Aga, ga! Tagam, tam tam táki!" (320) Saŗuyaŗni
„Aga, ga! Tagam, tagam qäpaae^{ɛ}! Jarar
nıpıtak [łik]. (321) Aŋokŋīta. (322) Amsánaxta. (323) Tanım
rıpáawnen. Ajooka nélji^{ɛ}. Melétji^{ɛ}. Neme
kavlixtak. (324) Enŗák tóŗnıŗam itxumi: káyŋa,
rıpırgırgewnin. Enrak kelétä ranvu gélgıleet: kejŋın,

поехавший прибыл". — (301) „Очень далеко место где находятся дрова. Как же быстро прибудет?" — (302) „Уже приехал!" — (303) „А ну-ка выйду". (304) Вышел. (305) Как только дрова увидел, вошел. (306) И вот дочь стала варить. (307) Куски мяса сварила. (308) Стали есть. (309) Есть кончили. (310) „Ой, кто споет?" (311) Сиротка жене своей сказал: „Бубен подай". (312) Жена его сняла (подала). (313) Отец дочери своей сказал: „Да еще оказывается шаманом стал!" (314) И вот сиротка запел (зашаманил), жену свою между ног своих посадил. (315) В бубен стал бить. (316) И вот сильный ветер подул. (317) Сильный мороз. (318) И вот его теща и тесть стали мерзнуть. (319). „Ой, ой! Хватит! Перестань!" (320) Бубен свой положил. (321) Ветра не стало. (322) Настала тихая погода. (323) Опять стал бить в бубен. (324) И вот духи вошли: медведь бурый, мышь, волк, горностай, ворон, евражка

áps'iŋak, áma, amikluq [k], mitıxluq, sikiq [k]. (325) Amınam pipıkılgın, i^{ɛ}nı emcáčokalgın, vétle, jileil. Amen-ım takuk. (326) Kaváxtut. (327) Unámi tıxtoxtut. (328) Panini pī: paae^{ɛ}. Jı.qätjä^{ɛ}t. Irgatık kıjewqat. ŋeekık iunin: „Agam! Ałakaxpıs'i mantŗáxtık". (329) Anut. (330) Ałákaŗmı[ŋ] „Janra qätaraŋgıtık". ŋıtoa^{ɛ}t. Janra mantŗáxtut. (331) Xwátın pī atáŋan: „Unami muúmıŋ aŗolakaltaranga^{ɛ}t. Enŋot iunin ɛtlıgä: „Irgátık muutä qewqétŗás'i". (332) Kavaxtut. (333) Unámi tıxtóxtut. (334) Koyŋik jitık". Jılqätjat. [Irgatık kıjewqat]. ŋelvul ávŗat. (335) Kamiyŋiłu ávŗit. (336) Aŗólakut muumıŋ. néčvın. Orgurel-ım čvitnen-ım. Ewqétjä^{ɛ}t múutä.

(337) Aŗlaxtut yaywalıŋıxam mantránun. (338) Katut. Ragtıat jajvalqáetı járak. [Pukirgä^{ɛ}t]

(339) Kavaxtut... (340) Upınŗama... (341) Atátaxlara [Jılqätjä^{ɛ}t]... Gakıtkıtrólen. . Enjıwučgın-ım tıxtóxtuk. (342) İlútmun pī: „Guk, sám koyilga rawigimak. kijewqi^{ɛ}. Ralkowtı iunin: „Guk, raj čawču geréwiwlin. Inta, ısxaŗyaxtuŗlakuk". (343) Amınam tákwi. (344) Kātuk. Kıtam, mılu^{ɛ}sqiwqun". Amen-ım jónenat. Pukirgi^{ɛ}.

(345) Kaváŗakut. (346) Amiŋat ikix·a, nátıgmın [ŋ] itäxtuk. Nıjılqätqinet. Tıttıl titlopnen, čottagnetı résqiwqi^{ɛ}.

(347) „Súna tána kaŋıŋa nulixtúmalŗi, kayuxlak nulixa pinipix- „Luur ɛnqan ɛtlue gaŋawtınlen, minkri ŋevän ja^{ɛ}rat läxi". (348) Pī: . „Guk, awi łpıŋus'in?" — (349) „Aga, nıteŋqin". Iunin: „Guk amen gıt?" — „I,

---

(325) Вот кончил. (326) Заснули. (327) Утром проснулись. (328) Дочери своей сказал: „Ну, вы отдельно яранги поставьте". (329) Вышли. (330) Отдельную ярангу поставили. (331) Так сказал ей отец: „Завтра караваном отправляйтесь". (332) Уснули. (333) Назавтра проснулись. (334) Стадо разделили пополам. (335) Нарты тоже разделили пополам. (336) Отправились караваном. (337) Отправились в ярангу сиротки. (338) Прибыли. (339) Уснули... (340) Настала весна... (341) Его большой дядя проснулся. (342) Внутрь сказал: „Ой, чей-то чукча-оленевод обосновался. А ну-ка, пойду посмотрю". (343) И вот отправился к ним. (344) Пришел. (345) Спят они. (346) Их дверь приоткрыл, в переднюю часть яранги вошел. (347) „Оказывается племянник женился, при том же жена очень хорошая". (348) Сказал ему: „Ой, ты?" — (349) „Да, я". —

xwaŋáŋuŋa“.—(350) „Guk, amen pıŋŗakámkın“.— (351) „Aa!
gım ŋot“. — „[Guk amen] nıpegčıŋetium“.— [„Kako!]

Káyva piŋŗákiŋał“ — (352) „Gınmis' koyŋi ilátiu.
Kajvo pegčiŋu qinelgırkın!“ — „Anı qun ŋelvul qänčeekewqun.

Enŗáq uyúŗaxtın, atalgutık koyŋiq isxapaŗlitxu. (353) Nalŗáxa-
Etlenjutä jelgıtomgıt, ŋélvul anıgitega$^{\varepsilon}$n. Kako!

lik łpık isxápalkınáman“. (354) Koyŋiq, īlátat. (355) Ałá-
gınan gegitéulin“. ŋelvul nenreléwqän. Enji-

taŋan iŗnıŗi koyŋimıtákalŗit. (356) Iláŋat mıkılŗıŗıt tágit
win ekkét qaa[k] nıtváqenat. Quttı aáčeqqagte jétjä$^{\varepsilon}$t

tawavuk, yaywálıŋıxak kıkaŗat [kılgat]. (357) „łpıkłu płáŗnāmi
enko, jejvelqäj načıŋa$^{\varepsilon}$n. „[Gıt-ım] emŋočırgegıt

koyŋimun áŗla. (358) Koyŋimun aŗláłta atúnım“. (359) Aŗláx-
ŋalvuletı qälqätjı$^{\varepsilon}$. ŋalvulétı kınmal mnılqät“. Oätje$^{\varepsilon}$t

tut koyŋimun. (360) Liánkun koyŋimun katut, atálgutsin
[ŋalvuletı]. Lien qun ŋelvulekı pukirgä$^{\varepsilon}$t jelgıtomga

tokótot, nayvamun átıxtat, mantrámun akfáb'imat.
nanmuan, gitgétı nenpılkeun, jarágtı garkılawlenat.

(361) „Guk, anıŋán uyúŗani unis'uma“. (362) Katuk. (363) Itäx-
„Guk, ıneelä etléŋi gapelalen“. Pukirgi$^{\varepsilon}$. Res-

tuk. (364) Súna tana akitkun akómluni is'xaŗa.
qiwki$^{\varepsilon}$. Luur enqan čottıtkınık nıvakotvaqen lu$^{\varepsilon}$nin.

(365) Nulini pī: „Samıŋ naklixtuxu“. (366) Ikıns'i nıŗıx-
ŋewän iunin: „reqä qanqametvaw“. Ikınči luŋqa-

pináni ankaxtuk. (367)Tánım kovaŗlátaxtut. (368) Unámi tánım
metvata ŋıtosqečat[gē$^{\varepsilon}$]. Neme jılqätjä$^{\varepsilon}$t. [Irgatık neme]

---

(350) „Ох, а я о тебе беспокоюсь“. — (351) „Вон что! Можешь беспокоиться!“ — (352) „А ну-ка, стадо присоедини. Теперь твои братья, двоюродные братья, за стадом пусть присматривают. (353) Достаточно уж ты присматривал“. — (354) Стадо присоединили. (355) Дядины сыновья находятся в стаде. (356) Другие юноши пришли сюда, за сиротой пришли. (357) „Ты тоже когда нам будет скучно, к стаду приходи. (358) К стаду пойдемте вместе“. (359) Пошли к стаду. (360) Как только к стаду пришли, двоюродного брата убили, в озеро опустили, к яранге побежали. (361) „Ой, старший брат младших своих братьев оставил“. (362) Пришел. (363) Вошел. (364) Вдруг на изголовье сидящего увидел (убитого ими). (365) Жене своей сказал: „Чем-нибудь накорми“. (366) . . . . . не покушав выскочил. (367) Опять уснули (368) Назавтра опять позвали его.

kɪmkaɾlátaɾat. (369) Koyŋimun aɾlaɾlátaxtut. (370) Koyŋimun
náčinga^{ɛ}n. ŋalvuletɪ neme qätje^{ɛ}t ŋelvulekɪ

kałutɪn, tokolátaɾat. (371) Avɾuluku, náyvamuu mulúku-
pukiɾɪ[k] neme nanmua^{ɛ}n. Čuwitkutä, gɪtgétɪ nenɪntɪt-

taɾat, táxkɪn mantɾámun a[q]falátaxtut. (372) Katut.
kujvun, [ɪnko jaragtɪ] neme kɪlawqat. Pukirgä^{ɛ}t.

(373] Oyúɾan enɾák unis'ima. (374) Tánɪm ɪtɪɾyalɾɪmi, tánɪm
Etlénjutä ɛnrak gapelalen. Neme resqiwqi^{ɛ} ɛnɪkɪt,

akitkun akomɾalataɾakuk. (375) Tánɪm piłataɾa nulini:
čottɪtkɪnɪk neme nuwakotváqen. Neme iunin ŋewän:

„Samɪŋ tuniu". (376) Aŋkaxlátaxtuk. (377) Koyŋimun
„Réqä qälpɪnɪɪgɪn". Neme ŋɪtosqečat. ŋalvuletɪ

aɾólakut. (378) Tákut Atatani yaywálam tákwa. (379) „Rát-
qätje^{ɛ}t. Enqánat ɛnjiw jejvélä jo^{ɛ}nen. „[Rat-

tanŋáun! Uyúɾaɾma, atálgutma, aknixkatŋa, tukunaka-
tanŋawŋɪn]! Etlenjutä, jälgɪttumgä, nenɪteleurkɪnium, nranmɪ-

katŋa". (380) Atátaŋan pɪ: „Ga! Aknixkaxkuvuk, umyuwaxpɪ-
ŋeum". [Enjiwä iwqi^{ɛ}: „Eur retelimčeä, gɪnan čim-

tun a!" (381) „Amɪnam táwa mátɪn akiłɪkán'ka."—(382) „Wú-
ŋulegɪ[ɪ]!" „Amen-ɪn ɛtlon igɪt tratátlɪŋɪnat" — „[Wu-

ni akitiki, łpɪk nákam kiyaxlaxɪtɪn". (383) Aglάxtuk.
ne] qatatlɪŋgɪnat nakam-ɪm gɪt ratvaa^{ɛ}". Rágtɪe^{ɛ}.

(384) Kavaɾlátaxtut. (385) Unámi tɪxtoxtut. (386) Kɪmkoɾláta-
Neme jɪlqätjä^{ɛ}t. [ɪrgatɪk kɪjewqat]. Načɪŋga^{ɛ}n

ɾat. (387) Koyŋimun aɾlaɾlátaxtut. [388) Koyŋimun kału-
neme. [ŋalvuletɪ neme qätjä^{ɛ}t. ŋelvulekɪ puki-

---

(369) К стаду опять пошли. (370) К стаду придя, опять убили его. (371) На куски разрезав, в озеро побросали затем, к яранге опять побежали. (372) Пришли. (373) Младший брат теперь оставил (старших). (374) Когда вошел, на изголовье опять сидит (убитый ими). (375) И вот жене своей сказал: „Что-нибудь дай ему". (376) Опять выскочил. (377) К стаду пошли. (378) К этому дяде сиротка к нему пошел. (379) „Что же это такое? Мои братья, двоюродные братья, делают больно мне, хотят убить меня". (380) Дядя его сказал: „А если тебе больно, сам о себе подумай". — (381) „Вот теперь-то я им отвечу (дам отпор)".—(382) „Ну ответь, ты же живой". (383) Пошел туда. (384) Опять уснули. (385) Назавтра проснулись. (386) Опять за ним пришли.

tiŋ, tukúkuṛi atalgutni. (389) İma tokóti kónpu.
rik], timitkunenat jilgitumgit. Rä[ɛ]nut-um timnenat konpu.

(390)Pláṛi. (391) Náŋuk.
Plegi. Telpue[ɛ].

(387) К стаду опять пошли. (388) К стаду придя, поубивал своих двоюродных братьев. (389) И вот убил навсегда. (390) Тфу! (391) Кончилась.

№ 2

(1) İmnaŋuk. (2) Mitäxluk panii malṛuk. (3) Akšánumalṛi,
Enmen. Vetle ŋeekket niräq. Ganánqatlen,

nixsáxak nušuúmakaŋa. (4) Aminam aŋlimalṛi. (5) Koyiłit
memilqaj gágtolen. Amen-im gemejŋetlin. Čawčuwat

tatłimat pámani anliutkulṛit kiyáxtut. (6) Mitäxluum éṛnini
mitliŋen emnuŋki gejičeme nitvaqenat. Velve ekik

nixsáxak pima: „Inták koyiłinun nulixturyáxta". (7) Ami-
mémilqaj giulin: „Kitam čawčuwágti qäŋawtiŋisqew". Amin-

nam nixšáxak piyúumalṛi koyiłiṛnun. (8) Aniŋáxpiya ukaliluni
im mémilqaj gečejvulin čawčuwágti. Lii ineelin inan va-

kiyáxtuk, In'kam townli tuŋaŋani. (9) Akólaxpiyak
jenqan nitváqen, enig čimčilin enŋenkat. Enan wutgičin

tawani. (10) Akolim townli tuŋáŋani. Oyókläxpiyak—
enki. Wutgičin čimčilin enŋénqat. Enan ŋénčan—

awaliluni. (11) Aminam nixšáxak piyúumak kuyiłignun.
enán iimágti. Amen-im memilgaj gečéjvulin čawčuwágti.

(12) Ukalinun kätuk, itäxtuk. (13) Panixlara ṛaṛa-
Vaenqatkenagti pukirgi[ɛ], resqiwqi[ɛ]. ŋaakkačgin nuwi-

kuk. (14) Suna pik: „Nixs'áxak vay itäxtuk". — „Gu nakáx-
qin. Luur iwki[ɛ]: „Memilqaj [vaj] réskiwqi[ɛ]". „Guq meŋ-

(1) Давнишнее (невидимое) это есть. (2) У ворона дочерей две. (3) Забеременела (ворониха), тюленчика родила. (4) И вот стал расти (тюленчик). (5) Чукчей-оленеводов пятеро там родных братьев жили. (6) Ворон сыну тюленю сказал: „А ну-ка, к чукчам-оленеводам иди свататься". (7) И вот тюленчик пешком (по суше) отправился к чукчам-оленеводам. (8) Самый старший из братьев ближе живет, а потом второй за ним (рядом назад, взатылок). (9) Самый средний здесь. (10) За средним второй (рядом назад, взатылок). Самый младший — самый крайний. (11) И вот тюленчик пешком отправился к чукчам-оленеводам. (12) К ближней (яранге) прибыл, вошел. (13) Дочь варит.(14) Вдруг сказала: „Тюленчик вот вошел".—„Ой, откуда это

ɬaxak aɾlámiŋ?“ (15) Pī: „Káiŋun saŋozin?“— (16) „Kúrkoqenaqaj lumŋa?“ (Iwki[ɛ]:) „qajŋun reqigɪt?“— „Kurkılım iɾnakáŋa“.—(17) „Get! Kaīŋún sazin?“—(18) „Lien nulixtukılıum ekkejgım“.— „Guk! qajŋun rägi[ɛ]?“— „Lien tiŋawtiɾyaxtuxúŋa ŋuk“.—(19) „Aa! Gok!“ Lian tawatın piłuni muɾyuŋısqeqwāk“.— „[Aa! Guk!]“ Lien enŋin iwki[ɛ], ajınxtuk. (20) Paniyan akšáŋa sixa saviymiŋ. (21) Anıxkutıt kuwe. ŋeekketä (nankın) rırannen valáta. Piŋineŋet uququn sixılɾakun ukútakı, kumáxtaki anıxkutıt. mıtqak rıráırgepu ninenmıtkúqinet, nineınınléwqinet piŋineŋet.

(22) Unúwa. (23) Kaváxtut. (24) Nıxšáxak tana natiɾmi Wulqätvii[ɛ], Jılqätjä[ɛ]t. Mémılqaj enqan čottágnı[k] kavaxtuk. (25) Unámi unaŋuluku aɾolakuk. (26) Tawnlúnun kākiwki[ɛ]. Irgátık ine eqwétji[ɛ]. Čımčeletı puɬataxtuk. (27) Itiɾlátáxtuk. (28) Tánım paniya nátiɾmıtákirgi[ɛ] nème. Neme resqiwqi[ɛ]. Neme ŋeékık čottágnı[k] kuk. (29) Tánım pilátaxtuk: „Nıxšaxak vay itāxtuk“.— nıtváqen. Neme iwki[ɛ]: „Memılqaj vaj resqiwqi[ɛ]“.— (30) „İ! Káinum saquzin?“ (31) „A Kurkılım iɾnakáŋa!“— „İ! Kajŋun reqigɪt?“ „Kurkıl-i-um ekkej-gım!“— (32) „Kaiŋun sázin?“ — (33) „Nulıxtuɾyáxtuxtuŋa“. (34) Kālkän-„Kajŋun re[ɛ]qi?“— „Tiŋawtiŋısqewqäk“. Awgetɾituk qałıxpınani itırlátaxtuk. (35) Unúwa. (36) Kakınka váe, awgétkınka neme resqiwqi[ɛ]. Wúlqätvii[ɛ]. Nevaɾlátaxtuk. (37) Unámi unáŋuluku aɾolaklataxtuk. (38) Akōlinun me jılqätji[ɛ]. [Irgatık ine] neme ewqetji[ɛ]. Wuige-

---

еще?“ (15) Сказала: „Да кто же ты такой?“ — (16) „Куркылына сын я“. — (17) „О! Зачем пришел?“ — (18) „Да вот свататься пришел“. — (19) „Так! Ой!“ Так сказав, просунула голову в полог. (20) Дочь его живот его разрезала ножом. (21) Лучины в разрез обмакивает в жир (ожиривает), зажигает лучины. (22) Наступила ночь. (23) Заснули. (24) Тюленчик этот в сенях уснул. (25) Назавтра утром отправился. (26) К соседу опять пришел. (27) Вошел опять. (28) Опять дочь в передней части яранги находится. (29) Опять сказала: „Тюленчик вот вошел“. — (30) „Кто ты такой?“ — (31) „Куркылына сын я“. — (32) „Зачем пришел?“ — (33) „Да вот свататься пришел я“. (34) Ничего не сказала, молча опять вошла. (35) Наступила ночь. (36) Опять уснул. (37) Назавтра утром опять отправился. (38) К среднему при-

kátuk. (39) Itırlátaxtuk. (40) Tánım paniyan pī:
čágtı pukirgi[ɛ]. Neme resqiwqi[ɛ]. Neme ŋéekketä iunin:

„Gu! naxšáxak vay itıxtuk". (41) Unuwatāŗa. (42) Na-
„[Guk!] memılqaj vaj résqkiwqi[ɛ]". Neme wulqätvii[ɛ]. Čot-

täŗmi tána kavarátaxtuk. (43) Unámi unaŋuluku aŗolátuxtuk
tagnık neme jılqätji[ɛ]. Irgátık ine neme ewqetji[ɛ]

tána townli, ima naŗúxta. (44) Awalaxpıyamınun kā-
Enqán čımčılın, [nakam] galánen. Enan rımagtınkenak pu-

tuk. (45) Itıŗlátaxtuk. (46) Atáziq paniya. (47) „Guk,
kirgi[ɛ]. Neme resqiwqi[ɛ]. Ennenčän ŋéekık. „Guk,

nxšáxak vay itıxtuk"— (48) „Guk, qáiŋun saŋús'ixak.
mémılqaj vaj résqiwqi[ɛ]"— „[Guk, kajŋun] rä[ɛ]nutqäj.

Tumni taginángituk näxšak. Guk, qaiŋun sám pikátın?" —
Amtımŋä qarem nıjétın mémıl. [Guk, qajŋun] reqinejgıt?" —

(49) „Kurkılım ignakáŋa". — (50) „Aga! Is'xáxukun! Kai-
„Kurkılı-um ekkéj-gım".— „Aga! Enqán-um! Ka-

nun sázin samun ŀilataŗatın?"— (51) „Guk! Nulıxtuŗyaxtuxtuŋa
jŋun reqi[ɛ] raqétı nenŋiu-gıt?"— „Guk! tıŋawtıŋısqewqāk!" —

ŋuk!" — (52) „Aga, aga! Wuné itxi". (53) Paniya tána ałá-
„Aga, aga! Wune kresqiw". ŋeekık enkán janra

kaŗmıŋ iŋlilŗuk. (54) „Ałiŗıxú!?" (55) Ałiŗiŗa. (56) Má-
garólen. „Qajqolátgın!" Ajqolánnen. [Me-

sis'u sixılxa ŗıvákuk. (57) Itıxtuk. (58) Unúwa.
čiču] rırourgın nımgeqin. Resqikwi[ɛ]. Wulqätvii[ɛ].

(59) Iŋaxtut, nulixtuxtuk. (60) Panixlaŗa tuwá. (61) Am
Atčatjät, ŋawtingä. ŋaakkáčgın matanen. Am

был. (39) Опять вошел. (40) Опять дочь сказала: „Ой, тюленчик вот вошел". (41) Опять ночь наступила. (42) В сенях этот опять заснул. (43) Назавтра утром опять отправился к следующему соседу, но прошел мимо. (44) К самому крайнему прибыл. (45) Опять вошел. (46) Одна у него дочь. (47) „Ой, тюленчик вот вошел". — (48) „Ой, наверное за чем-нибудь (не так, не спроста). Не зря пришел тюленчик. Ой, наверное чей-нибудь ты!" — (49) „Куркылына сын я". — (50) „Вон что! Наверное, за чем-нибудь? Наверное, за чем-нибудь послали тебя?" — (51) „Да вот свататься пришел я". — (52) „Хорошо, хорошо. Ну входи". (53) Дочь та отдельное помещение имеет. (54) „Постели ему!" (55) Постлала. (56) Его разрез его стирается. (57) Вошел (тюленчик). (58) Наступила ночь. Легли, поженились. (60) Дочь его взял (тюленчик). (61) И вот стали жить тут.

kıyáxtut tawáni. (62) Ìláŋaku pī nulini: „Inta, aṛlarlaŋa
väᵋat ɛnkı. Qulinikek iunin ŋewän: „kıtam mrág-
lian. Aṛlákaṛlaŋa yk!“ — (63) „Naŋitıṛoxlakutın?“—(64) „Naŋitı-
tıaᵋk. Wıjın mımrágtıaᵋk!“ — „Reqäsqāčeqwa?“ — „Qaram
ṛoṛnanṛituŋa, tagilakuŋa“. (65) Unámi unáŋuluku aṛólakuk,
mıqäsqāčeqwāk, tréetjäᵋ“. Irgátık ine ekwetjiᵋ,
mantṛáminun kátuk. (66) Kuṛkılım ápta: „Tagizin?“ —
ɛnıgɪag pukirgiᵋ. Kurkıla-m pınlónen: „Jeti!“ —
(67) „A! tagiŋa!“— (68)„Kayuṛam?“—(69) „A! nulixtumāŋa“.—
„I! tıjétık!“— „Amto?“ — „Gaŋawtıŋ-e-um“.
(70)„Gık, xátın aṛomak, sixılxa! (71) Nayáxpınun áṛla,
„Gınin ɪenrıl geviletlin, ɪıraırgın! Čakettétı qälqätjiᵋ
akšán äpsuwlit'xu“. (72) Nayáṛmi mantṛānun aṛláxtuk; itıxtuk.
qeptin antuwqaᵋk“. Čakettetı jarágtı kätjiᵋ, res-
(73) Amınam nayáṛita ĸoyakát. (74) Akšáŋa äpšuw-
qiwqiᵋ. Amen-ım čaketta korgaw nelgat. Qéptin netiuı-
nakat. (75) Rıpa lian tuṛúluku, tátqaxtat, aftá.
kın. Rıpeŋı lien ejminnin, ɪıkéıɪɪewnin, ɪuwenŋınin.
(76) Amınam aftá. (77) Iṛnıṛaxa īka. (78) Iṛnıṛak
Amen-ım ɪuwenŋınin. Qäčeeren jinnin. Qäčeeren
ikluku, aňiṛiṛa, uliya, näkáŋa ṛáṛa, amiṛaxa klnıŋ-
jétä, ajqólannen, enárennen, tıɪgıtıɪ ıpannen, nelgäqäj ɪıpau-
laṛa. (79) Uxkıt uwutu, saṛnaṛinīkun iwit. (80) Amınam
nen. Erét itıtjäᵋt ukkämık nejpenet. Amen-ım

---

(62) Однажды жене своей сказал (тюленчик): „А ну-ка, я пойду. Пусть пойду я“ — (63) „Ты совсем останешься там?“ — (64) „Не останусь совсем, приду“. (65) Назавтра утром отправился к своей яранге, пришел. (66) Куркылын спросил его: „Ты пришел? (Здравствуй)“ — (67) „Да, я пришел“. — (68) „Ну как?“ — (69) „Да, женился“. — (70) „Ой, твоя верхняя часть спины сгнила, разрез ее (т. е. туловища). (71) К твоей сестре иди, живот твой пусть обтрясут“. (72) К яранге своих сестер отправился, вошел. (73) И вот сестры его обрадовались ему. (74) Живот его собираются обтрясти. (75) Молоток взяв, прикончили (ударом по затылку), разделывать стали. (76) Итак, разделывать стали. (77) Внутренности его отделили. (78) Внутренности его отделив, постлали им (внутренностям), покрыли, мясо сварили, шкуру его высушили. (79) Варево сварилось, в блюдо выложили (вылили) его. (80) И вот сестра его стала будить его.

nayaŗan tıxsaŗa. (81) „Łáŗan, nałıŗaxalık una čakétta rıggewnin. „Qajılgınánget, venom enan wótqan kavaxlaxtuk". (82) Tıxtoxtuk, yuus'iŋúmak, yuúluni łixtuk, gin jılqätılétji". Kıjéwki, guwikunŋelın, qlaulu nélji, [enmis näxtuk ełŋáłu. (83) Ninärmıŋ taklutıŋ, nayáŗan pilúuwi meč] qametvae". Qämiplıtkuk, čakétta evirıt nušúwraŗi: kołii, atkówi, kamgi, našapıri, manoŋita, aŗıłuwi. jıtolánnenat: qonagte, ırıt, plékıt, qélit anoqwun, lilit.

(84) Ati. (85) Pilúxtuk. Amınam nayaŗan koyŋilixtıs'i Jımnenat. Kergupga, amen-ım čakétten gakaŋılatqaat túwi (86) Tákut, nayáwmi koyŋilixtıs'i, atóri. (87) Aróejminninet. Enqanat, čakétten gakaŋılátqaat jaanenat. Ewlakuk. (88) Amınam saŗıtvın naŗuxtakuk. (89) Nulirminun qétji. Amen-ım enqanólgata nıgálaqen. ŋewänık kātuk. (90) Amimıŋ Upsuwakuq nulixa. (91) Tuklúŗa uwiŋan: pukirgi. Nelgıt ninetiwqinet ŋewän. Ejŋeunin uwäqu-

„Iŋ yúk, saŋávuk is'aŗnanixs'in? Saŋáma isxigas'iŋa? čitä: „Mej, iam etlepkä nelji? Iam lilepijwut inén-

Awáłu! puyŗumaziŋa?"—(92) „Kináŋuzin-mi?"— (93) „Awätırkın? Qaqo! genantıwategıt?" — „Mikigıt-ım?"— „Uwäłu uwikıxkıvŋa, puyŗuziŋa".— (94) „Wámtaxpiŋa, aŋaŋutın". qucéjgım, genantuwati". — „Inetemjuŋırkın, elveliné-

(95) „Xwaŋaŋuŋa, naxšaxá uŋa, kiŋákıxpınáŋa, itxus'imaxjgıt". — „Gım ŋot, memılqájeum, ačırmınka, genanátvepıs'iŋa, waran'ŋan aksáma sixilxa ŗıvákalŗi aŋiŗanun".—(96) „Aŗturi, velérŋan keptikin rıráırgın nıŋgäqin ajqolágtı".— ŋe-

---

(81) „Правда, как долго вот этот спит". (82) Проснулся, туловище стало у него, человеком (мужчиной) стал, даже есть стал он так же (как человек). (83) Есть когда кончили, сестра одежду его вынула: штаны его, кухлянки, торбаза, шапки, нагрудники, рукавицы, надел их. (84) Оделся. (85) И вот сестры ездовых оленей он взял. (86) Этих, сестры своей ездовых оленей, использовал он. (87) Отправился. (88) И вот мимо их (первой яранги пяти братьев) стал проезжать. (89) К своей жене приехал. (90) Шкуры вытряхивает жена его. (91) Позвал муж ее: „Эй ты! Почему не смотришь? Почему не обращаешь внимания на меня? Или забыла?" — (92) „А кто же ты будешь такой?" — (93) „Что я твой муж забыла ты?" — (94) „Обманываешь ты меня, ты другой!" — (95) „Это я, тюленчик, не гнушайся мной, вы впустили меня, даже живота моего разрез сочился на постели". (96) Женщина сказала: „Ай!

nam pimakaŋa: „Aŗa! awi łpıŋuzin“. (97) — „Agá! xwaŋa
usqätā giulin: „Ee! ewi! gıt!“ — „I! gım ŋot!“

ŋuŋa!“ (98) Awıłaka łpıŋukuvuk, itıłıa. (99) Ķayuxlak
Eur qäjve, gınıku ritjä, mınresqiwmık. Miŋkri

itıxtut, nulixkıxkaŋa kayuxlak. (100) Táxkın kıyáxlutıŋ.
resqiwqät ure ŋewän-ım miŋku. Enqorı vaa[в]t.

(101) Atáŋan pī: „Amınam aŗláxtık“. — (102) „Koyŋika
Etlıgä iunin: „Amen-ım qrágtıtık“. — „ŋélvul

akfágu“. (103) Akfa, tagita. (104) Ķukánun ávŗa.
qägtatık“. Jınnen, rennin. Emgınunetä čuwinnin.

(105) Mántŗa ama kukanun avŗa. (106) Tánım qamiit lián
Jaráŋı ımı gınunetā čuwinnin. Neme orgut lien

kukakun ávŗait, atunum ugláxkakan. (107) Amınam mugumıŋ
gınunetä nečvinet, kınmal mıkélu. Amen-ım muutä

atxáxtut mantŗámıxnun. (108) Ķátuk atáminun, Ķórkılınun,
ewqetjä[в]t Eŗıgrak. Pukirgi[в] Etlıgetı, ,Korkılına,

tokótīxtıt. (109) Tawáni kıyáxtut. (110) Pley! (111) Īma
qaanmatja[в]t. Enku-vaa[в]t. Plej. Ra[в]nut-ım

taxkın náŋok.
Enqorı telpui[в].

Оказывается, это ты!“ — (97) „Да, это я“. — (98) „Ну тогда, если ты, войдем“. (99) И вот вошли, жена его потому что (она). (100) Затем стали жить. (101) Отец сказал: „Ну, отправляйтесь домой“. — (102) „Оленей (стадо) мое пригони“. (103) Пошел, пригнал. (104) Пополам разделил. (105) Ярангу свою также пополам разделил. (106) Также нарты пополам разделил, поровну. (107) И вот караваном отправились в свои яранги. (108) Прибыли к своему отцу Куркылыну, стал бить (оленей). (109) Там стали жить. (110) Тфу! (111) Итак, потом кончилась.

№ 3

(1) Sikúlŗutak qayāłınīŗuk, unàŋyukak pnàmi aŗnámıŋ
Tetejočgın nıjanralwuken, nıtejŋetqin, ennık ŋeusqätä

äs’xasimaq. (2) Unaŋnanimaq. (3) Aŗnaŗ tāna ełŋan
ginelu[в]lin. Etejŋetkä genetlin. ŋeusqät Enqan Enan

---

(1) Сикульрутак (Игольница) (имя собств.), плавающий на каяке, добывающий нерп на скале девушку увидал. (2) Он перестал добывать нерп (для своей семьи). (3) Женщину эту он взял (в жены), добываемое им тут

túuma, unaŋkī tawavuk unītaqı. (4) Aun nulixan
gamatalen, tejŋıjırıt ɐnkri nenapelaqenat. Aun ŋewänä

péiŋa: „Saŋávuk unaŋnánıxsin“. (5) TáxkIn pīyqa:
niniuqin: „Iam amèmıloka nelji[ɛ]“. Enkam niniuqin:

„Sámi“. (6) Qanvet tokoyumaq. (7) Kanvet tokómalṛi. (8) Amınam
„Qo“. Känvet gatelıŋolen. Känvet gevi[ɛ]lin. Amen-ım

kayāxtuuman kilṛanun aṛulakus'iman aŋwóṛutıt— tūman savṛu-
gaanratvuma notagtı genletetlin gatewenawma (reen) gatot-

miix tuman aminam. (9) Nulixa kıvákulṛı. Táxkin
lımma (reen). Amen-ım ŋewän nıtergatqen. Enko

iláŋaku tánnım kıyākuk. (10) Kavīxam takomakáŋa.
qulinikek neme nıtergatqen. Riquqeqäjä gajo[ɛ]len.

(11) Kavixam pimá: „Sanávuk kıyáks'in?“ — (12) „Uwım-
Riquqeqäjä giulin: „iam nıtergategıt?“ — „Uwa-

nun kıyákuŋa, Sikulṛatáṛmun kıyakuŋa“. (13) Kavĭxam
qoc̆egtı nıtergate-um, Tetejoc̆getı nıtergate-um“. Riquqe-

pimakaŋa: „Tákiŋam kayánıṛmıŋ“. — (14) „Aṛá! Saŋama?
qäjä giulin: „Qäpaae[ɛ] tergatık“. — „Aga! Iam?

Aa?“ — (15) „Pnami aṛnamıŋ nulixtomak. (16) Intákun ınta
Aga?“ — „Enmık ŋeusqätık gaŋawtınlen. Anıqun-um anı

pnámun piyáṛı!“ (17) Aṛnak snámun niyă̆mak.
enmétı qäc̆ejwutkui[ɛ]!“ ŋéusqät enmétı gec̆éjvutkulin.

(18) Súna tána aṛnak is'xáṛa — piłuwaquq, sámak kivát-
Luur ɐnqan ŋeusqät lu[ɛ]nin — nenanvatqen, c̆ama nıku-

qākuk, misérmıŋ kayıquq. (19) Pimakaŋa: „Qayixs'iin?“
mètkuqin mıtka nıkejıqen. Giulin: „Nıkejıjgıt?“

оставлял. (4) Главная (первая) жена его говорила: „Почему перестал добывать нерп?“ (5) Потом говорил ей: „Не знаю“. (6) Наконец, собрался помирать. (7) Затем помер. (8) И вот с каяком вместе в тундру отнесли его, с веслами вместе, с гарпуном вместе (со всеми принадлежностями гарпуна). (9) А жена его плакала. Потом как-то опять плачет. (10) Лиса подошла к ней. (11) Лиса сказала: „Почему ты плачешь?“ — (12) „О муже (к мужу) плачу, о Сикульрутаке плачу я“. (13) Лиса сказала: „Перестань плакать“. — (14) „Вон что! Почему? А?“ — (15) „На скале на женщине женился. (16) А ну-ка, на скалу иди!“ (17) Женщина на берег (к скале) пошла. (18) Вдруг эту женщину увидала — шкуру скоблит и сжигает кости, поливая жиром, жир топит. (19) Сказала: „Жир топишь?“

(20) Akisimakaŋa: „Aa!"— (21) "Sakaxkak plúwaqs'iuʔ" —
Gatátlınlen: „I!" — „Réqālqāl nenánvegıt?" —

(22) „Siqúlrutam kołixkaka". — (23) „Aŗa!" (24) Pimakaŋa:
„Tetejocgın konáglıqäl". — „Egej!" Giulin:

„Kumáxlaknas'kowni[xpını]". — „Wunélkäpxánırmı[ŋ]". (25) Amınam
„mumlijŋın lewtık". — „Gune! migčiretık". Amen-ım

kumakimakaŋa sáma kavanłámakaŋa. (26) Amınam tawa uuqnal-
gemlúlin cáma getenjılqänlin. Amen-ım ɛtlón nıtgil-

ŗımıŋ kavalŗi sigutaŋákun, uuknalŗımıŋ kovumákaŋa siutaŋákun.
qinétä jılqälın velojpu, nıtgilqinetä ginéttılin velójpu.

(27) Ima tokos'imakáŋa. (28) In'kám almıs'itın akomıs'imakáŋa,
Minkrı gánmılen. Enkám tepenineŋä ganwákowlen,

płuutaxtu̇man, yakıraq tuuts'imaq[aŋa], unis'imakaŋa. (29) Si-
gavéwrema, wukwepojgın geninejmitéwlin, gapélalen. Te-

kúlŗutak tanım taŗımalŗi, toklómakaŋa nulixa[n]: „Sayuwyaxtuŋa!"
tejocgın néme geetlin, gejŋéwlin ŋewän: „Qinetiŋusqiw!"

(30) Aŋŗıyáluq, kayuxlay tokömalŗi. (31) „Wuné sayuwyaxtuŋá!"
Aalómkälen, minkrı gevi˚lin. „Gune qinetiŋusqiw!"

(32) Amınam tokomalŗi. (33) Kanvet taxkın qaslikumalŗi.
Amen-ım gevi˚lin. Kanvet ɛnkó ganŋenájpılen.

(34) Amınam takómakaŋa. (35) Kałuni, ıtırmıyumakaŋa.
Amen-ım gájolen. Pukirık, ɛnko geqéplulin.

(36) Táxkın iŋunan olŗaxsimalŗi, kayuklay tokómalŗi. (37) Uni-
Enko ımılétı gapéqagtatlen, minkrı-m gevi˚lin. Ga-

s'imakaŋa, aun nulirminun aŗlamalŗi. (38) Nulini is'xaŗluku,
pélalen, aun ŋawanétı gelqātlin. ŋewänä gelu˚lin,

---

(20) Ответила: „Да" — (21) „Для кого ты скоблишь (шкуру)?" — (22) „Сикульрутаку на штаны". — (23) „Вон что!" (24) Сказала: „Насекомое большое в твоей голове".—„Ой! работать (надо)!" (25) И вот насекомых стала искать и усыплять стала ее. (26) Затем горячим (жиром) спящей в ухо, горячего (жира) налила ей в ухо. (27) Что ж, убила ее. (28) Потом попрежнему посадила ее, со скоблильной доской, черенок скребка дала в руки ее (так). (29) Сикульрутак опять прибыл, окликнул жену: „Иди, подтяни меня (к берегу)". (30) Не откликается, потому что мертвая. (31) „Да поди, подтяни меня!" (32) Но она умершая. (33) Наконец, после этого сердиться стал. (34) И вот направился к ней. (35) Подойдя, пнул ее. (36) Потом вся (со всеми принадлежностями) грохнулась (упала), потому что мертвая. (37) Оставил ее, к главной (первой) (своей) жене отправился. (38) Когда жену свою увидел, она сказала ему:

ṗimákaŋa: „Awało tokolṛi, sakóz'ın?“ — (39) „Taṛiŋa —
giulin: „Kakomej viˢlin, raŋŋıtáj?“ — „Tıjetjeq!“ —

(40) „Tagixpinna! [Tagixpınaŋ]“. (41) Tokos'imakaŋa.
„Inŋe eetqä!“ Gánmılen.

„Ой, умерший, зачем пришел?“ — (39) „Здравствуй (я пришел)“. — (40) „Не смей подходить!“ (41) Убила его.

№ 4.

(1) Unami aṛoláknakut. (2) Siutanákun pinakatiri takusnaṛá-
Irgatık ekweurkıt. Velojpu gepineŋelinet vıjimka

mıŋ pinakatiri. (3) Aṛólakut. (4) İwanłu kıtfáṛakut, umugrı-
pineŋetti. Ekwetjäˢt. [Eur] nıgnunetqinet, pıcmıcı-

ṛáxta. (5) Nukármim ısxamakaŋi, tokos'imakaŋi. (6) Amınam
roeˢ. Luˢrélá geluˢlinet, ganmılenat. Amen-ım

kimuxs'ixak taṛilṛi uŋipaxs'uṛak: „Nukáṛmit sākat?“ —
magˈálaqaj jetılın nenamŋıloqen: „Luˢrelıt nreqqāet?“ —

(7) „İwuṛnakun, akuwa nanuṛmat, iwuṛŋa nánut ałákat“. —
„Etle, ajve gumqulinet, [ewur ŋan] umqāt alvam vá-

(8) „Guk, ınanken vm[ım] nátın ayukat?“ — (9) „Siutmıx-
lıt“. — „Guk ınanken-ım minkri valıt?“ — „Velojpu

tıxun pinákalṛit“. — (10) „Guk, ınánken um, guk! Avákutan'ka,
gepiŋeglinet“. — „Guk, ınanken-ım, guk! gımnin ŋinqäjti,

éṛnıṛın'ka tukutit. Agam! arólakuŋam“. (11) Aglaˈmalṛi.
ekket nanmınat. Tagam! qäkwetjiˢ“. Garagtılen.

(12) Mantgáminun aglóvini tolkankıxsáṛa táka, apıṛika.
Enıg rágtı ınt tenırvennin, rıpaawnen, plıtkunin.

(13) Unami unáŋuluku kaqıxtuk. (14) Kuŋłuwani kāka. (15) Aró-
[Irgatık akwateti] teŋetekwiˢ. Jeggekwun jıŋenin. Ek-

(1) Утром решил отправиться. (2) К ушам амулеты прицепила (их), крашеные амулеты. (3) Ушли. (4) Когда же далеко ушли, стала плохая видимость. (5) Лоринский увидал их, убил их. (6) И вот на нарте собак прибывший спросил: „Лоринские что делают?“ — (7) „Ничего, только недавно убили белых медведей, только белые медведи необычные“. — (8) „Ой, какие же они?“ — (9) „На ушах имеют амулеты“. — (10) „Ой, какая беда, ой! Моих детей, сыновей моих, убили. Довольно, ухожу!“ (11) Ушел. (12) В свою ярангу придя, лук хорошо приготовил, кончил, закончил. (13) Утром стал готовиться в дорогу. (14) Щит положил. (15) Отправился в Лорино.

lakuk nukámun. (16) Nukámun kátuk. (17) Aŋyam as'iŋani supflax-
wetji^{ε} Lo^{ε}ragtı. Lu^{ε}rew pıkirgi^{ε}. Etvuk euča nenea-

siŗakut nanum amiŗi, iŗnäŗmi amiri. (18) Pimákaŋa nuqaŗmit-
weeutváqenat umqánelgıt, vi^{ε}ekkin nelgıt. [Giulin Lo^{ε}raletı].

„Sakátsi? Yatáxkıtık: awakutan'ka tokokuŗás'i. Yakay-
räqärkınitık? Jetaŋ qänelgıtık: gımnin ŋinqägti tımıtkojvutkı. [Jakkaj-

ŋan nałukaxpıs'iŋa, nanumıŋ nulixtulŗulŗiŋa". (19) Amınam
ŋan] gemo inelgıtık, umqaŋawtıŋıleum". [Amen-ım]

kuŋłuwani āta, akolŗániłu áminam i, pıtıxs'irámak. (20) Nu-
jeggekwun jımnen, ımı mırgew, amen-im gerıtkulin. [Lu^{ε}-

kaŗmi yuk tokokōwmakaŋa, imá náŋsimakaŋa. (21) Apıŗiŗ-
relıt] ganmıtkulen, rá^{ε}nut-ım getkulin. Plıtkuk,

luni, tákłuni, nanóm amiri atıxsimakaŋi wuni kıyámalŗi.
paak, umqanelgıt genviriwlinet, wune gatergatlen.

(22) Táxkın apıŗiŗluni aŗlámalŗi. (23) İma kāłuni nanuvŗamalŗi,
(Inqorı) plıtkuk, garágtılen. Pıkirık ınpınačgu ge-

tukumalŗi. (24) Plaŗi.
netlin, gevi^{ε}lin. Plägi.

---

(16) В Лорино прибыл. (17) Под лодкой проветриваются медвежьи шкуры, сыновей шкуры. (18) Сказал Лоринским: „Что вы наделали?" Давайте, готовьтесь: моих детей убили вы. Вы же меня знаете, на белом медведе я женился". (19) И вот щит надел, панцырь надел, стал стрелять. (20) Лоринских людей перебил, всех кончил. (21) Кончив, управившись, медвежьи шкуры снял и стал плакать. (22) Потом, кончив, пошел домой. (23) Придя же состарился, умер. (24) Тфу.

№ 5

(1) İmnaŋuk. (2) Rıgógolga nunálgutkulŗit. Rıgogolga alıgnalŗi
Enmen. Rırogatle genımtumgä, Rırogatle ɛŋeŋılın,

nunalgutaŋa Tankókaŋa amá alignalŗi. Akfiyákıxtak uxtakıxkaŋa
nımtumgın Teŋkukuŋı neme eŋéŋılın. Opejáten ninémpeqin

áyvöŗım. (3) Yagrakınutaŗmit näkmıŋ, áyvöŗım nıkaŋanıŋ maŋó-
rırkata. Janrákennotalıt tekičgä, rırka-takéčga, kopá-

---

(1) Давнишнее (невидимое) это. (2) Рыгогалга с односельчанами, Рыгогалга — шаман, его односельчанин Танкукуна — тоже шаман. У Онмана выходят моржи. (3) Янракенотские мясо, моржовое мясо, кожу с жиром (запасают).

namıŋ. (4) Ukšumi sikláryamat akfaŀlmat nıkálıṛnun.
lga. Laᵋgleŋkı gélıtkusqiwlinet genágtatlenat takečgetı.

(5) Niká xataxkuluku, náyvamun atäxsimat, uṛuxs'imat
Tekičgın rıpanrewággo, gıtgık genpılkewlin genlıetlin

náyvami, náyvak ukiŀuku. (6) Yagrátiŋ nutarmilgun kavatxus'imat
gıtgık, gıtgın reᵋwä. Janrakennótalıgenew gatkewčalenat

tawáni. (7) İláŋi Tankókaŋami, iláŋi Rıgogálgami. (8) Iṛıvṛaṛmi
ınkı. Qutti Teŋkukuŋene, qutti Rirogalgana. Menka-

nıṛótakut, ámınam nıŋlaxkaṛákut. (9) Suna kiŀumun[mıŋ]
méti nıqaınıtvaqenat, amen-ım nıtenŋıtkuqinet. Luur jepınmepı

Rıgogolṛa tukluṛat: „Rıgogalga, sáma ıŀpik tawátın nıŋláx-
Rırogatle nejŋéwqaᵋn: „Rırogalgaj, čama gıt ᴇnkı qätınen-

kaṛaki?“ (10) Akalqat pit: „Tukluṛátın kilumıŋ“.
tenŋıtkuŋırkın?“ Rémkılıt iwqät: „Nejŋéwqut jepınmepı“.

(11) Aŋäxtuk. (12) „Aŋóyagım kátfikātın! Intákun
Valómga. „Aqalá pukerınvu gelgıgıt! [anıqun]

ıntá áni, ısxáṛyaxtuxki!“ (13) Nulixa pï Rıgogalgam:
qäntóeᵋ, qäluᵋsqiwqinet!“ ŋéwän iunin Rırogalgana:

„Inta, piluun'ka itxutiki!“ (14) Nulixa anuk. (15) Av-
[„Anıqun], evirıt qänatvugınat!“ ŋewän ŋıtój. Ave-

zilṛutamilŋut piluuwi nušuwi, ilutmun kanáxti. (16) Rıgo-
rıntıjolgıčıkukin evirıt jıtonenat, ralkowtı relininet. Riro-

galga piluuxtuk, katistaxinalṛimun ātuk, ānuk, ısxapaṛyalṛımi.
gatle kergupgeᵋ, em-nilgäqinetä averépue,ᵋ ŋıtóeᵋ, ᴇnıkıt lilepıtkuj.

(17) Sunaŋuk iŋkut mantṛáṛakut tóṛnagat Rakánıt.
Luur ᴇnqan ŋoonqanat nıtaráŋqenat kélet Rekkeŋıt.

---

(4) Зимой в мясную яму пошли за мясом. (5) Мясо отодрав, в озеро спустили, оттаивать в озере, озеро прорубив. (6) Янракенотские в новом групповом (жилище) ночевали здесь. (7) Одни у Танкукуна, другие у Рыгогалгы. (8) Вечером едят, смеются. (9) Вдруг от задней стены Рыгогалга позвали: „Рыгогалга, и ты тоже так смеешься?“ (10) Гости сказали: „Позвали тебя от задней стены“. (11) Откликнулся. (12) „Враг пришел к тебе. А ну-ка выйди, посмотри на них“. (13) Жене сказал Рыгогалга: „А ну-ка, одежду мою внеси!“ (14) Жена его вышла. (15) Из кладовки одежду вынула, внутрь полога всунула. (16) Рыгогалга оделся, во все белое оделся, вышел, стал всматриваться. (17) Вдруг заметил, что яранги делают духи Рекканыт.

(18) „Tankokoŋámi, agla!“ (19) Aɾlaxtuk, kinäxti,
„Taŋkokoŋana, [qıetgiᵋ]!“ Qätiᵋ, čıtčımnenat,

tukluɾá: „Tankókoŋa, Tankokoŋa! Ratan'ŋaun saɾläɾukut!“ —
ejŋéwnin: „Teŋkukuŋı, Teŋkukuŋej! [Ratanŋawŋın] etki-muri!“ —

(20) „Ok, ınankınam sásta?“ — (21) „Intakun ınta ani!“
„[Guk ınanken-ım] mırreŋ?“ — „[Anıqun] qäntóeᵋ!“

(22) Tanım nulixa ānis'ka. (23) Anuk. (24) Tánım avzilɾu-
Neme ŋewän ŋıtójvu rınnın. ŋıtóeᵋ. Neme averın-

támilŋut piluuwi nusuwi, ilutmun kanáxti. (25) Tankó-
tıjolgıcıkukinet eviɾıt jıtónenat, ralkówtı relininet. Taŋku-

kóŋa piluuxtuk, ānuk. (26) Pīq: „Náki?“ — (27) „Is'xaxu
kuŋı kérgupgäᵋ, ŋıtóeᵋ. Iwkiᵋ: „Emi?“ — „Anı

in'kut tapxáxaɾmi“. (28) Isxáɾi. (29) „Guk, kayuxlaŋan
ŋoónqänat tepkeqäjık“. Luᵋninet. „Guk, minkri-mırri-

pináxis'ta?— “(30) „Amınam kun kayuxlaɾ pilta“.— (31) „Awiymam,
tıŋ?“ — „[Amen-ım] minkri mınit“. — „Ewäm,

takultiki“. (32) Amınam ayáviɾmıŋ tuumixtut, inluŋanıŋ siɾun'-
mınjoᵋnat“. Amen-ım keŋuneŋet nénrinet, kacákenata rınnı-

xat, alkotaxat takwit. (33) Kaɾtut. (34) Rakágnun
wórvuqagte, nájoᵋnat. Pukirgäᵋt. Rekkéŋkı

kātut. (35) Amınam umılgum nulixa, Rakágım, umilɾan
pukirgäᵋt. Amen-ım érmečin ŋéwän, Rekken, érmin

nulixa, alixturluni, manɾákalɾi, táxkın káwaɾat taɾnóxan.
ŋéwän, qončéčırga, nıtaráŋqen, Enqó qaaran ŋenqájočgın.

(36) Taɾnoxálak tawáni kavaɾakuk, kawáram iluŋani, nıváɾmi.
ŋinqäjcıŋın Enkı nıjılqätqin, qaaráčıku, wurrıtvalın.

---

(18) „Танкукуна, иди!“ (19) Пошел, заглянул в ярангу, позвал его: „Танкукуна, Танкукуна! Плохо наше дело!“ — (20) „Что же такое с нами?“ — (21) „А вот выйди-ка!“ (22) И вот жене велел выйти. (23) Вышла. (24) И вот из кладовки одежду его вынула, внутрь полога всунула. (25) Танкукуна оделся, вышел. (26) Сказал: „Где?“ — (27) „Посмотри, они на косе“. (28) Увидел их. (29) „Ой, как же нам быть?“ — (30) „А ну, пусть что будет“. – (31) „Ну что ж, пойдем к ним“. (32) И вот взяли посохи в руки, в другую роговые ложечки, пошли к ним. (33) Подошли. (34) К Реккенам пришли. (35) И вот старшины жена Реккена, старшины жена, спустив один рукав с плеча, делает ярангу, затем (они увидели) кибитку ее ребенка. (36) Ребенок там спит, внутри кибитки, лежа вверх лицом.

(37) Ayávirmiŋ akšáṛakun aliŋuxšiṛáma, akšáṛakun. (38) Ka-
Keŋuneŋetä nanqépu geteŋgiwerenlin, nanqépu. Jil-

váminiŋ kiyámak anixtixpináni, piṛnim anixtakuk.
qälképu gatergatlen agn-awgéntoka, metkitkit nuwgentoqen.

(39) Ṛakagim umilgan nulini pī: „Guk, taṛnóxak
Ṛekkéŋa ermetä ŋéwän iunin: „Guk nenene

tixtóxtuk". (40) Nulixa tagik. (41) Aminam taṛnóxak tuwá,
kiǰéwqi[ɛ]". ŋéwän jétji[ɛ]. Amen-im ŋinqäj ejminnin

mamáxta. (42) Ima mamániṛmi[ŋ] ixšak. (43) Uwini
rilowannen. Rä[ɛ]nut-im lóok enqätji[ɛ]. Uwäquč

káĺṛuta: „Kiṛṛám tawa, avakutákĺikan! Guk, inánkin am,
aŋentonen: „Kirgam etlón, ŋinqäju relgigin! Guk, inanken-im,

ŋéwak pikaxkimkin, Kiyu umililguk. Kiyikun axpinámta,
ŋewäq-im giwä, Kijinin germecilin. Kejenéjpu agn-átaka,

Kalaalginikun ágiĺta". (44) Uwiyŋa piqá: „Nágu áp-
kaláalvajpu mintomik". Uwäquc niniwqin: „emi jitkom-

kaq? Tagitixu". (45) Tagitat várivik yuum náskwa,
kuqun? Qrétgitki". Nerétja[ɛ]n gaárelen oráwetlen léut,

masis'u isxápaṛakuk, várit napáxtit, áp[i]gnaga. (46) Iŋluxtun
mečicu nitlépitkuqin, varet ninpinet, pinlórkinen. ŋalgil

Rigogolgán'kut ayávirmiŋ nunaṛat, áp[i]xtaka: „Guk,
Riirogalgarik keŋuneŋetä nárea[ɛ]n, nenamŋiloqen: „Guk,

inánkin am amta liikin'kut. (47) Apkaq nás'kuxlak
[inanken-im] neme lii nélgimik. Jitkomkuqun lawtijŋin

---

(37) Посохом по животу стал водить, по животу. (38) Спросонья стал плакать (ребенок) не дыша, еле дышит. (39) Реккены старшина жене своей сказал: „Ой, ребенок проснулся". (40) Жена его подошла. (41) И вот взяла ребенка, стала кормить грудью. (42) Но он сосать грудь отказался. (43) На мужа своего стала гневаться: „Вот, будет у тебя ребенок (упрек). Вот, я же тебе говорила Кыйинин (название места) имеет своего старшину. Через Кыйинин не поедем, через Калял поедем". (44) Муж сказал: „Где предмет, с помощью, которого гадают? Принесите". (45) Принесли палку для гадания и человечью голову, даже смотрит она, палки для гадания поставили, стали спрашивать. (46) По обе стороны Рыгогалга посохами подперли, спрашивают: „Ой, наше намерение узнали". (47) Предмет, с помощью которого гадают —

lian is'xapaŗkuk. (48) Kanvét taŗnóxak tukuk. (49) Nukalpiyáni
lien nıtlepıtkuqin. Kanvet ŋinqāj vii[ɛ]. Aáčeket

pī: „Guk, usiliŗitık, aŗólakałta". (50) Amınam
iuninet: „Guk qātineŋengıtık, mnewqenmık". Amen-ım

Rıgogalgam uwiŋa, Tankokóŋam nulixa — alkótaxaŗmiŋ kınokā-
Rirogatle uwāquč, Taŋkukuŋa ŋewän — wórwuqaja gatın-

mit. (51) Wuniŋuk tóŗnaŗalŗun kimaŗus'imak, wuni tóŗ-
pılenat. [Naqam] keleginiw gagıntawčalenat, [naqam ke-

näŗat tokokómit. (52) Táxkın lis'alŗimi naŗam káyŋani.
let] ganmıtkolenat. Enıkıt čıkeewqi[ɛ] ŋajıtkınık [nelgi[ɛ]]!

(53) Náyŗamiŋ ukixtuk, aŗláxtuk. (54) Alxa, Tankókoŋa,
ŋájgepu vini[ɛ], rágtie[ɛ]. Tumgıtum Taŋkukuŋa

avītuk, katam tumka nunamun apómŗus'imak. (55) Xátninaxa
ıtkılın, ketem tılánvu nutesqäq ginéplin. Rénrilqäj

alītuk, kumlāxkus'imakaŋa. (56) Amınam takwá xunákun,
nuurrétqin, gaketuqwatlin enŋin. Amen-ım jo[ɛ]nen, lólkalık

itiŗmiyuma. (57) Paláxaŗmiŋ kakıxkuxtuk. (58) Rıgogalgam
geqéplulin. Kitkinuqāj ajŋawke. [Rirogatle

pī: „Táwału! samázin? Alımiŋ xwaŋamniŋ aliŗnaxtutık.
iwki[ɛ]]: „Qaqomej! gerékigıt? Alımiŋ gımık aŋanku wálegıt.

Sáŋan kayŗixnaŗīs'i?" — (59) „Guk, axtóxtuŋa". — „Wuni kayäx-
lam arowtika?" — „Guk, tılváwqāk". — „Wune mac-

lakın". — (60) „Toŗnoŗáxpınun tukluŗa". — (61) „Wuni
gıt". — „Gınık-kalágtı qäjŋéutku". — „Guk wune

axtuxtuŋa. Aıáziq lián tagikuk, kayuxlak iwun aŗólakaku'k".
tılváwqän. [Ennén-čen lien] nıjétqin, minkri ewun newqélqin".

большая голова—только смотрит. (48) Уже ребенок умер. (49) Молодым людям сказал: „Ну, грузите нарты, поедем". (50) И вот Рыгогалга мужа, а Танкукана жену — ложечкой (всех) проткнули (Реккенов). (51) И вот духи побежали, духов перебили. (52) Потом, когда очнулся, наверху горы оказался. (53) С горы спустился, пошел домой. (54) Второго, Танкукуна, нет, только след на земле отпечатался. (55) Только туловище видно, вмёрз. (56) И вот пошел к нему, в лицо пнул. (57) Немного кровь пошла из носа. (58) Рыгогалга сказал: „Что же с тобой случилось? Ты же лучше меня шаманишь. Почему не вылез?" — (59) „Ох, не смог" — „Ну и пусть" — (60) „Своего духа позови". (61) „Ох, не могу. Один только приходит, а потом и уходит".

(62) Guk, Rıgogalṛam pī: "Iıṛmisa xwáŋa nušúwłakin".
Guk Rırogatle iwki[e]: „Itık-ım gımnan mıgtógıt".

(63) Tóṛnaṛminun tukluṛa ayvuiṛis'tun kalṛimak. (64) Na-
Enik kalágtı ejŋeútkuj, rırkámel gejŋèlın. Ga-

ṛás'imat. (65) Sunaŋuk samakın, mäṛmıŋ ávvılṛun taṛx-
palomtetlenat. Luur Enqı gınóngıpu, memlepu rırkıginiw em-

tuk. (66) Pı: „Guk, uŋuvas'nakámkın. (67) Amin xwáun
nuŋétjä[e]t. Iunin: "Guk, tınjegtelétırkınigıt. Amen wótqo

atáziq ānıxtıkan, kayṛıxnakalṛátın". (68) Táxkın tánım qalṛı-
Ennénčan rawgentoa, qärarowtıngë[e]". Enkı neme, neme

latıxtuk. (69) Naṛałátıxtuk. (70) Kırgám kās'atumat gik.
ejŋei[e]. Neme palomtélgä[e]t. Gapkerıŋólenat.

(71) „Kiłıŋalutıŋ, xwáun anıxłikut. Amınam gık xwáta kilıŋa".
„Qıgınrıtji[e]", wotqo rawgentoŋıt. Amen-ım vetı qıgınrıret".

(72) Amınam łáran kiłıŋaq. (73) łaran ānıxtuk ataziq.
Amen-ım [qajgıpe] gınrırétji[e]. Geéntoe [Ennen]

(74) Táxun wuni kayṛuxnakumak. (75) Iwun iláŋi anıxlıṛi,
Enko [wune] gerarowtıtlen. Luur qutti wıjentočaat,

kayıxtat. (76) Táxkın áyvırıt kītmum agolaklátıxtut
nanrowtatja[e]n. Enko rırkat gınonetı ewqetja[e]t.

(77) Mantṛámixnun aṛláxtut. (78) Rakáŋıt kamiyŋitxun āxtut
Ragtıa[e]t. [Rekken] orgepu taat.

(79) Kamilgnun kātut. (80) Amınam táṛnäṛaq kōkonıát yaṛ-
Orvu[k] pukirga[e]t. Amen-ım uwirit gejŋéjvulın [jan-

---

(62) Рыгогалга сказал: „Тогда я вытащу тебя". (63) Своего духа стал призывать, по-моржачьи стал кричать. (64) Стали слушать. (65) Вдруг оттуда (снизу), из воды, группа моржей подниматься стала. (66) Сказал: „Ой, я тебя оживлю (спасу). (67) И вот, когда один вздохнет, постарайся вылезти". (68) А затем опять стал кричать. (69) Опять стали слушать. (70) Совсем почти приближаются. (71) „Будь готов, сейчас вздохнет. Ну, ну! будь настороже!" (72) И вот, действительно, насторожился. (73) Действительно, вздохнул один (морж). (74) Потом стал выбираться (вылезать). (75) Когда другие вздохнули, он (Танкукуна) вылез. (76) Затем моржи в сторону моря опять ушли. (77) В свои яранги пошли. (78) К реккенской нарте пошли (чтоб по пути зайти). (79) К нарте подошли. (80) И вот души положили (на нарту) янракинотские

rakinutaṛmit. (81) Ełɣitału aqalqit ıs'xáṛit, ilaŋi itımkuṛit.
rakenotile]. Ergin remkılıt, nelu^{e}net, qutti nerrıtkınet.

(82) Liankun itımtaki, yaṛrakinutaṛmı[ŋ] aṛólakuk. (83) Táxkın
Lien qun nırráqenat, [janrakenotálın ewketji^{e}]. [Inko

arláxtut mantṛámixnun. (84) Kātut. (85) Itäxtut. (86) „En'ŋátal
ragtıa^{e}t. . Pıkirga^{e}t. Rege^{e}t. „Enŋatal

nıṛıłta". (87) Nıṛotut tunumıŋ. (88) Táxkın nınāṛmıŋ
mınkametva". Kametvaŋŋoat eče. Enko kemiplıtkuk,

táklutıŋ, qaváxtut. (89) Unámi tıxtóxtut. (90) Yaṛrakinutaṛmi
jilqätge^{e}t. Ine kıekwet. Janrakenotılıt

aṛolakutut mantramixnum. (91) Kātut. (92) Ima tokolaṛátut.
awkwátčaat jaraqtı. Pıkirga^{e}t. Vi^{e}tkuā^{e}t.

(93) Táxkın ukšáṛa. (94) Ayvık ūxlátıxtuk. (95) Kapuxtut.
Enkoп gıtgaróe^{e}. Rırkı neme ŋıpej. Qetvutkua^{e}t.

(96) Nakınłaxtut nakınłakaṛmı[ŋ]. (97) Taklutıŋ, Tankókaŋa
Tetekıčgıŋga^{e}t, tetekıčıŋkı. Plıtkuk, Taŋkukuŋa

tukuk. (98) Plagi.
vii^{e}. Plegi.

---

(81) Ихние тоже гости увидели, других развязали. (82) И вот как только развязал, янракинотский ушел. (83) Потом ушли в свои яранги. (84) Пришли. (85) Вошли. (86) „Ну, уж теперь давайте есть". (87) Стали есть оленье сало. (88) Потом есть кончив, заснули. (89) Утром проснулись. (90) Янракинотские пошли в свои яранги. (91) Пришли. (92) И вот они умерли. (93) Потом настала осень. (94) Морж (моржи) опять вылез. (95) Стали колоть их. (96) Стали готовить мясо. (97) Кончив, готовить мясо, Танкукуна умер. (98) Тфу.

№ 6

(1) Imnaŋuk. (2) Kayuŋixat amınam kıtfáni aŋukam
Enmen. Kanajolgıkagte amen-ım gınónık joja

aŋoṛumi. (3) Kaṛiŋuxs'imak imaxluuxs'imak (4) Kayuŋixak
genletlinet. Geicgırulin gemä^{e}luıulin. Kanájolgıqaj

kakávumak. (5) „Guk, ınánken um avakutáput tánım
gakápcačaulen. „Guk ınánken ım murgin kmiŋıt néme

---

(1) Давнишнее (невидимое) это. (2) Бычков далеко в море ветер застиг. (3) Поднялось волнение на море, взволновалось. (4) Бычок растерялся. (5) „Ой

nušuwnaki. (6) Tánim unáŋsixtımun kayrıŗunaki, aliŗunaki." — jıtórkınenat. Néme taeŋŋıcétı ruurreurkınınet, rıpıntıkéurkı-

(7) „Guk, ınta atak naxpaxšaŗlakun". (8) Nulixan pimáninet". — „Kıtam, átaw mımalıtvua^{ɛ}n". ŋewänä giukaŋa: „Saks'iu-mi! Naxpaxšixu!" — (9) Guk, amınam lin: „Rırekeurkın-ım! Kımalıtvugın". — Guk, amen-ım

iluŋani naxpaxs'imakaŋa: „Ag-Ag-Ag! İlapangoy! A nakiwa-ralkójpu gamalıtvılen: „Ag-ag-ag!

mi!" (10) Nulixan[i] pimákaŋa: „Intá äsxaŗyaxtuxu!" (11) Äs'-[ŋawanetı iunin]: „Kıtam qälu^{ɛ}sqiwqun!" Lu^{ɛ}-

xaŗyaxtuŗa. (12) İtäxtuk. (13) Apta: "Kayuŗam?" — sqiwnin. Resqiwqı^{ɛ}. Pınlonen: "Amto?"—

(14) „Aga! ıłamaŗaks'imak". — (15) „Gık, intá ałámıŋ". — „Aga! genrelgewlin". — „Guk, kıtam lumŋä". —

„Ag-Ag! Pangoy! Ag nakiwamı!" — (16) „Äsxaŗyaxtuxu!" (17)[At-„Aga-ga! [Emitlonat!" — „Qälu^{ɛ}sqiwqun!" Kı-

vey] Äsxáŗyaxtura. (18) Itäxtuk. (19) Ap'łátaŗa: „Kayuŗtgı^{ɛ} lo^{ɛ}sqewınvı]. Resqikwi^{ɛ}. Néme pınlónen: „Amŗám?" — (20) „Guk, amsanaxs'ima". (21) Konırı ałámıŋ tánım tó?" — „Guk, gemeletlin". Konırım lumŋä neme

piłátaŗa: — „Ag-Ag! ilapapapgoy! Ag nakiwga mi!" — (22) „Ałarenikewnin: — „Aga-ga! [Emitlonat!" — Lum-

mıŋ äsxaŗyaxtuxu". (23) Äsxaŗyaxtuŗlátaŗa. (24) İtıxtuk. ŋä qälu^{ɛ}sqiwqun". Neme lu^{ɛ}sqiwnin. Resqiwki^{ɛ}.

(25) „Amsanats'imák, katıxluuxs'imak". — (26) „Gam! Ałta". „Geméletlin getımgırulin". — „[Tagam] Mınınto-

---

вот сейчас наших детей вынет (их). (6) Затем убийце вытащит (выявит) покажет наружу". — (7) „Ой, ну-ка, к богу буду взывать". (8) Жена его сказала: „Ну что ж! Взывай!" (9) И вот внутри стал взывать к богу: „Ого-го-го! Великий друг! Где же они?" (10) Жене своей сказал: „А ну-ка, иди посмотри! (11) Пошла посмотреть погоду. (12) Вошла. (13) Спросил: „Ну как?" — (14) „Да, немного погода улучшилась". — (15) „Ой, а ну-ка, еще. — „Ого-го! Великий друг! Где же они?" — (16) "Иди посмотри!" (17) Пошла посмотреть. (18) Вошла. (19) Опять спросил: „Ну как?" — (20) "Ой, погода хорошая стала". (21) Затем опять стал взывать: „Ого-го-го! Великий друг! Где же они?" — (22) „Еще раз иди посмотри!" (23) Опять пошла посмотреть. (24) Вошла. (25) „Погода стала хорошая, вода ровная (гладкая) стала". — (26) „Довольно! выйдем".

(27) Ānut, kótmun aṛólakut. (28) Is'nıŋanun, kagit tunu-
mik". ŋıtoat, amnoŋetı ewqetjaᵋt. Gıčormetı, ejıčgıglı-

karitnun, uyáwmun as'iŋitnun ıtäxtut, kalmis'ámun. (29) Am-
gánlı, wuqwétı eučágtı résqiwqāᵋt, kavwetčajŋetı. Gel-

sanaxkāma. (30) Unámi, tıxtoṛyalṛimi, yus'ima. (31)Уu-
gıméletılin. Irgatık, enıkıt kıjewqät, gararpelálenat. [It-

simakaŋi, kótmun łiṛumat, iwun iusimakaŋi. (32) Plagi!
ri], emnuŋkı genétlinet, gararpelálenat. Plej!

---

(27) Вышли, к суше пошли. (28) К берегу, за линию прибоя под камень вошли, к подводному камню. (29) Погода стала хорошая. (30) На утро, когда проснулись, на отливе оказался (камень подводный)... (31) Они тоже на отливе стали, на суше стали, когда их отлив оставил. (32) Тфу!

№ 7

(1) Imnaŋuk. (2) Emémkon alignalṛi, kıláṛım āŋuyaṛa yuwa.
Enmen. Emémkut eŋeŋılın, gırqol äqälın oráwetlan.

(3) Ememkotım ataŋa mıtäxluk. (4) Ķiláṛım yuwán ŋayáṛa aṛ-
Ememkutin etlıgın vétle. Iikinétä etınva čakıŋet ŋe-

nanłáṛa. (5) Ataŋan áŋṛata. (6) Ememkotım iṛlıka.
wewgınin. Etlıga ruwalomannen. Ememkotına rotáwnen.

(7) Vanliṛi mayutat. (8) Ligan kátut. (9) Ukuqkumıŋ
[Venlıgı] nenıttétjāᵋn. Lien pukirgät. Repalgıčımŋa

qałuvıṛat (10) Uluŋa kīnlıŋa suqaṛmıŋ kıkáxta. (11) Na-
natakérgaᵋn. Jiliil jelıpınmépı viwtä nkılvénnin. Čot-

łıṛmıŋ piyuwakalṛi. (12) Anıŋá mantṛámi ilaṛaṛwákalṛi, mıtäx-
tagnık nıčéjvutkuqin. Inéelın járak niluᵋtkuqin, velvi-

luk. (13) „Paniṛin łaŋáka Isxáṛakaka, natıṛmıŋ nuvaxlexlı-
gıt. „Gınin ŋéekık qänur tıgiteän, čottagnı[k] činkéviri-

---

(1) Давнишнее это. (2) Эмемкут — шаман, небесного враг человека. (3) Эмемкута отец ворон. (3) Небесный человек сестру сватал. (5) Отец согласился. (6) Эмемкут не отпускал (протестовал). (7) Все равно подняли ее. (8) Итак прибыли. (9) Из расколотой моржовой шкуры (левой стороны ее), комбинезон надели на нее. (10) Язык у корня (границы языка) китовым усом перевязали. (11) В передней части яранги ходила. (12) Старший брат ее дома у себя поющий (шаманящий), ворон. (13) „Дочь твою

ṛı“. (14) Ķanvét Ememkon mayuxtuk kimuxsimıŋ. (15) Ķátuk.
lın“. [Ķänver Ememkut] ıttétıı^e magl'álata. Pukirgi^e.

(16) Opóṛatat. (17) „Tána nayaṛa manimsaxtuk.
Vejménu nelgın. Enqán čakıget kitkit ejméwqi^e.

(18) „Tana áṛnaṛak kaxsaṛmıxi“.— (19) „Inán
„Enqán ŋeusqät qäqeŋčejuugın“.— „Enan

áyuk unámi sukarnalkäłuku pıłākaka“. (20) Iıäxtuk. (21) Näxtut.
ırgátık págtırra mıntıä^en“. Resqiwki^e. Qamet-

(22) Aqälqak ixsák, nınıṛmıŋ (23) Ķaváxtut. (24) Ķaváx-
vaa^et. Remkılın enqätji qamıtvak. Jılqätjä^et. Jılqät-

tutut. (25) Aṛnáṛak aqälqamun tágıq, ixi tuwi, sayuwi,
čaät [ŋeusqät] ramkılétı jétji^e, rılgıt ejminninet, tiŋuni-

kanäṛmimun kanāxti, uglóŋa sokáṛmıŋ ilimgnaka. (26) Ilımta,
net jıkırgétı jonenat, jiliil viwtä ıırıtkunin. Pırnin,

alixkuṛa: „Unámi, aṛolaknakakuma, sivumnun łéxa-
ruwétgawannen: „Irgatık, trawqatıŋoa, attıóčaŋqat qınél-

tin, ınkám aṛolakıxkuma, kaŋısxamkun nēnṛulxātın“. (27) Ķa-
gi^e, [ınkam] trewqetja-m, amen ıjorınkı qäpäqātlıtque^e“. Jıl-

váxtut. (28) Unámi aṛolaknakuk. (29) Sivuŋanun łéxtuk. (30) Aṛo-
qätjä^et. Irgátık ewqétırkıt. Attıoča nélji^e. Ew-

lakuk. (31) Nēnṛutuk. (32) Ukiṛuta. (33) Ķātut. (34) Ķa-
qétji^e. Apäqātlıtkuj. Ruwiriwnin. Pukırga^et. Ket-

łivaxkäk īka, tánpıxäk. (35) Ataŋa tukluıa. (36) „Panixpık
lıqäl jınnin, repalgıqaj. Etlıga ejŋèwnin. „ŋeekkin

kałivaxkak äsxápaxkık“. (37) Emémkun iláṛaxtuk.
ketlıqał kıgitegın [getajolqäl]“. [Ememkut] ilutkui^e.

как будто вижу я, в сенях слюнявит“. (14) Наконец Эмемкут поднялся на нарте собак. (15) Прибыл. (16) Радушно встретили его. (17) Эта сестра подошла к нему. (18) „Эту девушку бей ремнем“.—(19) „Ничего, завтра полозьями проеду по ней“. (20) Вошел. (21) Есть стали. (22) Гость отказался есть. (23) Заснули. (24) Все заснули. (25) Девушка к гостю пришла, кисти рук его взяла, притянула, в рот положила, язык ее от китового уса освобождает. (26) Освободил, говорить ей стал: „Завтра, когда я поеду, впереди меня встань, а когда поеду, на баран бросишься“. (27) Заснули. (28) Утром поехал. (29) Впереди его встала. (30) Поехал. (31) Бросилась. (32) Спустил ее. (33) Прибыли. (34) Комбинезон ее сняли, сухую моржовую шкуру. (35) Отца ее позвал. (36) „Дочери своей комбинезон посмотри“. (37) Эмемкун стал петь.

(38) „Nayáka samiŋ akiłakun?“ —(39) „Kikmimun yuuluku uli-
„Čakiget reqā mitátliŋga^{ɛ}n?“ — „Attin qláulu mi-
małakun, taṛnoxanłáłakun uṛášamiŋ“. Suna gok tána itixta
tejkia^{ɛ}n, miteŋinqājŋia^{ɛ}n rereqa^{ɛ}“. Luur ɛnqan resqiwqi^{ɛ}
táṛnoxak tuumikluku“. (40) Alixkuṛa: „Paniyi tałimat,
neneneqäj rinrā“. Ruwetgáwannen: „ŋeekket mitliŋen,
Oyuklaq aliṛaviknakin“. (41) Aṛolakuk. (42) Kātuk.
ŋinčen teggeŋiq qälgin”. Ewqétji^{ɛ}. Pukirgi^{ɛ}.
(43) Taṛnoxak vayátat aṛáṛat. (44) Unavigit pitūwi.
ŋinqäj nepiričitin neusqāttā. Initti newqutinet.
(45) Aqälqaq itäxtuk. (46) Kavaxtut. (47) Taṛnóxak kiyak.
Rémkilin resqiwqi^{ɛ}. Jilkätjä^{ɛ}t. ŋinqäj tergátje^{ɛ}.
„Naka! Náka! tagigli“. (48) Uyoklaxpigak ataŋan kayáxta.
„[Imme! Imme!] nijétin“. Enan ŋéncan ɛtliga tŋiunin.
(49) Aṛlaxtuk. (50) Taṛnóṛax kałinanixtuk. (51) Suná ŋok kikmix-
Kātji^{ɛ}. Nénene vljitvui. Luur attiŋin
lak kálṛixtuk. (52) „Gok! kalṛixtuk kikmik!“ (53) Ikixtát.
ejnéi^{ɛ}. „Guk! [ejŋej attin!]“ Natitlopga^{ɛ}n.
(54) Aṛnaṛam kāyŋani kikmixlak nivosimalṛi. (55) A! kikmi-
ŋéusqātik girgólča attiŋin genanuwqatlen. A! attič-
xlák ankaxtuk. (56) Aṛnáṛa kilqá nivóšimalṛi. (57) Tałi
gin ŋilósqičatje^{ɛ}. ŋeusqät rilejvunin ganuwqatlen. Min-
napákakakun unixtuk, iŋluŋa amixkun. (58) Asikik kátu-
gilgin vetláčeti pelatje^{ɛ}, qačaken titlik. Jaalin ripki-
ta. (59) Paniyan akiŋa kátuta. (60) Anoklaxlaṛá kónpu.
rennin. ŋeekkin tátliŋ ripkirènnin. Jooročgatje [konpiŋ].

(38) „За сестру свою чем же отомщу?“.—(39) „Собаку человеком сделаю, ребенком сделаю“. Как раз тот вошел, ребенка держа. (40) Говорить ему стал: „Дочерей пять. (Самую) младшую имей желание. (41) Отправился. (42) Приехал. (43) Ребенка стали хватать девушки. (44) Полог летний привязали. (45) Гость вошел. (46) Уснули. (47) Ребенок заплакал. „Моя мать, моя мать пусть придет“. (48) Самую младшую отец послал. (49) Пошла. (50) Ребенок успокоился. (51) Вдруг большая собака завыла. (52) „Ой собака завыла“. (53) Открыли. (54) К девушке большая собака прилипла. (55) Большая собака выскочила. (56) Девушка с ней прилипшая. (57) Рука ее на столбе осталась, другая на двери. (58) Нижнюю часть туловища привез. (59) На дочери его месть выместил (отомщение доставил). (60) Ветер сильный поднялся навсегда.

(61) Kamiyäk Ememkotım ulima aŋyástun antátkılŗi. (62) Kot-
Orgoor Ememkutınä tejkınin atvumil mejŋelu. Am-
mun kálmaxtuk. (63) Piŋáyut kavixat tágit. (64) Qáŗli.
noŋetı attejŋe utkui[ɛ]. ŋırok riquqägti jetjä[ɛ]t. Jılgenni-
(65) Aŗolakuk. (66) Káıuk. (67) Taŗnóxam kuwayiŋixa
net. Ewqétji[ɛ]. Pukirgi[ɛ]. ŋinqäjin kuwejqäj
kırŋuxtá. (68) Aŋyáxlak ıs'lımkaxtuk. (69) Aŗólaknakuk
rumekéwnin. Atvıgın jırétji[ɛ]. Ewketırkın.
(70) Aŗolakuk. (71) Kaŗuk. (72) Pláy.
Ewqätji[ɛ]. Pukugi[ɛ]. Plaj.

(61) Нарту Эмемкут сделал с байдару величиной. (62) На сушу по-собачьи кликать стал. (63) Три лисы пришли. (64) Запряг их. (65) Отправился. (66) Прибыл. (67) Детскую еду собрал. (68) Большую байдару наполнил. (69) Собрался в путь. (70) Отправился. (71) Прибыл. (72) Тфу.

№ 8

(1) Tamáxan saŋwa äsxiyata. (2) Amsákılŗi xinaxlulŗi yuk
Imılo ränut inelu[ɛ]qälin. [Mı[ɛ]lu[ɛ]lqätlen, äqälu[ɛ]lqätlen
äsxaiyatuk. (3) Kofsaxtuxtuk kamis'tuuman.
qlaul, ımıränut inelu[ɛ]qälin. Qätji[ɛ] oŋalınvetı gorwuma.
(4) Kuuk taīs'ixtuŋa. (5) Äsxánıŗmıŋ axtonaŗmıniki, tanım
Oŋalınvı qätji[ɛ]. Lū[ɛ]q lıvavnen, enko
ágläxtuk. (6) Ukfik äsxiyatuk, aváŋıtuk, kóvıtuk avám-
pelqäntetgi[ɛ]. Uttuut inelu[ɛ]kälin, ujŋe, ujŋe uttıkä qonpıŋ
sıxwituk. (7) Káyŗinun itäxtuk. (8) Amiım kuláŋani akómuk.
ujŋe. Valqaragtı resqiwqi[ɛ]. Tıtlık gırgoča waqoe[ɛ].
(9) Akomŗánıŗmıŋ (10) Aŗolitituk [Aŗulixtuq]. (11) Túnuma
Nıwaqotvaqen. Ulwewki[ɛ]. Jilnin
mık. (12) Mıŗá. (13) Tákuma. (14) Tawátın tawani kiyáx-
mımle. Pılnin.] Geplıtkulin. Enŋin ınkı nıtva-

(1) Ничего не видит. (2) С маленьким некрасивым лицом человечек, который ничего не видит. (3) Отправился за топливом с нартой. (4) Топливо пошел заготовлять. (5) Когда найти (увидеть) не смог, потом пошел (назад). (6) Дерева он не нашел (не увидал), нет, нет дров, ничего нет. (7) В (коллективную) землянку он вошел. (8) Наверху двери сел.[1] (9) Сидит. (10) Успокоился. (11) Дал (ему) воды. (12) Выпил. (13) Кончил. (14) И так там жил.

[1] Вход в эскимосские землянки был сверху.

tuk. (15) Kámgit túumi, āti, ānuq. (16) Is'łámi anáxqen. Plekıt ejminninet, jımnenat, ŋıtoeᵋ. ŋargın alajotuk, uxsaxtuxtuk, tanım ıtäxtuk. (17) Itärluni, akómuk. ŋoe, ečečqiwqiᵋ, neme resqiwqiᵋ. Resqiwkiᵋ, waqoeᵋ.

(18) Akomṛáluni, tawani kiáxtuk. (19) Maks'urluni [Mıqsugluni], Waqutwak ɛnkı vaeᵋ. Emjıgrä

ānuk, lákamun arlaxtuk. (20) Kałuni, ámta aváŋituk, lákituk. ŋıtoeᵋ, rıajmınvetı qātı. Pukirık neme ujŋılın, arıaj-

(21) Mrıxpinani utäxtuk. (22) Nıŋlúmıŋ kálıuni mınvıkälen. Luŋ ırawa pelqäntetjiᵋ. Valqaraw pukirık

kiyaxpiyánun, akómluni, arolituk. (23) Tównlin tùnqa mık. ɛnık vanvetı, wakuk, ulwewqiᵋ. Čimčelin mimıl jıtčo.

(24) Mıṛa. (25) Tawatın kiyáxs'imak. (26) Unuwmi kavaxpináni, Pılnin. Enŋin gatwalen. Nıkıtä eilqātkä,

ānuk ānıŋan maŋtṛánun. (27) Muksurluni, arlaxtuk, naqam ŋıtoeᵋ ɛnıg ıneelık jaragtı. Em-jıgrä qätı, naqam

nálkınrıta. (28) Ivánırmıŋ apırırıuma nıŋlúmıŋ [mun] arláxluŋ luᵋtä rınnin. Qārirık geplıtkulin walqaragtı qätı,

tuk, iŋaxtuk. (29) Taxtúkuni manataŋa tuuwá. (30) Manararıčgatjeᵋ. Kıewqı ɛnin aqın ejminnin. Anılon-

viwmun arlaxtuk. (31) Mırmun kātuk. (32) Mırıtuk. vetı qätı. Mimliw pukirgiᵋ. Imlıkālin.

(33) Táwa ivánırmıŋ apırırıuma. (34) Manaxpīnāni utáxtuk. Enqän qārirık geplıtkulin. Luŋ ānılota pelqäntetjiᵋ.

(35) Vanıyvanlu tagirłiu. (36) Iyatáxtuk ałámıŋ. (37) Arlárluni, Vanevan nereterkınin. Gıtletırkın lumŋä. Ragtık,

---

(15) Торбаза взял (их), надел (их), вышел. (16) На улице оправился, снова вошел. (17) Войдя сел. (18) Севши, там стал пребывать. (19) Захотевши пить, вышел, к вырытому колодцу (к яме) пошел. (20) Подойдя, тоже не обнаружил (нет), нет вырытого. (21) Не попив, вернулся. (22) Из землянки подойдя к своему месту, севши, успокоился. (23) Ближайший (сосед) дал воды. (24) Выпил. (25) Так пребывал. (26) Ночью, не спавши, вышел (его) старшего брата в ярангу. (27) Захотев пить, отправился (за водой), но не нашел. (28) Искать кончив, в землянку отправился, лег. (29) Когда проснулся, удочку взял. (30) На место, где ловят рыбу, отправился. (31) К воде подошел. (32) Воды нет. (33) И вот искать кончил. (34) Не наловив рыбы, вернулся. (35) Ничего не принес. (36) Голодает опять. (37) Отправившись (домой), на свое место сел.

kıyaxpiani akómuk. (38) Umyúwıxtuk: iun paunŗaxtuyaxtuŗ-
ɛnık vanvuk waqoeᵋ. Cimŋuiᵋ: eur muunusqiwqáᵋk,

laŋa, lúraq äsxanŗılıkán'ka. (39) Saŗnıxpaxlak tūwa, aŗola-
jurăq qarem mılu'net. Okkamajŋın ejminnin, ragtı-

kuk, naqám äs'xan'rita, utáxtuk. (40) Äs'xán'ŗita
jeᵋ, naqam eluᵋkă rınnin pelqäntetjiᵋ. Eluᵋkä rınnin ɛnık van-

utäxlaxi. (41) Akómluni, kıyaxtuk. (42) Yatakuma, unáveti pelqäntetılın. Wakota vaeᵋ. Gıtewkı, ırga-

mi xōŗi tūwi aŗlaxtuk laxlılıŗnun (43) Aŗolakuk tık ınık mēmit ejminninet, qätı qäptetı. Qäti,

laxlıŗyalŗinun. (44) Aváŋituk, laxláŗituk. (45) Vanıvan'lu äs'xan-
qäptegeleletı. Ujŋılın eqäptıkälin. Vanevan ineluᵋr-

ŗituk, útäxtuk. (46) Ilāŋita yuum makláŗt tuwukit ta-
kın, pelqäntetjiᵋ. Qutırık qlaula unelti erıg ajmetjot ne-

ŗitit. (47) Tana vanıvan ıs'xanŗilxa, kayáxa siŋwua.
retınet. Enqan vanevan eluᵋqälin janratwuqaj genvılin.

(48) Aŗúlakuk maklálıŗnun. (49) Iváŗık. (50) Makláryaxtuk,
Gewqetlin oŋaletı. Enarerga. Unelgilii,

maklárituk. (51) Utäxtuk (52) Samwátavuáxan äsxanŗita.
unelkälin. Pelqäntetjiᵋ. Ime räᵋnut luŋ luᵋte rın-

(53) Tágavık aŗlánaŗma, ukšuŗá. (54) Nákam iwun sumux-
nin. ŋenrı qätık lēᵋlenruiᵋ. Nakam eun čemŋot-

taŗaŗakuk: „Kayúxlaŗ[kun] [natīn] pilaŋa?“ (55) Unami aŀiŗa
vaeᵋ: „Minkrı mitjeᵋk?“ Irgatık ajkol

tuŗúluku, sārlaxak ulimas'ilŗutaxak aŀiŗámun kanáxtakluku,
ejmitā, etkiŋqaj tamenŋoočgäqāj ajkolagtı nenajoqenat,

---

(38) Стал думать: (тогда) пусть я за ягодами пойду, может быть не увижу (ли) их. (39) Большой таз взял, ушел (домой), но не увидел, вернулся. (40) Не увидел вернувшийся. (41) Севши заплакал. (42) Голодая, наутро патроны взял (их), пошел за гусями. (43) Отправился искать гусей. (44) Нет, нет гусей. (45) Ничего не увидел, вернулся. (46) Другие мужчины лахтаков взявши (их), принесли (их). (47) Этот совсем не видя, каяк продырявил. (48) Отправился за лахтаками. (49) Стал искать. (50) Лахтаков нет. (51) Вернулся. (52) Ничего не увидел. (53)Туда дальше когда отправился, наступила зима. (54) Однако думает: „Как мне быть?“ (55) Назавтра постель взяв, плохонький инструментальный мешочек (ящичек) в постель положив, свернув, спин-

imṛuluku, ákmak ulima. (56) Kɨlixta. (57) Kilgánun
nɨčimketa imɨt tejkɨnin. Rɨkɨlvennin. Notagtɨ

agláxtuk. (58) Mantṛan awakaṛánun akómuk. (59) Akomluni,
qätɨ. Jaraw rɨmagtɨ waqoeˢ. Wakuk

ákmani iika, itɨmta. (60) Itɨkanɨṛmɨŋ tákluku, nusú-
ɛnin imɨt jɨmnin, rɨrɨtkunin. Rɨrɨtkuv-pɨrɨtkuk, jɨtola-

ṛaṛa uzimun ulimalrutákɨu. (61) Aɬiṛa tuúluku, asiminun
nnen grolmakɨ tamenŋoočgɨn. Ajkol ejmitä enɨggiŋkɨ

sáxta, káyŋakun akómuk nɨvóxtuk. (62) Xwátɨn piikuk:
rɨrɨrannɛn, enkatkɨnɨk wakoeˢ, wurɨntetjɨˢ. Enŋot niuqin:

„Xwani tukunákolṛi". (63) Unulkus'ik tawatɨn kapšanṛituk.
„Utku reviˢŋɨlɨn". Im-nɨkeret ɛnŋin akamawraka.

(64) Tawani kiyáxtuk. (65) Axtɨkagu, sikinaṛnīs'kan, mɨtaxluk
ŋutku vaeˢ. Irgɨrok, tirkininik, vetle

kaiṛɨlṛi naṛákūṛa. (66) Ïn'kám iláŋa naṛakūṛa ałámɨŋ. (67) Kón-
ejŋelɨn walomnen. Enkam qol walomnen neme. Kon-

pu aṛólituk. (68) Tawani sáṛakun naluxtuk, álxału.
pɨŋ ulvewqɨ. Enkɨ ɛnɨkqač waqoeˢ, ŋireqew ɨmɨŋ.

Tównlaxpiam pii: „Äs'xáxu näṛyáxkaxax úna, näṛyáx-
Enančɨmčelä giulin: „Qɨgite roolqalqaj wotqan, rcolqal,

kak, utakanṛitáxput, is'tulta". (69) In'qam álxa awálax-
luŋ atčata mɨtɨntɨn, mɨnlilūmɨk". Enqam qol ɨnan rɨ-

piyak akita: „Nakám tukumanṛituk". (70) Iláŋan
magtɨkena tatlgnen: „Etle luŋ viˢlɨn". Qutɨnä

pɨ: „Nakám sáŋami iŋaxtāxta máni?" (71) Iláŋan pi-
iunin: „Nakam iam naɾɨčgɨtvaqen wutku?" Qutɨnä gi-

ную ношу сделал. (56) Завязал. (57). В тундру (в незаселенное место) пошел. (58) За яранги сел. (59) Севши, ношу свою снял, развязал. (60) Развязывать кончив, вынул вокруг (разложил), инструментальный мешок (ящик) тоже. (61) Постель взявши, под себя разостлал, на нее сел, навзничь лег. (62) Так говорил: „Здесь умру сейчас". (63) Целую ночь так не шевелился. (64) Здесь жил. (65) Когда появился рассвет, когда взошло солнце, ворона кричащего услышал. (66) Потом другого услышал опять (еще). (67) Навсегда остановился. (68) Здесь рядом (с ним) сел, второй тоже. Ближайший сказал: „Посмотри пища (ласкательное) эта предназначена для еды, ждать не будем, глаза есть". (69) Потом второй, самый крайний, ответил ему: „Нет не мертвый". (70) Другой сказал: „Тогда зачем валяется (лежит) здесь?" (71) Его

ma: „Náka tukúmanṛituk".—Äs'xáxu sáṛani avaŋituk payī-
ulin: „Etle luŋ viᵉin: qıgite ɛnkıqač ujŋılın anlı-

tuk". (72) Alxan pima: „Saŋavuk xwáni kiyaxtuk?ᵃ
kälen". Tumgınä giulin: „Iam wutku nıtvaqen?"

(73) Tawatın sukuyúxluni, qatxámalṛi. (74) Tawa! eɬŋān sawat
Enŋin anŋınajpuk, gepinkučilin. Enŋin! Enan čawat

nusúṛṛaxtaki xwani (75) Alxan pima: „Ixsaŋa, uninа-
jıtolannenat wutku. Tumgınä giulin: „Tınqäerkin, tıpelar-

kamkın". (76) Tıŋuk. (77) „Kayvl tiŋi, iyīk nušuultiki".
kınegıt". Riŋeiᵉ. „Kajve qriŋeiᵉ, lilet mnıgtonat.

(78) Una yuk natıŋıxak iyiŋi kalpuxti, isxáṛa.
ŋuunqin qlául kitkit ɛnkri lile[t] ruwentenninet, luᵉnin.

(79) Iwun taṛiṛi nıkıvṛākuk, saviṛ pinilṛi tuumikluku, kanırın
Eun jetılın natvetčaqen, valı nıteŋqin rınrä, konırım

kanliŋiṛa, tawátın aplıŋákluku. (80) Ķamáṛyam ilúŋanıŋ pa-
rejmewnin.ɛnŋin gınrıru liŋä. Lelargičıkojpu kitkinuqäj

laxaṛmıŋ äs'xávyixtuk. (81) Sáwani oom saviya pinilṛi
lilepgiᵉ. Enkıqač ɛnqaken valı nıteŋqin

powŋakun tuumiṛa äs'xaṛa. (82) Umyuwiṛakuk: „Aváŋi-
jıkojgepu rınrıjo luᵉnin. Ķalalvunwetgawqe: „Ujŋılı-

tuŋa, savutuŋa. Tuus'kuni nıvuxtuk". (83) Tána akómuk.
um, aalakäle-um. Inejmitık wurrıntetjiᵉ". Enqan vaqoeᵉ.

(84) „Saviituŋa, uná sávik pinákaka". (85) Ilâŋa pi-
„Aalakäle-um, wotqan valı trejminŋin". Qol nı-

kuk: „Ķipulgułakámkın. Tamaŋanıŋ tṛikus'amıŋ". — „Na-
uqin: „Mılpur. Gemge gınnikä". — „Elo

товарищ сказал (ему): „Нет не мертвый". — „Смотри около (него) нет пара (дыма)". (72) Другой сказал: „Почему же здесь находится?" (73) Так рассердившись, отпрыгнул. (74) Вот! Он стал (их) вытаскивать здесь. (75) Его второй (товарищ) сказал: „Не хочу. Оставляю тебя". (76) Улетел. (77) „Правильно, лети, глаза вынув". (78) Этот человек тогда несколько глаза свои открыл, увидал его. (79) Вот пришедший стоит, нож хороший держа в руках, притом же приблизил его, так оберегая. (80) Через ресницы чуть-чуть взглянул. (81) Там тот нож хороший, за рукоятку держит (его), увидал (его). (82) Подумал про себя: „У меня нет (его), нет у меня ножа. Если возьмет вверх лицом". (83) Этот сел. (84) „Без ножа я, этот нож я возьму". (85) Другой говорит:

kám tunıṛıtaka". — (86) „Aṛnıxtamáŋa sáŋwa támaxan is'-
luŋejmitä tıntın". — „Amkınıčo ime rā^{ε}nut luŋ
xanṛitaka". (87) Mıtäxluxlágm akita: „Eun aglakuvuk,
lu^{ε}tā tıntıā^{ε}n." Valvıčga tatlıgnen: „Eur raragtıe^{ε},
mantráminun kan anṛitutın". (88) Ilaŋa akita: „Saviituŋa".
gınıgragtı qarem qäpkirgi^{ε}". Qutiinä tatlıgnen: „Aalakäle-
(89) Xwatın mıtäxluxlak kiyxtuk, ikuluni. (90) „Tawátın
um". Enŋot valvıčgın teggingi^{ε} peqagtanma. „Enŋin
piłäkutın. Savika pin!" (91) Tıŋok. (92) Nıkıvumak.
rıtjä^{ε} Gımnin valı qäjmitjın!" Riŋei^{ε} Gelqıtlin.
93) Táakut nusuwṛakat tuúlaṛi. (94) Sávik tuumikluku,
Enqanat jıtolajot ejmitluuninet. Valı rınrä,
utäxtuk. (95) Utäxs'imáluku, iṛlaṛá kıłúxta, qāka
pelqäntetji^{ε}. Palqantanma, enin pilgın kımgıtji^{ε}, enin rıläq
apäkixs'ima, kiimani, sigis'kumi tunagum káyŋani łixtuk,
geqeŋetlin, qänvet, ŋrotkınık kagrelıtkınık nelji^{ε}
piyáŋıṛmıŋ axtoṛyáxtuxtuk. (96) Kiimani nanıvṛaxtuk, suflixtuk
čejvutkuk luwauŋoe^{ε}. Qänvet pelqätji^{ε}, apaqatlı-
aṛolánṛituk. (97) Tawátin tokuk.
kuet^{ε} iluletkälin. Enŋin vii^{ε}.

„Поменяем. На любого зверя". — „Нет не возьму". — (86) „Постоянно ничего не нахожу я". (87) Ворон ответил: „Если пойдешь, в свою ярангу (ты) не приходи". (88) Другой ответил: „Без ножа я". (89) Так ворон кашлял, падая. (90) „Так ты делаешь. Нож мой возьми". (91) Улетел. (92) Поднялся. (93) Эти вынутые взял их. (94) Нож, держа в руке, вернулся. (95) Когда возвратился, горло (его) сморщилось, его спина согнулась, на коже на коленях на ладонях стал ходить, (но) не может. (96) Наконец стал стариком, лег на живот, не двигался (вот). (97) Так помер.

№ 9

(1) Imnaŋuk. (2) Tałimam aŋliútkulṛit piyánarmıŋ iłłákut.
Enmen. Mıtlıŋırgar jičemretti čejwutkuk nıtımŋewqinet.
(3) Tánım iláŋa piyáṛuk, tánım iflak, tánım ilaŋa iflak,
Neme qol čejwutkui^{ε}, neme tımŋewqi^{ε}, neme qol tımŋewqi^{ε}.

(1) Давнишнее это. (2) Пять родных братьев, охотясь (на сухопутного зверя), теряются.

(4) Kanvet kamáxtut. (5) Amınam atáŋan ivāṛıkaxkaŋı.
Qänvet ımılo. Amen-ım ɛtligä ninelqäirqinet.

(6) Nulixa akšálik. (7) Kıyákalṛit. (8) Nulixa eṛnik,
ŋewän ɛnin nanqalın. Nıtergatqenat. ŋewän groeᵋ,

mıkılṛıxak an'ta. (9) Känvet aŋliq, piyuwyaxtuk.
qlaulqaj jıtonen. Qänvet mejŋetjiᵋ, čajwutkoŋŋoeᵋ.

(10) Mıkılṛıxpaxaxtuk. (11) Känvet mıkılṛıṛuxtuk. (12) Aŋ-
Optıŋenqājo neljiᵋ. Qänvet optıaačekqajo neljiᵋ. Me-

lik. (13) Piyálri iṛlıkakıxkaŋa. (14) Känvet mıtŋärluni
jŋetjiᵋ. Čejwutkuiᵋ nenanotawqen. Qänvet winvewketä

piyámalṛi. (15) Kóvpax isxáṛa. (16) Aménku ixáxtuk
gečejwutkulin. Kupren luᵋnin. Amen-ım arkičatjeᵋ

kovram tuŋáŋanun ixátuk. (17) Amınam mıkılṛi[q] ıs'tóq kóv-
kopranqačagtı arkičatjeᵋ. Amen-ım aačekqāj ralea kop-

ramun. (18) Kóvrakun ayákıtuk táwani inaxtáxtuk. (19) Súna tána
ragtı. Kuprew pınnetetjiᵋ ɛnkı arıčgıtvaeᵋ. Luur ɛnqän

toṛnáṛaxlak táṛik. (20) Suná pīk: „Awału nāps'imalṛi! Nután
kalajŋın jetjiᵋ. Luur iwqiᵋ: „Kakomej geteiŋŋetlin! Wutku

rıpál gok". (21) Iwuṛŋa naziṛaxak tuumakaŋa, nušuumakaŋa,
rıpet gok". Ewkurga qajmemılqāj gej.nitlin, gagtolen,

kalākatāguma. (22) Amınam aks'aŋa taŋáxtuxtıs'imakaŋa.
genjıgičgewlin. Amen-ım nanqak gankıttuwatlen.

(23) Akmiṛumakaŋa, akmáṛixmakaŋa, aṛlásima mantṛáṛmi-
Kepuk getimtiŋlin, gimtilin, ganragtatlen ɛnıg-

---

(3) Затем один пошел охотиться и тоже потерялся, потом другой потерялся. (4) Наконец кончились (все потерялись). (5) И вот их отец ищет их. (6) Его жена беременна. (7) Плачут. (8) Жена его родила, мальчика родила. (9) Уже вырос, начал ходить. (10) Стал подростком. (11) Уже стал юношей. (12) Вырос. (13) На охоту (за сухопутным зверем) ходить стал. (14) Наконец тайно пошел, охотился. (15) Сачок увидал. (16) И вот наклонился, к сачку наклонился. (17) И вот юноша скатился к сачку. (18) На сачок наскочил, о сачок ударился, тут стал лежать. (19) Вдруг большой дух пришел. (20) Сразу сказал: „А, попался! Наконец-то!" (21) И вот „нерпочку" взял, вынул, стал щекотать. (22) И вот живот напружинил (сделал твердым). (23) Сделал (из него) ношу спинную, поднял на спину, понес в свою

nun. (24) Tomáŋa tána ukfilik. (25) Amınam ukfixkun turagtı. Tılan ɐnkan umkılın. Amen-ım umkık niwákuk (26) Amınam aŋálkakuk tórnaɾıxlak. (27) Táxkın pıxnenretqin. Amen-ım nıtgımetqin kalačgın. Enkam nikáɾaka. (28) Amınam ikuxlaɾákuk, siklātakuk. nerrolisqičetqin. Amen-ım nıpekagtatrčgatqen, nılu^{ɛ}pıtquqin.

(29) Tánım kalákatāɾaka. (30) Tāxkın tánım aksǎni taŋaxtux- Neme ninenrigıčgewqin. Enkam neme nanqan nenankıttis'láka. (31) Tanım akmáɾluku, aɾolákalɾi. (32) Känvet kátuk tuwatqen. Neme ninimtiqin, nēwqetqin. Qänvet pukirgi^{ɛ} mantɾáɾminun. (33) „Kamay! Naps'imáŋa". „(34) Amınam taɾjaraletı. „Relqulon! geteiŋŋeti-um". Amen-ım ŋinnuxat koyatut. (35) Amınam itxóta, ámınam nuknaɾákuk. qäjti korgawqat. Amen-ım ratvunen, amen-ım ninenretqin.

(36) Amınam itxunakaka. (37) Amınam pıxkaɾakuk. Amen-ım nenaranatvunqen. Amen-ım ninerriletısqičetqin.

(38) Siklātakuk. (39) Kánvet uwikulɾik xinit povoxlaxtut. Nılu^{ɛ}pıtkuqin. Qänvet guwäkıč tä lu^{ɛ}lqälti gennutlinet.

(40) Itxúta. (41) Amınam taɾnuxam káyŋakun úxlaɾaɾáka. Ratvunen. Amen-ım ninqäjä girgogcǎ nırowtauqen.

(42) Aksákluku pakinɾaki, kıyamikaki. (43) Aftanaká. Vinvä nineveılkuqinet, nenantergawqenat. Ruwenŋer-

(44) Ulaxlak ipıxsaɾa. (45) Amınam safta. (46) Amıkınin. Paqolčıŋın pnennin. Amen-ım teilignin. Amennam tuksǔxkakuk. (47) „Komlás'ima".— (48) —„Amen vıyen ım nenankıttuwatqen. „Geqitılin".— „Amen vıjin tawatıłi. Unami ınan aftágu. Nayúɾista nucǔwlakun". ɐnŋin nıtvä^{ɛ}n. Irgatık ınan qānvenŋıgın. Inenjulın mıgtoga^{ɛ}n".

ярангу. (24) Дорога эта лесная. (25) И вот за деревья берется (цепляется). (26) И вот задерживается большой дух. (27) Потом (юноша) выпускает (ветку дерева). (28) И вот падает лицом ударяется (дух). (29) Снова щекочет его. (30) Потом снова живот свой пружинит (делает твердым). (31) Снова, на спину взвалив, идет. (32) Наконец пришел в свою ярангу. (33) „Эй, находящийся внутри! Я добыл". (34) И вот дети радуются. (35) И вот вносит, а он держится. (36) И вот старается внести. (37) И вот выпускает. (38) Ударяется лицом. (39) Уже у жены с мужем лица распухли. (40) Внес (его). (41) И вот ребенок на него влезает. (42) Тайно царапая, заставляет плакать (их). (43) Собралась разделывать (его). (44) Большой женский нож стала точить (его). (45) И вот пощупала (его). (46) И вот напружинился. (47) „Замерз".— (48) „Пока

(49) Anáxtuk. (50) Anāxlak ānta. (51) Iŋaxkotut. (52) Kavax
Alajoeᵉ. Alajŋɪn jɪtonen. Atčatjaᵉt. Jɪlqät-

tut. (53) Amɪnam makɪnaqsaxtuk. (54) Anáxlak suná „qo-
jäᵉt. Amen-ɪm ečgi čeutɪsqutɪrkɪn. Alajŋɪn enmen: „qo-

qo-qoq!“ — (55) „Ok wune nɪxsáxax sanáka. Äsxáxtɪxu“.
qo-qoq!“ — „Ok wune memɪlqäj reqärkɪn. Qäluutkɪ“.

(56) Almɪs'ɪtun nɪvoxs'ɪmalɪi. (57) „Almisika“.— (58) „Guk,
Tepenineŋä geurrɪntetlin. „Melpenin“.— „Guk,

kavextɪyuk, tɪkómɪŋ koviyu“. (59) Tɪkómɪŋ kóva.
inenjɪlkupeurkɪn, että qinettɪgɪn“. Että inettenin.

(60) Tánɪm kavaxtut. (61) Tánɪm akomnakšáxtuk. (62) Tánɪm
Neme jɪlqätjaᵉt. Neme čit vaqorkɪn. Neme

kolɪɪlátɪɪtuk. (63) Tánɪm: „Gok, wúne is'xáxtɪxu“. (64) Äs'xáɪat.
ejŋeiᵉ. Neme: „Gok, wune qälu̯ᵉutkɪ“. Nelu̯ᵉäᵉn.

(65) Almɪs'ɪmɪtun nɪvoxtáɪakuk aw! (66) „Taluxtɪyú“. (67) Amen
Tepenineŋä nuurrɪtvaqen. „Qenamɪcaw“. Amen

kovlatɪɪa ialúxta. (68) Amɪnam akómuk. (69) Ulax-
neme inetennin čamɪcawnen. Amen-ɪm waqoeᵉ. Paqol-

lak túwa. (70) Aminam kaválɪit uyákfikun kɪpóɪi
čiŋɪn ejminnin. Amen-ɪm jɪlqälɪt ēnnepɪ čuwitkuninet

tamáxaɪmɪŋ nulixkulɪit tokókuɪi, táɪnuxakóluku tokókuɪi.
ɪmɪlo geŋewänä tɪmɪtkonenat, gaŋenqajma tɪmɪtkonenat.

(71) Suna-imná aŋliútaŋi, anɪŋi taám tokokɪxkanɪ [taqu-
Qatlunkán jicemittumgɪt ɪneelɪt enqanena nenanmɪqenat.

simakaŋi]. (72) Lian' ánɪŋan saviya is'xáɪa. (73) Tuúluku, ánuta
Lien ɪneelin valɪ luᵉnin. Ejmitä rɪntoŋan-

пусть так. Завтра разделай. Сторожа выну“. (49) Оправляться начал. (50) Оправился. (51) Легли. (52) Уснули. (53) И вот хотел подняться. (54) Кало вдруг: „Коко-кок!“ — (55) „Ой, нерпочка что хочет делать. Посмотрите“. (56) Попрежнему лежит на спине. (57) „Как и раньше“.—(58) „Зря не дает спать, мочой залей“. (59) Мочой залила. (60) Снова уснули. (61) Опять хотел сесть. (62) Снова закричал. (63) Опять: „Ой, посмотрите“. (64) Посмотрели. (65) Попрежнему лежит на спине. (66) „Скрой его (залей) совсем“. (67) И вот опять залила, скрыла. (68) И вот сел. (69) Большой нож женский взял. (70) И вот спящих по шее порезал (их) всех с женами убил (их), с детьми убил (их). (71) Оказывается родных братьев, старших братьев его, этот убивал (их). (72) Старшего брата (своего) нож (его) увидал (его). (73) Взявши, вынес (его).

(74) Anluni, aŗláxtuk mantŗáŗminun. (75) Kátuk atáminun. nen. ŋitok ragtre[ɛ] jaralıku. Pukirgi[ɛ] ɛtlıgetı.

(76) Ilútmun tokolóŗi. (77) Pï: „Tagiŋa“.— (78) „A! awa- Ralkowtı ejŋewninet. Iunin: „Tıjetık“. — „A kako-

lú tagizin!“—(79) „A! Guk!“—(80) „Navuŗ [nakın] aŗulakaksin?“— mej! jeti!“ — „I guk!“— „Minkri nılqāti-gıt?“ —

(81) „Gúne [wını] aniŋaŗma unaŋsaxtiŋa tokótaka“. (82) Itäxtuk! „Wune ıneelin teinŋıcın tınmuga[ɛ]n“. Rəsqiwqi[ɛ].

(83) Ima tána aŋliq iŗnakat kónpu. Neme mejŋetji[ɛ] ekku nelgın konpu.

---

(74) Выйдя, отправился в свою ярангу. (75) Пришел к своему отцу. (76) Внутрь полога окликнул (их). (77) Сказал (им): „Я пришел“.— (78) „А! Ты уже пришел“.—(79) „Да“. –(80) „Куда ты ходил?“—(81) „Да вот старших братьев моих убийцу (охотника на моих братьев) убил (я его)“. (82) Вошел. (83) И вот этот вырос, стал сыном (ихним) навсегда.

№ 10

(1) Mīiraxpak aŗnaŗaxat tuúmi. (2) Iláŋit mitxŋıŗomat. Kelenpiŋew ŋeekkeqägti gejmitline:. Qutti gavenvuragtıle-

(3) Aŗlāmat. (4) Atazik tawani kiyaxs'imak. (5) Mīirax- nat. Garagtılenat. Ennencen ɛnkı gaivalen. Kelen-

paŗmi kumakiŗakıxkáŋa. (6) Kumáŗit tuuluki, aps'iŋaxat piŋewık ninemluqin. Mumılti ejmitä pipekälgäqägti

tokotıxpınaki milōtaki. (7) Aŗyuŗaka: „Sáŋan tokosïyas'- agnanmuka, ninenintäqinet. Ninejŋeletqin: „Iam enanmıkä-

ki?“ (8) Pïka: „Kayuxlak amkıxnıŗakut“. (9) Kumakımŗmiŋ legıt?“ Niniuqin: „Minkri nıutkuqinet“. Mumıluk

taka. (10) Táxkın ānok, tápxaŗmiŋ uyātıŗluni. (11) Amınaın rıpaawnen. Enko ŋitoe[ɛ], ŋilgä ilgetilgetä. Amen-ım

aŗnágak ilāŗátimalŗi: „Yuwfaká-a! Alīkaxtut-ka! Tapxá- ŋeekkeqáj inenigrepeutkui[ɛ]: „Qlaulqagteqaj! wurretjä[ɛ]t! Taapqaj-

---

(1) Майрахпак девочек взяла. (2) Другие тайно убежали. (3) Ушли. (4) Одна здесь находилась. (5) У Майрахпак в голове искала (6) Насекомых взяв, мышек не убивая, выбрасывала. (7) Ругала (девочку): „Почему не убиваешь?“ (8) Говорит ей (девочка): „Потому что кусаются“.(9) Насекомых искать кончила.(10) Потом вышла, на ремень привязав (девочку). (11) И вот девочка запела: „Человечки! Появились! На косе! Появились: один в панцыре, другой с ко-

mиŋ-kal Aiĭkaxtut-ka: ilaŋa kováyalık, ilana pánálık!" — (12) „Papu! Wurretjä^{s}t: qol mırgeulın, qol gapojgılen!" — „ŋenikiłima! Saŋa [Saŋwa] pixsiuaták?"—(13) „Xwaŋamnıŋ, wıtäekkeqäj! Reqân niniwigıt?" — „Atawgumnan, valxlıkıłán'kut eŗlkıŗnıŋ povokiraŗulxıt pēkan'ka". (14) Ataŋan kās'ivorawetlat ergıčvu juupıtkulıt, nenatve-um". Etlıgä gajmakaŋa. (15) Lıan' tapxā makuxluku, lıan aŗnaŗax uyamīŗluky, olen. Lien ŋilgın rıčačıntewa, lien ŋeekkeqäj gemtejpılen, aŗolakumalŗi. (16) Tanīm Miraxpaım tokluumakaŋa: „Panigewqetlin. Neme Kelenpıŋewä gejŋewlin: „ŋeekkıłima!"(17) Ima avıtuk. (18) Kanwət anuk Miraxpäk.(19) Kayuxkeqäj!" Amınım itkälın. Qänwet ŋitoe^{s} Kelenpıŋew. Minkri ıak avituk. (20) Ima itäxtuk. (21) Kátut takut mantŗaitkälın. Amen-ım resqiwqi^{s}. Pukirgä^{s}t ɐnqanat erıg jaragmıxnun. (22) Panini vōxtá. tı. ŋeekkık rıtaglannen.

пьем". — (12) „Дочь моя! Что говоришь?" — (13) „Так про себя, вороны клюются, говорю я". (14) Отец пришел. (15) И вот ремень сняв с нее, и тотчас девочку взяв на плечо, пошел. (16) Опять Майрахпак кликать стала „Дочь моя!" (17) Но нет ее. (18) И вот вышла Майрахпак. (19) Потому что нет ее (девочки). (20) И вот вошла. (21) Пришли эти в свою ярангу. (22) Свою дочь вернул.

№ 11

(1) Imnaŋuk. (2) Náyvami ī̆s'nıŋani tuntuŋ nŗakuk. (3) Nayvam Enmen. Gıtgıčormık ılvılu neviiqin. Gıtgıčıiluŋanıŋ tıxanıŋ kayuŋixak pimakaŋa: „Inta akfakólta!" kojpu qaltık kanajolgäqaj giulin: „Kıtam mınrac̆vuwmık!"

(4) Tuntum pimakaŋa: „Sáqas·tami! Náyvam uzimun uzivil- Ilvetä giulin: „Mırreqärkın-ım! Gıtgın grolmık mınkatıxu". — (5)„Sákas·tāmi!" (6) Aŗolakumalŗi. (7) Amınam tuntu vraa^{s}n". — „Mırreqärkın!" Gewqetlin. Amen-ım ılvılu

---

(1) Давнишнее это. (2) На берегу озера дикий олень пасется. (3) Изнутри озера, со дна бычок сказал (ему): „А ну-ка давай состязаться в беге!" (4) Дикий олень сказал (ему): „Что же, давай! Вокруг озера обежим (окружим)". — (5) „Ну что же, давай!" (6) Отправился. (7) И вот дикий олень

paŋalŗumalŗi. (8) Kayuŋixak maliutakik. (9) Amınam tuntum gerilemjetlin. Kanajolgäqaj nıjɛalatqen. Amen-ım ılvete unitaka. (10) Kayuŋixármun naɬaŋī-narmini aráŗaqa nenɜpelaqen. Kanajokajık ranawatık ninermejŋeqin kayuŋixam. (11) Amınam pıtka kayuŋixam natiŋīxak yakıkanajoqaja. Amen-ım pıtqälvelin kanajoqaj merınreqäj, kitstaxáluni aŗlaxtákalŗi aŗolakákalŗi. (12) Känvet tuntuxlak kinuqäj nıleqin, nıleqin newqetqin. Qänvet ılvacgın, känvet pıkaxtuk. (13) Amınam lian naɬaŋi narmini aráŗaka qänvet peŋiwe‹j›i. Amen-ım lien ranawatılın ninermejŋealáxl'uqátun aŗolakákalŗi kavóluni paŋalŗákalŗi. (14) Känqin, pıtkälvelin newqetqin nıgtawqotqen, nıılemjetqin. Qänvet olŗaxs'imaq, pukamálŗi, tokómalŗi. (15) Ima tokómak vet gepeqatatlen, gepirkıletlin, gevi‹ɛ›lin. Amen-ım gevi‹ɛ›lin konpu.
qonpiŋ.

побежал. (8) Бычок последовал за ним. (9) И вот дикий олень оставляет (перегоняет) его. (10) С бычком (к бычку) когда поровнялся, сильно окликнул бычок его. (11) И вот совершенно иной бычок кое-как тихо, едва-едва движется, уходит. (12) Наконец дикий оленище уже устал. (13) И вот лишь поровнявшийся сильно окликает его, с новой силой отправляется, сильно мчится. (14) Наконец упал (олень), задохнулся, издох. (15) И что же, издох навсегда.

№ 12

(1) Imnaŋuk. (2) Mas'iŗmi yuk amınam moŗotakalŗi. (3) Nuli- Enmen. Mecigmilın qlaul amen-ım niwiniqin. Eŋexilŋuk. (4) Pánixa lian ukinistikaka. (5) Nakám wkälın. ŋeekık lien migčitılu ninelgāqin. Naqam ɛtlon eɬŋa unaŋixpina[n]i, kayuxlak kavaŗákalŗi sukuwni unŗáni. egn etejınŋetke, minkri nıjılqätqin gilgilık aŋqak.

(6) Taglánıŗmini, aváŋunani, nakám uvılit [uvuqłit], káxkut Emnuŋetık, tılv ujŋe, naqam ınáalıt, raenqânat unāŋotakut: iláŋi makláxtakut ilaŋa talva niŋixpinani nıtajınŋacaqenat: qutti nunelu‹ɛ›qinet, qol tılv atajvu-mataka

(1) Давнишнее это. (2) Мечигменский человек отправился охотиться в море. (3) Жены нет. (4) Дочь его для него шьет. (5) Он же не убивает (ничего), потому что спит на льду там. (6) Когда приходит, без ничего

taglárakuk, kayuxlak kavarakolri. (7) Amaxwa unámi muro-
nemnuŋetqin [minkri nıjılqätqin]. Neme lumŋä ırgátık iwi-

tuk. (8) Tánım kavámalri. (9) Taxtıroyalrimi amirrıgakšimakaya.
nijī$^{\varepsilon}$. Neme gejılqätlin. Enıkıt kıjewqi$^{\varepsilon}$, gapılmıčerólen.

(10) Amınam iflāk kuta parna. (11) Nałuyaruta.
Amen-ım tımŋewqi emnuŋın gānkan. Giu rıtčını..

(12) Suna imna kótfarmıŋ łirumak. (13) Amınam ısłumun
Qätluqun emnuŋkı genetlin. Amen-ım rajvalawkı

arólakuk. (14) Amınam ırlaxluni suna tána nanur. (15) i.'-
ewqetji$^{\varepsilon}$. Amen-ım cajakan tılek, luur enkı umkı. Lu$^{\varepsilon}$-

xára árnak. (16) Káta. (17) Nanur nas'ixtuk pī: „Sanák-
nin, ŋeuscät. Jōnen. Umkı lumŋıtvij iwki$^{\varepsilon}$: „Reqär-

sin?" — (18) „Tagláxtuŋa". — (19) „Taglanritutın kıtmixtutın".
kın?"— „Temnuŋetık". — „Etle emnuŋetkä, gınonetı tı-

(20) Yum pīma: „Aa! Guk, itırŋam taglátiŋa". —
lerkın". Qlaula giulin: „A! guk ītık-ım qinenemnuŋew-

(21) „Guk! İwurŋákun káyvem [qayvam] taglàłakın".—
qi$^{\varepsilon}$". — „Guk ewqurgam kajvem mınemnuŋewqut". —

(22) „Aa, itırmis'á tag'átiŋa". — (23) „Káyve näkılrusi?—
„A, ītık-ım qinenemnuŋewqi$^{\varepsilon}$". — „Kajve getekıčgıtu-

(24) „Avaŋitukut".—(25) „Vien tawántın". (26) Anáiru-
ri?"— „Ujŋılı-muri".— „Lien enkı qätvae$^{\varepsilon}$". Kımek

mun taluxtuk árnak (27) Tána nánur árnak. (28) Aliryal-
amečatje$^{\varepsilon}$ ŋeusqät. [Enqan umkı ŋeusqät]. Luur

соседи же эти убивают: другие лахтаков убивают, один только, не получив долю (часть) прибывает, потому что спит. (7) Опять назавтра отправился охотиться (на море). (8) Опять заснул. (9) Как только пробудился, наступила плохая видимость. (10) И вот потерялась суша. (11) Не может определить, где он. (12) Вдруг северо-западный ветер стал (поднялся). (13) И вот по ветру пошел. (14) И вот, на пути (идя) вдруг медведь белый. (15) Увидал — женщина. (16) Подошел (к ней). (17) Медведь белый отвернул капюшон, сказал: „Что ты хочешь делать?" — (18) „Иду к берегу". — (19) „Ты не идешь к берегу, идешь в сторону моря". (20) Человек сказал: „Тогда веди меня к берегу". — (21) „Да? Эх! Пусть поведу к берегу тебя". — (22) „Да, тогда веди меня к берегу".—(23) „Имеете ли вы мясо?" — (24) „У нас нет". — (25) „Пока побудь здесь". (26) За торос скрылась женщина. (27) Этот медведь женщина. (28) Когда появилась, оказывается, убила нерпу.

ŗimi, suná tana näxsaxsimalŗı. (29) Pimákaŋa: „Xa inŋátal wurretji^{ɛ}, luur ɛnqan gamemılólen. Giulin: „[Enŋatal] taglálta. Ayŗumun lien aŗólaki". (30) Nıxsak kamuŗa. mınemnuŋet. Ajgepu lien qewqetji^{ɛ}". Memıl emennin. (31) Taglátut. (32) Aŗnákłu tána. (33) Ikutıgnun katut Emnuŋetja^{ɛ}t. ŋeusqāt ımı ɛnqan. ŋıpaŕırınkı pu- (34) Ikutıgnun káłutıŋ, yuus'iminun kakluku, kirgä^{ɛ}t. ŋıpatırıŋkı pıkırık, uweketkınık jıŋenin puuymuta. (35) Ōxtut. (36) Piyuwlátaxtut. (37) Mantŗamun raleqawnen. ŋıpeä^{ɛ}t. Neme čejvuä^{ɛ}t. Jaraw kátut. (38) Yuŕak tána mantŗaminun kátuk. (39) Aŗnák pukirgä^{ɛ}t. (Qlaul ɛnqan) ɛnıgrag pukirgi^{ɛ}. ŋeusqät kátutn. (40) Náŋixani łukluŗa: „Kamáy! Mäŗmıŋ kayımu- rıpkirennin. Etlaqaj ejŋewnin: „Relqulon! Mimlä ekaluk!" kun!" — (41) „Samazin" —? (42) „Guk, unaŋumáŋa kinitumax- „Gereqi-gıt?" — „Guk gamemılojgum, gajagma pık áni!" (43) Aŗnalkwaxak anuk. (44) Näŋixak kınıxtumaŗmıŋ qanto!" ınpıŋewqäj nıttoe^{ɛ}. (Etlaqaj) gajagma, sáma mık iŋluŋanıŋ tuumikluku. (45) Nıxsaŗ mıxsī. čama mimıl qačakenata rınrä. Memıl emčemenen. (46) En'kam aŗnák kanuxta [tanuxqa]. (47) Ítäxtut (Enkam neusqätä) rıjırrawnen. Resqiwqä^{ɛ}t. (48) Ítıŗlutıŋ, aitá näxsak áŗnam. (49) Aftánaŗıŋ (aftá- Resqiwkı rıwenŋınin memıl neusqätä. Ruwenŋew nıŗmıŋ] taka. (50) Amınam ŗáxtut. (51) Uxkıt uwuti plıtkunin. Amen-ım uwiä^{ɛ}t. Eret ititgä^{ɛ}t.

---

(29) Сказала: „Ну теперь-то пойдем к берегу. На север иди". (30) Нерпу поволок. (31) Пошли к берегу домой. (32) Женщина эта тоже. (33) К краю воды (к кромке льда) пришли. (34) К кромке льда подойдя, на туловище свое положив, поплыла с ним. (35) Вышли. (36) Опять пошли пешком. (37) К яранге пришли. (38) Человек этот в свою ярангу пришел. (39) Женщину привел. (40) Свою мать позвал: „Эй ты, находящаяся в пологе! Из воды . . . ." (41) „Что ты сделал?" — (42) „О, я убил нерпу, со встречей выйди!" (43) Старушка вышла. (44) Матушка встречая, также воду в другой руке держа. (вышла). (45) Нерпу напоили. (46) Потом женщина обмыла (ее). (47) Вошли. (48) Войдя, стала разделывать нерпу женщина. (49) Разделывать кончила. (50) Затем стали варить. (51) Куски сварила (их).

(52) Nätut [näxtut]. (53) Aṛnaṛ näṛlänṛituk. (54) Sunimna Qamıtvaat. ŋeusqät luŋ qamıtvata itgıᵉ. Qätluqun sinumi ukumıŋ nṛumak. (55) Táxkın kaváxtut. (56) Yuum jaŋak mıtqä gaqametvalen. Enko jilqätjäᵉt. Qlaula tuwá, nulixka. (57) Unami täxtıṛutıŋ, muṛutuk. (58) Namatanen, ŋewänu lignin. Irgatık kıjewkı iwiniᵉ. Nakám ałámıŋ unaŋyuṛimalṛi. (59) Iun taṛlaṛakuk, sukāłuni aṛnaṛak kam neme getejŋetitvilin. Nemnuŋetqin äqälpe ŋeusaksaŋuk. (60) Inik [İgniq]. (61) Mıkılṛıxak ānta. qätqäj nankatjeᵉ. ŋinqäjqäj jıtonen.

(62) Ivun afsáṛakuk[axsaṛaquq] äksanlátaxtuk. (63) Eṛnılátaxtuk. Ivun nalvateŋatıŋoqen, neme nanqatjeᵉ. Neme groeᵉ.

(64) Mıkılṛıxak nusuwlátaṛa. (65) Táxkın aŋlılátaxtuk. ŋinqäjqäj neme jıtónen. [Enqan] neme mejŋetjiᵉ.

(66) Malṛuk ēnta (antak) piyuwyáxtıt. (67) Kanvét aŋlixpaxŋirek jıtonen čajvatkoŋŋoat. Qanvet mejŋetıut. (68) Muṛutakalṛi, unáŋakalri, näxsaxtakalṛi. (69) Kan'qäetjäᵉt. Niwiniqin, nıteinŋetqin, nımemıloqen. [Qänvét mıkılṛıxat äŋlit. (70) Tánım moṛos'imak yuwfak. vet ninqegti mejnetgäᵉt. Enko iwiniᵉ qlaulqaj.

(71) Aṛnálkwaxam u<áni pimákaŋa: „Nániṛ ukiṛutuk kápı- Inpıŋewqäje] ınte giulin: „Eek amıtqaka neljiᵉ, qäxti". (72) Aṛnam pimákaŋa: „Ok, ukitukut". mıtqatalaeᵉ". [ŋeusqäᵉ iwkiᵉ: „Guk emıtqäkılemuri".

(73) Aṛnálkwaxak[m] pimákaŋa: „Kay, ukéṛus'imazin? — Inpıŋewqäje giulin]: „Neme amıtqäka geneligıt?" —

---

(52) Стали есть. (53) Женщина не ела. (54) Оказывается, в кладовке жир ела. (55) Потом уснули. (56) Мужчина взял, женился. (57) На утро, проснувшись, отправился на морскую охоту. (58) И что ж, еще стал убивать. (59) Когда пришел домой, скоро женщина забеременела. (60) Родила. (61) Мальчика родила. (62) Когда начал ползать, опять забеременела. (63) Опять родила. (64) Мальчика опять родила. (65) Потом тоже вырос. (66) Двое родившиеся стали ходить. (67) Уже выросли. (68) Стали охотиться (на море), стали убивать, стали нерп убивать. (69) Уже мальчики выросли. (70) Затем пошел на морскую охоту человечек. (71) Старуха снохе сказала: „Жирник стал без жира, натолки (жиру)". (72) Женщина сказала: „Ой, жиру нет у нас". (73) Старушка сказала: „Ой, уже нет у тебя жиру?" —

(74) „Aa!“ — (75) „Amın sáŋan nṛóoxs'iki? Naninat ukuxtu-
„I“ — „Amın iam ninenujvı-gıt? em-eeket gamıt-

ṛakut“. (76) Amınam kıyamikumaŋa. (77) Kıyatkıłuku, nánum
qāta“. Amen-ım gantergawlen. Terganma umkin

narkáxlaṛa nušuwe ıxmaṛá. (78) iwun unixtaṛaka, ata
ᴇnin kičalgıĵŋın jıtonen, juutkunin. [Enıkit nenatantenmın-

ima nanółuk. (79) Anuk. (80) Avákutaxani, érnı-
qen, jımnen umkano nelji[ᴇ]. ŋıtoe[ᴇ]. Neneneqägti, ekke-

xani, atxāti. (81) Is'tók. (82) Amınam un'ṛanun sikuṛnun
qägti nlejvuninet. Ralee[ᴇ]. Amen-ım aŋqagtı gelgeletı

átıxtuk. (83) Amınam kıtmıŋ aṛólakuk. (84) Amınam yuwíak
elqıä[ᴇ]ı. Amen-ım gınonetı ewqetji[ᴇ]. Amen-ım qlaulqaj

tagláxtuk. (85) Kás'alṛimi, ima nulixálituk. (86) Aṛnalkwáxak
emnuŋetji[ᴇ]. Pukirgı[ᴇ], eun ujŋe ŋewān. Inpıŋewqäj

āps'imakaŋa: „Naṛu nulixka“. — (87) „Sámi! (88) Navuk pimak.
gamŋılolen: „Emi ŋewän“.— „Qo! Minkri gel-

Amınam sámi ima nṛıṛluni unárima iflámak“. —
qätlin amen-ım čama eun gınmıjep ine jep gatımŋewlen“.—

(89) „Amınam čłpık kayŋun sámıŋ pıs'iu“. — (90) „Amıtal
[„Amen-ım gınan kajŋun rä[ᴇ]nut] niwqä[ᴇ]n“.— „Emi tet

nániq ukiṛusan, kapıxtıs'kaluku, piyaṛaka“. (91) Ima táx-
eek emıtqäka nétlan mıtqatalajva rıtko tiwqä[ᴇ]k“. [Eun ᴇn-

kın avituk. (92) Mıkılṛıxat nákinam [nakınŋam] ima maliulutıŋ
ko] ujŋılın. ŋinqäjqägti emirri eun lumŋena

avus'imat“. (93) Amınam yuwfam alkárini nušuwpaṛa, arlu-
itkä gatvalenat“. Amen-ım qlaulqaja arkar jıtólannen, ırıt

---

(74) „Да“. — (75) „Тогда зачем же ты съела? Одни (только) жирники тратят жир“. (76) И вот заставила ее плакать (обидела). (77) Плача, медвежью теменную кость вынула, стала ее грызть. (78) Когда хорошо приготовила, надела, превратилась в медведя. (79) Вышла. (80) Детей своих, сыновей своих, повела (к берегу). (81) Скатилась. (82) И вот на тот (дальний от берега) лед сошла. (83) И вот от берега пошла. (84) И вот человечек пришел домой. (85) Когда пришел, уже жены нет. (86) Старушку спросил: „Где моя жена?“ — (87) „Не знаю! (88) Куда-то пошла. Тогда еще давно, еще утром потерялась“. — (89) „Ты наверное что-нибудь сказала“.—(90) „Только жирник когда обезжирился, чтобы она натолкла (жиру) я сказала. (91) После этого исчезла. (92) Мальчики где-то тоже, последовав (за ней), исчезли“. (93) И вот человечек палучень вынул, лук вынул, и колчан вынул (его), копье тоже

vlni nušuwa, iwun xólŗutak nušuwa, panániiu tuguluku, jıtonen, ᴇnko magmeočgın jıtonen, poigın ᴇnin ımı ejmitgiᵋ

ōnŗaxtomaŗmi, ámınam aŗolakuınalŗi tumáŋitqun. (94) Amınam ıggelenıpema, amen-ım gewqätlin venvıjewqı. Amen-ım ge-

laxs'imalŗi. (95) Aliŗumakaŋi. (96) Kanvet kásaxtumakaŋi. (97) Mıléliu. Ruurrewninet. Qänvet gajōᴇŋŋolenat. ŋin-

kılŗıxat piyuwakut. (98) İwun kásaxtuwakuk, nuyiklixam mıkılŗıqäjqägti nıčejwuqinet. ᴇur pukerıŋok ınpıčıqäja ninqäjä

xam ıs'xamakaŋa náni tuklumakaŋa: „Apay! [Imay!] Ata xwa tagelu⁽ᵋ⁾lin ᴇtla ejŋéwnin: „Etlaj! „[Etlıgın] vaj jetiᵋ".—

gik". — (99) „Aa! tawa atavs'i malixlakıs'i". — (100) „Ķáyve „I! ᴇtlon ᴇtlıgä nererirkeléntık". — „Ķajve

vay qas'imak. Táxkın ıntaıs'xákaxu uxäŗmun". (101) Is'xámakaŋa. vaj gepkitlin. Anaqun qägitegın jaalegtı". Gegitelin.

(102) Yuk pimákaŋa: „Sakózin?" — (103) „Guk, amınam taŗīŋa! Qlaul iunin: „Raŋŋılaj?" — „Guk amen-ım tıjet-

Malixtams'i". — (104) „Sáŋan? Utäxtın!" — (105) „Utäxjeᵋk! Tırkıletık". — „Iam? Qäpelqäntetı!" — „Qarem

nánŗituŋa". — (106) „Ķáyve utäxtın. İwun avákutaxpımıpelqäntetık". — „[Ķajve qäpelqäntetgiᵋ. Eur] kmeŋetı

nun aknikuvuk utxutiki". — (107) „Utäxnánŗituŋa". — eur ŗagloeᵋ qānpelqäntewqunet". — „Qarem ımıpelqän-

(108) „Ķáyve utáxtın: uwilŗuŋa". — (109) „Utaxtetık". — „Ķajve qäpelqäntetgiᵋ: gelikejum". — „Qa-

nánŗituŋa. Uwilŗuŗnáxpık malixlakams'i!" — rem mıpelqāntetık. Ķajve guwäqučitä ratva, trerkılentık!" —

взял вместе с палкой и отправился по следам. (94) И вот шел (по ним). (95) Заметил их. (96) Уже стал их догонять. (97) Мальчики идут (шагают). (98) Когда приблизился, старший мальчик увидал, мать свою позвал (окликнул). „Мать! Отец вот пришел". — (99) „Да! Так вот ваш отец и последует за вами!" — (100) „Действительно вот пришел. А ну-ка, посмотри назад!" (101) Посмотрела. (102) Человеку сказала: „Зачем пришел?" — (103) „Ой, я же пришел! За вами последовал".—(104) „Зачем? Вернись!"—(105) „Не вернусь".— (106) „Все равно вернись. Если детей (твоих) тебе жалко (их), вернись с ними". – (107) „Не вернусь я". — (108) „Все равно вернись: мужа имею я". — (109) „Не вернусь я. Пусть у тебя есть муж, за вами последую!"

(110) „Uwika sáŗlaŗuk „Gimnin uwäquč etqi, sáma umilixlaguk, čama narmakenačgin, Koxšátku-Kočatko". —

ŋuk". — (111) „Siŋinłu „Čeŋet-ım tokoyoxtuxťuŋa, tuvīsqiwqik, malixlakamsi". — trerkılenuk".—

(112) „Aga itıwmisa maliutın gm!" (113) Maliutuk. (114) Aŗó-„Guk itık-ım gım qäjaalatje[ę]!" Jaalatje[ę]. Ew-

lakut. (115) Amınam piyuxtut. (116) Mıkılŗıxat liłn siutmi-qetjä[ę]t. Amen-ım čejvuä[ę]t. [ŋinqäjqägti iien velocı-

nun kanaxkótaki. (117) Amınam piyuumat. (118) Unuwa. kowtı] nenajōqenat. Amen-ım gečejvulinet. Wulqat-

(119) Amınam áŗnak mantŗaŋłaxtuk. (120) Kıŋáŗuk vii[ę]. [Amen-ım neusqät] tarangä[ę]. Jaxajewkuk

läŗa apıŗiŗaka. (121) „Takaka, konáxpıs'i, itıxtık". rignin, plıtkunin. „Rıpaawnen, jılqu, qre[ę]tık".

(122) Konáxlutiŋ, itıxtut. (123) Is'xáyalŗımiŋ — iŋlıŗm iluŋani. Jılkemjetä, resqiwqä[ę]t. Enıklt lilepgä[ę]t — joročıku.

(124) „Viin utakátŋa kágluku. Sámiŋ mıkılŗıxat näŗıglakat?" „Viin qenatčatık. [Rä[ę]nut ninqäjqägti rakamıtva-

(125) Anumalŗi. (126) Taŗialŗımi, uxkumiŋ sáŗnaŗık ŋıt?"] Gantolen. Enıkit jetık, eretä ukkäm

uxkumiŋ imiŗlutiŋ, másis'u aŗıpsuxtukakut, mas'is'u uuk-eretä jırateti, mečiču nıkewgačaıqenaŗ, mečiču nıtil-

naxtut. (127) Aminam niŗomayaŗit. (128) Nınäŗmiŋ ták-qinet. Amen-ım gaqamıtvalenat. Qemiplıt-

lutiŋ iŋaxkós'imalŗit. (129) Kavámalŗi. (130) Unámi, tıx-ku[k] gatčatlenat. [Nıjilqetqinet]. Irgatık, [ge-

---

(110) „Мой муж плохой и большой старшина, Когсатку" — (111) „Хотя и умру (там), последую за вами". — (112) „Тогда иди вперед, следуй". (113) Последовал. (114) Пошли. (115) И вот зашагали. (116) Мальчиков... в свои уши посадила. (117) И вот пошли. (118) Наступила ночь. (119) И вот женщина стала делать ярангу. (120) Сугроб стала разгребать, кончила. (121) „Я кончила, зажмурьтесь, войдите". (122) Зажмурившись, вошли. (123) Когда посмотрели (открыли глаза) — внутри полога (оказались). (124) „Пока подождите (меня)... Что мальчики будут есть?" (125) Она вышла. (126) Когда пришла, кусками мяса, деревянное блюдо кусками мяса наполнила, даже дымятся, даже горячие. (127) И вот стали есть. (128) Есть кончив, легли спать. (129) Спят. (130) На утро, проснувшись, стали одеваться

tórlutiŋ, piluumalri. (131) Arnam pimakaŋi: „Egluis'i sigjevlinet,] gakergıplenat. [ŋeusqät iwki^{ɛ}]: „[Vinve] evukłus'i ănitik". (132) Anumalrit. (133) Witku ełŋa kiŋutıol qäntotık". [ŋıtoat]. [Naqam ɐtlon] jaačı vaku ănuk. (134) Mántraq lián karimta. (135) Arólakut. [ŋıtoe^{ɛ}]. Jaraŋı lien rıčımewnin. [Ewqetjä^{ɛ}t. (136) Taxkın uwini pimakaŋa: „Gık, morótf[ig]mun kásaxtux- Enko owaqočetı iunin]: „Guk egenenvetı mitipkentukut. Káyŋun nuyiklixpiyak, ukaliluni äsxálikaxput. (137) Äs'ŋo. Kajŋun lii ınpıčın, ɐnan vaenqat mırrélu^{ɛ}ŋın. Enıxákumtıxu, táwa aliŋłakuk. (138) Aliŋtátminiŋ kałıxlakin'kut. kit lu^{ɛ}k, ɐtlon rajılgawke. Am ajılga narapenrımık, (139) İnıkitık kałakaŋin'kut, kimakuvuk, uwixlakatın. Uni, ɐnikit narapenrımık, ɐnıkıt regintew, nerenmılkıgıt. Gunä xwa äs'xaryaxturaxput". (140) Amınam ırlaxsimalrit. (141) Suna vaj mitlōŋŋokaat". Amen-ım gelelinet. Luur łáŋan ısxárat nanuxlak. (142) Ripel kavıxsimalrı aŋim qajlgınangıt nelu^{ɛ}ä^{ɛ}n [omqačgın). Ripet gačelgatlen em-meaŋialáŋani kırıŋáxlak. (143) Amınam kásaxturat. jŋe em-mejŋe ɐnan [kırnačgın. Amen-ım] najóŋŋoa^{ɛ}n. (144) Nanuxlarım ısxári. (145) Amınam ısxápaxtur. [Omqačga] lu^{ɛ}ninet. Amen-ım gitejwuninet. (146) İwun kásaxturakat lisukı uni [yuni] katxirumakaŋi. [ɐvır] nıjōŋŋoqen, elkılninet . . . . . gapenrılenat. (147) İun kásaxturakuk, yuwłám tuumiri pánat uwunrak pıxti. [Evır nıjōŋŋoqen, qiaulqäja] rınrıjot jinnıpi rırrilninet.

---

(131) Женщина сказала: „Крадучись сначала все выходите". (132) Вышли. (133) Только она последней вышла. (134) Ярангу сломала. (135) Пошли. (136) Потом мужу своему сказала: „Ой, к месту охоты подходим. Наверное самый старший, самым ближним будучи, увидит (его). (137) Когда мы его увидим, тогда он испугается. (138) С испуга бросится к нам. (139) Если бросится, когда побежишь, укусит (тебя). Ох, вот скоро увидим". (140) И вот они пошли. (141) Вдруг действительно увидели большого белого медведя. (142) Даже покраснел от величины большой белый медведь. (143) И вот они стали приближаться (к нему). (144) Большой белый медведь увидал (их). (145) И вот стал рассматривать (их). (146) Как только подошли, узнал их (своих людей), побежал к ним. (147) Как только подошел, человечек в его

(148) Xolŗutak mataxta, venlii páyŗa nanuxlak.
[Magmeočgın] nıčečıntewnen venligi jagnanen omqacgın.

(149) Ķatxiŗiŗi amınam nanuxlaŗım kásimakaŋa. (150) Ķáłuku,
Penrılın amen-ım (omqačga) gajōlen. Lien jō-

xinákun supumakaŋa. (151) Vanlii māłkumalŗi. (152) Ałá-
nen luᵋlkaletı tıttunin. Venligi gatımlılen. (Lu-

mıŋ sūpumakaŋa. (153) Ķanvet kátısta. (154) Nayáŗan pi-
mŋe) tıttunin. Qänvet rıpkirennin. Čaketta gi-

makaŋa: „Gok, uyŗuŋixtın upuxlıkatın, tákiŋam". (155) Kı-
ulin: „Guk etluwgoqagte rıngıntewninet, qäpaaeᵋ". Kı-

mel nasiŗumalŗi. (156) „Guk, ınánken! Guk, saks'iŋa. Tawátın.
mel gelimŋıtvılin. „Guk ınanken! Guk, nıreqium enŋin.

Amın táwa! (157) Aliŋutninamn'ı uyŗuŋixani tuwi".
Amın enŋin! Em äqäliŋä etluwgoqagte ejminninet".

(158) Amınam siŋaŗi. Ełŋan siutminun kanáxkoti.
Amen-ım uwqenninet. [enan velocıkowtı] jonenat.

(159) Aŗolakut. (160) Nanuk isxaŗakat, aŋliutıŗyani.
Ewqätjäᵋt. Umkı nıluᵋjvuqin, jıčemittumgıginiw.

(161) Kátut mantŗáŗmixnun. (162) Itäxtut. (163) Amınam
Pukiŋgät erıg-ragtı. [Regeᵋt]. Amen-ım

nıxšam nıkáŋäni nınäŗmıŋ táklutıŋ, iŋaxkótut. (164) Unámi
memılıtul qametvak plıtku[k], atčatjäᵋt. [Irgatik

tıxtäxtut. (165) Nulixan pī: „Unámi táwa ıstaŗax-
qıekwet]. Enıg ŋewänä iwkiᵋ: [Irgatık-ım ŋot] naran-

tıs'łakātın naŋsáŗaxpık láŋıtak tokonakātın". (166) Pimá-
ralecıtawqut ŋewtumgä, leŋıtak nanmırkınegıt". lunin

руках находящиеся копья выпустил. (148) Колчан снял, но все же пошел навстречу к большому белому медведю. (149) К бегущему все же большой медведь белый приблизился. (150) Приблизившись, на его морду подул. (151) Все же вплотную подошел (к нему). (152) Еще раз подул. (153) Наконец, приблизил его. (154) Сестра его сказала (ему): „Ой, своих братишек напугаешь, перестань!" (155) И вот капюшон снял. (156) „Ой, тот. Ой, давай так! Ах, так! (157) Боясь, я своих братишек взяла". (158) И вот поцеловала (понюхала) их. Она в свое ухо посадила их. (159) Отправились. (160) Белого медведя увидали они, братья. (161) Подошли к его яранге. (162) Вошли. (163) И вот нерпичье мясо есть кончив, легли. (164) На утро проснулись. (165) Его жена сказала: „Завтра вот заставит кататься тебя товарищ по жене. Наверное, убьют тебя". (166) Сказал ей муж: „Потому что они ката-

kaŋa uwiyŋan: „Kayuxlak Is'tárarkut". — (167) „Inan-
uwäqučitä: „Minkri nıralecetqenat". „Enan

ivun ıstárarravik ıs'xaxlaka". — (168) „Ara! — (169) „Guk,
irgatık ralečetın relu^ɛŋın". — „Amın!" — „Guk

unami unáŋuluku kilrit Koxsatkum, akälqak ıstaraxtıs-
ırgatık . . . . . pınlatjä^ɛt Kečatkuna, remkılın rıralečıta-

„naka". — (170) „Ara!" (171) Sakiŋan pimákaŋa, nanuvraxam:
urkınen". „I!" Matala giulin: „Inpınacgıqaj

„Xwaŋa atkuka ăłiu". (172) Nułixan arnalkwáxam pi-
gımnin irın nıjpınen". ŋewänä ınpıŋewqäjä gi-

mákaŋa: „Xwaŋákun yaqay atkuka äłiu kayúrmi, ıstaránımta, kaya-
ulin: „Gimnin kun jakqaj irın nıjpınen, ralecetık, gen-

lkakıxkımkın". — (173) „Enatal[ıŋatal] łaran, arnálkwaxam
pelkuwa". — „Kıtam qajilgınangıt [ınpıŋewqäjin]

atkuwa atiu. (174) Istukuvuk, tıxán'tuk uyráxlak,
irın qajpugın. Raralea eur, kaltıcıku wukwulgıcgın

iknákalrim tana kayrıxtaka sikum káyŋakun. Táwa avanis'kuvuk;
nınqiwqinetä nejpeqin gılgılıtkınetı. Eur ujŋa ratva,

tukułakatın. (175) Iwun pikaŋátın: „Sāksin Īs'tá!" (176) Piła-
naranmıgıt. Eur neriwqut: „Reqärkın qıale!" Riu-

kan xwátın: „Nałuŋa, ısxapałakın nıłulutık sivuku".
ŋın enŋot: „Ejwuletkeli-um, mıgitegıt aunralégıt qäjanot".

(177) Aminam Koxšátkuxlak ıstumalri märmun, Īstumak mär-
Amen-ım Kočatkojŋın garalelen memletı, garalelen mim-

mun (178) Káłuni, alŋómalri. (179) Amınam avisimak.
lık. Pukirık gecipetlin. Amen-ım itkelın.

ются". — (167) „Потом завтра каток увидишь". —(168) „Вон как!" — (169) „Ой, завтра утром посыльного Когсятко, гостя, заставит кататься". — (170) „Хорошо". (171) Тесть сказал ему старичок: „Мою кухлянку пусть наденет". (172) Жена его старушка сказала ему: „Мою лучше кухлянку пусть наденет, потому что, когда мы катаемся, я побеждаю". — (173) „В самом деле, правда, пусть старушкину кухлянку наденет. (174) Когда прокатишься, на дне находится большой камень, силач этот поднимает на лед. Если ты не в состоянии (поднять будешь), убьют тебя. (175) Если скажут тебе: „Что же, скатись!" (176) Скажи так: „Не умею я, пусть я посмотрю на тебя. Хозяин земли ты, будь ты первым (катись первым)". (177) Сперва только Когсятко скатился к воде, скатился в воду. (178) Прибыв, нырнул. (179) И вот не было его (отсутствовал).

(180) Mulūṛumak. (181) Amınam mululuni, suna tána uxtuk.
Goratvalen. Amen-ım oratvak, luur Enqam ŋıpeiᵋ.

(182) Uyṛáxak lian tawátın aŋkalṛi, tuumikluku, ūxuta.
Wukwulgäqäj Enŋin mejŋeiıqäj rınrä rımpe-

(183) Pimákaŋa: „Ga! Enṛák ıłpık!“ — (184) „Ga,
ŋennin. Iunin: „Amen Enraq gıt!“ — „Amen

wuni xwaŋá Intá wuni ïstułaŋa“. (185) Istumalṛi. (186) Tixanilŋuk
wune gım emıtetum mıraleak“. Garalelen. Kaltıčıko

uyṛaxlak nálkumakaŋa. (187) Tuumakaŋa, tuumikluku, mayō-
wukwulgın geluᵋlin. Gejmitlin, rınrä, gettetlin.

malṛi. (188) Suna tána tṛıłuk äs’xámakaŋa. (189) Tuumakaŋa
Luur Enqan qäjunel geluᵋlin. Gejmitlin

iŋluŋanıŋ, mayós’ímakaŋa. (190) Kaygıṛósimakaŋa. (191) Uxus’ı-
qacakenata, genıttetlin. Ganrowtatlen. Genım-

makaŋa. (192) Amınam avimalṛıt sakiṛi. (193) „Aga!
peŋetlin. Amen-ım ejŋetkulinet aacewmatálıt. „Aga!

Kogšatkun kayálkuma kotmim“. (194) Amınam mılixtaṛlutıŋ,
Kocatko genpelkuwlin emnuŋılä“. Amen-ım gepınnewli-

aṛláxtut. (195) Amınam kavaṛlátaxtut. (196) Nulíxan pi-
net ragtıäᵋt. Amen-ım neme jılqätjäᵋt. ŋewänä iunin:

„Unami ïnraq aŋqałıŋātın nutálgum nas’qa[naskwa] áŋkakılı-
„[Irgatık Enraq] nerenkepluučwewqut ŋawrırken leut keplu ne-

kat“. (197) Kaváxtut. (198) Unámi tanım kilıṛlátaṛat:
relgıŋın“. Jılqätjäᵋt. Irgatık neme namŋılátjaᵋn:

„Akalqaṛŋok Koxšátkam aŋkänaka“.— (199) „Aga!
„Remkılın enmen [Kocatkona] nıkepluučveurkının“.— „Aga!

---

(180) Долго там был. (181) И вот когда много времени прошло, вдруг этот вылез. (182) Словно камушек вот такой величины (видимо наглядно показал величину камня), держа в руках, вылез с ним. (183) Сказал ему: „Ну, в свою очередь ты!“ — (184) „Ой, пусть я только скачусь“. (185) Скатился. (186) На дне находящийся камень нашел. (187) Взял его, держа в руках, поднялся. (188) Вдруг лахтаченка увидел. (189) Взял (его) в другую (руку), поднялся с ним. (190) Наверх с ним поднялся. (191) Вышел с ним. (192) И вот стал взывать (к богу) шурин. (193) „Ага, Когсятко победил береговой“. (194) И вот, загрустив, отправились (домой). (195) И вот опять заснули. (196) Жена сказала (ему): „Наутро, наверное, еще заставят в мяч играть. голова самки моржа будет мячом“. (197) Заснули. (198) Назавтра опять спросили его: „Когсятко гостя сейчас обыграет в мяч“.—(199) „Хорошо,

aga!“ (200) Tánım nanıvraxak pilataxtuk: „Gok, ınánken-am
ga!“ Neme ınpınačgıqaj iwki^ε: „Guk ınanken-ım

kayulaŋám piłıka?“ (201) Inŋátál táwa łukunakax. (202) Intakun
minkri-ım ritjä^ε?“ Inŋatal Etlon tımırkınen. Etım

suna uwátaŋani pī: „Ukut xwaŋa ı̄xan'ka áłiki“.—
amen luur renólgepu iunin: „Wotqanat gımnin čemıngıt nıjpıne-

(203) „Guk, (atváy), łaṛan tákut átiki“.
nat“.— „Guk atwej, qajilgınangıt Enqanat qajpuginat“.

(204) Yus'uŋıstáxat ı̄xi tuni, āti. (205) Ānuk.
Pıčwačäqägté čemıngıt jılninet jımnenıt. ŋıtoe^ε

(206) Amınam sakiṝita malıxlıṛátat. (207) Amınam Koxšat-
Amen-ım aačewmatala nerkılejvuä^εn. Amen-ım Kočatko

kuk aŋkaṛvixmi suflitaxtáṛakuk. (208) Amınam kátut.
kaplooċvınvuk napaqatlıtvaqen. Amen-ım pukirgä^εt,

nıkıvuq Koxšátkum, áŋkax tuwá nutalṛum ayvcṛum nás'ka
qutji^ε Kočatko, kepıl ejminnin nawrırken, rırken leut

ilanitnun itıṛmiyga. (209) Tánım ełnánun itıṛmiłátaṛat.
qotırıkı keplunin. Enko Enıqagtı neme nekepluä^εn.

(210) Amınam yuwfáṛmun naxsaṛaminun itıṛmiyá. (211) Ami-
Amen-ım qlaulqaetı ŋawtomgełı keplunin. Amen-

nam sukáłuni aglamalṛi kalṛıxtumaṛmi: „A gaw-gaw-gaw-gaw!“
ım nijqew gelqätlin gajŋama: „A-ga, ga, ga, ga!“

(212) Amınam yuxfám páyṛuma siyukomakaŋa. (213) Tokós'imaka-
Amen-im qlaulık gaagnalen, genčimewlin. Ganmılen.

ŋa. (214) Tanım ŋok sakiṛi avıłatámat: „Ga-ga-ga-
Enko-m aačewmatalıt neme gejŋełkulinet: ga, ga, ga,

хорошо“. (200). Опять старичок сказал: „Ой... как же это будет?“ (201) Как раз его он убивает. (202) Как будто, вдруг, из-за стены (полога) сказал он: „Вот мои перчатки, пусть он наденет“. – (203) „Ну, действительно те (перчатки) надень.“ (204) Хозяева тундровых животных перчатки дали, надел их. (205) Вышел. (206) И вот шурья гнались за ним. (207) И вот Когсятко на месте игры в мяч лежит (на животе). (208) Как пришли, встал. Когсятко взял мяч — самки моржа, моржовую голову, в направлении к другим пнул ногой. (209) Затем к нему также они пнули ее ногами. (210) Вот человечку товарищу по сменному браку пнул его (мяч). (211) Что ж, быстро направился с криком: „А-га-га-га-га!“ (212) И вот человек пошел навстречу, сломал его. (213) Убил его. (214) Затем шурья опять закричали:

ga!"—(215)„Kogsatkuk kótmim aŋkiŗus'ima". (216) Aminam
ga!"— „Kocatkona emnuŋilin eqeplikä getcilin". Amen-im

milixtaŗlátaxtut áŗlaxtut. (217) Itäxtut. (218) Nulixa pila-
pinnewkä̆t neme ragtia̯t. Resqiwqä̆t. ŋewänä ne-

łama[q]: „Inŋátal tawa mätin tokolakátin". (219) Uwuyŋan
me giulin: „Enŋałal igit-im etlon nanmirkinegit". Uwequčite

pimákaŋa: „Inráq sanákaŋa". — (220) „Tuŗumŗaxlikätin". —
giulin: „Enráq inenreqeurkin". — „Nerentejkewgit". —

(221) „Aga! Laŋitak piłuunakus'i". (222) Nulixan pimákaŋa:
„I! Leŋitak maraurkinetik". ŋewänä giulin:

„Aga!" —(223) „Aminá.nkun. kayuxlak?" (224) Nulixan pimaka-
„I!"— „Amen-im minkri qun?" ŋewänä giulin:

ŋa: „Kayuxlaxkun iknákalŗi itigŋám". (225) Uwuyŋa pimákaŋa:
„Minkri qun nermeqin itik-im". Uwequčite giulin:

„Itiŗŋam piłuus'kumta, opopo xwaŋa sankottáxamnun [łigluŋa]
itik-im mirramaraw, opopi gim kimitäqäjä

piläkuŋa". (226) Kaváxtut. (227) Unámi unáŋuluku kilŗilátaxtut:
tritjä̆". Jilqätjä̆t. Irgatik ine̯ neme pinlatjä̆t:

„Aqälqaŗŋok Koxšatkum toŗomŗanaka".— (228) „Aga! Aga!
Remkilin Kočatkona ritejkewetirkinin".— „I! I!

Nanuvpaxak pilatamálŗi". (229) Sakiŋixam: „Guk, kayuxlaŋam
Umqäqäj neme". Giulin matalaqaja: „Guk, minkri-m enqan

piłás'in?" (230) Yuwfam pimakaŋi: „Natín'ŋam, táwa
ritjä̆?" Qlaulqaja giulinet: „Minkri-m etlon

pinákaŋa".— (231) Nanuvŗaxam płätama: „Táwa piłuuna-
inenreqeurkin!" Umqätä neme giulin: „Etlon maraur-

„Га-га-га-га!"—(215)„Когсятко береговых без мяча сделал (оставил)". (216) Вот повесили головы, снова возвратились домой. (217) Вошли. (218) Жена опять сказала: „Вот теперь как раз он тебя убьет". (219) Муж сказал: „Ну и ничего он не сделает со мной". — (220) „Поборет тебя". — (221) „Да! И правда деретесь вы". (222) Жена сказала: „Да!"—(223) „Что ж, как же?" (224) Жена сказала: „Как же, ведь сильный при том же". (225) Муж сказал: „Если мы будем драться, пусть я в одежде (с оружием) буду". (226) Уснули. (227) Наутро рано снова рассказывают: „Гостя Когсятко борет (побеждает)". (228) „Да, да, белый медведик опять победит". (229) [Сказал] тесть: „Ох, как же это будет?" (230) Человечек сказал им: „Ну и что ж, ничего не сделает со мной!" (231) Белый медведь снова сказал: „Итак собираетесь драться вы! Наверно

kus'i! Laŋıták uwıxnagaťın, kagimnakaťın".— (232) „Aa! kınetık!" „Leŋıtak nenmılkurkınigıt, nınčimeurkınigıt". — „Aa!

Opopo xwaŋa piłuuxwamnıŋ piláŋa. Inmis' panán'ka, uŗluŗun'ka,
Opopo gımık eviräqäjä mitja^{e}k. Enmeč pojgıt, ırıtti,

xóŗun'ka nus'uxtıki". (233) Sakiŋa pimak: „Nanuvraxak łaŗan,
mė^{e}mit qágtoutkı". Matalaqaj giulin: „Umqäqäj, qajilgı-

(atwáy) opópo ełŋan sankutaŗminıŋ piłi". (234) Nu-
nangıt, ... (atwej) opopo ınık kimitıqäjä nitjä^{e}n". Nag-

suwit panáłu, oŗlóvukłu, xoriłu. (235) Aminam nuŗaxaŗmıŋ
tonat pojgın, ırıt, mē^{e}mit. Amen-ım qajuräqaj

átkuwa, nuŗáxak áta, tıxkuk· muŗnikamıŋ āťuk, áminam
irın qajunelgıräqäj jımnen čuwuťurej, kırgıpčekā kırgıpčakgup-

kapkaxturwaxťuk, amınam atkukuluni qīpóxtuk. (236) Anuť.
gä^{e} paakačewqė^{e}, amen-ım geeıema rıkılvennin. ŋito-

(237) Amınam toromŗaviwmun piyuxtut. (238) Amınam
ä^{e}t. Amen-ım tajkawınveťı čejvua^{e}t. Amen-ım

Koxšátkulwak ïs'tuni aluŋak. (239) Nıkıvuk, pï: „Gok!
Kočatkoqaj vegıt ninenmiľuqinet. Qutgı^{e}, iunin: „Gok

Atıŗŋa." (240) Kótmim yuwfam pimakaŋa: „Xwaŋá suŗugnanŗi-
qenapenrıe^{e}!" Emnuŋıle^{e} giulin: Gım qarem mı-

tamkın, siŋin[ıŋ]xwaŋa utakiluŋa pilïkuŋa".—(241) „Aga! Intá atıŗ-
penrıgıt, čeŋet gım atčaleku tritjä^{e}k". — „Aga! kıtam mı-

lakın". (242) Koxšáťkum aŋlıutaŋi avimalŗit: „Aga!"
penrıgıt". Kočatkona jičemittumgın gejŋetkulinet: „Aga!"

(243) Koxšatkum koxmi łaŋaka naŗolgaxak vuxák milu-
Kočatkona emnuŋık qänut tegruwëjqäj väglıŋıt renin-

раздавлю тебя, сломаю тебя!" — (232) „Ну! Пусть мою одежду использую (надену). Ну же копья (мои), луки (мои), стрелы (мои) выньте". (233) Тесть сказал: „Белый медведь, действительно, ... пусть в своем одеянии будет. (234) Вынули копья, луки, стрелы. (235) И вот из телячьих шкур кухлянку, из шкур теленка, кухлянку надел, отделив верхнюю половину от нижней (кухлянка двойная), в домашние торбаза обулся, привязал. Итак с кухлянкой связал. (236) Вышли. (237) И вот к месту борьбы пошли. (238) Вот Когсятко когти облизывает. (239) Встал, сказал: „Ну! Нападай на меня!" (240) Береговой человечек сказал: „Я не буду нападать на тебя, ведь я среди ожидающих буду находиться".—(241) „Ага, а ну-ка, я нападу на тебя". (242) Когсятко братьев стал призывать: „Ага!" (243) Когсятко берегового как несомую

łáka. (244) Amınam Koxsatkum ātxumakaŋa, oŗlóvıni, unu-
ıignin. Amen-ım Kocatkona gapenrılen, rıtli vagı-

ŗáxluki xóŀŗutani, paná tuumikluku. (245) Amınam
letı qımoocgıt, pojgın mıngıkrınrä. Amen-ım

piyuwmıŋ Koxsátkum atxuma. (246) Kás'axtuŗyan kima-
cejvá Kocatkona gapenrılen. Pukerıŋolın gegı-

umalŗi utırmun. (247) Pimakaŋa: „Saŋán kimaxs'in“? (248) Yu-
ntewlin jaalegtı. Giulin: „Iam gınteurkın?“ Qla-

wfam pimakaŋa: „Siŋin kótmıni. tawátın ayukukıt.
ula iunin: „Čeŋet emnuŋılımuri, enŋin vale muri

(249) Iwun tugunanŗitaxpıŋa“. —(250) „Iwun kimauxlıkamkın“.—
Eun qarem qinejmitji[e]“.— „Eun tregınteulet-gıt“.—

(251) „Ura xwaŋá yuus'ika tuŗus'kaglakun“. (252) Amı-
„Ure-gumnin uwik ejmitıjwu mıntın“. Amen-

nam kanvet paŋalgumalŗi. (253) Yuwfák katxıŗoma (254) Yuwfam
ım qanver gerilelin. Qlaul gapenrılen. [Qlaula

wune panákumákaŋa. (255) Amınam tugunakumakaŋa Kox-
eun] ganpojgılawlen. Amen-ım gerejminŋılin [Kocat-

šátkum. (256) Koxšatkuk kan'vět pokámalŗi. Vanlii
kona. Kocatko qanver] gepeŋiwetlin. [Venlii

yuwfak ayims'imalŗi. (257) Amınam Koxšatkun kan'vət aŗitaxs'i-
qlaul] gamlatlen. Amen-ım Kocatko qanver gaangır-

malŗi. (258) Amınam awis'imakaŋa naŗnaŗumalŗi, kıpōwkáma-
gatlen. Amen-ım gerultılin, gajkırgalalen, gatınpilen.

kaŋa. (259) Ima tokosimákaŋa. (260) Tawnli anlıut atıŗlá-
Rä[e]nut-ım ganmılen. Inıg čımčılä neme

(ветром) былинку, (как) травинку бросил его. (244) И вот Когсятко бросился на него, луки в когтях, колчан, копье, держа в руках. (245) И вот пеший Когсятко бросился. (246) Подходивший было (береговой) отбежал дальше. (247) Сказал: „Почему убегаешь?“ (248) Человек сказал: „Да потому, что мы береговые, такие есть мы. (249) А ты не возьмешь меня“. (250) „А я с собой унесу тебя“. — (251) „Только мое (видимое) тело, ты сможешь взять.“ (252) Вот наконец побежал. (253) На человека бросился. (254) Человек же начал колоть его копьем. (255) Собрался взять его (человека) Когсятко. (256) Когсятко наконец устал. Между тем, человек стал более подвижен. (257) Когсятко наконец раскрыл рот (от усталости). (258). Вот обессилел, помчался прочь, заколол его (человек). (259) Что ж, убил его. (260) Его близкие род-

tāmak, enraq aṛlóvını mataxlátama. (261) Wun'i pıtıx-
gapenrıtkolen, Enraq ırıt genčäᵋcıntewlin. Wune gelqä-

s'imakaŋa tokolátama ilaŋa. (262) Pınaklātıṛyaxtuk.
jnewlin, neme ganımılen qol. Neme čit penrıtkorkın.

(263) ilaŋita pimakaŋat: „Intaṛam am, nagnaqis'i". (264) Imá
Qutırık giulin: „Rattanŋawŋın-ım, netkurkınitık". Ra-

utıxsimak kotmi. (265) Iŋluknāritas'i.
nut-ım gepelqäntetlin emnuŋılın. Qarem kitvıl qánıı̇gıtkı.

(266) Aglamalṛi. (267) Sakiŋixan pimakaŋa: „Tawa uŋo-
Garagtılenat. Aačewmatalın giulin: „Etlon jegtel-

vaxtutın". (268) Tawani kıyáxs'imak ewun yuwuxtakuk aṛyukyk.
giᵋ". Enkı gatvalen eun nınpewqin, elerej.

(269) Nulixan pimakaŋa: „Aṛyukaxkuvuk, kayuxlak avákuti na-
ŋewānä iunin: „Eur elereäᵋ, minkri ninqägti um-

nuxs'imat, taṛlálıtın avákutavuk, yrnıxpık". (270) Una-
qänu genetlinet anınemnuŋewqut kmiŋä, ekketä". Irga-

mi aṛolakumalṛit avakuti. (271) Nanuxs'imat. (272) Ataiŋ
tık ewqwetjeᵋt ninqägti. Umqänu genetlinet. Etlı-

taṛlás'imat, amaṛluku taṛlátat. (273) Kátutat.
gın genemnuŋewlın, imtitä ninemnuŋnin. Genepkiretlin.

(274) Kavaxtut tawáni...
Kiwqäᵋt Enkı ..

ственники снова напали (набросились) на него, в свою очередь, луки сняли (освободили). (261) Вот выстрелил, опять убил одного. (262) Снова было бросился. (263) Другие сказали: „Довольно, прекратите, кончит он вас (перебьет)". (264) Что же, возвратился береговой (человек). (265) Не одолеете их. (266) Возвратились домой. (267) Шурин сказал: „Он жив". (268) Там жил, состарился, заскучал. (269) Жена сказала: „Если скучаешь, ведь дети белыми медведями стали, пусть [они] тебя доставят на берег дети, сыновья". (270) На утро отправились дети. (271) Белыми медведями стали. (272) Отца своего доставили на берег, неся на спине доставили на берег. (273) Принесли. (274) Ночевали там...

№ 13

(1) Imnaŋuk. (2) Yuwfak piyámalṛi kilgani. (3) Mantṛaṛi
Enmen. Qlaulqaj gečejvutkulin notagtı. Jaraŋı luᵋnin.

---

(1) Давнишнее это. (2) Человек пошел охотиться в тундре. (3) Яранги увидел. (4) Вошел в переднюю часть яранги. (5) И вот четыре зимних по-

s'xaŗa. (4) Itäxtuk nátıŗmun. (5) Amınam stamat iŋlaŗıt.
Resqiwqi[s] čottagneti. Amen-ım ŋıraq joroť.

(6) Ayvāŗmi—tána naŗuya, tūŋli— apsiŋak, tuŋli
Ajgısqoolen—ɛnqan jajaq, ɛnkı čımčelin—pipekılgın,—ɛnkı —

mıtäxluk, sikik—oxkaŗmi. (7) Ayvāŗmim naŗá[u]yam pimakaŋa:
vet e, jileil—ajvatlolen. Ajgısqoola jajaka giulin:

„Keŋ, keŋ! X'wavuk taŗi nıŗıyaxkamnun, ilomiŗyaxkamnun".
„Keŋ, keŋ! ŋanko qıjet gımık roolqaleti, pontasqewqılqaljeti".

(8) Itaxtuk iŋlaŗmun. (9) Amınam nıklextumakaŋa ikału-
Resqiwqi[s] jorowti. Amen-im rıqamıtvausqewnen vegne,

wámiŋ, tıpámiŋ. (10) Nāŗomalŗi yuwfak. (11) Inráq aps'iŋa-
nomiča. Gaqamıtvalen qlaulqaj. Enraq pipekıl-

xam: „Xwavuk tagi näŗıyáxkamnun, ilumikaxkamnun".
gıqäjä: „ŋanko qıjet gımık roolqaleti, pontasqewqılqaljeti".

(12) Aglámalŗi. (13) Amınam nıklíxtūmakaŋa palkomsámiŋ, imáta-
Qätji[s]. Amen-ım rıqamıtvausqewnen pelkumretā, mıg-

miŋ. (14) Nıŗomalŗi. (15) Tánım mıtäxlūm: „Xwavuk tagi naŗ-
miga. Gaqamıtvalen. Enko vetle: „ŋanko qıjet gımık

yaxkamnun". (16) Aglámalŗi. (17) Nıklixtūmakaŋa yuum nı-
roolqaleti". Qätji[s]. Rıqamıtvawnen orawetla tırga

kaŋánıŋ sáma kikmikuvinŗaŗmiŋ. (18) Ima nıŗin ıxsáki.
čama āttıtulā. Nagam luunata enku

(19) In'ŋatal sikium tan: "Xwávuk tagi rítí
ligninet Enŋatal jiletā ɛnkan: "ŋanko qıjet

лога. (6) Северный — это чайки, рядом — мыши, рядом — вороны, евражки — южная (крайняя). (7) Северная чайка сказала: „Кен-кен! Сюда иди, к тому, что я должна есть, к тому, что я должна внутрь класть". (8) Вошел в полог. (9) И вот стала кормить его навагой, выброшенным морем. (10) Стал есть человек. (11) Затем мышка (сказала): „Сюда иди, к тому, что я должна есть, к тому, что я должна внутрь класть". (12) Пошел. (13) И вот стала кормить его корешками осоки,[1] корешками травы.[2] (14) Стал есть. (15) Затем ворон (стал звать): „Сюда иди, к тому, что я должен есть". (16) Пошел. (17) Стал кормить его человечьим мясом и собачьей падалью (бывшей собакой). (18) Но есть отказался. (19) Уже очень евражка эта

---

[1] Hedisarum obscurum.

[2] Корешки растения Polygonum polymorphum.

näŗyaxkamnun, ilómikaxkamnun". (20) Aglámalŗi.
gımık roolqaletı, pontasqewqılqaljetı". Qätji".

(21) Näklıxtūmakaŋa oolkimiŋ. unátamiŋ. (22) Nıŗómalŗi.
Rıqamıtwawnen kımceka, mıgmıga. Gaqamıtvalen.

(23) Taxkın ánumalŗi, aglamak.
Enko gantolen, garagtılen.

(стала звать): „Иди сюда, к тому что я должна есть, к тому, что я должна внутрь класть". (20) Пошел. (21) Стала кормить его корешками кимчиги (картошкой), корешками с травой. (22) Стал есть. (23) Потом вышел, пошел домой.

Перевод на нууканский диалект текста № 13

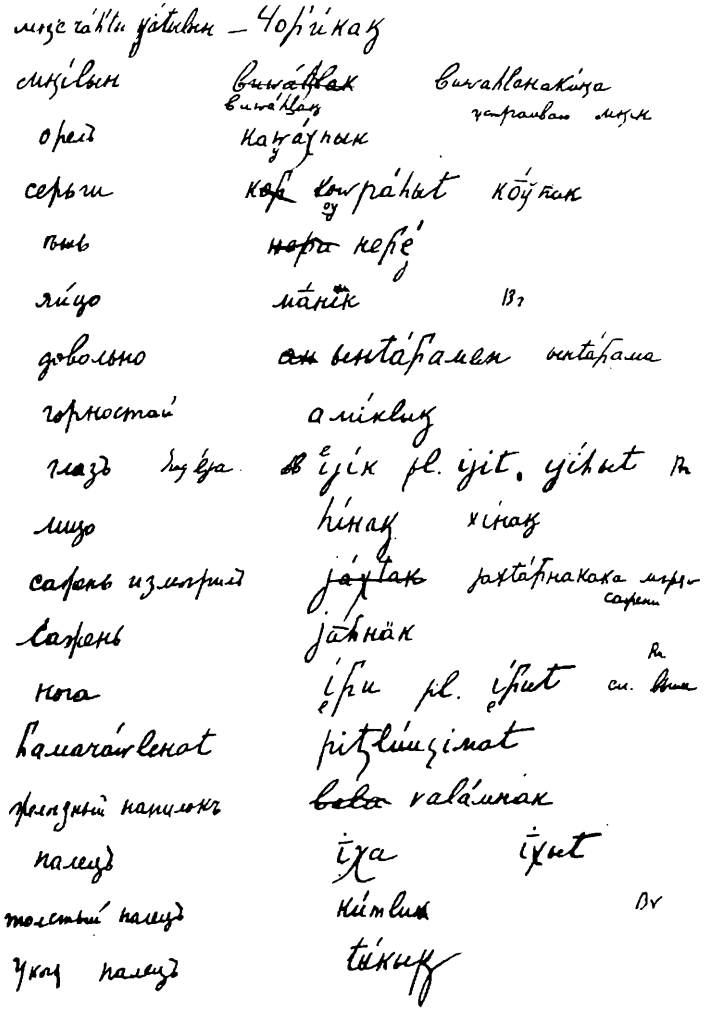
(1) Uksúxuk. (2) Yuräŗak aqımalŗi nunámun. (3) Mántŗak paqäta. (4) Itaxtuk nátıŗmun. (5) Táwału iŋłaŗat s'támat. (6) Ayvánsuŋuŋáni naŗuya, suŋúŋani — avis'ŋaŗak, tuŋúŋani — mıtáxluxluk, ŋitak — úxkaŗmi. (7) Ayvan tuŋuŋanilŗum pixuk: „Xfávuk wimnun, tägē näŗîyaxkamnun, tägē itîqaŗyáxta. (8) Itıxtuk áŗna iŋlaŗmun. (9) Amınam nŗófkaxta kumaŗurámiŋ, tıpáıniŋ. (10) Nŗofkaxta yuŗágak. (11) Avisŋaxarám: „Xfavuk wimnun, — tagē näŗıyaxkamnun, tagē itıqaŗyaxta. (12) Awmalŗı. (13) Amınam ŋŗófkaxta palkomsamiŋ, unatámiŋ. (14) Nŗofkaxta. (15) Tanım mıtaxluum: „Xfavuk wimnun, tagē nagiyaxkamnun, tagē itıqaŗyaxta. (16) Awmalŗi. (17) ŋŗofkaxta yuum nlkŋaŋan, kīmiŗak opınŗamiŋ. (18) Naryiti ikciaki. (19) Nıtam iage: „ Xfavuk wimnun, tagē nagiyaxkamnun, tagē itıqaŗyata. (20) Awmalŗi. (21) ŋŗofkaxta. . . . . (22) ŋŗofkaxta. (23) Tanım . . . . .

Перевод на сиреникоский диалект текста № 13

(1) Imınıŋuk. (2) Yúwax piyukasim. (3) Lıŗıx áŗınıłú nıŋıtıŗa. (4) Itıxtıx natıŗnu. (5) Amınam sitımi iŋlay. (6) Mánsıŗa — tana vaŗıva, tunsıŗa — apsiŋax, tūnsıŗa — mıtıxlıx, anıkıŗaxıxkōŗmıŗa. (7) Yaŗıyım pimıkıŋa: „Mámu taŗıunŗáŗa, naŗıyúk, sumnu akıxkuŗminimni!" (8) Itıxtıx iŋlánu. (9) Aŗármılŗıx ámınıŋ naklixtuŗmıkıŋa ikáłigwáni tıpcáni. (10) Tamármılŗıx yuwax. (11) Nuŋa apsiŋaŗım: „Mamu taŗiunŗaŗa, naŗıyuk, sumnu akixkuŗminimni. (12) Itıxtıx. (13) Amınıŋ naklixtuŗmıkıŋa pālkomsáni, kıftáni ta... ŗmılŗıx. (14) Tamaŗmilŗıx. (15) Tanım mıtaxlum: „Mamu taŗiunŗaŗa naŗıyuk, sumnu akxkuŗminimni. (16) Itıxtıx. (17) Naklixtuŗmikıŋa yuum nākŋáni, kopınŗa pułani. (18) Nānáxtōŗi kaŋıtıŗi (19) Inŋatal anıkaŗam: „Mamu tariunŗaŗa, naŗıyuk. sumnu akixkuŗminimni. (20) Itıxtıx. (21) Naklixtuŗmikıŋa, kımsıkıni, kıftanı. (22) Tamaŗimilŗıx. (23) Tavuknı ánılıŗıx aŗámalŗıx.

ЭСКИМОССКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ И СПИСОК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ *В. Г. БОГОРАЗА*
СОСТАВЛЕНЫ *Г. А. МЕНОВЩИКОВЫМ*



ПРЕДИСЛОВИЕ

Эскимосско-русский словарь составлен из отдельных списков слов, имеющихся в материалах по языку азиатских эскимосов В. Г. Богораза, которые хранятся в архиве АН СССР.

Списки слов составлялись В. Г. Богоразом по мере грамматического разбора и изучения записанных им текстов. После каждого текста имеется список слов, встречающихся в данном тексте.

При подготовке словаря к печати находящиеся в этих списках слова были перенесены на карточки, расположены в алфавитном порядке и перетранскрибированы применительно к принятой В. Г. Богоразом транскрипции для „Очерка грамматики языка азиатских эскимосов".

Глаголы даны в формах наступающего будущего времени, потому что почти все примеры с употреблением глаголов самим В. Г. Богоразом поданы в этом времени, названном им настоящим. В современном языке азиатских эскимосов, как на это указывают имеющиеся материалы, суффикс -naku означает близкое наступающее будущее время в отличие от суффикса -aku, который означает, что действие происходит в данный момент. Так например: kavaṛ-naku-ŋa 'сейчас буду спать'; kavaṛ-aku-ŋa 'я сплю'.

В. Г. Богораз глагольную форму наступающего будущего времени kavaṛnaku-ŋa дает как форму настоящего времени, не отмечая формы kavaṛ-aku-ŋa.[1] В целях сохранения употребленной В. Г. Богоразом глагольной формы в словаре она дается без изменения, но в квадратных скобках указывается ее точный перевод, соответствующий нормам современного языка азиатских эскимосов. Примеры:

Наступающее будущее время	Настоящее время
aglaṛnakuŋa — сейчас отправлюсь	aglaṛakuŋa — иду
kayuṛnakuŋa — сейчас буду пить чай	kayuṛakuŋa — пью чай и т. д.

В словарь не вошли отмеченные В. Г. Богоразом лексические сходства словаря азиатских эскимосов со словарем эскимосского языка р. Кускоквим на Аляске и со словарями гренландских диалектов эскимосского языка. Эти сопоставления

[1] Эта форма глагола относится автором к прошедшему времени. См. парадигмы спряжения. *Прим. Г. Меновщикова.*

указывают на то, что отдельные эскимосские диалекты имеют большое лексическое сходство. В прилагаемом здесь словаре дается материал чаплинского диалекта языка азиатских эскимосов, легшего в основу всей работы В. Г. Богораза по этому языку.

Эскимосско-чукотские и чукотско-эскимосские заимствования даны так, как они сделаны В. Г. Богоразом (см. приложение к словарю).

В качестве приложения к словарю чаплинского диалекта дается словарь нууканского диалекта, составленный также по материалам В. Г. Богораза. Материалы по нууканскому и вутеенскому диалектам языка азиатских эскимосов указывают на большое лексическое различие. К сожалению, В. Г. Богоразу не удалось собрать и обработать достаточного количества материалов по этим двум диалектам, но и то, что им представлено, дает возможность полагать, что вутеенский диалект в значительной степени отличается от чаплинского и нууканского как по составу фонем, так и по лексико-грамматическому составу.

В своих полевых записях В. Г. Богораз пользовался весьма сложной системой транскрибирования эскимосских слов. Так, например, фонема ɬ, являющаяся глухим вариантом сонанта l, изображается В. Г. Богоразом как l^t, l^h, t͡ɬ, h͡l, ɮ, ɬ и т. д. Это многообразие знаков в изображении одного и того же звука устранено. Для написания принят один знак, посредством которого и передается многообразие оттенков определенного звука. В целях унификации транскрибирования приняты следующие изменения:

В рукописи:		В настоящей книге:
ü	=	u
I	=	I
ɮ, ɦ, ŗ	=	ŗ
x, χ	=	x
k^c q, k'	=	q
k	=	k
ŋ	=	g
l^c, h͡l, t͡l, ɬ, ɮ	=	ɬ
м	=	m
н	=	n
ŋ n	=	ŋ
n	=	p
б	=	v
c̆, š s	=	s̆
ш, c̆, ç, щ	=	s
j	=	y
ф	=	f

Все остальные знаки оставлены в том написании, как они изображаются В. Г. Богоразом. При этом принятая транскрипция не противоречит тому написанию эскимосских текстов и слов, которым В. Г. Богораз пользовался в своих печатных трудах об эскимосском языке. Все слова в словаре расположены в следующем алфавитном порядке: Aa, Ee, Gg, Ii, Jy, Ķk, Ll, Łł, Mm, Nn, Ŋŋ, Oo, Pp, Rr, Ss, Tt, Uu, Vv, Ww, Xx, Šš, Iı, Ээ.

При составлении списка суффиксов были использованы замечания В. Г. Богораза на полях тетрадей с текстами и списки суффиксов в рукописи по грамматике эскимосского языка. В. Г. Богораз, указывая на наличие словообразовательных суффиксов, не везде дает развернутое их описание, часто ограничиваясь одним-двумя примерами с указанием (а иногда и без указания) на значение отмеченного суффикса.

Все дополнительные материалы по описанию суффиксов, не принадлежащие В. Г. Богоразу, заключены в квадратные скобки.

В основу описания суффиксов положены материалы чаплинского диалекта языка азиатских эскимосов. Вся дополнительная работа по описанию суффиксов проведена Г. А. Меновщиковым на основании текстовых материалов В. Г. Богораза и новейших материалов по чаплинскому диалекту, собранных в период 1939—1941 гг.

СЛОВА, ЗАИМСТВОВАННЫЕ АЗИАТСКИМИ ЭСКИМОСАМИ ИЗ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА

Эскимосский язык	Чукотский язык	Русский язык
kérgısa	kêrgičın	окно, стекло
aimalqa	ajmalqal	плечевая или бедренная кость оленя, лося.
iníṛla[1]	ınáalek	друг
s'ivaṛo	čevaro	серый
mısunat	mičúneŋ	гребешок
kóligak[2] [у Ал.]	kelíkel	книга, бумага, письмо (первоначальное значение: пестрина, резьба)
kayna	kejŋın	бурый медведь
yeyvali [yaywala]	jejvel	сирота
tuykok	tujketūj	щука
anipa	tíkıl	тополь; [полярная сова]
kitaqa	qêtaqêt	кета
sımna	čumŋı	олень-самец (домашний)

[1] На языке чаплинских эскимосов этот термин встречается весьма редко, так как имеется свой — iia 'товарищ', 'друг'. *Прим. Г. Меновщикова.*

[2] То же самое у аляскинских и гренландских эскимосов — galigak. *Прим. В. Г. Богораза.*

СЛОВА, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЧУКЧАМИ ОТ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Эскимосский язык	Чукотский язык	Русский язык
kayunixak[1]	kanajolgin	рыба — бычок
púzak [pugzak]	púreq	белуха
ulŗaq	otliq	сивуч
taŗyuk	tejutej	морская вода, соленая вода, соль
s'alŋak salŋaŗak[2]	čeŋil	ящик
puttu[3]	pottiŋálgin	[петли или прорези на концах звериной кожи для ее вытяжки при сушке]
nekaŗyak[4]	nike(a)jen	северо-северо-восточный ветер
putuŗnakuŋa	puturérkin	[танцовать сейчас буду]
aylaqaxtak	épläqät	метательная бола
tigak	tikétik	самец-тюлень мелкой породы
kuwáyik	kuwej	детская пища
aywa	ajwan, ajwâ, ajgêpŭ	айван (по-чукотски — эскимос)

---

[1] См. у Клейншмидта — kanaiok, у Ринка — kanaioq, у Келли — kone jo-ok.
[2] См. у Келли — soo-loo-gow'rauk 'очень маленький ящик'.
[3] См. у Петитот — putu, у Rink'a — puto в этом же значении.
[4] См. у Барнума — negŭk.

ЭСКИМОССКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

А

áɻa — лекарство
aɻákaxkaq — назначенное на лекарство [лекарственный]
aɻʷaiŋik — ходящий на четырех ногах
aɻávɻaq — амулет
aɻvínlik — шесть [буквально 'имеющий переезд за пролив']
áɻvɪɻakuŋa — переезжаю через...
árviq — кит
aɻiłuq — рукавица [см. aɻiłuk]
aɻipatuq — сырой [влажный]
aɻipanɪk — дыра
aɻiłuk — рукавицы
aɻivánakaka (aɻivaɻā) — браню его [сейчас буду бранить его]
aɻlałɪk — ходьба
áɻláɻakuŋa — я ухожу домой
aɻláɻnakuŋa — уйду домой [сейчас]
aɻlúk — нижняя челюсть
aɻnáɻɪm kúka — полдень [см. kúka aɻnāɻɪm]
aɻnáɻayégut — плеяды [название звезд. Буквально 'группа женщин']
áɻnaq — женщина
áɻnak — ушко, кончик [см. aɻɪnɪk]
áɻnɪq — день
aɻnáxłak — большая женщина
aɻnáłqwaq — старушка
aɻnálgun — двоюродный брат или сестра по материнской линии
aɻnáxłaiŋa — очень долго пребываю я
aɻnáxkutit — мерило дня [день проводящие]
aɻnánɪitíŋa — я не женщина
aɻónałɪk — гниение
aɻónɪaq — гнилой
aɻónakúq — начинает гнить
aɻólitaq — неподвижно
aɻyúɻnakaka — браню его [начинаю бранить его]
aɻyúkuŋa — скучаю
aɻɪnkäk — правый
aɻɪnka tałiq — правая рука
aɻɪnkałuku — направо
aɻiłuk — рукавица [см. aɻiłuk]
aɻɪpsuq — пар
aɻɪnɪk — петля, ушко, кончик [см. áɻnak]
aɻɪxnakaka — я вешаю [его]
árwa — скисло
aziivɪk — дом [иносказательно, на шаманском языке]
azi — под защитой ветра
ayávik — посох
ayárxun — рука [локоть]
áyaq — древко китового гарпуна
ayátkaxtak — прошлогодний [см. ayúmixłak]
ayɪɻakuŋa — привыкаю
ayɪ́ɻnakúŋa — иду навстречу ветру [сейчас пойду навстречу ветру]
ayékaq — жар от огня
ayékakayuk — свинец
ayumimaq [ayumik] — год
ayúmiłqusiq — весь год [см. суффикс -łqusiq]

ayúnqaŗak — смола живица
ayúmixťaq — годовой
ayúmixłak — прошлогодний
ayúmiq — прошлый год
ayváłqal tuŋiui — три звезды из созвездия Ориона [буквально 'дикие олени']
áyva — север
áyvak — стена спальни [северная стена полога]
ayvóŗnakuŋa — промышляю моржей [сейчас буду промышлять моржей]
áyviq — морж
ākaq — старшая сестра
āk — кровь [см. $a^{w}k$]
$\bar{a}^{w}k$ — кровь
akávzik — морошка
áqałqak — гость
äqáluwaq — морские моллюски, которыми питается морж
akáwutaq — руль
aki — плата, цена
akiŗnákaka — я ему отвечу [сейчас]
akilak — шум, голос
akilŗuŗnakaka — я зову его [сейчас позову его]
akilpiŗáq — торг
akiłpiŗaŗvik — магазин [буквально 'место торга']
akiłpiŗáŗnŗákuŋa — я совершаю торг [сейчас буду торговать]
akimiyaq — пятнадцать
akimla — водка
akinituŋa — без имущества я [есть]
akixłak — луч
aklulŗi — бедный [нуждающийся]
akluŋilŋuk — богатый [буквально 'не бедный']
ákmak — ноша
akmálŗutaq — заплечный мешок
akmáŗnakáka — я несу на себе [я поднимаю ношу]

ákniŗnaq — боль, болезнь
akniŗnakuŋa — мне больно [я заболею сейчас]
akóla — промежуток
akóŗun — пища (шаманский язык) [снег для смачивания кожи бубна]
akózikixiáq — умеющий хорошо рассказывать
akólaŋa — верхний [его верх]
akólik — средний брат
akóliŋani — посредине
akomŗákuŋa я сижу
akomnálŗi — сидящий
akómisitaq — скамейка
akómik — сидение на месте [название одиннадцатого месяца, соответствующего второй половине декабря и первой половине января]
áksa — брюхо
aksákista — [тот, кто прячет] прятатель
akšáknakaka — скрываю [сейчас запрячу его]
aksáknakúŋa — сейчас запрячусь
akšáquq — желудок
akfáłik — бег
akfákoŗnakúŋa — я состязаюсь в беге [сейчас буду состязаться в беге]
aklānakuŋa — я бегу [сейчас буду бежать]
akúzin — слово
akúzinakúŋa — я говорю [сейчас буду говорить]
ákuq — корень травы
akúlŗaq — панцырь [из моржовой кожи]
alánquq — безымянный палец
alánkoŗitaq — кольцо
alignalŗi — шаман
alignaxpak — большой шаман
aliŗnaq — страшилище
aliŗnakúŋa — я боюсь [сейчас испугаюсь]
aliyak — желание

alinalŗi — шаман [см. alignalŗi]
alinaxpak—большой шаман [см. a'ignaxpak]
aliŋnak—страшилище
aliŋtaq—боязливый
alixta—чулок
alkáŗi—колчак
alqōtaq—ложка
ālmúsiq—пребывание
almúsigákuŋa—я пребываю
alúŋnakaka—я облизываю [оближу его сейчас]
alúŋnakuŋa—я оближусь сейчас
álik—товарищ [см. ila]
aliŗnakuŋa — я показываюсь [сейчас покажусь]
aliŗnakaka—я показываю [сейчас покажу]
ałáŋoq—иной, другой
ała—другой, чужой
ałámi—на другом месте
áłxa—второй, во второй раз
áłik—рукав
áma—волк
amáŗnakuŋa—несу на себе [см. akmaŗnakaka]
amáxkak—волчий
amáxtu—горбуша [рыба из породы лососевых]
amiŗaq—маленькая шкура
amıxaq—шкурка
amiŗaxaq—шкурочка
ámiq—шкура
amiłuk—горностай
amīstáxaq—тонкий
amkiłiq—кусание
amkıxnakaka—кусаю [укушу его сейчас]
amkıxnakuŋa—кусаюсь [буду сейчас кусаться]
ámyak—раковина
amównalŗi—слепой [см. amuxtalŗi]
amsánaxsiŗnākúŋa—я улучшаю погоду [сейчас буду улучшать погоду]
amsánaxnakā—успокаивается, устанавливается погода [сейчас успокоится]
amsónak—вёдро, хорошая погода
amuxtalŗi—слепой
amuxłiq — слепота
anáŗŗitaq—бог охоты
anáyutaq—огниво
anáyutet—огниво
ánaq—огонь [kıniq]
análŗi—торос [см. kulúsiq]
anána—тетка по матери
anágnakaka—я бью его [ударю его сейчас]
anáxtuq—падающая звезда
anigu — снег [см. aniu]
aniu — снег [см. anigu]
aniunakā — снег идет [сейчас пойдет снег]
anipa—тополь [дерево]; сова
anixkun—зажженная лучина, свеча
anyátak—запас [дорожных продуктов]
anyatalŗutaq — дорожная сумка
anókasinakuŋa—сейчас вызову ветер
anókataq—ветер [место для ветра]
anókasiŗákaka—я делаю ветер [вызываю ветер]
anōka—ветер [см. anúka]
antóxpak—самец морж
ānuŗnakaka—я выношу [сейчас вынесу его]
anúka—ветер
anakuŋa—я выхожу
aniŗnaq—дыхание
aniŗnakuŋa—дышу [сейчас буду дышать]
aniŋwak—нарыв
ánınak—старший брат [см. aniŋak]
ánik—пыль, дым от пламени
aniŋak—старший брат
áŋak—дядя, брат матери

aŋałkɪnakuŋa — задерживаюсь [сейчас задержусь]
áŋakuq — великий [большой]
áŋâkoq — большой шаман
aŋákuq — сильный [iknaqɪlɣi]
aŋáopákaka — волочу [сейчас поволоку его — qamuɣnaqaqa]
aŋɣúnakaka — заставляю повиноваться [сейчас заставлю его повиноваться]
aŋixaɣaxtaq — спички [см. naxsat]
aŋuáxlak — большая льдина
aŋuáxpak — судно [пароход]
áŋqâq — мяч
aŋligun — брат
aŋligutŋixaq — братец
aŋligúku'ɣi — имеющий брата
aŋligakuŋa — вырастаю, увеличиваюсь [сейчас вырасту]
aŋlinxaɣuk — юный
aŋlisnakaka — сейчас выращу, выращу
áŋlo — тюленья дыра во льду
áŋluku — сильно, велико
aŋóyalɪk — драчун
aŋóyɪɣnakuŋa — хочу драться [сейчас]
aŋótoɣvik — очищенная ото льда вода
aŋujɪɣnakuŋa — враждую [начинаю враждовать]
aŋuyak — враждующий [противник]
áŋuk — большой [см. aŋɪlɣi]
áŋulɣi — великий [большой — см. aŋɪlɣi]
aŋwáɣun — кормовое весло, рулевое весло
aŋɬyaq — лодка
apáyipayiq — паук
apá — дед
apiɣaq — младший брат [см. uyúɣaq]
apitaq — клей
apnákaka — я спрашиваю его [сейчас спрошу его]
ápnakuŋa — гадать буду [сейчас]
apɪɣuɣnakuŋa — я становлюсь известным [обо мне приходит весть]
apiɣinakaka — кончу приготовлять [сейчас]
asáɣa — тетка по отцу
asáluɣaq — деревянное огниво [наковальня]
ášɪq — низ тела
asilik — нижний [буквально 'низ имеющий'; см. суффикс -lik]
asiŋa — низ
asiŋ pi — внизу
asiŋixampi — немного ниже меня
ásxɪq — кулак [рука]
áta отец
atáziq — один [см. atásiq]
atázɪq akimiyuŋam sitnaɣa — шестнадцать
atâlaka — короткие дни
atálguk — двоюродный брат или сестра по отцовской линии
átak — везти
atáta — дядя по отцу
atánka — мои родители [мои отцы]
atáŋit — его родители [их отцы]
atásiq — один
atásiq sitnaɣa — одиннадцать
atásimiŋ isqɪlɣi — одноглазый
atásimiŋ — однажды
átkuk — одежда [кухлянка — зимняя меховая одежда]
átła — чужой [см. ała]
atnáɣuk — татуировка на носу эскимосских женщин
atxilik — средний палец
atúɣnakuŋa — я пою [запою сейчас]
áɬuk — песня [см. ilágan]
atúnɪm ayúkɪk — рáвно сущий [таковой, одинаковый]
atúnɪm — одинаково, одинаковой величины
atúnɪm ajukút — одинаковые
atùnɪm aɬáxkakan — вероятно

atiŗyunákuŋa — я люблю петь
āfkáŗnakaka — попадаю в . . .
âtık — имя, название
aftánaka — собирается потрошить [он его]
aftánakaka — потрошу [сейчас буду потрошить его]
aftuqäq — многокровный
áxkaq — весна [см. upınŗaq]
axkístáxaq — низкий
axkitaq — мель
áxkın — туда
axtūk — высокий
axtúnŗa — высший
axtúŋa — я высок
āxun — тот подальше [указательное местоимение]
áutaq — мешок из шкуры нерпы
áva — опухоль, шишка
avávak — ветка
aváŗnituq — нету, отсутствует [см. aváŋituq]
avákutaq — ребенок
avávalık — домашний олень [шаманский яз.]
aváŋituq — нету чего-либо
avituq — отсутствующий
avúxturálŗutaq — кисет
awı — прочь! [отойди!]
awinakuŋa — передвигаюсь на другое место [уйду сейчас на другое место]
awk [см. āk] — кровь
awınakaka — отскакиваю в сторону от кого-либо
ästúk — коготь
ästulŗúŋa — с когтями я
äsliŗılŗi — широкий
äsnáŗiŗnakúŋa — по берегу буду ходить сейчас
äsxáxłıkuŋa — я буду видеть

E

eglatóŗak — внук, внучка [łtuŗaq]
eŗálikıtık — звезда
éŗŗo — нога [см. iŗu]
eŗnekulŗiŋa — я с сыном [суть]
eŗnigakuk — рожает [см. iŗnigakuŋa]
eŗniłik — роды
éya — глаз [см. iya]
ekáxta — береза [см. ikáxta]
ekáłuŗnak – акула [буквально 'большая рыба']
ełkık — они [дв.]
ełŋit — они [мн.]
ełkwáq — водоросль [морская капуста]
éłkuk — мозг
exsaŋa — я отказываюсь [см. ixsaŋa]

G

garinak — порох
gaŗinalŗutaq — пороховница
guygu — дом

I

iglákaxtaq — имеющий хороший голос
igláxłulŗi — имеющий плохой голос
irálikútak — звезда [см. iŗálıqıtaq]
iŗálıqıtaq — звезда [см. iŗálıkutaq]
iŗivŗaq — вечер
iŗivŗaŗmi — вчера
iŗláxtakúq — движется
iŗna — тот
iŗnaq — сын [iŗnıq]
iŗnıkáŋa — я сын его
iŗnigakúk — рожает
iŗnıłıq — ро́ды
iŗnıq — сын
iŗu — нога
igak — письмо, резьба [маленькая игрушка]
igáŗnakúŋa — я вырезываю узоры [сейчас буду играть]

iyá — глаз
iklum garĺnäk — пепел, зола
ikäq — грива [см. ikıq]
ikaq — грязь
ikáłuk — рыба
ikáxta — кожа [тоже — береза; см. ekáxta]
iknákuŋa — я силен
iknákłúŋa pĭtaŋa [1] — сильным я был
iknákılxa — сильнейший
iknákuŋa łpini — я сильнее тебя [для спряжения сравнительной степени употребляется положительная с объектом в местном падеже]
iknákałaxpıyáŋa — я сильнее всех
iknákuq — сильный [он]
ikunakuŋa — падаю [сейчас упаду]
ikuxlaŗnakuŋa — сильно падаю [сейчас сильно упаду]
ikúvak — восток
ikıq — грива
ila — товарищ
ilágan — песня [см. átuk]
ilágaŗnakuŋa — пою [сейчас спою]
ilagatĭnakáka — поручаю петь [сейчас поручу ему петь]
ilágaŗnálŗi — поющий такил — шаман
ilaŗnakúŋa — движусь [сейчас буду передвигаться]
iláŋkuk — лед [см. siku]
ilutłúk — гнев
ilumiŗnakuŋa — сейчас утолю свой голод [сейчас буду насыщаться]

[1] Здесь прилагательное 'сильный' iknakılŗi оформлено суффиксом деепричастия 1-го лица -luŋa и вспомогательным глаголом pĭtaŋa — был я. Все выражение буквально означает 'силу имея, был я'.

ilûŗak — двоюродные брат и сестра по отцовской и материнской линии
ilu — внутренность, утроба
ilúŗnakaka — я пополняю [сейчас пополню его]
ilúŋani — внутри
ilúpıŗak — подкладка
iłak — отлив
imaq — море [см. mıq]
imáqlik — остров Ратманова [б. Диомид]
imáxluk — волны на море
imáxpik — открытое море
imŗuxtuŋa — складываю [maniŗnakaqa]
inqaq — десна
inlúkulŗĭt — близнецы
intak — линялая птица
iŋlúpigaq — одна часть от пары
iŋlupigaq táłiq — однорукий [одна рука]
iŋetliq остров Крузенштерна [м. Диомид]
ipinŗa — очень острый
ipılŗı — острый
ipıxsakuŋa — точу [непереходный глагол]
ipıxsaŗnakaka — сейчас наточу его [переходный глагол]
ipıxtuq — острый
iskak — почка
ispútak — мерка
istúŗnakúk — глаза ест [начинает есть глаза]
itárnaxtuk — доброкачественный
itáŗnalŗi — хороший
itáŗnatun — хорошо [снова, опять]
itiŗaq — ступня
ituk — молоко [см. mámak]
itxunagakaka — хочу [стараюсь] внести
itxunakaka — я вношу внутрь [сейчас внесу]
itiŗluk — толчок ногой
itiŗvik — вход

itimnakaka — развязываю [сейчас развяжу]
itixtuŋa — вхожу внутрь
itkáłik — падение
ifkáŗyaŗak — пасть, ловушка
ifkagnakuŋa — падаю [сейчас упаду]
ifláq — потеря
iflánakaka — теряю [сейчас потеряю]
iflánakuŋa — я теряюсь [сейчас потеряюсь]
iftu — рысь [см. ixtu]
ikliŋītuŋa — я не врун
ixa — рука
ixáŗnakuŋa — покатым становлюсь [спускаюсь]
ixáŗnakaka — покатым сделаю его [сейчас спущу его]
ixłuk — печь, очаг
ĭxkáŗakaka — я скрадываю его
ıxläŗun — острие китового гарпуна
ixsáłqaq — горло
ixságakaka — отказываюсь от него
ixsăŋa — я отказываюсь [см. exsaŋa]
ixtu — рысь

У

yávukun — весло
yávukunákuŋa — гребу веслом [сейчас буду грести веслом]
yáŗnak — ручная сажень [мера]
yaŗıya — чайка [см. náŗuya]
yákłuku — медленно [см. nunmaxłuku]
yáquk — крыло птицы
yákıstaq — медленно
yákıuŋa — я медленный
yaxtăŗnakaka — меряю [сейчас буду мерить]
yáxtak — мера длины
yatáŗnakuŋa — я проголодался [сейчас проголодаюсь]
yeŗutaq — сверло
yeyváli — сирота
yug-malŗuk — сорок
yuk — мужчина, человек
yuk-kikmiq — кобель
yukšuk — человечище [презрительно-увеличительное значение]
yulăk — раб
yupigīt — буквально 'настоящие люди' [настоящие мужчины]. Это имя дают себе сами азиатские эскимосы, подобно чукчам, называющим себя также 'настоящими людьми'
yuxpáŗak — великан
yuxpaxłák — большой человек [человечище]
yuxšak — человечишка
šak — презрительно-уменьшительный суффикс
yuxıuqäq — многолюдный
yuuluŋa — я человек [yuguluŋa]
yuunŗituŋa — я не человек [yugunŗituŋa]
yuusăq — тело [yugusiq]
yuwınak — только мужчина, весь мужчина [yugínaq]
yuwvagıt [yugyágıt] — собрание мужчин
yuwuŗnakuŋa — сторонюсь [сейчас посторонюсь]
yutaŋıtuk — он глуп [см. sumiŗuŗiłŋuq]
yúw málŗuk — сорок [см. yug — málŗuk]
yúw malŗuk kollá sitnakluk[u] — пятьдесят
yúw piŋayu sitnakluk[u] — шестьдесят
yuw piŋáyu kolla sitnakluk[u] — семьдесят
yuw stama sitnakluk[u] — восемьдесят
yuw stama kollá sitnakluk[u] — девяносто
yúw tałima — сто
iváŗnakáka — ищу [сейчас буду искать его]

iválu — жила
iwa — хозяин
iwinłu — прежде чем

K

kágaq, kagimłik — разрыв, разлом на части чего-либо
kagimnakaka — я разламываю на части [сейчас разломлю на части]
káṛik — волна
káṛnakaka — посещаю [я должен сейчас посетить его]
káṛuq — лоб [см. kágaq]
kaṛútuq — засунутый
kágwaq — птица [см. kawáq]
kazi — верхняя губа
káku — когда
kakšáṛun — кнут
kayáq — каяк, маленькая одноместная байдара
käyākalṛi — плачущий [см. kiyákalṛi]
käyānakuŋa — я заплачу сейчас
kayāłqânakáka — я побеждаю его [сейчас я одолею его]
kayāłkignákaka — побеждаю сейчас его
kayāłṛpiguk — ехать на каяке [едущий на каяке]
kayánakuŋa — радуюсь [сейчас буду радоваться]
kayálŋuq — он слаб
káyṛu — кора
kayiṛṛuxta — отклик, эхо
káyŋa — бурый медведь
káyŋani — наверху
kayŋúnaxtuq — постыдный
kayŋánitignáṛma piláŋa — пусть я буду без верхней одежды
kayŋúyugnakuŋa — он стыдится
káyu — рыба-бычок
kayugxłak — потому что, так как [см. kayúłak]
käyúṛakuŋa [пью мясной бульон или чай]
kayúk — бульон
käyúłak — потому что, так как [см. kayúgxłak]
kayúŋixak — рыбка-бычок
kayútaq — корыто для мяса
kalákałik — щекотание
kalákatáṛnakáka — я его щекочу [сейчас буду щекотать его]
kalṛérvik — течка оленей
kalṛilṛi — кричащий
kalṛikakaka — кричу, как кто-нибудь [подражаю в крике]
kałqásek — пуп
kalŋagim iluŋanun — в сумку [iluŋanun — внутрь чего-либо]
kálŋak — мешок
kalŋáim ilúŋanun — в сумку [см. kalŋágimiluŋanun]
kalpúṛnakáka — отворачивать буду его сейчас
kalpúxnakáka — отворачиваю [сейчас я его отверну, см. kalpúṛnakáka]
kalun — сачок [см. kałún]
kalivnakúk — тонет [сейчас будет тонуть]
kałúviṛnáqaká — делаю одежду для кого-то [сейчас буду делать одежду]
kałuk — гром, см. kasłuk
káłun — круглая сеть из китового уса, сачок
kałivuŋistak — кукла [также платье для куклы]
kałivak — женская меховая одежда
kamáṛyak — ресница [см. kamiṛyak]
kamáni — в пологе [указат. местоимение — там внутри]
kamáṛnakuŋa — кончаю [сейчас кончу]
kamágnakaka — кончаю его [сейчас кончу его]
kamáxłuku — всё
kamiik — санки [см. kamiyik]
kamiyik — санки [нарта]
kamiq — спинной хребет

kamiskaxkak — назначенное на санки
kámna — внутри [чего-либо]
kamiɣyak — ресница
kamiɣnakaka — я гашу [сейчас буду гасить]
kamik — обувь
kamignakuŋa — я обуюсь [сейчас]
kanáɣmik — жвачка табачная
kanáɣminakuŋa — я жую табак [сейчас буду жевать табак]
kanáɣmigakuŋa — жую табак
kanáɣmik — лемешина
kantaɣánliŋuk — родственник
kánák — песок
kánäq — рот [см. kánnik, kániq]
kanáɣnakaka — я засовываю [сейчас засуну]
kanálik — песчаный
kanaxfiknakuŋa — я наполняю его [сейчас]
kanigraq — снегопад
kánik — снег, снегопад [см. kanigraq]
kániq — рот
kánik — макушка
kánnik — рот
kántak — ножны
kanúya — медь
ká[y]ŋa — бурый медведь [см. káyuŋa]
kaŋiq — бухта
kaŋikłiq — коренной зуб
kaŋigaq — племянник, племянница
káŋwak — совка [птица]
kāpanakuŋa — сейчас порежу себя
karáxlik — щель [см. kupáxlik]
kapisiɣnakuŋa — комкаю [сейчас скомкаю]
kápkaxtak — винчестер [буквально 'колющий']
kápsik — росомаха [см. káfsik]
kapsiŋa — сколько [см. kafsiŋa]
kasłuuxnakúŋa — я становлюсь громом
kasłúq — гром [см. kałúk]
kātakuq — он приходит [приближается, подъезжает]
kātakuŋa — я прихожу [приближаюсь, подъезжаю]
katiɣyaɣak — белая маленькая птичка
kátilɣi — белый [также 'песец']
katilɣi šéɣniq — тарелка [буквально 'белая посудина', см. siɣnaq]
kátilɣi ayékakayuk — олово [буквально 'белый свинец', см. ayékakáyuk]
kátilɣi ámiq — белая шкура
kátilɣi — белый [см. kátilɣi]
kátilɣi — песец
kávaq — сон
kaválɣiŋa — я спящий [причастная форма с суффиксом -lɣi]
kavámni — во время моего сна
kavánɣinakuŋa — я не усну [сейчас]
kavaŋoɣnakuŋa — мне снится [мне сейчас будет сниться]
kaválkamta — не спавши [супин, 1-е лицо мн. числа]
kavárnakuŋa — я засну [сейчас]
kavék — лисица [см. kavik]
kaviɣun — ольха
kavik — лисица
kavilɣak — красный [см. kavilŋuq]
kavilŋuq — красный [см. kavilɣak]
kavrátaq — черпальная ложка для вынимания мяса из котла
kawák — птица [см. kawaq, kaɣwaq]
kawáxpak — орел [см. kawáxpik]
kawáxpik — орел [см. kawáxpak]
káfnakúŋa — я рублю дрова
káfsik — росомаха
kafsiŋa — сколько
kafšixtugnakúŋa — иду по дрова [сейчас пойду по дрова]

keyŋixtumáṛma piláŋa — я с его оленями есть
képaq — нитка [см. kipaq]
képitak — капитан
kergısa — окно
kéxkak — остров [см. kixkak]
kexfnákuŋa — я кашляю [сейчас буду кашлять — см. kixfnakúŋa]
kešimnak — брусок точильный
kī — рана
kigmi — летом
kiguxtakuq — зеленеет
kiṛúyak — сполох [дв. число]
kiṛıyak — груда камней
kiyákalṛi — плачущий
kiyánakuŋa — сейчас я заплачу
kiq — камень
kiyáṛakuŋa — живу, нахожусь
kīk — лето
kiywaxak — ручей, речка
kiyuṛmi — поречанин
kikmiq — собака
kikmiṛak — щенок
kikmixłak — большая собака
kikmiṛıuxłák — собака-великан
kilágak — небо [потолок см. kilak, kiłak]
kilak — небо [см. kiláṛak]
kiluk — шов [см. kiłuk]
kiłak — небо [см. kilágak, kilak]
kiłu — кишка
kiłuk — шов [см. kiluk]
kimṛiq — худощавый
kimúxsiq — едущий на собаках
kina — кто
kináŋixak — кто маленький [уменьшительно от kina — кто]
kináŋuŋa — я это сам
kináŋusiŋa? — кто я? [глагольная форма вопросительного местоимения]
kináŋutın — ты это [употребляется редко]
kinıŋlaṛaka — сушит
kiŋáṛnak — предмет брезгливости
kiŋáxtuŋa — я брезгую
kiŋálık — баул, сумка
kiŋúk — червь
kinúliq — задний
kiŋúnak — потомок
kiŋúŋani — сзади
kıpaq — нитка жильная
kipaṛaq — ситец
kipitaq — ключ [от замка]
kipúnakaka — я меняю [сейчас поменяю]
kistúnakuŋa — считаю [сейчас посчитаю]
kitáka — кета [рыба из породы лососевых]
kitniq — пятка
kitúm — чей
kitúmi — у кого [он]
kitúmisiŋa — у кого я есть
kitıfkayúk — чукотский язык
kiuım ısniŋa — берег реки
kiu(ı)m äsnáŋakuŋa — по речному берегу хожу
kixkak — остров
kixfik — летовье
kixfnakúŋa — сейчас буду кашлять
knókaxtuŋa — закалываю
knóxłakuŋa — я заколю [буду колоть]
kováya — панцырь
kóvraq — сеть
koyilik — кочевник [см. koyitik]
koyŋixta — кочевник
koyixruxłak — богатый кочевник
kóyŋa — трубка
koyŋilgutaq — загон для оленей
koyŋikšuk — оленище
koyŋik — олень [см. kóyŋiq]
koyŋiliṛnakúŋa — езжу на оленях [сейчас поеду на оленях]
koyŋiłık — оленеводство
koyŋistaxmak — только олени [одни олени]
koyŋitiṛnáṛma piláŋa — я без оленей буду

kóyŋiq — домашний олень
kóq — дрова, полено
kóka — спина [см. xatmiɣruq]
kókaq — спина [см. xatmiɣruq]
kokúpak — нерпа крылатка
kollá — десять [см. kúla]
kólvak — верх
kólvani — вверху
kólvanun — вверх
kólmisak — булыжник
kólmisa — котел [см. kulmisa]
kolŋixamni — немного выше меня
kółiɣak — штаны
kółiq — верхний, верхняя сторона
kōmlátā — замерз [заморозил]
kōmlánaka — морозит [безличный глагол]
kóraxłăk — раскол
kópaɣakuk — раскалывается
kopáxnakuŋa — жмурюсь [сейчас зажмурюсь]
kósnak — хвостец, кобчик
kóta — запад [см. kótfak]
kótfak — запад
kótixnak — тихая погода
kóxkak — дровяной
kowpágit — серьги
kówk — полено
kuvinaxtuk — он жирен
kuɣúwik — [морская чайка]
kuyáɣuk — морская звезда
kuyiłik — чукча-оленевод
kuyŋilipik — истинно богатый оленями
kuyŋitiɣŋan — он без оленей есть
kúk — половина
kuká aɣnăɣim — полдень
kukáxtuq — из середины моря приходит
kúla — уголь
kulmisa — котел [см. kolmisa]
kúla — десять [см. kullá]
kulúseq — губа [ледяная глыба]
kulúsiq — ледяная гора [см. kuluseq]
kułám atázik sipnaɣa — одиннадцать [буквально 'десять один его лишний']
kułigik — штаны
kumáɣitaq — рубаха [буквально 'место для насекомых']
kúmaq — вошь
kumáɣnákyk — насекомых ищет [сейчас будет искать]
kumáxnakaka — разжигаю огонь, лампу [сейчас разожгу]
kumáxtuq — пылает [запылал]
kumláŋaka — оно мерзнет [безличный глагол]
kumlatakuq — замерзает
kúmlu — толстый палец
kúniq — слеза
kúpak — серьга
kupúma — женщина [шаманский язык]
kusukixłīk — сосулька
kúta — суша [земля по отношению к морю, см. kútfak]
kútfak — суша, материк [см. kúta]
kúuq — лебедь
kuwáxtuq — кисель [кислый он, этот]
kuwɣálik — мускусная крыса
kuwīkak — жир внутренний
kuwatkunakuŋa — я поливаю жиром
kiviq, kiŋuk — желудок оленя
kiwinaq — мешок с жиром
kiyáɣak — ткань [от kipaq — нитка]
kiyáɣnak — бытие [kiyaɣniq]
kiyámiqnakaka — заставляю плакать [заставлю сейчас плакать]
kiyáłik — жизнь
kiyáxtaq — флаг
kiyáxtaq — мачта [см. paráɣyaq]

kɪláxɬuk — облако
kɪɬáxɬuxɬak — туча
kɪlɣalɣuk — распахнутый
kɪɬpɪnakɪŋa — раскрывать буду сейчас [непереходный глагол]
kɪɬpɪnákaka — раскрывать его сейчас буду [переходный глагол]
kɪmâɣnak — легкие
kɪmáɣnakɪŋa — убегаю [сейчас убегу]
kɪmáɣnakɪŋa — обращаюсь [сейчас обращусь во что-либо]
kɪmĭɣyak — ресница
kɪnak — огонь от лампы
kɪnáxtaxtuq — сверкающая молния [сверкает молния]
kɪnɣáxtuq — голубой песец
kɪnɣagŋalɣi — сухой
kɪŋáq — нос
kɪpxaq — работа [см. xwáŋik]
kɪpɪɬák — отрез, кусок
kɪpɪxkak — пень [собственно 'отрезанное']
kɪpúɣnakaka — я режу [сейчас буду резать]
kɪta — восток
kɪtɬak — гóлоледь
kɪxpɪstâxak — узкий
kíɪxmi — человек с американского берега [от Қíɪmɪn — мыс принца Валлийского на американском берегу Берингова пролива]

l

láxɬak — казарка
laxlɪlik — место с казарками
laxlɪɣuaɣnakúŋa — ищу казарок [буду сейчас искать казарок]
lixtugu — делай. Один из трех вспомогательных глаголов, который употребляется только в сочетании со смысловым глаголом. Здесь В. Г. Богораз дает неточное значение этого глагола
lixtug — скорее означает „быть" а не делать (как и вспомогательные глаголы pi и auka в том же значении.
lixtuq — делает
liɣnakuŋa — делаю что-либо [сейчас буду делать что-либо]
liɣnakamkɪn — делаю тебя [сейчас буду делать тебя кем-то]
lisimaq — умный [научившийся]
lisiɣnakaka — я узнаю [сейчас я узнаю его]
lisiɣakuŋa — мне известно [я знаю]

ł

łáŋaka — как будто
łilákak — посланный
łoɣmilɣit — пращники [название звезд]
łóo — праща [łuk]
łóonakaka — бросаю из пращи [сейчас брошу в него из пращи]
łŋa — он
łŋit — они
łpɪk — ты
łpɪsi — вы
łúyak — мышеловка

M

maɣlálɪn, [k'ɪmuxta] — человек, едущий на собаках
maɣɣaɣvɪnlik — семь [буквально 'дважды через']
makłak — лахтак [вид тюленя]
máknak — водопад, струя, течение
mákumi — здешний
makúmiíŋa — я здешний
mákut — эти, здешние
makúɣnakaka — снимаю ремень, одежду
mauɣakuŋa — поднимаюсь вверх [сейчас поднимусь]

mālṛuk — два
malṛuwluta — мы двое
malṛuwlusi — вы двое [malṛusi]
mālṛúwnıŋ — дважды, двумя
mālṛuk akimıyŋám sitnaṛa [sipnıṛa] — семнадцать
máłu — падаль
mámaṛnak — молочный
mamáṛnakuk — сосет [сейчас будет сосать]
mámak — молоко [см. ituk]
mámak — женская грудь
mamáṛnakaka — кормлю грудью [сейчас буду кормить его грудью]
mamáxtaq — сосущий ребенок [см. mamáxtıkak]
mamáxtıkak — сосущий ребенок [см. mamáxtaq]
mamlıgnaqsiṛákaka — [я буду ждать темноту]
mamlik — темнота
manálgutak — место для удочек
mánan — уда [см. manátŋixak]
manáṛnakúŋa — ловить сейчас буду удочкой
mānaxtuq — ловящий удочкой
manátŋixak — удочка [см. manán]
manásiq — леса [от удочки]
máni — деньги [от 'монета']
mānik — яйцо
maŋtṛáxpixpalgúŋa — я есть имеющий большое место, назначенное для дома
maŋtṛálguŋa — у меня есть дом
máŋtṛaq[1] — дом [см. mıŋtṛáq]
máŋtṛałak — место стойбища
maŋtṛáxpakłák — большой дом
maŋtṛáxtumaṛma pilaŋa — я имею дом [буквально 'я с домом есть']
maŋtṛitıṛŋan — он без домов есть
maŋtak — съедобная китовая кожа
máŋık — верхняя половина моржовой шкуры
maŋtṛáxkak — назначенное на дом
matáṛmi — голый
mataxtakuq — раздевается
mátxak — скоро
mātın — теперь, сейчас, сегодня
másaq — пригреть [тепло]
masáxtuq — пригревает солнцем
masinka — хороший [с чукотского мэсынкы 'хорошо']
maxkátakuq — замерзает, укрепляется
maxkátwık — укрепление
maxkátusik — замóк
méłkuq — перо
milunakaka — бросаю его [сейчас брошу его]
milúgnakuŋa — курю табак [сейчас закурю]
miṛaxpok — особый вид женского духа [шаманский язык]
müq — вода [см. mıq]
mulúqnakuŋa — следую [сейчас буду следовать]
mukilṛəq — мальчик [см. mıkılṛiq]
mukilṛek — мальчик [см. mıkılṛiq]
muláq — вой
muláṛnakuq — воет [сейчас будет выть]
múmäq — палка бубна [см. patótak]
mūwatuk — сладкий
mıṛmısnıŋa — край воды
mıṛuúṛakuŋa — я жажду
mıkistaxak — маленький

[1] Основу слова maŋtṛáq 'дом' В. Г. Богораз далее дает в форме mıŋtṛaq, что соответствует современному произношению этого слова mıŋtṛaq.

mɪkuq — облысевший, облезший
mɪksuk — жажда
mɪkɪlɣɪk — отрок, юноша
mɪq — вода, море [см. müq, imaq]
mɪłkuq — волос человеческого тела и животных
mɪŋtɣaq — юрта
mɪŋtɣáyaɣɪt — группа домов
mɪŋtɣáxpāk — большая юрта
mɪŋɪłak — лужа
mɪkɪstak — маленький [см. mɪkɪstaxaq]
mɪkɪstaxaq — маленький [см. mɪkɪstak]
mɪkɪstaxāgakuŋa — я есть маленький
mɪpik — питьевая вода
mɪsūŋɪsak — касатка морская
mɪtɪxlɪkɪłak — вороний человек [сказочная форма]
mɪtŋɪɣópakaka — в тайное бегство обращу его сейчас
mɪtɪɣyaq — бровь
mɪsúpaŋa — гребень
mɪškák [mɪsaxłak] — болото

N

naɣáɣaquq — играет
naɣáxta — слушатель
naɣáxtuŋa — я слушаю
nāɣvik — стол
nāɣérluku — [раньше]
naɣóya — чайка
náɣpa — краб
nagaɣpákaka — услышу носом, нюхом [сейчас]
näɣaɣpákuŋa — я ем [сейчас буду есть, см. pɪɣaɣpákuŋa]
naɣúyapik — большая белая чайка
naɣułäk — моржовый гарпун
nāɣupakuŋa — воспринимаю запах [сейчас буду слышать запах]
nágun — где [указат. местоимение]
naziɣaq — серая нерпа [маленькая молодая нерпа]
naziɣaxsɪq — месяц рождения нерп [название месяца]
náyak — сестра
payúɣasta — караульщик [см. payúxta, payúɣista]
payuɣpakaka — я караулю его [я буду караулить его]
payuɣpakuŋa — караулю [буду караулить]
náyvak — озеро
náyvam yúwa — хозяин озера [буквально 'озерный человек']
náyɣaq — гора
náyɣam nuvuwa — вершина горы
payúɣista — охранитель [см. payúɣasta, payuxta]
payúxta — караульщик [см. payúɣista, payúɣasta]
pakáɣpakuŋa — я помню [сейчас вспомню]
pakásuk — мочевой пузырь
pakáxqaq — мачеха
pakáxtaq — не местный, не здешний; пришелец
pakáxtauŋa — я не здешний
pakúmi — откуда
pákɪmi — где
pakɪn — откуда
pälqäɣɪk [kułgɪk] — штаны
pałkapakaka — нахожу [сейчас найду его]
pałokak — непонимание, неслышимость
pałukaka — я не знаю [я не понимаю этого]
páni — где [см. pákɪmi]
paninak — только белый медведь [суффикс -inak в значении 'только', 'полностью'; отсюда yuginak 'двадцать', от yuk 'человек', что означает буквально 'полностью человек']
pánoq — белый медведь [см. pānuq]

nànuq — белый медведь
napáɾyaq — основной столб шатра; мачта
nápnakuŋa — застреваю [сейчас попаду в капкан]
náp|uk — сустав
násak — капюшон мужской и женской одежды
nasáprak — шапка
nasápıralıɾuk — худую шапку имеющий
nasápıráxpalık — большую шапку имеющий
nasiɾnakáka — пробую [сейчас попробую]
náskak — кожа со лба
násquq — голова
nasquɾun — головная повязка
natíknak — равнина
natın — пол
nátɬuk — дурак
nátıq — передняя часть яранги [коридор яранги]
natın — как
natıxkak — подошва
náxqwaq — кость
naxkúruk — остов юрты
naxkʷúruk — скелет
náxpak — вёдро, штиль
naxpaxtaɾakaka — вёдро делаю
náxpın — аркан
naxsat — спички
náxset — огниво [см. náxsiq]
náxsiq — огниво [см. náxset]
naxtúkak — пуговица
naxtavak — цепочка
návuk — куда
navɾutakaka — я меняю
návık — куда
nɾilɾiŋa — я едящий [причастие настоящего времени]
néqa — пища, мясо [см. nıqa]
nekáɾyaq — северо-восточный ветер
nesáprak—шапка[см. nasáprak]
niɾák — сеть для ловли зайцев
niɾápraq — силок для ловли птиц
niɾápsák — петля, силок для ловли птиц
niɾúxkin — солнце [собственно 'светлый' на шаманском языке]
niŋáwak — зять и невестка [муж дочери и жена сына]
niŋlíkaxtuq — зябнет, остывает сильно
núvaq — слюна
núvăxtuq — слюнявый
Nuvóqaq — Наукан [эскимосское селение на мысу Дежнева]
núɾak — теленок [олений] или одежда из телячьей шкуры
núyak — волос
nuyıqɬiq nayaɾa — старшая сестра
núlik — жена
nulíxiɾvak — вдовец
nulíxilŋuk — холостяк [буквально 'без жены сущий']
nulíŋkalgun — свояк [буквально 'женогруппный']
nuliɾnakaka — буду иметь жену [я женюсь на ней]
núqak — земля [см. núna, núnna]
núkaxta — тетива
nukútuk — широкий
nukútukaq — широкий
núna — страна, земля
núnak — село
nunánik — забава
nunánituk — нет забавы
nunáninakuŋa — я забавляюсь [сейчас буду забавляться]
nunívık — съедобное растение
nunmaxɬuku — медленно
núnna — земля [см. núna, núnaq]
nusúwaka — [я вытащил его]
nutáɾaq — новый

nutálik — самка моржа
núxa — сын брата для его сестры [племянник]
niɣak — сеть на зайцев или лисиц
niɣáxpak — сеть на рыбу
niɣaɾnakuŋa — сейчас буду есть [см. năɾnakuŋa]
niɣuk — свет
niɣúutuk — он блестел [он блеснул, засветил]
nilik — хозяин [см. umilik]
nikáɾna — морское животное [на шаманском языке]
niklíɾnakuŋa — счастье предвещаю [сейчас буду предвещать счастье]
niqa — мясо, пища [см. néqa]
nináawaq — зять [см. niŋáwak]
niŋluɾnak — предмет смеха
niŋlu — полог
nipsuk — дождь
nipšugnunakuŋa — дождь ворожу [сейчас буду ворожить дождь]
nipšuuxsimaq — дождь пошел [дождь шел]
nixsaq — тюлень [нерпа]
nixsáxtuŋa — промышляю тюленей
nixtókak [naxtukaq] — пуговица
nixtukak — пуговица
nivóɾnakúŋa — навзничь отклоняюсь сейчас
nivóxtalɾi — покойник — на шаманском языке [буквально 'навзничь лежащий']

ŋ

ŋauŋáɾaq — комар
ŋútŋuq — бородавка

O

oɾluvik — лук [см. uglúvik]
oɾumaxtuŋa — я потею [oɾumanakuŋa — сейчас вспотею]
oyuɾa — его младший брат [см. uyuɾaq]
ojuɾaq — младший брат по матери [просто младший брат]
oyúkliq — молодой [младший]
oyúklïxak — младший
om ăɾnăɾmi — сегодня [в этот день]
omik — [крышка]
ōnɾak — гарпун [см. unɾak]
ónɾak — древко моржового гарпуна [см. unɾak]
onugmi — ночью
onuɾnaka — вечереет [сейчас будет вечереть. Все безличные глаголы оформляются по переходному спряжению]
oolkiq — клубневое растение [картофель]
onúguma — свечерело
óxkak — стена спальни [южная стена полога, юрты]
óxtuk [əxtùk] — высокий
óxkistaxak [axkóstaxaq] — низкий
óxkak — юг
osaq — клич
óskalɾi — глубокий
óskalɾi — высокий
óskaxtuq — глубокий [он суть глубокий]
ósnaɾwak — холм
ósnak — берег [см. snaq, ïsnaq]

P

páɾyuk — близко к морскому берегу [указат. местоимение]
pagúnɾaq — ягода
pagúnɾaɾnákuŋa — сейчас буду есть ягоды [см. paípnɾaxtúɾnakúŋa]
páik — устье морской реки
páiq — дырка
payákaq — икра
payíɾnakaka — я встречаю его [сейчас пойду ему навстречу]
paláxaq — мало

palóxtaq — бобер
pakínɣuɣnakuŋa — царапаю, треплю [сейчас буду царапать]
pamyuɣaq — крестец у человека, зад у оленя
pána — копье
panáŋɬaɣakuŋa — делаю копье
pànik — дочь
pánik — девочка [дочка]
panikitima — дочка [сказочная форма]
panɬäk — головня [см. panɬik]
panɬik — головня
paŋaliɣnakuŋa — бегаю, езжу быстро [сейчас побегу на четвереньках]
páŋɣun — однолопастное весло каяка
papáskulik — рыба [шаманский язык: буквально 'хвостатый']
papáskuq — рыбий хвост
pápxa — его хвост
papik — хвост
paunɣaq — ягода [см. pagunɣaq]
paunɣaxtuɣnakuŋa — [см. pagunɣaɣnákuŋa] я ем ягоды [сейчас буду есть ягоды]
patótak — палочка для бубна [см. mumäq]
páwŋa — черенок
pikaka — я сказал [я говорю ему]
pinakuŋa — я сейчас буду говорить
piyánakaka — я заставлю ходить [сейчас заставлю ходить]
piyuɣɣarak — альбатрос или фрегат
piyuxta — зверь
piyúwjaɣnakuŋa — начинаю ходить [скоро научусь ходить]
pikáŋa — чей я
pilárnakaka — режу его [сейчас буду разрезать]
pilárnakuk — режет [сейчас будет резать]
piluguk — платье
pilugunakuŋa — я одеваюсь [сейчас буду одеваться]
piɬɣunakuŋa — я дерусь [сейчас начну драться]
piɬuuk — платье [см. piluguk]
piɬuutak — место для платья [сундук]
pináxtuŋa — ломаю
pinárvik — весенний ледокол
pininɣa — лучший [см. piniɬxa]
pinilɣi — хороший [см. pinixtuq]
piniɬxa — лучший [ср. pininɣa]
pinínakaka — я люблю его [сейчас полюблю его]
pininakuŋa — хороший я пребываю [хорошим я буду сейчас]
pinixkak — ловкий
pinixkíliŋuk — неловкий
pinixsíniliŋuk — он красив
pinixsuwnínakuŋa — я красив [я становлюсь красивым]
pinixtuq — хороший [см. pinilɣi]
pinixtuŋa — хороший я
piŋáya — третий, в третий раз
piŋáyunin — трижды
piŋáyunixkak — третий
piŋáyunináкuŋa — я третий [я становлюсь третьим, присоединяюсь]
piŋá unuluta — мы трое
piŋáyuniŋ-iŋlulik — восемь
piŋáyut aqimiŋam sipnaɣa — восемнадцать
piŋáyut — три
pixtuk — метель, пурга [поземка]
pixtuxsiɣak — выдра
plárnak — скука
pláya — карта [игральная]
pnáwqulin — островитянин
pxŋik — горный баран [см. pitniq]
pŋak — утес [см. pitnaq]
póyuq — дым
potóxtuq — пляшущий [см. tukálɣi]

póvik — опухоль
póvnakuq — опухает [сейчас начнет опухать]
pugzaq — белуха
puya — сажа
puzäq — белуха [pugzàq]
pukłà — жарко
pukłikuŋa — мне жарко
puklátuk — теплота
pukfálà — западный ветер
pumsuk — клещи кузнечные
pumsukaxtan — ножницы
pumsukīxtak — ножницы
prótoq — табакерка [см. prutku]
prutku — табакерка
puttu — дырка, пробитая ножом в конце шкуры
putuṛnakuŋa — я пляшу [сейчас буду плясать]
pútuquq — толстый палец
puúyunakuŋa — я плаваю [сейчас поплыву]
piṛlá — сосуд для кормления собак
piṛnim — насилу, едва
pikák — фитиль лампы
pilíluq — забавный
piłuwnakuŋa — скоблю [сейчас буду скоблить шкуру]
piŋiq — лиственник, лиственница
piŋukšak — холм [см. tipuupa]
pixkáṛnakaka — начинаю выпускать из рук
pixnakaka — выпускаю из рук
pixtuxšáṛak — выдра
pixista — сторож [не спящий ночью]
pitiṛnakug — высыхает
pitnaq — утес
pitniq — горный баран

R

ráuliŋa — белка [с чукотского — ráuli]
risákälṛik — плавник
rixta — нора, берлога
rirá — молоток [см. riráŋwaq]
riráŋwaq — молоток

S

saṛláxsiniłŋuk — он некрасив
saṛláṛuŋa — я худой [я плохой, некрасивый]
sáṛláṛunakuŋa — плохой я пребываю [начну быть плохим]
saṛlaṛuk — худой [плохой]
saṛlinṛa — худший
saṛliṛaq — сука [собака-самка]
saṛlitun — плохо
saṛliṛók — плохой, плохо
saṛuyalik — человек с бубном, шаман
saṛumiq — левый
sayánıq [iqnakilṛi] — сильный
sayunakaka — тяну [сейчас начну тянуть]
saŋuŋa — что это
saĭkuwáṛnakaka — я ощупываю его [сейчас начну ощупывать его]
sáflik — ощупь
saĭnakaka — щупаю [буду сейчас щупать]
saki — сестра моей жены [и мужа]
sakimak — грудь [кости]
sakiṛak — брат жены
sakiyuŋa — тесть, теща
sákuq — что-то делает [он]
sałŋáṛıq — ящик
sálṛak — зараза, мор
sáluk [miṛyułıq] — жажда
saluxnakuŋa — жажду, очень хочу пить
sámi — не знаю
sámni — с моей стороны
sanin — поперечный
sánkon — кладь, рухлядь [товар]
sanávuk — почему
saŋusik — что
saŋusixak от saŋwa — что это маленькое [образовано от

вопросительного местоимения saŋwa, 'что' с уменьшительным суффиксом -xak и вопросительной частицей -si]

sáŋwa — что

sapıxnak — холод [мороз]

sasitmi — поперек

sátılŗak — журавль

sátık — мездра

sávik — нож

savikınŗak — железо

savixta — кузнец

sávuk — гарпун китовый

sávŗıta — острие моржового гарпуна

savuim tunutaŋa — обух ножа

sawákun — с его стороны

sequyaq — бубен

séŗunılik — дикий олень [иносказательный шаманский язык]

sénkutak — кладь, оружие, вещи [см. sánkun]

sivaro — серый [с чукотского; см. эскимосское sxávyu]

sivuŗnakaka — выжимаю воду [сейчас буду выжимать]

Sivukaq — остров Лаврентия [буквально 'впереди находящийся']

sivukun — передний, прежде всех, сперва, сначала

sivuliq — первый создатель

sivunak — предок

sivuŋani — впереди

siŗunak — олений рог

sigun — ухо [см siun]

sigiskuq — колено

sikinäq — солнце [siqiniq]

sikixpak — барсук

sikláŗnakuŋa — лицом падаю [сейчас упаду лицом]

sipnakuŋa — я лишний [останусь лишним по счету]

siku — лед

sikuk — игла

sikulŗutaq — сумочка или коробочка для иголок

sikum kika — ушко иголки

siluk — птичье перо

simkátvalak — складной нож [с чукотского]

siŋáŗnakaka — я целую его [сейчас поцелую его]

siŋiq — оборы

sıŋik — кончик ножа, топора

siŋiskaq — колено

siŋnakaka — выдвигаю наружу, высовываю

siún — ухо [см. sigun]

siunmikıtak [sigunmikıtaq] — гриб

siutŋixak [sigutŋix'aq] — ушко

sixtáŋa — разрезаю

sixılxa — разрез

sikıŗnakaka — открываю [сейчас буду открывать]

sŋáq — морской берег

snáŗmi áyvan — прибрежный житель

sóraq — [голубица]

soŗnalŗi — желтый [голубой]

sxávyu — серый [см. sivá̧ro]

sxaŗaká̧ka — я тебя вижу

sxuk — колокольчик, звонок [см. vini, veni, vani]

stáma — четвертый, четвертый раз

stamanıŋ-iŋlulik — девять

stámanıŋ — четырежды

stámat — четыре

stımŗok — замерзший снег с водой

suŗrok — клюв

suŗuk — поход

suŗuwnakuŋa — походом иду [сейчас пойду походом]

suqaq — китовый ус

sukaŗlutın — скоро [sukáxłuku]

sumıŗnıŗilŋuq — глупый [см. yutaŋituk]

suŋaq — желчь

supnakaka — я дую [сейчас буду дуть]
supuŋaq — клок волос
sufluk — труба
sufluxtaq — ствол ружья
sufluwaq — ружье [sifłuŗaq]
supuŗaq — сильный ветер

T

taŗinŗilxa — неприносящий
taŗiyaŗułkúŋa — я начну приходить [taŗiyaŗúłkuŋa]
táŗyuk — соленая вода; соль
taŗláŗnakuŋa — ухожу [сейчас пойду домой к берегу]
táŗnäŗak — душа; тень; чорт [см. tuŗnıŗaq]
taŗnilŗi — черный
taŗnúxak [taŗnúx'aq] — ребенок
taŗrum vâłınıŋ — трава для полога
táru — человек [на шаманском языке]
tagîłık — ходьба
tagítuk — туман [буквально 'он приходит']
tagiyumnakuŋa — я расположен придти
taginkámta — не приходивши были мы
tagnuxastaxınak — [одни только дети]
taziŋa — там
tazíŗna — тот
tayuxkınakuŋa — тороплюсь [сейчас буду торопиться]
táfsi — пояс
táknakaka — прекращаю [сейчас прекращу]
táknakuŋa — перестаю [кончу сейчас]
taq — ягодица
táqiŋam — перестань!
takluŗnakaka — зову [сейчас позову]
takunákaka — я навещаю его
tákıq — жила [сухожилие]
tákılŗı — долгий, длинный
tākuq — долой [прекращает]
takuxta — коса женская
taluxnakaka — прикрываю [сейчас буду прикрывать]
tałiŗıt — руки
tałıq — рука
tałik — две руки
tałikuq — ласт
tałima — пятый, пятый раз
tałïmat — пять
tamáŋa — кто бы ни [что бы то ни было]
tamáŋan kítum — чей бы ни
tamaŋanıŋ — откуда бы ни
tamáŋani — везде, во всех местах, где бы ни
tamáxaŗmıŋ yuk — все люди
tamáxan tuumi — всех взял
tamáxan — весь
tamaxíta — все
tamáxanun — куда бы ни
támıŋ — ему
támi — у него
tána — вот, этот [указательное местоимение]
tánkiq — месяц
tánpık — моржовая шкура
taŋáxtuq — он тверд
táŋyaq — кисть, кулак
taŋaxtuk — твердый
taŋáxtuŗnakáka — делаю твердым
tápak — крупный камень [булыжник]
tapsimik — амулет на поясе или одежде
tápsık — пояс [см. tafsi].
tárxak — ремень
tásyaŗun — браслет
tasuqaŗŋíulgın — сковорода
tátık — нос
taxkumi — тамошний
taxkūtiuŋa — я тамошний
táxkın — потом, затем
tawáka — табак
tawánakuŋa — там я есть [там я сейчас буду]

tawátın — так
tawátınakuŋa — тот я есть [тем я сейчас буду]
tawánakuŋa — тот я есть
tṛiṛvuk — счастливый, удачливый [в охоте на зверя]
tṛíṛvuŋa — я счастливый
tṛíkusăk — морской зверь
tṛikusáṛnaxtuŋa — охочусь
tṛikaxluŋa piŋa — я был удачливым
tṛikaxlıṛā — я был удачливее [сравнительная степень]
tṛikaxnaxpiya — я был самый удачливый [превосходная степень]
tṛikusà(q) — дичь, зверь
tṛíluxsik — рождение детеныша морских животных
tíqak — перст, палец
tiqármiun — метательная доска
tilma — орел [с чукотского]
tíŋuk — печень
tórnıṛak — чорт [см. tuṛnıṛaq]
tókoq [tuqumaq] — он умер
toklóṛa — окликать [он его позвал]
tokloṛnakaka — окликаю [сейчас позову его]
tókoṛakuq — умирает
tokoyuwnakuŋa — я расположен к смерти [я сейчас заболею]
tokókuınakaka — я избиваю его [изобью сейчас его]
tókolṛi — мертвый
tokóokıq — гвоздь [см. tukū-kaq]
tokótista — убийца
tómık [tuma] — дорога, след
tōninakuŋa — я принесу жертву
tónlik — ближайший, сосед
tuvak — ледяное поле
tuṛnıṛaq — чорт
tuṛnıṛam sigutit — грибы
tuṛumṛanakuŋa — я борюсь [сейчас буду бороться]
tugunakáka — я беру [сейчас возьму]
tugunakuŋa — я сейчас возьму
tuya — плечо [см. xatmıṛruk]
tuykaq — щука
tukalṛi — плясун [см. potoxtuq]
tukukaq — гвоздь [см. tokóokıq]
tukutnakuŋa — меня убивает он [сейчас будет меня убивать]
tuksuxtuq — негибкий
tuksuṛnakuŋa — я не сгибаюсь [я не буду сейчас сгибаться]
tukfik — место покупки
tukwíltıkuŋa — я куплю
tulimaq — ребро, радуга
tuluwaxtuŋa — я дремлю
tuluṛyak [tugun] — клык
tuma — след
tunakuŋa — даю [я сейчас дам]
tunakaka — я даю ему [я сейчас дам ему]
tunak — ладонь
tunista — дающий
tunkuṛnakaka — часто даю [раздаю]
tuntu — дикий олень, лось [см. túŋtu]
tuntuvagıt — лоси [также — название созвездия Большой Медведицы]
tuntuṛyak — группа диких оленей, лосей
tuntulṛun — стадо диких оленей, лосей
tuntum-aṛpa — оленья важенка [дикая]
tunukaṛámni — немного сзади меня
tuntuŋuxsimat — стали дикими оленями
tunuq — внешний мир
tunuk — олений жир
tunut — обух
tunutıxpını — сзади тебя
tunutımni — сзади меня

tuntuvak — лось [см. tuntu, tuŋtu]
tunuliχnakaka — я варю жир [буду варить жир]
tuŋáŋani — вот в той стороне
tuŋxsérakuŋa — прошу
tuŋsixtuq — просящий
tuŋtu — дикий олень
túŋtut — три передние звезды [из созвездия Большой Медведицы]
tuŋturnákuŋa — промышляю оленей [сейчас пойду за оленями]
tuŋuya — красная рыба [лосось]
tuŋvulâq — прилив
tuslaxtuq — плохо слышит
tutmávik — земля [буквально 'место для хождения' — шаманский язык]
tufnakaka — я проглочу его сейчас
tuxkak — острие гарпуна [всякого]
tuuma — он взял его
tuunakuŋa — возьму сейчас [см. tugunakuŋa]
tuutilik [tugutilik] — зубастый [шаманский язык]
tuun [tugun] — моржовый зуб;
tirlírnakuŋa — я краду [сейчас буду красть]
tilánaŋa — парус [то же — на чукотском языке]
tirlik — кража
tirlínalri — вор
tikiq — указательный палец; наперсток
tikiziraq — крачка [птица]
tikirixkak — край чего-либо [см. tikiriχkak]
tikiriχkak — край чего-либо
tinuura—холм [то же — по-чукотски. См. эскимосское riŋukšak]
tiŋuq — печенка
tiŋuŋa — я лечу [я полетел]
tiŋuxturnakuŋa — я ем печенку [сейчас буду есть печенку]
tírpaq — что-нибудь прибитое водой к берегу; выброшенное морским прибоем
tipax'qalri — пахнущий
tixa [tiq] — дно
tixtuxtuŋa — просыпаюсь
tixturakaka — я его бужу

U

uglárluku — много
uglálri, ugláxtuq — многий, -о
ugluvik — лук [см. orluvik]
ugluŋlaŋakuq — делает лук
ugùtilga — цепь
uvlak — кит [шаманский язык]
uzí — круг
uzímun — вокруг
uzivnakaka — обойду кругом его [сейчас]
uzínakuŋa — я сделаю круг [обойду сейчас кругом]
uyávantuŋa — я далеко
uyávani — далеко
uyákuq — шея
uyāmirnakaka — закидываю на спину [сейчас закину на спину]
uyātik — обвязка, перевязь поперек тела
uyātirnakaka — обвязываю
uyŋaq — камень
uyŋu — сын сестры, племянник для матери сестры
uyuŋaq — младший брат
ukárun — по эту сторону
ukaziq — заяц
ukak — жир
ukàxtuqaq — жирный
ukílriyaq — пестрое существо
ukinixtuŋa — шью
ukíninákaka — я шью [буду шить сейчас]
ukinitaq — дешевый
ukluxtuk — каплет
ukuq — тюлений жир, снятый с туши [см. ukuk]

ukuk — жир [см. ukuq]
ukuxkuk — нижняя часть моржовой шкуры [от ukuq — жир]
ukóɣa — сноха
ukšak — осень
ukšuq — зима
ukfik — кустарник
ukfíyak — ольха, талина
ulaɣluku — много [см. uglaɣluku]
uläq — женский нож
ulałuku — много, -ие [это наречие и прилагательное]
uláxtuk — много [см. ugláxtuq]
ulígnakaka — накрываю [сейчас накрою]
ulik — одеяло
uliɣakuk — покрывается одеялом
ulímanakuŋa — я работаю [делать буду сейчас]
ulu — язык
uluŋilŋuk — немой [буквально 'без языка']
uláxtuq — многий [см. uglaxtuq, uglalɣi]
ułuŋak — щека
umilik — начальник, хозяин, старшина
umık — крышка
una — вот [он]
unaɣnık — охота
unámi — завтра
unámiŋixak — скорее завтра [буквально 'завтренько']
unáŋanimaq — он стал без еды [без добычи]
unáŋakuŋa — я теперь кормлюсь [сейчас буду промышлять]
unáŋuuqoq — кормился [хорошо промышлял]
unaŋnakuŋa — убиваю [сейчас упромыслю]
unáŋnixta — охотник; промышленник
unaŋunakuŋa — таким я есть [таким я буду сейчас]
unaŋsaɣnákuŋa — начинаю убивать [зверей]
unáŋsaxta — охотник, промышленник
unáŋuŋa — вот я есть
unáŋuluku — рано
unáŋutın — вот ты есть
unáxsipik — настоящее дерево [сосна]
unáxsıq — лес, дерево
ūnɣaq — гарпун
unisi — груз санок, лодки [см. usi]
unitamkın — я покинул тебя
unítista — тот, который покидает [покидатель]
unugmi — ночью [см. unumi]
unuk — ночь
unumi — ночью [см. unugmi]
unuum kuka — полночь [unugım kuqā]
unuwaɣnakáka — надеваю через плечо
unitakā — он покинул его [он покидает его]
uŋaziɣmi — уназикский [житель села Уназик на мысе Чаплина]
uŋaq — ус
uŋálık — нерпа [с усами], морж [на шаманском языке; буквально 'усатый' от uŋaq 'ус' и lık — суффикс обладания]
uŋíparan — сказка
uŋíparnsúk — рассказ
uŋlún — гнездо
uŋóvanakuŋa — живу [оживаю] [сейчас оживу]
uŋóvasiq — жизнь, средство жизни [см. uŋúvaq]
uŋúvaɣnakuŋa — я оживаю
uŋúvaq — живой, жизнь
upınɣaq — весна
usi — груз

usínakuŋa — нагружаю [сейчас буду нагружаться]
uskálŗi — глубокий
utakanakaka — жду [сейчас буду ждать его]
utaxtuŋa — возвращаюсь
utukalíxtuŋa — старею
uuknakuŋa — я буду обожжен сейчас
uuknalŗi — горячий
uunaŗak — мышь остроносая
uxlaŗaŗnakuŋa — я ощупываю, подавливаю [сейчас буду ощупывать]
ūxnakuŋa — сажусь верхом [сейчас сяду верхом]
uxpiŗnakuŋa — я послушаю сейчас
uwi — муж
uwikulŗit — они с мужем
uwíkāxkuvŋa — ты имеешь меня мужем [имей меня мужем]
uwíŋiŋuk — холостая женщина

V

valámnaq — железный напильник
váni — колокольчик
vanlıgı — все равно
véni — звонок, колокольчик [см. váni]
víni — звонок, колокольчик [см. váni]
vláwa — мука
vuvin — опушка
vuŗaq — китовый хвост [см. víŗaq]
vuŗŗáq — трава [см. vigaq]
vuxtaq — овод, шмель, шершень, оса
vuwáłak — родовой праздник
vigaq — трава
viŗaq — китовый хвост

W

wuyguqoyiŗmı — анадырец
wık, wiŗit — трава
wıxtaq — муха

X

xatáłık — отправление
xáta — загорбок [спина]
xatāakalŗi — поднимающийся [отправившийся]
xatáŗnakuŋa — я поднимаю вверх [сейчас я поеду]
xatámalŗi — поднимавшийся [отправившийся]
xatmiŗŗuq — спина, плечо
xĕe — молоки [xi]
xelaıxa — сиводушка [птица]
xóŗvik — охота на птицу пращой
xólŗutaq — сумка для стрел
xók — стрела, патрон
xōnak — зябкий
xónakuŋa — я зябну [сейчас озябну]
xóoq — патрон
xóta — мерзнет
xuq — патрон
xóxkak — свинец [назначенное для стрельбы]
xtā — рассвет
xwá — вот, здесь
xwaŋá — я
xwakáxtaq — местный, здешний
xwakáxtuŋa — я здешний
xwáŋakuŋa — здесь я есть [я буду здесь]
xwáŋaŋuŋa — я сам
xwáŋaninaŗma — я один
xwáŋık — работа [см. kírxaq]
xínaq — лицо
xnáka — рассветает
xnímā — рассвело
xō — холод

Š

šiknaxtuq — он горяч
šputaq — мерило дня
šukaq — китовый ус
šuŋak — сор, грязь
šuŋak — бусина
šuwruk — клюв

I

ıṛváxlák — ясная погода
īṛnaŋīnṛituŋa — я не медлю
īṛnaŋituŋa — медленно [я медлю]
ıya — глаз [см. iya]
ïłmáṛaxtuq — ветер становится легче
ıntáṛama — довольно
ınıṛla — знакомец
ıpláwa — мука [см. vláwa, ıvláwa]
ïsła — свет [погода, улица]
ısłámi — на улице
ısłivaq — икра
ısłiuk — он толстый
ısnaq — берег [см. sñaq]
ısnáṛmi — береговой [прибрежный житель]
ıstáṛaṛnakuŋa — я катаюсь с горы [сейчас буду кататься]
ıstuk — ноготь, коготь
ıstunakuŋa — скольжу вниз [покачусь сейчас вниз]
ıstıṛmik — бедреная кость ноги [большой нож, который носится у бедра]
ısxáq — счастье, удача
ıtxónakuŋa — вхожу [сейчас войду]
ıxłuk — огонь [печь]
ıxsáquq — сердце
ıxtálṛi — глубокий [см. uskálṛi]
ıxtulṛi — глубокий [см. uskálṛi]
ıvláwa — белая мука [см. vláwa, ıpláwa]

Э

эṛivṛak — вчера [см. iṛivṛaṛmi]
эiṛna — тот [см. iṛna]
эlvuäl — все равно [тоже — по-чукотски. См. vánlıgı]

СЛОВА ИЗ НУУКАНСКОГО ДИАЛЕКТА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТОВЫХ МАТЕРИАЛАХ В. Г. БОГОРАЗА

agóqa — я иду
agótakaka — я его веду
agwalŋik — собака [см. awálŋik]
aṛáłqoṛáq — старушка
aṛvinılik — шесть
aṛnáṛaq — девочка
awálŋik — собака [см. agwálŋik]
akımyéṛot nilŋok — четырнадцать
akımyék [akimiyak] — пятнадцать
akimyek atásimıŋ sipníkłuku — шестнадцать
akimyék malṛuwnı(ŋ) sipnık-luku — семнадцать
akimyék piŋayunıŋ šipnıkłuku — восемнадцать
akuwaxánıŋ — с прежних пор
áqoq — корма
aqóṛun — руль
aqumitaq — сиденье [стул]
alixtuṛaqo — я трясу [его]
alŋóq — письмо
alŋáṛako — пишу
amitamuk — горностай
ana — мать
anánaka — моя тетка по матери
anıŋaka — мой старший брат
aŋyáq — лодка
aŋyápik — байдара [буквально ‘настоящая лодка’]
aŋyáłak — большая байдара
aŋóp — прорубь [ánlól]
áŋóṛun — короткое весло
ápyuq — дым
atá — отец

atášiq — один
atašimɣátxanɪlik — одиннадцать
átot — песня
atxáxto — отправляюсь на берег [специальный глагол движения от жилища к морскому берегу]
ašika — тетка по отцу
wankuta — мы
wi — я
i — глаз
igniɣan — сын [его сын]
iɣlaɣunakaka — ношу [сейчас я понесу]
iɣna — вот [указательное местоимение]
iɣniq — сын
iyak — труба [см. осн. i — 'глаз']
ilágan — песня [átok]
iláganako — я пою [сейчас запою]
ilágaɣnaxto — шаманю [потом буду петь]
ilok — дверь
ipusilgi — уключина [от лодки]
ixsáquq — сердце
yuwáŋuk — хозяин
yuwinaɣutnituk — девятнадцать
yuwinak — двадцать
yumi pyé kulmiŋ širŋánɪlik — тридцать
yuwiŋam yumi pyé — четыреста
káɣʷuq — лоб
kámna — там, внутри [дома] находящийся [указательное местоимение]
kanɪya — племянница
kātuk — море
kāšaxtuxto — прихожу [приближаюсь]
kinuyaɣutuŋa — подобно мне [такой же как я]
kólmoɣót niliŋūq — девять
kóli — десять [см. kuli]
kulam yumi pyé — двести
kuli — десять [см. kóli]
kɪvɣáliq — работа
kɪvɣak — работник
kɪyólɣi — плачущий [причастие настоящего времени]
kɪrxaq — работа [см. xwáŋik]
kɪrgɪski — сухое место
qergɪsa — стекло
lilaxʷaturakaka — я его посылаю
łpik — ты
mávuk — сюда
málɣuk — два
málɣum yúmi pyé — шестьдесят
malɣuniŋaɣvinɪlik — семь
malɣuniŋatxanɪlik — двенадцать
maluxto — я иду от берега [специальный глагол движения внутрь страны от моря]
mikistɪk — ребенок
mɪlgári — ружье
nayáɣa — сестра
paráxta — мачта [ср. уназикское — paraɣyaq]
nátun — чей
nukałpiɣáq — мальчик [юноша]
nulék — жена [nulyéka]
niɣáqoa — я ем
niŋak — зять
pánik — дочь
pináyut — три
pinávuniŋáɣvinlik — восемь
pináyuniŋátxanɪlik — тринадцать
šakik — тесть
sanixtakluki — впереди [поворачивая боком]
šałuni — как бы
šamna — там на море [указательное местоимение, обозначающее направление от суши к морю]
sivuyaq — нос лодки
sitɪk — гриб [см. tutáɣoq]
štámat — четыре
štámam yumi pyé — восемьдесят
taɣnakšalɪk — черное пятно
tákuŋa — перестаю [что-либо делать]
táqváq — гарпун

taɬimat — пять
taɬimam yúmi pyé — сто
tutáɾoq — гриб
tɪnŋaqoq — ягодица
uyɾuk — племянник [сын сестры и брата]
uvuɾak — младший брат
ukwá — невестка
uqilalɾe — здоровый, крепкий
uŋálik — имеющий усы [усатый]
uŋóxkotakaka — я тяну [его]
upun — длинное весло
uwi — муж
ɪɾɪxtakluni — оглядываясь [причастие 3-го лица настоящего времени]
ɪknák — печь
ɪknitɪt — спички
ɪnnitaq — лампа
ɪntáɾamɪŋ — довольно
ɪpnaq — утес [ɪptnaq, ср. уназикское pɪtnaq]
ɪsnaq — морской берег
isxáxtuŋa — смотрю

СПИСОК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ

-avzix [-qavzix [1]] — суффикс, придающий глаголам наречный оттенок в значении 'немножко', 'ненадолго', 'недолго'. Примеры:

kavaq-avzix-tuŋa 'немножко поспал я'; [itqavzix'tuŋa 'я ненадолго вошел'; qayuqavzixtuŋa 'я немножко попил'; unipaqavzix'tuŋa 'я немножко рассказал'; unipaqavzix'ɬquŋa 'расскажу немножко'].

-vak — суффикс, придающий имени новое значение с оттенком увеличения. Примеры:

ɬúŋtu 'дикий олень', tuŋtúvak 'лось', 'большой дикий олень'; kamiŋɪk 'нарта', kamiyvak 'большая нарта', 'грузовая нарта'; [guygu 'дом', guyguvak 'большой дом'; mɪlŋu 'жук', mɪlŋuvak 'большой жук'; kayu 'бычок', kayuvak 'большой бычок'; naguya 'чайка', naguyavak 'большая чайка'. В словах, оканчивающихся в основе на глухой согласный, суффикс -vak переходит в -pak, например: apyaq 'байдара', aŋuax'pak 'корабль'; uyŗaq 'камень', uyŗax'pak 'крупный камень'].

-raq — суффикс, придающий имени новое значение с оттенком некоторого уменьшения. Примеры:

kikmiq 'собака', kikmiŗaq 'щенок-подросток', kikmixaq 'маленькая собачка' (в противоположность kikmiŗaq 'щенок-подросток'). kávik 'лиса', kavixaq 'лисичка', kaviŗaq 'лисий щенок-подросток', kaviŗaxaq 'лисий щеночек'; áŗnaq 'женщина', áŗnaŗaq 'девушка', aŗnáŗaxaq 'девочка'.

-ryak (-yak) — суффикс, означающий собрание или группу предметов. Примеры:

---

[1] Слова с согласным *q* введены дополнительно для более полной характеристики выявленных В. Г. Богоразом суффиксов. Все они заключены в квадратные скобки, как слова, не принадлежащие автору, а введенные редакцией по материалам Г. А. Меновщикова. В прилагаемом словаре слов, начинающихся с *q*, нет. При чтении грамматических материалов и словаря необходимо иметь в виду, что В. Г. Богораз не делал различий между *k* и *q*. Между тем, эти звуки представляют собой самостоятельные фонемы и должны различаться. Например: *qayu* — основа глагола 'пить чай', а также слово 'чай', тогда как *kayu* — название рыбы ('бычок').

tuŋtu ‘дикий олень’, tuŋtu-ɣak ‘стадо диких оленей’; aŋyaq ‘лодка’, aŋya-ɣak ‘группа лодок’; [yuk ‘человек’, ‘мужчина’, yugyak ‘группа, собрание мужчин’; kix'qaq ‘остров’, kix'qa-ɣak ‘группа островов’; salŋaq ‘ящик’, salŋaɣak ‘несколько ящиков вместе’; ulik ‘одеяло’, uligyak ‘несколько одеял вместе’].

-rmit (**-rmi**) — суффикс, указывающий на принадлежность лица к какой-либо местности, национальности или стране. Примеры:

uŋazi-ɣmit ‘уназикские жители’ от Uŋaziq — название эскимосского селения на мысе Чаплина. [Leningradiɣmi ‘ленинградец’, ualqaliɣmi ‘уэлькалец’, ‘житель селения Уэлькаль’, ualqaliɣmit ‘уэлькальские’, russiɣmit ‘русские’].

-i — суффикс, означающий отрицание в отыменных глаголах. Примеры:

nulixituŋa ‘не имею жены’, panigituŋa ‘не имею дочери’ [qikmituŋa ‘не имею собаки’, anyituŋa ‘не имею лодки’, miɣinakuŋa ‘становлюсь без воды’, niqnipakuŋa ‘становлюсь без еды’].

-ina — суффикс, означающий понятия ‘только’, ‘полностью’, ‘целиком’, ‘весь’. Примеры:

yuk ‘человек’, yug-ina-q ‘человек весь’, отсюда же начало двадцатиричного счета, ‘двадцать’; aɣniq ‘день’, aɣniɣ-ina-q ‘весь день’, ‘целый день’; [ayviq ‘морж’, ayviɣinaq ‘одни моржи’, ‘только моржи’; siku ‘лед’, sikuŋinaq ‘одни льды’, ‘только льды’; uqfik ‘кустарник’, uqfiginaq ‘одни кустарники’, ‘только кустарники’].

-yar (-ɣuaɣ) — суффикс отыменных глаголов, означающий целеустремленность действия (движение к объекту). Примеры: tuntúŋyaɣpakúŋa ‘пойду убивать диких оленей’, pax'šáɣyaɣpákuŋa ‘пойду на нерп’.

-yaxtur — суффикс, означающий движение к объекту с более конкретизированной целью. [Здесь к предыдущему суффиксу -yaɣ прибавляется суффикс -xtuɣ, который и конкретизирует действие. Примеры:
qaváɣyaxtúɣpakúŋa ‘пойду спать (определенно)’, aglάɣyaxtúɣpakúŋa ‘пойду туда, чтобы отправиться домой’. Суффикс -xtuɣ указывает на конкретизацию или определенность действия, придает ему иной смысловой оттенок, например: igáɣyaɣpakuŋa ‘пойду учиться’, но igáɣyaxtúɣpakúŋa ‘пойду писать’; milúɣyaɣpakuŋa ‘пойду за куревом’, но miluɣyaxtuɣpakuŋa ‘пойду курить’].

-yur — суффикс, означающий желание или расположение к чему-либо. Примеры:
niɣyuɣpakúŋa ‘сейчас захочу есть’, atuɣyuxtùŋa ‘хочу петь’ [qavάɣyuxtúŋa ‘хочу спать’, qayúɣyuxtúŋa ‘хочу пить чай’].

-kak[qax'] — суффикс, означающий внезапность действия. Примеры:

ān-kax-tuq 'внезапно выскочил' [itqax'tuq — 'внезапно вошел', nikiqax'tuq 'внезапно вскочил'; āyimqax'tuq 'внезапно сломалось', kirqax'tuq 'внезапно порвалось'].

-kaɽ (-qaɽ) — суффикс однократности или непродолжительности действия. Примеры:

kavá-kaɽ-nakuŋa 'вздремну немножко' [itkaɽnaquŋa 'зайду на короткое время', aŋuyaqaɽnaquŋa 'проедусь немножко на лодке', qimúxsiqaɽnaquŋa 'проедусь немножко на нарте', qirx'aqaɽnaquŋa 'поработаю немножко'].

-kuɬxi — причастный суффикс, означающий обладание (для 3-го лица настоящего времени). Примеры:
nulixkuɬxi 'имеющий жену' ('с женой пребывающий'), yùx-kuɬxi 'имеющая мужа' ('с мужем пребывающая'), qikmixkuɬxi 'имеющий собак', 'едущий на собаках', aŋuáxkuɬxi 'едущий на лодке'.

-kšu — суффикс, означающий уменьшение предмета с оттенком пренебрежения. Примеры:

taɽniɽákšuk 'чертишка', yúkšuk 'человечишко', nakšuk 'матишка' (от 'мать'), amákšuk 'волчишко', arnáqšuk 'бабенка'.

-la — суффикс, означающий в глаголах повторность действия со значением 'опять', 'снова'. Примеры:
kalɽiɽ-la-tixtuq 'опять закаркал' [itiɽlataxtuq 'опять вошел', anlataxtuq 'опять вышел', aɽulaqlataxtuq 'опять отправился', niɽlataxtuq 'опять стал есть']; kalɽiɽlatiɽnakuŋa 'опять буду сейчас кричать', qavárlatiɽnakuŋa 'опять буду сейчас спать', pilátiɽ-nakuŋa 'снова буду говорить', tokólatiɽnakaka 'опять буду убивать (умертвлять) его'.

-lɽ — причастный суффикс. Примеры:
qavámalɽiŋa 'спящий я' [ānumalɽi 'вышедший из дома', aŋўámalɽi 'плывущий на лодке', kiyáxtalɽi 'живущий, пребывающий'], aɽolakilɽi — 'идущий', kālɽi 'приближающийся'. [Вместе с тем этот же суффикс употребляется для образования большой группы качественных и других имен прилагательных, а также имен существительных, возникающих из застывших форм причастий. Примеры: pinilɽí 'хороший', taɽnílɽi 'черный', qátilɽi 'песец', от qatik 'белый'].

-lgu — суффикс, означающий принадлежность или владение. Примеры:

miŋtiɽalguk 'имеющий дом', nulílguk 'женатый', uwílguk 'замужняя', miŋtiɽalguŋa 'я имею дом', uwliguŋa 'я имею мужа'.

-lɽun — суффикс, означающий группу предметов. Примеры:
yùlɽun 'собрание людей' [anyálɽun 'группа лодок', ulímasílɽun 'набор инструментов', aɽnálɽun 'группа женщин'].

-lr̥utaq — суффикс, означающий вместилище предметов. Примеры: [igálr̥utaq 'портфель или сумка для книг'], xolr̥utaq 'сумка для стрел', sikúlr̥utaq 'коробка или сумочка для игл' [qayùlr̥utaq 'чайница, коробка для чая'.] Этот суффикс состоит из двух формантов, а именно: суффикса -lr̥un (см. выше) и суффикса -taq, обозначающего место нахождения предмета (см. суффикс -taq). При этом звук n при встрече со звуком t выпадает.

-lir̥ — суффикс, придающий отыменным глаголам оттенок начала действия (с оттенком побудительности). Примеры: anókalir̥nakaka 'ветер сделаю сейчас', niqlixtur̥nakaka 'накормлю сейчас его', qavaxlir̥nakuŋa 'сон сделаю себе'.

-lik / -lik — суффикс обладания предметом. Примеры:

maŋtír̥axpalik 'имеющий большой дом', [aŋyálik 'имеющий лодку', umilik 'хозяин, силач, старшина', amyálik 'имеющий ракушку' и др.].

-lŋuk — суффикс, придающий причастное значение предметной основе. Примеры:
miŋtir̥a-mi-lŋuq 'находящийся в доме', tixa-mi-lŋuq 'находящийся на дне' [snaq 'берег', sna-mi-lŋuq 'находящийся на берегу', usnir̥waq 'гора', usnir̥war̥-mi-lŋuq 'находящийся на горе'; guygu 'дом', guygu-mi-lŋuq 'находящийся в доме'; tarx'aq 'коса', tarx'a-mi-lŋuq 'находящийся на косе'].

-łqusiq — суффикс, показывающий определенный отрезок времени, означающий 'весь', 'все', 'вся'. Примеры:
unúlqusiq 'вся ночь', ar̥nułqusiq 'весь день', ayumílqusiq 'весь год', unálqusiq 'все утро'. Суффикс состоит из двух формантов -łqu, как показателя полноты объема предмета, и -siq — суффикса предназначенности или инструментальности предмета (см. суффикс -siq).

-lu — суффикс деепричастия. Примеры:
taxtóluŋa ar̥olaqnaqukut 'когда я проснулся, мы поехали', taxtólutin ar̥ólanakuŋa 'когда ты проснулся (при твоем пробуждении), я поехал' [nir̥ámaluku qavamalr̥it 'есть кончив, уснули'].

-lur̥ — суффикс ограничения действия. Примеры:
tagílúr̥nakúŋa 'немножко похожу я', kavár̥lur̥nakuŋa 'немножко посплю я' [star̥ar̥lúr̥nakúŋa 'немножко покатаюсь я', nir̥lúr̥nakúŋa 'немного поем я'].

-łuk — суффикс, указывающий на ветхость (изношенность, старость) предмета. Примеры:
atkuk 'одежда', atkúłuk 'старая (ветхая) одежда'; kámik 'обувь', kamiłuk 'старая (ветхая) обувь'; tunuk 'сало', tunúłuk 'старое сало'.

-ɬiq — суффикс отглагольных имен существительных, указывающий на результат действия. Примеры:
qipáliк 'щель', но qipáɬiqakuŋa 'я колю', kipáɬiq 'разрез', но kipáɣakuŋa 'я режу' [kistɬiq 'решение, задача', но kistaqakaka 'я решаю'; ivaɣiniɬiq 'охота', но ivaɣiniɣakuŋa 'охочусь'].

-msax — суффикс, придающий глаголам наречный оттенок со значением 'наконец'. Примеры:
niɣimsáxtuq 'наконец поел' [nikivimsaxtuq 'наконец встал', tăx'tumsaxtuq 'наконец проснулся', qavamsaxtuq 'наконец заснул', nayuqumsaxtuq 'наконец понял', tagimsaxtuq 'наконец прибыл'].

-na — суффикс, означающий пребывание действующего лица в каком-либо положении. Примеры:
akom-na-nakuŋa '(сейчас) буду находиться в сидячем положении' [inaɣnapaquŋa 'сейчас буду находиться в лежачем положении', nikivnapaquŋa 'сейчас буду находиться в стоячем положении'. Суффикс -naqu здесь и во всех остальных словах, где он встречается, является показателем наступающего будущего времени. В. Г. Богораз считал этот суффикс показателем настоящего времени.]

-ɲi — суффикс отрицания в непереходных глаголах. Примеры:
qaváɲituŋa 'я не сплю', niɣáɲituŋa 'я не ем', igliginɲituŋa 'я не хожу', aqnɪnɲitúŋa 'я не хвораю'.

-ɲisi — вопросительно-отрицательный суффикс в глаголах. Примеры:
qavaɣnaɲisiŋa 'не сплю ли я?' Состоит из двух формантов -ɲi — суффикса отрицания в глаголах, и -si — суффикса вопросительных форм глагола 1-го и 2-го лица.
iglix'tanɲisiŋa 'не хожу ли я?' iglix'tanɲisin 'не идешь ли ты?'

-ŋiɣaq [-iɣ] — суффикс отрицания в именах существительных со значением 'без'. Примеры:
uwi 'муж', uwi-ŋiɣaq 'вдова' (буквально 'без мужа') [nulik 'жена', nuliɣaq 'вдовец'; qikmiq 'собака', qikmiɣutqaq 'потерявший собак'; taɣnux'aq 'ребенок', taɣnux'iɣaq 'женщина, оставшаяся без детей, или потерявшая детей'; iɣu 'нога', iɣuŋiɣaq 'безногий'; taɬiq 'рука', taɬiɣaq 'безрукий'].

-niɣ — суффикс отыменных глаголов, означающий движение по чему-либо. Примеры:
isnaniɣnakuŋa 'по берегу буду ходить', nunánniɣnakuŋa 'по земле буду ходить', nunivaniɣnakuŋa 'по тундре буду ходить'.

-ŋa — суффикс, означающий продолжительность действия. Примеры:
aqómŋánakuŋa 'долго буду находиться в сидячем состоянии', qavágŋanakuŋa 'долго буду находиться в сонном состоянии', [tumiŋanakuŋa 'долго следом идти буду', niqiŋanakuŋa 'долго есть буду'].

-**ŋixa** — уменьшительный суффикс с оттенком ласкательности или наречного значения „немного". Примеры:
taɾnóxaq 'ребенок', но taɾnóxaŋixaq 'малюточка'; asiŋa 'низ', но asiŋixamni 'немного пониже меня'; qóla 'верх', но qoŋixamni 'немного выше меня'.

-**ŋistaq** — уменьшительно-ласкательный суффикс. Примеры:
nasapra-ŋistaq 'шапочка', ukazi-ŋistaq 'зайчик' [qikmiŋistaq 'собачка', aɾiłuŋɪstaq 'рукавичка', stoliŋɪstaq 'столик', uuŋɪstaq 'человечек'].

-**ŋła**(ɾ) — суффикс, означающий производство предмета. Примеры:
nɪqiŋłaɾnákaka 'еду́ делаю', aɾnáŋłaɾnakáka 'женщину сватаю', [tumɪŋłaɾakúŋa 'дорогу делаю', stólɪŋłaɾakúŋa 'стол делаю', aŋuaŋłaɾakuŋa 'лодку делаю', qauuŋłasiq 'чайник', а буквально: 'чай-делание-предназначенный', т. е. предназначенный для чая].

-**ŋo**, -**ŋu** — суффикс, означающий отрицание в предикативных формах имени. Примеры:
[ŋuńa -ŋopa] nuliŋupaŋa piłiŋa 'без жены я буду', nɪqŋópaŋa 'без еды я', kauŋáŋupaŋa 'без медведя я', papáŋupaŋa 'без копья я'.

-**ŋwaq** (ɾwaq) — суффикс подобия. Примеры:
kulmɪsin — 'котел', kulmisi-ŋwaq 'котелок', а буквально 'подобие котла' [guygu 'дом', guyguŋwaq 'палатка', 'подобие дома'; kamiyɪk 'нарта', kamiyɪŋwaq 'санки'; aŋuaq 'байдара', anuaɾwaq 'деревянная лодка', в сравнении с кожаной эскимосской байдарой, деревянный вельбот, появившийся в самое недавнее время был назван aŋuaɾwaq 'подобный байдаре'; qikmīq 'собака', qikmiɾwaq 'собачка'].

-**ŋwaɾ** — суффикс со значением „хорошо". Примеры:
ulimaŋwaɾnakaka 'хорошо сделаю', tukútɪŋwáɾnakaka 'хорошо убью', tunŋwáɾnakaka 'хорошо дам ему', qavaŋwáxtuŋa 'хорошо сплю'.

-**pak** — увеличительный суффикс. Примеры:
uúxpak 'большой человек', áksaxpak 'большое брюхо', mɪkɪlɾɪxpak 'большой отрок', mɪkɪlɾɪxpagɪɾnakúŋa 'становлюсь юношей' (от mɪkɪlɾɪk — мальчик). В глаголах, образованных от глагольных основ, суффикс -pak-(-pax) означает увеличение объема действия, например: pɪɾɪpaxpakuŋa 'много буду есть' [qaváx'paɾnakuŋa 'много буду спать', ukɪnɪpaxtuŋa 'много шью'].

-**pik** — суффикс действительности (настоящности, подлинности) предмета. Примеры:
[yúk 'человек', uúpik 'настоящий человек', aŋuápik 'большая (настоящая) байдара', kavipik 'хорошая лиса', savipik 'настоящий нож'].

-**raa** — суффикс, означающий удовлетворенность действием. Примеры:
pɪɣɾáaxtuŋa 'прекрасно пел я', qayúɾɾáaxtuŋa 'хорошо попил я', qavaɾɾáaxtuŋa 'хорошо поспал я'.

-raq — суффикс, посредством которого образуются новые имена. Примеры:
qikmiɣaq 'собачья шкура' от qikmiq 'собака'; amiraq 'оленья шкура' от ámiq 'оленья шкура'; nasáɣraq 'шапка' от násquq 'голова'; niɣvágraq 'стакан', oniɣvák 'свет'.

-ràxki, -šáxki — суффикс, означающий быстроту действия. Примеры:
tagiraxkiɣnakùŋa 'быстро приду', aɣólaqšáxkiɣnakuŋa 'быстро уйду' [qayáx'aq ɨnánun tagiraxkiɣumalɣi 'лодка к нему быстро приблизилась', unákšaxkiɣaqā 'он его быстро убивает', nix'kɨšaxkiɣaqā 'он его быстро кормит'].

-sax [-naqsa] — суффикс, означающий намерение или желание что-либо сделать. Примеры:
maki-na-x-sax-tu-ŋa 'я намеревался подняться' [nikivnaqsaxtuŋa 'я намеревался встать', qayanaqsax'tuŋa 'я хотел отправиться на лодке', aglaɣnaqsax'tuŋa 'я хотел (намеревался) отправиться домой', stunaqsax'tuŋa 'я хотел скатиться'].

-sextu — суффикс многократности действия. Примеры:
niqsə́xtuɣnakáka 'покармливаю', qayùxsextúɣnakáka 'попаиваю чаем' [qalɣixsextuɣakuŋa 'покрикиваю', ɪsxásextuɣnakáka 'посматриваю'].

[**-siq** — суффикс предназначенности (инструментальности) предмета. Примеры:
ulimaq 'дело', ulimasiq 'инструмент'; igaq 'письмо', igásiq 'карандаш'; qimúq 'упряжь', qimúxsiq 'нарта в упряжке'; qayúq 'чай, бульон', qayúsiq 'чайная чашка'].
Этот же суффикс в отыменных глаголах означает производство действия. Примеры:
anuka 'ветер', anūka-siɣ-nakuŋa 'сейчас вызову (сделаю) ветер' [pitisiɣnakuŋa 'сейчас буду выращивать', aliq 'ясная погода', alix'siɣnakuŋa 'сейчас буду делать хорошую погоду'].

-sta — суффикс, посредством которого образуются имена со значением профессии или временного занятия действующего лица. Примеры:
nayùɣista 'охранитель', toqótista 'убийца', aqsakista 'тот, кто прячет (прятатель)' [ulimasta 'мастер', maɣváxtista 'вожак, вожатый' и др. Параллельно с этим же значением выступает суффикс -xta (см. -xta)].

-stun (-tun) — суффикс подобия по форме или по действию. Примеры:
anyástun 'как лодка, с лодку' [yupigistùn 'по-эскимосски', rússistun 'по-русски', aɣnástun 'по-женски, как женщина']:

-taq — суффикс, характеризующий некоторые прилагательные. Примеры:
kaynútaq 'стыдливый', aliŋtaq 'боязливый', mix'taq 'водоносящий', pɪzixtaq 'вареная морская водоросль'.

-taq — суффикс, означающий вместилище чего-либо. Примеры: qántaq 'вместилище', tawáqataq 'табакерка', qimtaq 'чердак', imgútaq 'то, чем завертывают (обертка)', vláwataq 'мешок для муки'. Суффикс -taq выступает также как словообразовательный суффикс имен существительных без определенного значения, как например: ax'qútaq 'игра в мяч рукой', uyátaq 'веревочка, привязанная одним концом к чему-либо', siptaq 'поставленная на рыбу сетка', pitutaq 'растение' и др.]

-tu — суффикс взаимности действия. Пример:
akuzi 'разговор', akuzitutut 'стали сговариваться'.

-tun — суффикс, посредством которого образуются слова наречного значения от имен существительных и прилагательных. Примеры:
itáŗnatun 'хорошо'; saŗlitun 'плохо' [aqniŗnaq 'боль', aqniŗnatun 'больно'; aliŋnaq 'страх', aliŋnatun 'страшно'; miŋquq 'треск', miŋqutūn 'с треском'; liŋaq 'звон', liŋatun 'звонко', 'со звоном'].

-vik — суффикс, означающий место. Примеры:
pitúgvik 'место привязи собак', ánvik 'место выхода, выход', ukinivik 'место для шитья, швейная мастерская', ulimavik 'мастерская'.

-ika — суффикс, означающий отрицание в формах условного наклонения. Примеры:
kaváikamā 'пусть я не усну', ukinikama 'пусть не буду шить', sx'apaikamā 'пусть не буду смотреть', anikámā 'пусть не выйду', ilágaikamā 'пусть не буду петь'.

-xłu — суффикс в значении „плохой", „старый". Примеры:
xina 'лицо', xina-xłu-lŗi 'худолицый'; sukak 'китовый ус', suka-xłu-lŗi 'кит с худым усом' [miŋtiŗaq 'жилище', miŋtiŗax'łulŗi 'имеющий плохое жилище'; aŋuaq 'лодка', aŋuax'łulŗi 'имеющий плохую лодку'; sikłuŗak' 'ружье', sikłuŗaxłulŗi 'имеющий плохое ружье'].

-xłak — суффикс увеличительный для имен [многократности и силы действия в глаголах]. Примеры:
amáxłak 'волчище', miŋtiŗaxłak 'домище' [niŗixłaŗnakuŋa 'много поем', iquxłaŗnakuŋa 'сильно упаду'].

-xpa — увеличительный суффикс в именах и предикативных формах имени. Примеры:
miŋtiŗaq 'дом', miŋtiŗax'pak 'большой дом', miŋtiŗax'pixpalik 'человек, имеющий большое место, назначенное для дома', miŋtiŗax'palik 'имеющий большой дом', aqsáxpak 'большое брюхо', aŋuáx'pak 'пароход' (от áŋuak 'лодка').

-xpina — суффикс отрицания в переходных глаголах. Примеры: toqótixpinámkin 'я не убил тебя', tunixpinamkin 'я не дал тебе' [ĭsxaxpinamkin 'я не увидел тебя', qaváxpinamkin 'я не усыплял тебя'].

-xta — суффикс имен существительных со значением деятеля или профессии действующего лица (см. суффикс -sta). Примеры:
[qɪpux'ta 'упаковщик', kɪpúx'ta 'пильщик', atux'ta 'певец', apqáx'ta 'весовщик', qatúxta 'носильщик'].

-xtuŋ — суффикс, означающий потребление, процесс еды. Примеры:
tɪnúxtuŋnakuŋa 'я сейчас буду есть печенку', pagúŋaxtuŋnakuŋa 'я сейчас буду есть ягоды' [nɪxtúŋnakuŋa 'я сейчас буду есть мясо', qayúxtúŋnakuŋa 'я сейчас буду пить чай'].

-xtu — суффикс, обозначающий увеличение или усиление качества предмета. Примеры:
ukuk 'жир', uku-xtu-q 'очень жирный'; tunuk 'жир', tunu-xtu-qaq 'жирный'; awk 'кровь', awxtuqaq 'многокровный'; [mɪq 'вода', mɪxtuqaq 'многоводный'; vɪq 'трава', vɪxtuqaq 'многотравная местность'; mɨquq 'шерсть', mɨquxtuqaq 'большешерстный'; uqfik 'лес', кустарник', uqfixtuqaq 'лесистая местность'; stuk 'коготь', stu-xtu-qaq 'имеющий много когтей', 'имеющий большие когти'].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. А. МЕНОВЩИКОВ

ТАБЛИЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН И СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ (ЧАПЛИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

В приложении таблиц склонения имен и спряжения глаголов, составленных в 1946—1948 гг. на основании материалов чаплинского диалекта языка азиатских эскимосов, даются дополнительные парадигмы двойственного числа беспритяжательных и притяжательных форм имен, а также непереходных и переходных форм глаголов. Кроме того, в парадигмы склонений дополнительно введен продольный падеж, на существование которого указывал также В. Г. Богораз.

ЭСКИМОССКИЙ АЛФАВИТ

А а, Б б, В в, Г г, Г' г', Д д, Е е, Ж ж, З з, И и, К к, К' к', Л л, Лъ, лъ, М м, Н н, Нъ нъ, Н' н', Н'ъ н'ъ, О о, П п, Р р, С с, Т т, У у, Ф ф, Х х, Х' х', Ц ц, Ч ч, Щ щ, Ь ь, Ъ ъ, Э э, Ю ю, Я я.

Буквы Б б, Д д, Е е, О о, Ц ц, Ч ч, Щ щ, Э э, обозначающие соответствующие звуки (фонемы), в эскимосском языке отсутствуют и употребляются только в заимствованных словах. Твердый знак (Ъ ъ) употребляется для обозначения глухих сонантов, а также в качестве разделительного знака в заимствованных русских словах [съезд' и др.].

Склонение имен существительных по беспритяжательным формам
Чаплинский диалект языка азиатских эскимосов

1. Склонение имен существительных с окончанием на гласные и на *н*.
а) Существительное ***пана*** 'копье'.

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютный	пана — копье	панак — два копья	панат — копья
Относительный	панам — копья	панак — двух копий	панат — копий
Отправительный	панамын' — копьем	панагнын' — двумя копьями	пананын' — копьями
Направительный	панамун — к копью	панагнун — к двум копьям	пананун — к копьям
Продольный	панакун — по копью	панагныкун — по двум копьям	панатхун — по копьям
Местный	панами — у копья	панагни — у двух копий	панани — у копий

б) Существительное ***манан*** 'рыболовный крючок', 'удочка'.

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютный	манан — удочка	манатык — две удочки	манатыт — удочки
Относительный	манатым — удочки	манатык — двух удочек	манатыт — удочек
Отправительный	манатмын' — удочкой	манатыгнын' — двумя удочками	манатынын' — удочками
Направительный	манатмун — к удочке	манатыгнун — к двум удочкам	манатнун — к удочкам
Продольный	манатхун — по удочке	манатыгныкун — по двум удочкам	манатытхун — по удочкам
Местный	манатми — у удочки	манатыгни — у двух удочек	манатни — у удочек

в) Существительное *тума* 'дорога'[1] с изменением конечного гласного *а* на *ы* в косвенных падежах.

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютный	тума — дорога	тумык — две дороги	тумыт — дороги
Относительный	тумым — дороги	тумык — двух дорог	тумыт — дорог
Отправительный	тумымын' — дорогой	тумыгнын' — двумя дорогами	тумынын' — дорогами
Направительный	тумымун — к дороге	тумыгнун — к двум дорогам	тумынун — к дорогам
Продольный	тумыкун — по дороге	тумыгныкун — по двум дорогам	тумытхун — по дорогам
Местный	тумыми — на дороге	тумыгни — на двух дорогах	тумыни — на дорогах

2. Склонение имен существительных с окончанием на *к*.

г) Существительные *юк* 'человек' и *кыуык* 'река'.

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютный	юк — человек кыуык — река	югык — два человека кыуыгык — две реки	югыт — люди кыуыгыт — реки
Относительный	югым — человека кыугым — реки	югык — двух человек кыуыгык — двух рек	югыт — людей кыуыгыт — рек
Отправительный	югмын' — человеком кыуыгнын'—рекой	югыгнын' — двумя человеками кыуыгыгнын' — двумя реками	югнын' — людьми кыуыгнын' — реками
Направительный	югмун — к человеку кыуыгнун — к реке	югыгнун—к двум человекам кыуыгыгнун — к двум рекам	югнун — к людям кыуыгнун — к рекам
Продольный	юхкун — по человеку кыуыхкун — по реке	югыгныкун — по двум человекам кыуыгыгныкун — по двум рекам	юхтыкун — по людям кыуыхтыхун — по рекам
Местный	югми — у человека кыуыгни — у реки	югыгни — у двух человек кыуыгыгни — у двух рек	югни — у людей кыуыгни — у рек

[1] Слова, оканчивающиеся на *-х'та*, *-ста* в косвенных падежах также утрачивают конечный гласный *а*, который заменяется соединительным гласным *-ы* (*улимаста* 'мастер', *улимастым*, *улимастымун* и др.).

3 Склонение имен существительных с окончанием на *к'*.
а) *аг'нак'* 'женщина', основа *аг'на*.

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютный	аг'нак' — женщина	аг'нак — две женщины	аг'нат — женщины
Относительный	аг'нам — женщины	аг'нак — двух женщин	аг'нат — женщин
Отправительный	аг'намын' — женщиной	аг'нагнын' — двумя женщинами	аг'нанын' — женщинами
Направительный	аг'намун — к женщине	аг'нагнун — к двум женщинам	аг'нанун — к женщинам
Продольный	аг'накун — по женщине	аг'нангыкун — по двум женщинам	агнатхун — по женщинам
Местный	аг'нами — у женщины	аг'нагни — у двух женщин	аг'нани — у женщин

б) Существительное *аг'ныкʼ* 'день' (с сохранением конечного *-к'* в косвенных падежах, с озвончением *к'* перед звонкими согласными и между ласными и оглушением перед глухими согласными).
г

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютный	аг'ныкʼ[1] — день	аг'ныг'ык — два дня	аг'ныг'ыт — дни
Относительный	аг'ныг'ым — дня	аг'ныг'ык — двух дней	аг'ныг'ыт — дней
Отправительный	аг'ныг'мын' — днем	аг'ныг'ыгнын' — двумя днями	аг'ныг'нын' — днями
Направительный	аг'ныг'мун — к дню	аг'ныг'ыгнун — к двум дням	аг'ныг'нун — к дням
Продольный	аг'ных'кун — по дню	аг'ныг'ыгныкун — по двум дням	аг'ных'тыкун — по дням
Местный	аг'ныг'ми — у дня	аг'ныг'ыгни — у двух дней	аг'ныг'ни — у дней

в) Существительное *таг'нух'акʼ* 'ребенок' с сохранением *-к'* в косвенных падежах.

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютный	таг'нух'ак' — ребенок	таг'нух'ак — двое детей	таг нух'ат — дети
Относительный	таг'нух'ам — ребенка	таг'нух'ак — двух детей	таг'нух'ат — детей
Отправительный	таг'нух'аг'мын' — ребенком	таг'нух'агнын' — двумя детьми	таг'нух'аг'нын' — детьми

[1] По этому же типу склоняется слово *мыкʼ* 'вода' и другие с окончанием *-ыкʼ*.

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Направительный	таг'нух'аг'мун — к ребенку	таг'нух'агнун — к двум детям	таг'нух'аг'нун — к детям
Продольный	таг'нух'ах'к'ун — по ребенку	таг'нух'агныкун — по двум детям	таг'нух'аг'нун — по детям
Местный	таг'нух'аг'ми — у ребенка	таг'нух'агни — у двух детей	таг'нух'аг'ми — у детей

Склонение имен прилагательных

Ед. ч.	Абсолютный	ан'ылг'и — большой	сыг'лык' — плохой
	Относительный	ан'ылг'им — большого	сыг'лыг'ым — плохого
	Отправительный	ан'ылг'имын'— большим	сыг'лыг'мын' — плохим
	Направительный	ан'ылг'имун — большому	сыг'лыг'мун — плохому
	Продольный	ан'ылг'икун — по большому	сыг'лых'кун — по плохому
	Местный	ан'ылг'ими — у большого	сыг'лыг'ми — у плохого
Дв. ч.	Абсолютный	ан'ылг'ик — два больших	сыг'лыг'ык — два плохих
	Относительный	ан'ылг'ик — двоих больших	сыг'лыг'ык — двоих плохих
	Отправительный	ан'ылг'игнын' — двумя большими	сыг'лыг'ыгнын' — двумя плохими
	Направительный	ан'ылг'игнун — к двум большим	сыг'лыг'ыгнун — к двум плохим
	Продольный	ан'ылг'игныкун — по двум большим	сыг'лыг'ыгныкун — по двум плохим
	Местный	ан'ылг игни — у двух больших	сыг'лыг'ыгни — у двух плохих
Мн. ч.	Абсолютный	ан'ылг'ит — большие	сыг'лыг'ыт — плохие
	Относительный	ан'ылг'ит — больших	сыг'лыт'ыт — плохих
	Отправительный	ан'ылг'иныи' — большими	сыг'лыг'нын' — плохими
	Направительный	ан'ылг'инун — большим	сыг'лыг'нун — плохим
	Продольный	ан'ылг'итхун — по большим	сыг'лых'тыхун — по плохим
	Местный	ан'ылг'ини — у больших	сыг'лыг'ни — у плохих

Примечание. Имена прилагательные склоняются только по беспритяжательной форме. Подобно именам существительным, они принимают предикативные формы путем приклеивания к своему окончанию лично-притяжательных частиц. Примеры:

ан'ылг'и — большой, ан'ылг'ин'а — большой я
сыг'лык' — плохой, сыглыг'утын — плохой ты

Имена прилагательные имеют также сравнительную и превосходную степени. Сравнительная и превосходная степени склоняются по тому же принципу, что и положительная, но имеют свои показатели сравнительности и превосходности:

ан'ылг'и — большой, ан'ынг'а —больше, ан'ылъыхпиг'ак'— самый большой.

Склонение личных местоимений

Число	Падежи	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Ед. ч.	Абсолютный	хуан'а — я	лъпык — ты	лън'а — он
	Относительный	хуан'а	лъпык	лън ан
	Отправительный	хуан а-м-ныи'	лъпынын'	лън'анын'
	Направительный	хуан'а-м-нун	лъпынун	лън'анун
	Продольный	хуан'а-м-кун	лъпыгун	лън'акун
	Местный	хуан'а-м-ни	лъпыни	лън'ани
Дв. ч.	Абсолютный	хуан'кутун' — мы двое	лъпытык — вы двое	лъкык — они двое
	Относительный	хуан'кутун'	лъпытык	лъкык
	Отправительный	хуан'кутыгныи'	лъпытыгныи'	лъкыгныи'
	Направительный	хуан'кутыгнун	лъпытыгнун	лъкыгнун
	Продольный	хуан'кутыгныкун	лъпытыгныкун	лъкыгныкун
	Местный	хуан'кутыгни	лъпытыгни	лъкыгни
Мн. ч.	Абсолютный	хуан'кута — мы	лъпыси — вы	лън'ит — они
	Относительный	хуан'кута	лъпыси	лън'ита
	Отправительный	хуан'кунын'	лъпысинын'	лън'итнын'
	Направительный	хуан'кунун	лъпысинун	лън'итнун
	Продольный	хуан'кутхун	лъпысигун	лън'итхун
	Местный	хуан'кутни	лъпысини	лън'итни

Примечание. Указательные местоимения склоняются по образцу личных и вопросительных местоимений. Все три группы местоимений не образуют притяжательных форм, но, как и от основных лексических групп эскимосского языка, от них могут образовываться глагольные формы на общих основаниях, как на это указывает в своем грамматическом очерке по эскимосскому языку В. Г. Богораз. В приведенных нами таблицах склонения личных местоимений, а также имен существительных и прилагательных, даются парадигмы склонения в двойственном числе. В. Г. Богораз отмечает наличие двойственного числа в системе склонения и спряжения в эскимосском языке, но он указывает на то, что в азиатско-эскимосском языке, как и в гренландском, двойственное число употребляется сравнительно редко и заменяется множественным.

Между тем, новые исследования по языку азиатских эскимосов показывают, что двойственное число употребляется в этом языке постоянно, наравне с единственным и множественным и имеет вполне обособленные формальные показатели, в то время, как совпадение падежных окончаний происходит в лично-притяжательных формах единственного и множественного числа.

Например:

Направительный падеж:

таг'нух'ах'пынун — к твоему ребенку
таг'нух'ахпыгнун — к твоим двоим ребятам
таг'нух'ах'пынун — к твоим ребятам

Как видно из приведенных примеров, совпадение идет не по линии двойственного и множественного числа, а единственного и множественного. Это явление особенно ярко прослеживается в лично-притяжательных формах склонения и в спряжении глаголов переходного типа, где также совпадает лицо субъекта в единственном и множественном числе:

агляхтитык — он вас двоих ведет
агляхтитык — они вас двоих ведут

Необходимо отметить, что в склонении лично-притяжательных форм субъект выражается только в форме единственного и множественного числа, которые совпадают, а объект — во всех трех числах; при этом двойственное число объекта оформляется всегда отлично от единственного и множественного (см. приложение таблиц склонения и спряжения).

В склонении же личных местоимений и имен существительных в непритяжательных формах все три числа имеют различные суффиксальные показатели, и в этих формах склонения совпадений в числе быть не может.

Склонение вопросительных местоимений *Кина*? — Кто? *Сян'уа*? — Что? в ед., дв. и мн. числе

Падежи	Ед. число	Дв. число	Мн. число
Абсолютн.	Кина? — Кто?	Кинкук? - Кто двое?	Кинкут? — Кто?
	Сян'уа? — Что?	Сян'уак? — Что два?	Сян'уат? — Что?
Относит.	Китум? — Кто?	Кинкук? — Кто двое?	Кинкут? — Кто?
	Сям? — Что?	Сян'уак? — Что двое?	Сян'уат? — Что?
Отправит.	Китумын'? — Кем?	Кинкугнын'? — Кем дв.?	Кинкунын'? — Кем?
	Сямын'? — Чем?	Сягнын'? — Чем дв.?	Сянын'? — Чем?
Направит.	Китумун? — К кому?	Кинкугнун'? — К кому дв.?	Кинкунун? — К кому?
	Сямун? — К чему?	Сягнун? — К чему дв.?	Сянун? — К чему?
Продольн.	Китукун? — По кому?	Кинкугныкун? — По кому дв.?	Кинкутхун? — По кому?
	Сякун? — По чему?	Сягныкун? — По чему дв.?	Сятхун? — По чему?
Местный	Китуми? — У кого?	Кинкугни? — У кого дв.?	Кинкуни? — У кого?
	Сями? — У чего?	Сягни? — У чего дв.?	Сяни? — У чего?

Примечание. Вопрос кто? — *кина*? ставится к существительным, обозначающим людей. Вопрос что? — *сян'уа*? ставится к существительным, обозначающим все остальные предметы. Для местного падежа, кроме указанных вопросов, употребляется часто вопрос *нани*? — где? относящийся к словам, обозначающим место действия, например: *гуйгуми* 'в доме', *ан'ьями* 'в лодке' и др.

Для обозначения слов, указывающих на время действия, употребляется вопрос *к'акун*? — когда? Слова, отвечающие на этот вопрос, оформляются местным падежом, обозначающим одновременно и время действия, например: *Унами хуан'а аг'улях'лъыкун'а нунивагмун.* 'Завтра я поеду в тундру', и т. д.

Склонение числительных в языке азиатских эскимосов

I. Количественные числительные

Падежи	Один	Два	Три
Абсолютный	атасик'	малг'ук	пин'ают [1]
	один	два	три
Относительный	атасим	малг'ук	пин'ают
	одного	двух	трех
Модальный	атасимын	малг'угыгнын'	пин'аюнын'
	одним	двумя	тремя
Дательный	атасимун	малг'угыгнун	пин'аюнун
	к одному	к двум	к трем
Продольный	атасикун	малг'угникун	пин'аютхун
	по одному	по двум	по трем
Местный	атасими	малг'угни	пин'аюни
	у одного	у двух	у трех

II. Порядковые числительные

Падежи	Первый	Второй	Третий
Абсолютный	сивулик'	алъх а	пин'ая
	первый	второй	третий
Относительный	сивулим	алъх'ан	пин'аян
	первого	второго	третьего
Модальный	сивулиг'мын'	алъх'анын'	пин'аянын'
	первым	вторым	третьим
Дательный	сивулиг'мун	алъх'анун	пин'аянун
	к первому	к второму	к третьему
Продольный	сивулих'к'ун	алъх'акун	пин'аякун
	по первому	по второму	по третьему
Местный	сивулиг'ми	алъх'ани	пин'аяни
	у первого	у второго	у третьего

[1] Числительное 'три' — *пин'ают* имеет окончание множественного числа и склоняется по образцу склонения множественного числа имен. По формам множественного числа склоняются все числительные, оканчивающиеся на формант множественного числа — *т*. Число 'два' склоняется по типу двойственного числа имен, а 'один' — по типу единственного числа с выпадением окончания *к'*.

Личио-притяжательная форма склонения существительного *таг'нух'ак'* '*ребенок*'

1-е лицо ед. числа (субъекта)

Падежи	Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
Абсолютный	таг'нух'ак'а — мой ребенок	таг'нух'ахка — мои двое детей	таг'нух'анка — мои ребята
Относительный	таг'нух'ама — моего ребенка	таг'нух'агма — моих двоих ребят	таг'нух'аг'ма — моих ребят
Отправительный	таг'нух'амныи' — от моего ребенка	таг'нух'агымныи' — от моих двоих ребят	таг'нух'амныи' — от моих ребят
Направительный	таг'нух'амнун — к моему ребенку	таг'нух'агымнун — к моим двоим ребятам	таг'нух'амнун — к моим ребятам
Продольный	таг'нух'амкун — по моему ребенку	таг'нух'агымкун — по моим двоим ребятам	таг'нух'амкун — по моим ребятам
Местный	таг'нух'амин — у моего ребенка	таг'нух'агымин — у моих двоих ребят	таг'нух'амин — у моих ребят

1-е лицо дв. и мн. числа (субъекта)

Падежи	Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
Абсолютный	таг'нух'ах'нут — наш ребенок	таг'нух'ахнут[1] — наши двое ребят[2]	таг'нух'апут — наши ребята
Относительный	таг'нух'амта — нашего ребенка	таг'нух'агымта — наших двоих ребят	таг'нух'амта — наших ребят
Отправительный	таг'нух'амнъын'[2] — от нашего ребенка [или -таг'нух'амтныи']	таг'нух'агымнъын' — от наших двоих ребят [-тныи']	таг'нух'амнъын' — нашими ребятами [-тныи']
Направительный	таг'нух'амнъун — к нашему ребенку [-тнун]	таг'нух'агымнъун' — к нашим двоим ребятам [-тнун]	таг'нух'амнъун — к нашим ребятам [-тнын]'
Продольный	таг'нух'амтыхун — по нашему ребенку	таг'нух'агымтыхун — по нашим двоим ребятам	таг'нух'амтыхун по нашим ребятам
Местный	таг'нух'амнъын — у нашего ребенка [-тни]	таг'нух'агымнъи — у наших двоих ребят [-тни]	таг'нух'амнъын — у наших ребят [-тни]

2-е лицо ед. числа (субъекта)

Падежи	Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
Абсолютный	таг'нух'ан — твой ребенок	тах'нух'ахкыи — твои двое ребят	таг'нух'ахтын — твои ребята
Относительный	таг'нух'ах'пык — твоего ребенка	таг'нух'ахпык — твоих двоих ребят	таг'нух'ах'пык — твоих ребят
Отправительный	таг'нух'ах'пыныи' — от твоего ребенка	таг'нух'ахпыгныи' — от твоих двоих ребят	таг'нух'ак'пыныи' — от твоих ребят

[1] Для 1-го лица дв. и мн. числа субъекта и дв. числа объекта может быть окончание *-хпун'* например: *таг'нух'ахпун'* 'наши двое ребят'.

[2] Глухой звук *нь* в притяжательных формах 1-го лица мн. числа является звуком, отличающим эту же форму склонения для 1-го лица ед. числа, например: *таг'нух'амнун* 'к моему ребенку', а *таг'нух'амнъун* 'к нашему ребенку'. Исторически здесь произошло оглушение и исчезновение суффикса мн. числа *-т*, который между двумя носовыми оглушился, а затем почти исчез, хотя в притяжательном и продольном падежах он (*-т*) сохранился и произносится весьма отчетливо. Как показывают собранные летом 1948 года материалы по науканскому диалекту эскимосского языка, звук *нъ* в этом диалекте отсутствует в лично-притяжательных суффиксах, а вместо него выступает звук *-т*, как показатель множественного числа (*мын'тыг'амнун — мын'тыг'амытнун* 'в мой дом — в наши дома')

Продолжение

Падежи	Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
Направительный	таг'нух'ах'пынун – к твоему ребенку	таг'нух'ахпыгнун — к твоим двоим ребятам	таг'нух'ах'пынун — к твоим ребятам
Продольный	таг'нух'ах'пыкун – по твоему ребенку	таг'нух'ахпыгнык̇ун - по твоим двоим ребятам	таг'нух'ах'пытхун — по твоим ребятам
Местный	таг'нух'ах'пыни — у твоего ребенка	таг'нух'ахпыгни — у твоих двоих ребят	таг'нух'ах'пыни – у твоих ребят

2-е лицо дв. и мн. числа (субъекта)

Падежи	Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
Абсолютный	таг'нух'ах'сн — ваш ребенок	таг'нух'ахси — ваши двое ребят	таг'нух'аси — ваших ребят
Относительный	таг'нух'ах'пыси — вашего ребенка	таг'нух'ахпыси — ваших двоих ребят	таг'нух'ах'пыси — ваших ребят
Отправительный	таг'нух'ах'пысиныӈ — от вашего ребенка	таг'нух'ахпысигныӈ — от ваших двоих ребят	таг'нух'ах'пысиныӈ — от ваших ребят
Направительный	таг'нух'ах'пысинун — к вашему ребенку	таг'нух'ахпысигун — к вашим двоим ребятам	таг'нух'ах'пысинун — к вашим ребятам
Продольный	таг'нух'ах'пысигун — по вашему ребенку	таг'нух'ахпысигныкун — по вашим двоим ребятам	таг'нух'ах'пысигун — по вашим ребятам
Местный	таг'нух'ах'пысини – у вашего ребенка	таг'нух'ахпысигни — у ваших двоих ребят	таг'нух'ах'пысини — у ваших ребят

3-е лицо ед. числа (субъекта)

Падежи	Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
Абсолютный	таг'нух'а [1] — его ребенок	таг'нух'акык — его двое ребят	таг'нухи — его ребята
Относительный	таг'нух'ан — его ребенка	таг'нух'ахкынка — его двоих ребят	таг'нух'ин — его ребят
Отправительный	таг'нух'анын' — от его ребенка	таг'нух'ахкынын' — от его двоих ребят	таг'нух'иныи' — от его ребят
Направительный	таг'нух'анун — к его ребенку	таг'нух'ахкынун — к его двоим ребятам	таг'нух'инун — к его ребятам
Продольный	таг'нух'акун — по его ребенку	таг'нух'ахкынкун — по его двоим ребятам	таг'нух'икун — по его ребятам
Местный	таг'нух'ани — у его ребенка	таг'нух'ахкыни — у его двоих ребят	таг'нух'ини — у его ребят

3-е лицо, дв. и мн. число (субъекта)

Падежи	Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
Абсолютный	таг'нух'ат — их ребенок	таг'нух'ахкыт — их двое ребят	таг'нух'ит — их ребята
Относительный	таг'нух'ита — их ребенка	таг'нух ахкыгынка — их двоих ребят	таг'нух'ита — их ребят
Отправительный	таг'нух'итнын' — от их ребенка	таг'нух'ахкыгнын' — от их двоих ребят	таг'нух'итнын' — от их ребят
Направительный	таг'нух'итнун — к их ребенку	таг'нух'ахкыгнун — к их двоим ребятам	таг'нух'итнун — к их ребятам
Продольный	таг'нух'итхун — по их ребенку	таг'нух'ахкыгныкун — по их двоим ребятам	таг'нух'итхун — по их ребятам
Местный	таг'нух'итни — у их ребенка	таг'кух'ахкыгни — у их двоих ребят	таг'нух'итни — у их ребят

[1] Здесь притяжательное окончание *-а* (он его) слилось с *-а* основы. Слова, оканчивающиеся в абсолютном падеже общей формы имен существительных на гласный, в абсолютном падеже лично-притяжательных форм для ед. числа имеют окончание *-н'а*, например: *панан'а* 'его копье', *хутан'а* 'его зуб' (вместо *таг'нух'а* 'его ребенок').

Возвратная форма склонения имен существительных в лично-притяжательной форме

Существительное *гуйгу* 'дом'

Единственное число лица (субъекта)

Падежи	Ед. число предмета (объекта)	Дв. число предмета (объекта)	Мн. число предмета (объекта)
Абсолютный	гуйгуни — свой дом	гуйгугни — свои (его) два дома	гуйгуни — свои (его) дома
Относительный	гуйгуми — своего дома	гуйгугми — своих двух домов	гуйгутын — своих домов
Отправительный	гуйгуминын' — от своего дома	гуйгугминын' — своими (его) двумя домами	гуйгуминын' — своими (его) домами
Направительный	гуйгуминун — к своему дому	гуйгугминун — к своим (его) двум домам	гуйгуминун — к своим (его) домам
Продольный	гуйгумикун — по своему дому	гуйгугмикун — по своим (его) двум домам	гуйгумикун — по своим (его) домам
Местный	гуйгумини — у своего дома	гуйгугмини — у своих (его) двух домов	гуйгумини — у своих (его) домов

Двойственное и множественное число лица (субъекта)

Падежи	Ед. число предмета (объекта)	Дв. число предмета (объекта)	Мн. число предмета (объекта)
Абсолютный	гуйгутын' — свой (их) дом	гуйгухтын' — свои (их) два дома	гуйгутын' — свои (их) дома
Относительный	гуйгумын' —своего (их) дома	гуйгугнын' — своих (их) двух домов	гуйгумын' своих (их) домов
Отправительный	гуйгумыхнын' — своим (их) домом	гуйгугминын' — своими (их) двумя домами	гуйгумыхнын' — своими (их) домами
Направительный	гуйгумыхнун — к своему (их) дому	гуйгугминун — к своим (их) двум домам	гуйгумыхнун — к своим (их) домам
Продольный	гуйгумыхтыхун — по своему (их) дому	гуйгугмигныкун— по своим (их) двум домам	гуйгумыхтыхун — по своим (их) домам
Местный	гуйгумыхни — у своего (их) дома	гуйгугмини — у своих (их) двух домов	гуйгумыхни — у своих (их) домов

Примечание. 1. Возвратная форма склонения имен существительных в лично-притяжательной форме употребляется только для 3-го лица субъекта и объекта.

2. Двойственное число субъекта совпадает со множественным числом субъекта, тогда как объект выступает во всех трех числах.

Спряжения непереходного глагола. Изъявительное наклонение

Основа *тагн* 'приходить'

Лицо	Ед. число	Дв. число	Мн. число
	Настоящее время		
1-е	тагик'ун'а — я прихожу	тагик'укун' — мы двое приходим	тагик'укут — мы приходим
2-е	тагик'утын — ты приходишь	тагик'утык — вы двое приходите	тагик'уси — вы приходите
3-е	тагик'ук' — он приходит	тагик'ук — они двое приходят	тагик'ут — они приходят
	Неопределенное (недавно-прошедшее) время		
1-е	тагих'тун'а — я заходил	тагих'тукун' — мы двое заходили	тагих'тукут — мы заходили
2-е	тагих'тутын — ты заходил	тагих'тутык — вы двое заходили	тагих'туси — вы заходили
3-е	тагих'тук' — он заходил	тагих'тук — они двое заходили	тагих'тут — они заходили
	Прошедшее совершенное время		
1-е	тагиман'а — я пришел	тагимакун' — мы двое пришли	тагимакут — мы пришли
2-е	тагиматын — ты пришел	тагиматык — вы двое пришли	тагимаси — вы пришли
3-е	тагимак' — он пришел	тагимак — они двое пришли	тагимат — они пришли
	Прошедшее близкое		
1-е	тагин'а — я пришел (сейчас)	тагикун' — мы двое пришли (сейчас)	тагикут — мы пришли (сейчас)
2-е	тагитын — ты пришел (сейчас)	тагитык — вы двое пришли (сейчас)	тагиси — вы пришли (сейчас)
3-е	тагик' — он пришел (сейчас)	тагик — они двое пришли (сейчас)	тагит — они пришли (сейчас)

Лицо	Ед. число	Дв. число	Мн. число
	Наступающее будущее время		
1-е	тагинак'ун'а — я сейчас приду	тагинак'укун' — мы двое сейчас придем	тагинак'укут — мы сейчас придем
2-е	тагинак'утын — ты сейчас придешь	тагинак'утык — вы двое сейчас придете	тагинак'уси — вы сейчас придете
3-е	тагинак'ук' — он сейчас придет	тагинак'ук — они двое сейчас придут	тагинак'ут — они сейчас придут
	Будущее время		
1-е	тагилъык'ун'а — я приду	тагилъык'укун' — мы двое придем	тагилъык'укут — мы придем
2-е	тагилъык'утын — ты придешь	тагилъык'утык — вы двое придете	тагилъык'уси — вы придете
3-е	тагилъык'ук — он придет	тагилъык'ук — они двое придут	тагилъык'ут — они придут

Примечание. В данную таблицу спряжения непереходных глаголов входит не вся группа глаголов, а только те, которые могут иметь все указанные здесь времена. При этом глаголы настоящего времени обычно имеют временной показатель *-а* (*-г'а*), но в некоторых глаголах он отсутствует, а на настоящее время в таких случаях указывает только суффикс *-к'у*[1], который редко употребляется в прошедших временах и, как это видно из таблицы, всегда наличествует в настоящем и будущих.

Так, например, в слове *к'аюг'ак'ун'а* 'я пью', показателем настоящего времени является суффикс *-а*, в то время, как в слове *тагик'ун'а* 'я прихожу'— суффикса настоящего времени нет, а имеется только суффикс непереходного действия *-к'у*, который в данном случае указывает на действие, совершающееся в настоящее время.

[1] Суффикс *-к'у* при непереходных глаголах всегда сопутствует настоящему и будущим временам. Этот же суффикс сохраняется в переходных глаголах прошедшего времени при единственном числе 3-го лица субъекта и объекта. Пример: *югым унак'ума ныхсяк* 'человек убил нерпу'.

Спряжения вопросительной формы непереходного глагола

	Настоящее время	Прошедшее время	Будущее время
	Спряжение глагола *иглых'тук'* 'ходит'		
1-е лицо	иглых'так'син'а? — хожу ли я? иглых'так'ыстун?' — ходим ли мы двое? иглых'так'ыста? — ходим ли мы?	иглых'симазин'а? — ходил ли я? иглых'симастун'? — ходили ли мы двое? иглых'симаста? — ходили ли мы?	иглых'лъык'син'а? — пойду ли я? иглых'лъык'ыстун'? — пойдем ли мы двое? иглых'лъык'ыста? — пойдем ли мы?
2-е лицо	иглых'так'син? — ходишь ли ты? иглых'так'ыстак? — ходите ли вы двое? иглых'так'ыстак? — ходите ли вы?	иглых'симазин? — ходил ли ты? иглых'симастак? — ходили ли вы двое? иглых'симастак? — ходили ли вы?	иглых'лъык'син? — пойдешь ли ты? иглых'лъык'ыстак? пойдете ли вы двое? иглых'лъык'ыстак? — пойдете ли вы?
3-е лицо	иглых'так'а? — ходит ли он? иглых'так'ак? — ходят ли они двое? иглых так'ат? — ходят ли они?	иглых'сима? — ходил ли он? иглых'симак? — ходили ли они двое? иглых'симат? — ходили ли они?	иглых'лъык'а? — пойдет ли он? иглых'лъык'ак? — пойдут ли они двое? иглыхлъык'ат? — пойдут ли они?

Примечание. В эскимосском языке отмечено шесть времен: настоящее, недавно-прошедшее, прошедшее, близко-прошедшее, наступающее будущее и будущее. Здесь мы даем только три времени, чтобы показать, что личные окончания вопросительной формы не меняются в зависимости от временных показателей, а сохраняют во всех временах, кроме двух прошедших, один и тот же показатель вопросительной формы *-с* (переходящий в *-з* в положении между двумя гласными во 2-м лице в глаголах прошедшего времени) для 1-го и 2-го лица. Показателем вопросительной формы непереходных глаголов для 3-го лица является формант *-к'а* (*-а*), *к'и* (*-и*).

Спряжение глагола *аглях'тук'* 'идет' в повелительном наклонении

Непереходная форма

	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е лицо	агляг'лян'а — пусть я пойду	аглятътун' — пусть мы двое пойдем	аглятъта — пусть мы пойдем
2-е лицо	агля — иди	аглях'тык — идите вы двое	аглях'тык — идите
3-е лицо	агляг'ли — пусть он пойдет	агляг'лик — пусть они двое пойдут	агляг'лит — пусть они пойдут

Переходный глагол. Изъявительное наклонение. Настоящее время

Спряжение глагола *аглятак'а* 'ведет'

Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
1-е лицо субъекта		
аглятак'амкын — я тебя веду (сейчас)	аглятак'амтык — я вас двоих веду	аглятак'амси — я вас веду
аглятак'амкын — мы тебя ведем	аглятак'амтык — мы вас двоих ведем	аглятак'амси — мы вас ведем
аглятак'ак'а — я его веду	аглятак'ахка — я их двоих веду	аглятак'анка — я их веду
аглятак'ах'пут — мы его ведем	аглятак'ахпут — мы их двоих ведем	аглятак'апут — мы их ведем
2-е лицо субъекта		
аглятак'ах'пын'а — ты меня ведешь	аглятак'ах'пыкун' — ты нас двоих ведешь	аглятак'ахпыкут — ты нас ведешь
аглятак'ах'пысин'а вы меня ведете	аглятак'ах'пысикун' — вы нас двоих ведете	аглятак'ах'пысикут — вы нас ведете
аглятак'ан — ты его ведешь	аглятак'ахкын — ты их двоих ведешь	аглятак'атын — ты их ведешь
аглятак'ах'сн — вы его ведете	аглятак'ахси — вы их двоих ведете	аглятак'аси — вы их ведете
3-е лицо субъекта		
аглятак'ан'а — он меня ведет	аглятак'инкун' — он нас двоих ведет	аглятак'инкут — он нас ведет
аглятак'атын — он тебя ведет	аглятак'итык — он вас двоих ведет	аглятак'иси — он вас ведет
аглятак'а — он его ведет	аглятак'ак — он их двоих ведет	аглятак'и — он их ведет
аглятак'атна — они меня ведут	аглятак'инкун' — они нас двоих ведут	аглятак'инкут — они нас ведут
аглятак'атын — они тебя ведут	аглятак'итык — они вас двоих ведут	аглятак'иси — они вас ведут
аглятак'ат — они его ведут	аглятак'ахкыт — они их двоих ведут	аглятак'ит — они их ведут

Переходный глагол. Изъявительное наклонение. Прошедшее близкое

Спряжение глагола *аглята* 'вел'

Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
1-е лицо субъекта		
аглятамкын — я тебя привел сейчас[1]	аглятамтык — я вас двоих привел сейчас	аглятамси — я вас привел сейчас
аглятамкын — мы тебя привели	аглятамтык — мы вас двоих привели	аглятамси — мы вас привели
аглятак'а — я его привел	аглятахка — я их двоих привел	аглятанка — я их привел
аглятах'пут — мы его привели	аглятахпут — мы их двоих привели	аглятапут — мы их привели
2-е лицо субъекта		
аглятах'пын'а — ты меня привел	аглятах'пыкун' — ты нас двоих привел	аглятах'пыкут — ты нас привел
аглятах'пысин'а — вы меня привели	аглятах'пысикун' — вы нас двоих привели	аглятах'пысикут — вы нас привели
аглятан — ты его привел	аглятахкын — ты их двоих привел	аглятатын — ты их привел
аглятах'си — вы его привели	аглятахси — вы их двоих привели	аглятаси — вы их привели
3-е лицо субъекта		
аглятан'а — он меня привел	аглятинкун — он нас двоих привел	аглятинкут — он нас привел
аглятатын — он тебя привел	аглятитык — он вас двоих привел	аглятиси — он вас привел
аглята — он его привел	аглятак — он их двоих привел	агляти — он их привел
аглятатн'а — они меня привели	аглятинкун' — они нас двоих привели	аглятинкут — они нас привели
аглятатын — они тебя привели	аглятитык — они вас двоих привели	аглятиси — они вас привели
аглятат — они его привели	аглятахкыт — они их двоих привели	аглятит — они их привели

[1] Во всех остальных случаях слово 'сейчас' опущено, но при чтении к русскому переводу это слово надо добавлять всюду.

Переходный глагол. Изъявительное наклонение. Прошедшее несовершенное[1]

Спряжение глагола ***аглясима*** 'вести'

Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
1-е лицо субъекта		
аглясимамкын — я тебя вел	аглясимамтык — я вас двоих вел	аглясимамси — я вас вел
аглясимамкын — мы тебя вели	аглясимамтык — мы вас двоих вели	аглясимамси — мы вас вели
аглясимак'а — я его вел	аглясимахка — я их двоих вел	аглясиманка — я их вел
аглясимах'пут — мы его вели	аглясимахпут — мы их двоих вели	аглясимапут — мы их вели
2-е лицо субъекта		
аглясимах'пын'а — ты меня вел	аглясимах'пыкун' — ты нас двоих вел	аглясимах'пыкут — ты нас вел
аглясимах'пысин'а — вы меня вели	аглясимах'пысикун' — вы нас двоих вели	аглясимах'пысикут — вы нас вели
аглясиман — ты его вел	аглясимахкын — ты их двоих вел	аглясиматын — ты их вел
аглясимах'си — вы его вели	аглясимахси — вы их двоих вели	аглясимаси — вы их вели
3-е лицо субъекта		
аглясиман'а — он меня вел	аглясиминкун' — он нас двоих вел	аглясиминкут — он нас вел
аглясиматын — он тебя вел	аглясимитык — он вас двоих вел	аглясимиси — он вас вел
аглясима — он его вел	аглясимак — он их двоих вел	аглясими — он их вел
аглясиматн'а — они меня вели	аглясиманкун' — они нас двоих вели	аглясиминкут — они нас вели
аглясиматын — они тебя вели	аглясимитык — они вас двоих вели	аглясимиси — они вас вели
аглясимат — они его вели	аглясимахкыт — они их двоих вели	аглясимит — они их вели

[1] Спряжение переходного глагола в наступающем будущем времени см. ниже в таблицах развернутого спряжения.

Переходный глагол. Изъявительное наклонение. Будущее время

Спряжение глагола *аглялъык'а* 'поведет'

Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
1-е лицо субъекта		
аглялъык'амкын —	аглялъык'амтык —	аглялъык'амси —
я тебя поведу	я вас двоих поведу	я вас поведу
аглялъык'амкын —	аглялъык'амтык —	аглялъык'амси —
мы тебя поведем	мы вас двоих поведем	мы вас поведем
аглялъык'ак'а —	аглялъык'ахка —	аглялъык'анка
я его поведу	я их двоих поведу	я их поведу
аглялъык'ах'пут —	аглялъык'ахпут —	аглялъык'апут —
мы его поведем	мы их двоих поведем	мы их поведем
2-е лицо субъекта		
аглялъык'ах'пын'а —	аглялъык'ах'пыкун' —	аглялъык'ах'пыкут —
ты меня поведешь	ты нас двоих поведешь	ты нас поведешь
аглялъык'ах'пысин'а	аглялъык'ах'пысикун' —	аглялъык'ах'пысикут
вы меня поведете	вы нас двоих поведете	вы нас поведете
аглялъык'ан	аглялъык'ахкын —	аглялъык'атын —
ты его поведешь	ты их двоих поведешь	ты их поведешь
аглялъык'ах'си —	аглялъык'ахси —	аглялъык'аси
вы его поведете	вы их двоих поведете	вы их поведете
3-е лицо субъекта		
аглялъык'ан'а —	аглялъык'инкун' —	аглялъык'инкут —
он меня поведет	он нас двоих поведет	он нас поведет
аглялъык'атын —	аглялъык'итык —	аглялъык'иси —
он тебя поведет	он вас двоих поведет	он вас поведет
аглялъык'а —	аглялъык'ак —	аглялъык'и —
он его поведет	он их двоих поведет	он их поведет
аглялъык'атн'а —	аглялъык'инкун' —	аглялъык'инкут —
они меня поведут	они нас двоих поведут	они нас поведут
аглялъык'атын —	аглялъык'итык —	аглялъык'иси —
они тебя поведут	они вас двоих поведут	они вас поведут
аглялъык'ат —	аглялъык'ахкыт —	аглялъык'ит —
они его поведут	они их двоих поведут	они их поведут

Спряжение переходного глагола в вопросительном наклонении. Настоящее время

Глагол *аглятак'агу* 'ведет ли он его'

Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
	1-е лицо субъекта	
аглятак'сикын — веду ли я тебя	аглятак'ыстымтык — веду ли я вас двоих	аглятак'ыстымси — веду ли я вас
аглятак'сикын — ведем ли мы тебя	аглятак'ыстымтык — ведем ли мы вас двоих	аглятак'ыстымси — ведем ли мы вас
аглятак'сикун веду ли я его	аглятак'сигн'а — веду ли я их двоих	аглятак'син'и — веду ли я их
аглятак'ыстыху — ведем ли мы его	аглятак'ыстыкак — ведем ли мы их двоих	аглятак'ыстыки — ведем ли мы их
	2-е лицо субъекта	
аглятак'син'а — ведешь ли ты меня	аглятак'сикун' — ведешь ли ты нас двоих	аглятак'сикут — ведешь ли ты нас
аглятак'сигу — ведешь ли ты его	аглятак'сикак — ведешь ли ты их двоих	аглятак'сики — ведешь ли ты их
аглятак'ыстын'а — ведете ли вы меня	аглятак'ыстыкун' — ведете ли вы нас двоих	аглятак'ыстыкут — ведете ли вы нас
аглятак'ыстыху — ведете ли вы его	аглятак'ыстыкык — ведете ли вы их двоих	аглятак'ыстыки — ведете ли вы их
	3-е лицо субъекта	
аглятак'ан'а — ведет ли он меня	аглятак'инкун' — ведет ли он нас двоих	аглятак'инкут — ведет ли он нас
аглятак'атан — ведет ли он тебя	аглятак'итак — ведет ли он вас двоих	аглятак'иси — ведет ли он вас
аглятак'агу — ведет ли он его	аглятак'акак — ведет ли он их двоих	аглятак'аки — ведет ли он их
аглятак'атн'а — ведут ли они меня	аглятак'инкун' — ведут ли они нас двоих	аглятак'инкут — ведут ли они нас
аглятак'атан — ведут ли они тебя	аглятак'итык — ведут ли они вас двоих	аглятак'иси — ведут ли они вас
аглятак'атху — ведут ли они его	аглятак'аткак — ведут ли они их двоих	аглятак'атки — ведут ли они их

Примечание. Личные окончания вопросительного наклонения переходных глаголов соответствуют личным окончаниям изъявительного наклонения. Показателем вопросительного наклонения переходных глаголов, как и для непереходных глаголов, является *-с*, а для 3-го лица *-к'а*, *-к'и*. Во всех остальных временах личные показатели и показатели вопросительного наклонения остаются неизменными, а показатели времени будут полностью соответствовать временам изъявительного наклонения. См. формы спряжения изъявительного наклонения.

Спряжение переходного глагола в повелительном наклонении

Глагол *агля* 'веди'

Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
	1-е лицо субъекта	
аглялъякын — пусть я тебя поведу аглялъякын — пусть мы тебя поведем аглялъякун — пусть я его поведу аглялъютху — пусть мы его поведем	аглялъямтык — пусть я вас двоих поведу аглялъямтык — пусть мы вас двоих поведем аглялъян'а — пусть я их двоих поведу аглялъюткык — пусть мы их двоих поведем	аглялъямси — пусть я вас поведу аглялъямси — пусть мы вас поведем аглялъян'и — пусть я их поведу аглялъютки — пусть мы их поведем
	2-е лицо субъекта	
аглятин'ъа — веди меня аглятын'ъа — ведите меня аглятиху — веди его аглятыху — ведите его	аглятикун' — веди нас двоих аглятыкун' — ведите нас двоих аглятикык — веди их двоих аглятыкык — ведите их двоих	аглятикут — веди нас аглятыкут — ведите нас аглятики — веди их аглятыки — ведите их
	3-е лицо субъекта	
аглялъин'а — пусть он ведет меня аглялъитн'а — пусть они ведут меня аглялъитын — пусть он ведет тебя аглялъитын — пусть они ведут тебя аглялъигу — пусть он ведет его аглялъитху — пусть они ведут его	аглялъинкун' — пусть он ведет нас двоих аглялъинкун' — пусть они ведут нас двоих аглялъитык — пусть он ведет вас двоих аглялъитък — пусть они ведут вас двоих аглялъикык — пусть он ведет их двоих аглялъиткык — пусть они ведут их двоих	аглялъинкут — пусть он ведет нас аглялъинъкут — пусть они ведут нас аглялъиси — пусть он ведет вас аглялъиси — пусть они ведут вас аглялъики — пусть он ведет их аглялъитки — пусть они ведут их

Примечание. Для 1-го лица субъекта показателем повелительного наклонения выступают суффиксы *-лъя* и *лъю* (последний для мн. числа 1-го лица субъекта и 3-го лица, ед., дв. и мн. числа объекта). Для 2-го лица субъекта показателем повелительного наклонения являются суффиксы *-ти*, *-ты*. Суффикс *-ти* — для ед. числа субъекта и *-ты* — для мн. числа субъекта.

Показателем повелительного наклонения для 3-го лица субъекта всюду выступает суффикс *-лъи*. Употребление суффиксов указано в приведенной таблице.

Спряжение глагола от основы *таслъюк* 'вести'.
Условное наклонение. Переходный глагол

Ед. число объекта	Дв. число объекта	Мн. число объекта
1-е лицо субъекта		
таслъюг'ьяк'умкын — если я тебя повел бы	таслъюг'ьяк'умтык — если я вас двоих повел бы	таслъюг'ьяк'умси — если я вас повел бы
таслъюг'ьяк'умкун — если я его повел бы	таслъюг'ьяк'умкык — если я их двоих повел бы	таслъюг'ьяк'умки — если я их повел бы
таслъюг'ьяк'умтыкын — если мы тебя повели бы	таслъюг'ьяк'умтык — если мы вас двоих повели бы	таслъюг'ьяк'умси — если мы вас повели бы
таслъюг'ьяк'умтыху — если мы его повели бы	таслъюг'ьяк'умтыкык — если мы их двоих повели бы	таслъюг'ьяк'умтыси — если мы вас повели бы
		таслъюг'ьяк'умтыки — если мы их повели бы
2-е лицо субъекта		
таслъюг'ьяк'увн'а — если ты меня повел бы	таслъюг'ьяк'уфкун' — если ты нас двоих повел бы	таслъюг'ьяк'уфкут — если ты нас повел бы
таслъюг'ьяк'увгу — если ты его повел бы	таслъюг'ьяк'уфкык — если ты их двоих повел бы	таслъюг'ьяк'уфки — если ты их повел бы
таслъюг'ьякуфсин'а — если вы меня повели бы	таслъюг'ьяк'уфкун' — если вы нас двоих повели бы	таслъюг'ьяк'уфкут — если вы нас повели бы
таслъюг'ьяк'уфсигу — если вы его повели бы	таслъюг'ьяк'уфсикык — если вы их двоих повели бы	таслъюг'ьяк'уфсики — если вы их повели бы
3-е лицо субъекта		
таслъюг'ьяк'унин'а — если он меня повел бы	таслъюг'ьяк'уникун' — если он нас двоих повел бы	таслъюг'ьяк'уникут — если он нас повел бы
таслъюг'ьяк'унитын — если он тебя повел бы	таслъюг'ьяк'унитык — если он вас двоих повел бы	таслъюг'ьяк'униси — если он вас повел бы
таслъюг'ьяк'унигу — если он его повел бы	таслъюг'ьяк'уникык — если он их двоих повел бы	таслъюг'ьяк'уники — если он их повел бы
таслъюг'ьяк'унихтын'а — если они меня повели бы	таслъюг'ьяк'унихтыкун'— если они нас двоих повели бы	таслъюг'ьяк'унихтыкут— если они нас повели бы
таслъюг'ьяк'унитын — если они тебя повели бы	таслъюг'ьяк'унитык — если они вас двоих повели бы	таслъюг'ьяк'униси — если они вас повели бы
таслъюг'ьях'унихтыху — если они его повели бы	таслъюг'ьяк'унихтыкык— если они их двоих повели бы	таслъюг'ьяк'унихтыки — если они их повели бы

Таблица сравнительного спряжения непереходных глаголов. Изъявительное наклонение

Лицо	Число	Глагол *к'авах'тук'* 'спит'	Глагол *илягах'тук'* 'пост'	Глагол *аглях'тук'* 'идет'
1	2	3	4	5
		Неопределенное (недавно-прошедшее) время		
1	Ед. ч.	к'авах'тун'а — я заснул сейчас	илягах'тун'а — я запел сейчас	аглях'тун'а — я пришел сейчас
2		к'авах'тутын — ты заснул сейчас	илягах'тутын — ты запел сейчас	аглях'тутын — ты пришел сейчас
3		к'авах'тук' — он заснул сейчас	илягах'тук' — он запел сейчас	аглях'тук' — он пришел сейчас
1	Дв. ч.	к'авах'тукун' — мы двое заснули сейчас	илягах'тукун' — мы двое запели сейчас	аглях'тукун' — мы двое пошли сейчас
2		к'авах'тутык — вы двое заснули сейчас	илягах'тутык — вы двое запели сейчас	аглях'тутык — вы двое пошли сейчас
3		к'авах'тук — они двое заснули сейчас	илягах'тук — они двое запели сейчас	аглях'тук — они двое пошли сейчас
1	Мн. ч.	к'авах'тукут — мы заснули сейчас	илягах'тукут — мы запели сейчас	аглях'тукут — мы пошли сейчас
2		к'авах'туси — вы заснули сейчас	илягах'туси — вы запели сейчас	аглях'туси — вы пошли сейчас
3		к'авах'тут — они заснули сейчас	илягах'тут — они запели сейчас	аглях'тут — они пошли сейчас
		Настоящее время		
1	Ед. ч.	к'аваг'акун'а — я сплю	илягаг'акун'а — я пою	агляг'акун'а — я иду
2		к'аваг'ак'утын — ты спишь	илягаг'ак'утын — ты поешь	агляг'ак'утын — ты идешь
3		к'аваг'ак'ук' — он спит	илягаг'ак'ук' — он поет	агляг'ак'ук' — он идет

Лицо	Число	Глагол *к'авахлъык'ук* 'будет спать'	Глагол *илягалъык'ук* 'будет петь'	Глагол *агляльык'ук* 'пойдет'
1	2	3	4	5
1 2 3	Дв. ч.	к'аваг'ак'укун' — мы двое спим к'аваг'ак'утык — вы двое спите к'аваг'ак'ук — они двое спят	илягаг'ак'укун' — мы двое поем илягаг'ак'утык — вы двое поете илягаг'ак'ук— они двое поют	агляг'ак'укун'— мы двое идем агляг'ак'утык — вы двое идете агляг'ак'ук — они двое идут
1 2 3	Мн. ч.	к'аваг'ак'укут — мы спим к'аваг'ак'уси — вы спите к'аваг'ак'ут — они спят	илягаг'ак'укут — мы поем илягаг'ак'уси — вы поете илягаг'ак'ут — они поют	агляг'ак'укут — мы идем агляг'ак'уси — вы идете агляг'ак'ут — они идут

Прошедшее совершенное время

1 2 3	Ед. ч.	к'аваман'а — я спал к'аваматын — ты спал к'авамак' — он спал	иглягаман'а — я пел илягаматын — ты пел илягамак' — он пел	агляман'а — я шел агляматын — ты шел аглямак' — он шел
1 2 3	Дв. ч.	к'авамакун' — мы двое спали к'аваматык — вы двое спали к'авамак — они двое спали	илягамакун' — мы двое пели илягаматык — вы двое пели илягамак — они двое пели	аглямакун' — мы двое шли агляматык — вы двое шли аглямак — они двое шли
1 2 3	Мн. ч.	к'авамакут — мы спали к'авамаси — вы спали к'авамат — они спали	илягамакут — мы пели илягамаси — вы пели илягамат — они пели	аглямакут — мы шли аглямаси — вы шли агляmат — они шли

Будущее время

1 2 3	Ед. ч.	к'авах'лъык'ун'а — я буду спать к'авах'лъык'утын — ты будешь спать к'авах'лъык'ук' — он будет спать	илягах'лъык'ун'а — я буду петь илягах'лъык'утын — ты будешь петь илягах'лъык'ук' — он будет петь	аглях'лъык'ун'а — я буду ходить аглях'лъык'утын — ты будешь ходить аглях'лъык'ук' — он будет ходить
1 2 3	Дв ч.	к'авах'лъык'укун' — мы двое будем спать к'авах'лъык'утык — вы двое будете спать к'авах'лъык'ук — они двое будут спать	илягах'лъык'укун' — мы двое будем петь илягах'лъык'утык — вы двое будете петь илягах'лъык'ук — они двое будут петь	аглях'лъык'укун' — мы двое будем ходить агляхлъык'утык — вы двое будете ходить аглях'лъык'ук — они двое будут ходить
1 2 3	Мн. ч.	к'авах'лъык'укут — мы будем спать к'авах'лъык'уси — вы будете спать к'авах'лъык'ут — они будут спать	иглягах'лъык'укут — мы будем петь илягах'лъык'уси — вы будете петь илягах'лъык'ут — они будут петь	агляx'лъык'укут — мы будем ходить аглях'лъык'уси вы будете ходить аглях'лъык'ут — они будут ходить

Примечание. Здесь мы ограничились спряжением трех глаголов в четырех временах. Времена близко-прошедшее и наступающее будущее смотрите в таблице спряжения непереходного глагола *таги* 'приходить'. Спрягаемые здесь глаголы принимают на себя те же форманты в пропущенных двух временах, как и глагол *таги* 'приходить'.

Таблица развернутого спряжения переходного глагола *аглята* 'вел'

Изъявительное наклонение. Прошедшее близкое

Лицо субъекта	Число субъекта	Лицо объекта: ед. число объекта	Лицо объекта: дв. число объекта	Лицо объекта: мн. число объекта
1-е лицо	Ед. ч.	аглятамкын — я тебя привел сейчас аглятак'а к'икмик' — я привел собаку	аглятамтык - я вас двоих привел аглятахка к'икмик — я привел двух собак	аглятамси — я вас привел аглятанка к'икмит — я привел собак
	Мн. ч.	аглятамкын — мы тебя привели аглятах'пут к'икмик' — мы собаку привели	аглятамтык — мы вас двоих привели аглятахпут к'икмик — мы привели двух собак	аглятамси — мы вас привели аглятапут к'икмит мы привели собак
лицо	Ед ч	аглятах'пын'а — ты меня привел аглятак к'икмик' — ты привел собаку	аглятах'пыкун' — ты нас двоих привел аглятахкын к'икмик — ты привел двух собак	аглятах'пыкут — ты нас привел аглятатын к'икмит — ты привел собак
2-е	Мн ч.	аглятах' пысин'а — вы меня привели аглятах'си к'икмик' — вы собаку привели	аглятак'пысикун' — вы нас двоих привели аглятахси к'икмик — вы двух собак привели	аглятах'пысикут — вы нас привели аглятаси к'икмит — вы собак привели
3-е лицо	Ед. ч.	югым аглятан'а — человек меня привел югым аглятатын — человек тебя привел югым к'икмик' аглята — человек собаку привел	югым аглятикун' — человек нас двоих привел югым аглятык — человек вас двоих привел югым к'икмик аглятак — человек двух собак привел	югым аглятикут — человек нас привел югым аглятиси — человек вас привел югым к'икмит аглятит — человек собак привел
	Мн. ч.	югыт аглятат'ьа — люди меня привели югыт аглятатын — люди тебя привели югыт к'икмик' аглятат — люди собаку привели	югыт аглятикун' — люди нас двоих привели югыт аглятитык — люди вас двоих привели югыт к'икмик аглятахкыт — люди двух собак привели	югыт аглятикут — люди нас привели югыт аглятиси — люди вас привели югыт к'икмит аглятит — люди собак привели

Таблица развернутого спряжения переходного глагола *аглянак'а* 'сейчас поведет его' (непереходный *агля* — 'идти')

Наступающее будущее время[1]

Лицо субъекта	Число субъекта	Лицо объекта: ед. число объекта	дв. число объекта	мн. число объекта
1-е лицо	Ед. ч.	хуан'а аглянак'амкын — я сейчас поведу тебя	хуан'а аглянак'амтык — я сейчас поведу вас двоих	хуан'а аглянак'амси — я сейчас поведу вас
		хуан'а аглянак'ак'а к'икмик' — я сейчас поведу собаку	хуан'а аглянак'ахка к'икмик — я сейчас поведу двух собак	хуан'а аглянак'анка к'икмит — я сейчас поведу собак
	Мн. ч.	хуан'кута аглянак'амкын мы сейчас поведем тебя	хуан'кута аглянак'амтык мы сейчас поведем вас двоих	хуан'кута аглянак'амси — мы сейчас поведем вас
		хуан'кута аглянак'ах'пут к'икмик' — мы сейчас поведем собаку	хуан'кута аглянак'ахпут к'икмик — мы сейчас поведем двух собак	хуан'кута аглянак'апут к'икмит — мы сейчас поведем собак
2-е лицо	Ед. ч.	лъпык аглянак'ах'пып'а хуан'а — ты сейчас поведешь меня	лъпык аглянак'ах'пыкун' — ты сейчас поведешь нас двоих	лъпык аглянак'ах'пыкут — ты сейчас поведешь нас
		лъпык аглянак'ак к'икмик' — ты сейчас поведешь собаку	лъпык аглянак'ахкын к'икмик — ты сейчас поведешь двух собак	лъпык аглянак'атын к'икмит — ты сейчас поведешь собак
	Мн. ч.	лъпыси аглянак'ах'пысин'а — вы сейчас поведете нас	лъпыси аглянак'ах'пысикун' — вы сейчас поведете нас двоих	лъпыси аглянак'ах'пысикут — вы сейчас поведете нас
		лъпыси аглян'ак'ах'сн к'икмик' — вы сейчас поведете собаку	лъпыси аглянак'ахси к'икмик' — вы сейчас поведете двух собак	лъпыси аглянак'аси к'икмит — вы сейчас поведете собак
3-е лицо	Ед. ч.	югым аглянак'ак'а хуан'а — человек сейчас поведет меня	югым аглянак'икун' — человек сейчас поведет нас двоих	югым аглянак'икут — человек сейчас поведет нас
		югым аглянак'атын лъпык — человек сейчас поведет тебя	югым аглянак'итык — человек сейчас поведет вас двоих	югым аглянак'иси — человек сейчас поведет вас
		югым аглянак'а к'икмик' — человек сейчас поведет собаку	югым аглянак'ак к'икмик — человек сейчас поведет двух собак	югым аглянак'и к'икмит — человек сейчас поведет собак
	Мн. ч.	югыт аглянак'атн'а хуан'а — люди сейчас поведут меня	югыт аглянак'икун' — люди сейчас поведут нас двоих	югыт аглянак'икут — люди сейчас поведут нас
		югыт аглянак'атын лъпык — люди сейчас поведут тебя	югыт аглянак'итык — люди сейчас поведут вас двоих	югыт аглянак'иси — люди сейчас поведут вас
		югыт аглянак'ат к'икмик' — люди сейчас поведут собаку	югыт аглянак'ахкыт к'икмик — люди сейчас поведут двоих собак	югыт аглянак'ит к'икмит — люди сейчас поведут собак

[1] Здесь мы опускаем спряжение в других временах. Цель развернутого спряжения — показать поведение подлежащего и прямого дополнения в предложениях с переходным глаголом во всех лицах и числах.

СПИСОК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАБОТ В. Г. БОГОРАЗА

1. В. Миллер. Новые записи былин в Якутской области. „Этнографическое обозрение", кн. XXIX—XXX, 1896, № 2—3; 1897, стр. 72—106. (Автор опубликовал три былины из присланного В. Г. Богоразом Этнографическому отделу сборника песен, записанных им в Средне-Колымске.)

2. Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранных в Колымском округе В. Г. Богоразом. Изв. Акад. Наук, т. X, № 3, 1899, стр. 269—318.

3. Сказка о Чесоточном шамане „Wapыskalaul ыmn'ыl". „Живая старина", год IX, 1899, вып. II, стр. 263—270.

4. Сказание об Эленди и его сыновьях (перевод с чукотского). „Живая старина", 1899, вып. III, стр. 350—370.

5. Три сказки, записанные в Колымском крае. „Живая старина", 1899, вып. III, стр. 371-380.

6. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом. Часть I. Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводами и пересказы). Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III, т. XI, ч. III, Акад. Наук, 1900 (XXXVI, 417 стр.). [Введение, стр. I—XXXVI. Отдел I. Чукотские тексты с переводом и примечаниями, стр. 1—155 (№№ 1—48). Отдел II. Пересказы без текстов с примечаниями, стр. 157—386 (№№ 49—144). Отдел III. Пересказы без текстов (записанные со слов переводчиков), стр. 387—417 (№№ 145—168)].

7. В. Миллер. Новые записи былин в Якутской области. Изв. отделения русского языка и словесности Акад. Наук, 1900, т. V, кн. I, стр. 36—78. (Автор опубликовал восемь былин, присланных В. Г. Богоразом из Колымского округа в этнографический отдел.)

8. Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. Сб. Отделения русского языка и словесности Акад. Наук, т. LXVIII, прил. № 4, 1901 (346 стр.).

9. The folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America. (Published under the auspices of the New-York Academy of Sciences) American Anthropologist, N. S., vol. 4, October—December, 1902, pp. 577—683.

10. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов. „Живая старина", 1909, вып. II—III (книжки 70—71), стр. 178—190.

11. Chukchee Mythology. Jesup N. Pac. Exp., Memoir Am. Mus. Nat. History, N. Y. Vol. VIII, Part I, 1910, pp. 197.

12. The Eskimo of Siberia. Jesup. N. Pac. Exp. Memoir. Am. Mus. Nat. History, N. Y. Vol. VIII. Part. III, 1913, pp. 417--456.

13. Koryak Texts. Publications of the American Ethnological Society. Edited by Franz Boas. Vol. V. Leyden, 1917. (VII 153 pp.) (Introduction, pp. 1—11. Texts, pp. 12—102. Appendix I. Songs, p. 103. Appendix II. Constellations, pp. 104—106. Vocabulary: Koryak-English (Suffixes, Stems, Prefixes), pp. 107—142; English-Koryak Stems, pp. 142—153.

14. Tales of Jukaghir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, Vol. XX, Part I, New York, 1918, pp. 136--148.

15. О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей

эскимосского племени. Изв. Акад. Наук, VI серия, т. XIII. № 8—11, 1919, стр. 489—495.
16. Народная литература палеоазиатов. Всемирная литература. Литература востока. Сб. статей, вып. I, П., 1919, стр. 50—68.
17. Chukchee. Handbook of American Indian Languages, by Franz Boas (Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology, Bulletin 40, Part 2), Washington, 1922, pp. 631—903.
18. Chukchee Tales. Journal of American Folklore, vol. 41, July — September, 1928, № 161, pp. 297—452. (Перевод фольклорных текстов из книги „Материалы по изучению чукотского языка и фольклора" №№ 49—77; 79—119.)
19. Материалы по ламутскому языку. Тунгусский сборник, I, Акад. Наук., 1931, стр. 1—106.
20. Čelgь-kalekal (Красная грамота). Букварь на чукотском языке, Учпедгиз, М., 1932, стр. 79.
21. Советы Севера. Перевел на чукотский (луораветланский) язык В. Г. Богораз, Ленпартиздат, Л., 1933.
22. Что дала Октябрьская революция народам Севера. Перевел на чукотский (луораветланский) язык В. Г. Богораз. Ленпартиздат, 1933.
23. Луораветланский (чукотский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов. (Труды по лингвистике, ч. III, Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР), 1934, стр. 5—46.
24. Юитский (азиатско-эскимосский) язык. Там же, стр. 105—128.
25. Н. Я. Марр о происхождении американского человека. „Советская этнография", 1935, № 1, стр. 43—56.
26. „Языки мира" — рецензия на книгу Ульянова и Веймарн. „Советская этнография". 1936. № 1, стр. 180—182.
27. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. Учпедгиз, Л., 1937, стр. 165, XLVI.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА ЯЗЫКЕ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

1. Е. П. Орлова, Бычков и Лейта. Xwaŋkuta Jhaput („Наша книга"), Учпедгиз, Л., 1932.
2. К. С. Сергеева. Jgaq atexturjaxqaq („Книга для чтения"), Л., Учпедгиз, Л., 1935.
3. А. Якобсон. Ajvan jugwi („Люди Севера"). Перевод К. С. Сергеевой. Детгиз, Л., 1935.
4. В. Тамби. Natьn juk paxqejma tьnaŋьgmьŋ („Как человек научился летать"). Перевел на эскимосский Амкаун Нынлювак. Детгиз, Л., 1936.
5. Е. Чарушин. Puqłaŋłagьm nunaŋan treikusi („Звери жарких стран"). Перевод К. С. Сергеевой и Амкауна. Л., Детгиз, 1935.
6. К. С. Сергеева. Букварь на юитском (эскимосском) языке. Учпедгиз, Л., 1937.
7. Н. С. Попова. Учебник арифметики для начальной школы. Перевод К. С. Сергеевой. Учпедгиз, 1937.
8. Г. А. Меновщиков и Касыга. Русско-юитский словарь. Приложение к учебнику русского языка для II класса юитской (эскимосской) начальной школы. Г. П. Васильева Учпедгиз, Л., 1938.
9. С. Маршак. Школым илякул'хит („Школьные товарищи". — С. Маршак для детей). Перевод К. С. Сергеевой. Детгиз, Л., 19[illegible].
10. Г. А. Меновщиков. Ун'ипаг'атыт („Эскимосские сказки"). Из Главсевморпути, Л., 1939.

11. К. С. Сергеева. „Не верю шаманам“ (Ухпык'игатанка алигналг'ит). Сборник антирелигиозных рассказов и сказок. Изд. Главсевморпути, Л., 1939.
12. Н. С. Попова. „К'ырн'ухл'ыг'а арифметикам задачан'ита ама упражнениен'ита“ („Сборник арифметических задач и упражнений, ч. I для I класса начальной школы). Перевел на эскимосский язык Г. А. Меновщиков. Учпедгиз, Л., 1939.
13. И. В. Сталин. Речын'а тутунак'ым сивун'ани, собраниен'итни тугутыстихк'ат Сталинмын' атик'ами тугутфигым округани городми Москвами. („Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы“ 11 декабря 1937 года в Большом театре). Перевел Ачиргин. Изд. Главсевморпути, Л., 1939.
14. Г. Байдуков. Схасюхвал'хыт илямнын' Сталинмын'. („Встречи с товарищем Сталиным“). Перевод Касыги и К. С. Сергеевой. Изд. Главсевморпути, Л., 1939.
15. Г. Байдуков. Полюскун Америкамун („Через полюс в Америку“). Перевод Ачиргина. Изд. Главсевморпути, Л., 1939.
16. А. Ляпидевский. Челюскинцат („Челюскинцы“). Перевод Ачиргина. Изд. Главсевморпути, Л., 1939.
17. В. С. Свердлов. Ак'ниг'нын'унани киях'тыл'ыхк'амун („За здоровую жизнь“). Перевод Ачиргина. Учпедгиз, Л., 1940.
18. Сборник. Ун'ипамсюгыт пограничнигнын' („Рассказы о пограничниках“). Перевод на эскимосский язык Каля. Изд. Главсевморпути, Л, 1939.
19. Е. С. Рубцова. Русско-эскимосский словарь для эскимосской начальной школы. Учпедгиз, Л., 1940.
20. Касыга, Татак. Атихтуг'ьяхк'ак' книга („Книга для чтения“, ч. I для I класса), Учпедгиз, Л., 1940.
21. Г. А. Меновщиков. Русско-эскимосский словарь. (Приложение к „Первой книге по русскому языку для школ народов Крайнего Севера“ Д. Б. Эльконина). Учпедгиз, Л., 1946.
22. Г. А. Меновщиков. „Ун'ипаг'атыпут“ („Наши сказки“ — сборник эскимосских сказок с русским литературным переводом). Учпедгиз, Л., 1947.
23. Г. А. Меновщиков. Учебник эскимосыстун улюн'истун (Учебник эскимосского языка, ч. I для I класса), Учпедгиз, Л., 1947.
24. Е. С. Рубцова, Аяхта, Гухуги. Букварь. Учпедгиз, Л., 1947.
25. Программа по эскимосскому языку для эскимосской начальной школы (с приложением грамматических таблиц). Составил Г. А. Меновщиков. Утверждена Министерством просвещения РСФСР. Учпедгиз, Л., 1948.
26. Е. С. Рубцова. Хуан'кута акузилъых'пут („Наша книга“). Книга для чтения для II класса. Учпедгиз, Л., 1948.
27. Т. Семушкин. „Талыко ынкам лън'ан якун'илн'ук' к'икмик' Лилит“. Перевод Г. А. Меновщикова и Г. И. Уйгахпак. Учпедгиз, Л., 1948.
28. Г. А. Меновщиков. Учебник эскимосыстун улюн'истун (Учебник эскимосского языка, ч. II для II класса). Учпедгиз, Л., 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора 3
В. Г. Богораз. Очерк грамматики языка азиатских эскимосов . . . 25
Введение 27
Система звуков 45
Части речи 47
Двойственное и множественное число 48
Имена существительные . . . . . —
Глагол 64
Причастие 75
Прилагательные 86
Наречия 88
Указательные местоимения 89
Указательные наречия 92
Указательные частицы 93
Общие местоимения . . . . . —
Числительные 94
Глагольные формы имен 97
Частицы и союзы 98
Междометия и восклицания 101
Список работ, использованных В. Г. Богоразом 105
В. Г. Богораз. Тексты. Подготовила к печати Е. С. Рубцова 107
№ 1 111
№ 2 130
№ 3 135
№ 4 138
№ 5 139
№ 6 145
№ 7 147
№ 8 150
№ 9 155
№ 10 159
№ 11 160
№ 12 161
№ 13 176
Эскимосско-русский словарь и список словообразовательных суффиксов. По материалам В. Г. Богораза составлены Г. А. Меновщиковым. 179
Предисловие 181
Эскимосско-русский словарь 185
Список словообразовательных суффиксов 212
Приложение:
Г. А. Меновщиков. Таблицы склонения имен и спряжения глаголов в современном языке азиатских эскимосов (чаплинский диалект) 221
Список лингвистических работ В. Г. Богораза. Составил И. С. Вдовин 252
Список литературы на языке азиатских эскимосов. Составил Г. А. Меновщиков 253

Редактор *П. Я. Скорик.* Техн. ред. *А. И. Тосс.* Корректор *Т. А. Хватова.*

М -17638. Подписано к печати 8/VI 1949 г.
Печ. л. 16+3 вклейки. Уч.-изд. л. 15,1.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1440.

Типография № 3 Управления издательств
и полиграфии Исполкома Ленгорсовета